

ИВ

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

Новая история стран Азии и Африки

XVI–XIX века

1

ВЛАДОС

УДК 94(5+6)“654”(075.8)

ББК 63.3(0)5(5+6)я73

H72

Авторский коллектив:

Мельянцева В.А., доктор исторических наук, профессор — гл. I, § 1,2;

Ланда Р.Г., доктор исторических наук, профессор — гл. I, § 3,4;

Родригес А.М., доктор исторических наук,

профессор — гл. I, § 5,6; гл. II, § 1,2;

Селиванов И.Н., доктор исторических наук,

профессор — гл. II, § 3,4,5,6,7; гл. III, § 1–9.

Новая история стран Азии и Африки: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. А.М. Родригеса: В 3 ч. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2010. — Ч. 1. — 400 с.

ISBN 978-5-691-01237-2.

ISBN 978-5-691-01238-9(I).

Авторы учебника в свете новейших достижений исторической науки рассматривают важнейшие события и проблемы истории стран Азии и Африки в Новое время, предлагают оригинальную хронологию Нового времени, анализируют основные тенденции общественного развития стран Азии и Африки в указанный период.

Настоящий учебник издается в трех частях. В первой части представлена история стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии в XVI–XIX вв.

УДК 94(5+6)“654”(075.8)

ББК 63.3(0)5(5+6)я73

- © Коллектив авторов, 2004
- © ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 2004
- © Серия «Учебник для вузов» и серийное оформление. ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 2004
- © Макет. ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 2004

ISBN 978-5-691-01237-2

ISBN 978-5-691-01238-9(I)

Учебное издание

НОВАЯ ИСТОРИЯ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

Учебник для студентов высших учебных заведений

В трех частях

Часть 1

Зав. редакцией *С.В. Перевезенцев*; редактор *М.В. Ганичева*; зав. художественной редакцией *И.А. Пшеничников*; художник обложки *В.Ю. Яковлев*; компьютерная верстка *А.И. Кудрявцев*; корректор *И.А. Сорокина*

Отпечатано с диапозитивов, изготовленных
ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС».

Лицензия ИД № 03185 от 10.11.2000. Санитарно-эпидемиологическое заключение

№ 77.99.02.953.Д.006153.08.03 от 18.08.2003. Сдано в набор 17.05.03.

Подписано в печать 21.11.03. Формат 60×90/16. Печать офсетная. Бумага газетная.

Усл. печ. л. 25,0. Тираж 15 000 экз. Заказ № 7887.

Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 119571, Москва, просп. Вернадского, 88,

Московский педагогический государственный университет.

Тел. 437-11-11, 437-25-52, 437-99-98; тел./факс 735-66-25.

E-mail: vladoc@dol.ru http://www.vladoc.ru

ОАО «Смоленский полиграфический комбинат»

214020, г. Смоленск, ул. Смольянинова, д. 1.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
Глава I. Основные тенденции общественного развития стран Азии и Африки в Новое время	7
§ 1. Экономическое развитие стран Востока в доколониальную эпоху	7
§ 2. Особенности экономической эволюции колониальной и полуколониальной периферии	26
§ 3. Социальная эволюция стран Востока	42
§ 4. Политическая эволюция стран Востока	83
§ 5. Роль религии в условиях колониальной зависимости восточных обществ	108
§ 6. Религиозная реформация в странах Востока	120
Глава II. Страны Дальнего Востока	138
§ 1. Япония	138
§ 2. Корея	182
§ 3. Китай	216
§ 4. Тайвань	271
§ 5. Монголия	275
§ 6. Тибет	295
§ 7. Восточный Туркестан	299
Глава III. Юго-Восточная Азия в XVI—XIX вв.	303
§ 1. Вьетнам	304
§ 2. Камбоджа	326
§ 3. Лаос	336
§ 4. Образование и первый период существования Индокитайского союза (1887—1899)	345
§ 5. Мьянма (Бирма)	353
§ 6. Индонезия	363
§ 7. Таиланд (Аютия, Сиам)	374
§ 8. Филиппины	383
§ 9. Малайзия, Сингапур, Бруней	390

ПРЕДИСЛОВИЕ

История стран Азии и Африки в Новое время традиционно охватывает период превращения этих стран в колонии. Новая история как определенный период всемирной истории является характеристикой, приемлемой как для стран Запада, так и для стран Азии и Африки. Однако содержание этого исторического периода для таких разных регионов земного шара представляется совершенно не однотипным: в передовых странах Запада происходило развитие, а затем и торжество капиталистических отношений; страны Азии и Африки, наоборот, вступали в длительную полосу кризиса своих феодальных структур, а затем стали легкими объектами для капиталистической экспансии со стороны капиталистических стран Запада. Но все же существует нечто определяющее для периода Новой истории как стран Запада, так и стран Востока. В целом, это формирование колониальной системы, в рамках которой горстка стран метрополий (Запад) и подавляющее количество зависимых стран (Восток) впервые в истории человечества вместе образуют единую систему мирового капиталистического хозяйства на базе сформировавшегося единого мирового экономического рынка. Еще одним составляющим исторического процесса в Новое время станет непрекращающаяся антиколониальная борьба народов Востока.

В принципе такое определение является достаточно распространенным и типичным для характеристики основного лейтмотива периода Нового времени. Однако многочисленные споры и дискуссии вызывало и продолжает вызывать определение конкретных хронологических рамок. Для зарубежной историографии под нижним хронологическим рубежом чаще всего подразумевается начало XVI в. При этом западные историки прежде всего исходят из концепции Средневековья, продолжавшегося от краха Западной Римской империи (конец V в.) до «эпохи Высокого Возрождения» (начало XVI в.). А вот верхняя рамка Новой истории находится как бы в поступательно-подвижном состоянии. По мнению большей части зарубежных историков, грань Нового и Новейшего периодов отстоит всего лишь на время жизни одного поколения (20–25 лет) от текущего календарного года. При этом период новейшей истории, когда события и процессы последних двадцати пяти лет

еще не могут получить должной оценки, относится скорее к политологии.

Историография стран Азии и Африки как правило имеет востокоцентрический подход и избегает давать общие межрегиональные хронологические рамки. Чаще всего она ориентируется на конкретные исторические процессы в своих собственных странах. Так, например, многие китайские исследователи начало Новой истории относят к первой «опиумной войне» (1840–1842 гг.), а ее окончание — к образованию КНР (1949 г.).

В отечественной историографии (в советский период) по вопросу рубежа между средневековьем и Новой историей проходили дискуссии между московской и ленинградской востоковедческими школами. Московские востоковеды отстаивали в качестве события, разделившего две эпохи, английскую буржуазную революцию (середина XVII в.), а ленинградские — французскую (конец XVIII в.). Это нашло отражение в изданных и переиздававшихся учебниках: Ф.М. Ацамбы «История стран Азии и Африки в Новое время» (МГУ) и Г.В. Ефимова «История стран зарубежной Азии в Средние века» (ЛГУ).

Зато конечная дата Новой истории не вызывала никаких сомнений: естественно, это была Великая Октябрьская социалистическая революция (1917 г.), означавшая «начало торжества коммунизма во всемирном масштабе».

Десяностые годы двадцатого столетия внесли некоторые коррективы: нижняя рамка Новой истории трактуется по-разному, а верхней считается теперь 1918 г. — год окончания Первой мировой войны, «частью которой является Октябрьская революция».

Авторам данного учебника представляется, что ни одно из предложенных решений (прежде всего в отношении «водораздела» между Средневековьем и Новым временем) не является адекватным, так как ни одно из рассматриваемых событий или процессов не оказало решающего влияния на весь мир: как на Запад, так и на Восток.

В предлагаемом учебнике авторы в качестве рубежа между Средними веками и Новым временем рассматривают эпоху Великих географических открытий, начало которой положили плаванья Христофора Колумба (1492 г.) и Васко да Гамы (1498 г.). Ведь именно эти открытия коренным образом реально изменили не только географическую, но и экономическую,

социальную, политическую картину всего мира. На Западе началась так называемая «революция цен», ставшая мощнейшим катализатором развития капиталистических отношений и, в конечном итоге, превращения большинства европейских держав и США в метрополии. На Востоке, в свою очередь, тот же процесс вызвал противоположные последствия. Там многократно усилился кризис феодальных структур, замедлились темпы развития, что в конечном итоге превратило когда-то высокоразвитые восточные страны в колонии и полукolonии. Таким образом, произошли процессы огромной важности, приведшие к возникновению колониальной системы, в рамках которой возник общемировой экономический рынок (где страны Востока играли подчиненную роль), и впервые в истории человечества история стала единой.

Рубежом Новой и Новейшей истории авторы обозначили грань XIX и XX веков. Это мотивировано тем, что меняющиеся реалии того времени также оказали огромное влияние на весь мир — как на Запад, так и на Восток. На Западе в конце XIX в. свободный капитал стал переоформляться в монополистический, что совершенно изменило ситуацию в развитых странах. А на Востоке именно в конце XIX в. начинается развитие собственных капиталистических отношений, что, в свою очередь, вызвало процесс появления новых классов и групп общества, возникновения буржуазного революционного движения и последующие буржуазные революции («пробуждение Азии»), ставшие прологом к развалу колониальной системы. Кроме того, именно на грани веков произошли первые межимпериалистические конфликты (испано-американская война 1898 г., англо-бурская война 1899–1902 гг. и русско-японская война 1904–1905 гг.), ставшие прообразом будущих мировых войн. Таким образом, хронология Нового времени предлагается в рамках начала XVI — конца XIX веков. Однако это не означает, что авторы отрицают право на другие точки зрения по данному вопросу.

Основные тенденции общественного развития стран Азии и Африки в Новое время

§1

Экономическое развитие стран Востока в доколониальную эпоху

В отечественных и зарубежных учебниках и научных публикациях встречаются неоднозначные, но преимущественно описательные характеристики уровней, тенденций и факторов долгосрочного экономического развития стран Востока и Запада. Это связано с рядом обстоятельств, в том числе с особенностями методологии различных исследователей, наличием или отсутствием в их распоряжении тех или иных материалов, источников, статистических показателей. Попытаемся уточнить некоторые контуры и детерминанты долгосрочной экономической динамики этих стран (речь пойдет главным образом о Китае, Индии и Египте, а также, для сравнительных характеристик, о ряде крупных западноевропейских государств).

Судя по описаниям, наблюдениям и оценкам, имеющимся в историко-экономической литературе, страны и народы Востока, реализовав в прошлом географическое и историческое преимущество, предоставленное относительно щедрой, хотя и весьма нестабильной и не во всем благодатной природой, сумели, адаптируясь к ней, освоить (но далеко не полностью подчинить себе) мощные естественные производительные силы, развив при этом немалые для своего времени материальные, социальные и духовные средства общественного производства (и общения).

Речь идет об ирригационных и иных инфраструктурных сооружениях, внедрении разнообразных технических и технологических инноваций (некоторые из них позднее стали достоянием западной части ойкумены), сравнительно высоком уровне общественного разделения и координации труда, относительно эффективных формах организации производства, впечатляющем уровне развития культуры, искусства, религиозных и этических систем, отражающих

заметный прогресс в эволюции духовных элементов производительных сил.

Ханьский Китай к началу нашей эры по уровню развития, возможно, не отставал, а даже несколько опережал Римскую империю эпохи раннего принципата, экономика которой базировалась на естественных и общественных производительных силах не только Южной и Западной Европы, но также Северной Африки и Передней Азии. Усредненные показатели подушевого национального продукта в ханьском Китае и Римской империи достигали, по нашим ориентировочным расчетам и оценкам, соответственно 340–440 и 300–400 дол. (в относительных ценах 1980 г.), урожайность зерновых — 8–10 и 6–8 центнеров с гектара, уровень урбанизации (города с населением более 5 тыс. человек) — 11–12 и 9–10%, продолжительность жизни — примерно 24–28 и 22–26 лет.

Первое тысячелетие нашей эры отмечено многими событиями, среди которых: гибель империй, переселения народов, массовые пандемии, вызвавшие в дальнейшем стагнацию (Китай, Индия, Западная Европа), а в некоторых регионах мира (Ближний Восток) снижение общей численности населения (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности населения в странах Востока и Запада (млн. человек)

Регион, страна	1-й г. н.э.	1000-й г.	1800-й г.
Китай	60–70	60–70	320–330
Индия ¹	45–75	55–75	180–200
Ближний Восток ²	38–42	28–32	28–34
Западная Европа ³	28–30	28–30	114–118 (125–130)

¹ Включая нынешние территории Пакистана и Бангладеш.

² Включая Северную Африку.

³ Данные в скобках — оценки, учитывающие также численность европейских эмигрантов и их потомков в переселенческих колониях и странах.

Вместе с тем за первое тысячелетие нашей эры, особенно за его последнюю треть, некоторые страны Востока, включая Китай, Индию и мусульманский мир, совершили немалый рывок в развитии производительных сил, о чем не следует забывать в контексте рассуждений об относительной застойности экономических систем «восточного» феодализма (деспотизма) или так называемого «азиатского способа производства». В этот период получили широкое распространение технические, технологические, организационные и культурные инновации, многие из которых появились в Европе (частично они были заимствованы с Востока) лишь спустя 300–500–1000 лет.

За десять веков, отделявших сунскую эпоху от ханьского Китая, производство зерновых в расчете на душу населения возросло по меньшей мере в 1,5 раза, что в немалой степени было связано с ростом их урожайности: средневзвешенный показатель, возможно, повысился с 8–10 до 14–16 центнеров с гектара. На рубеже первого и второго тысячелетий этот индикатор в среднем по Ближнему Востоку и Северной Африке, а также в центральных районах Индии составил примерно 10–13 центнеров с гектара, превышая, таким образом, соответствующий показатель по Западной Европе по меньшей мере в 4–5 раз.

По ориентировочным оценкам подушевое производство железа в Китае, увеличившись за три столетия в 5–6 раз (в 806 г. — 0,2–0,3 кг, в 998 г. — 0,5–0,6, в 1064 г. — 1,2–1,4 кг), достигло к концу XI в. (1078 г.) не менее 1,3–1,5 кг. Этот индикатор, вероятно, не уступал средневропейскому показателю (без России) XVI — первой половины XVII вв. (в 1500 г. — 1,2–1,3 кг, в 1530 г. — 1,3–1,5, в 1700 г. — 1,6–2,0, в 1750 г. — 2,1–2,4 кг).

Согласно нашим расчетам и оценкам (табл. 2), подушевой национальный продукт Китая в 750–800/1050–1100 гг. мог возрасти примерно в 1,6–2,0 раза, или в среднем ежегодно на 0,15–0,25% (этот показатель был выше, чем в целом по западноевропейскому региону в XI–XIII и XVI–XVIII вв., но, возможно, соответствовал темпу подушевого экономического роста наиболее динамичных стран Западной Европы — Голландии и Англии в XVI–XVIII вв.). В соответствии с построенной нами производственной функцией, за счет количественных затрат трудовых, капитальных и природных ресурсов было получено

65–75%, а в результате роста совокупной производительности — 25–35% прироста валового продукта страны.

Все это позволяет предположить, что некоторые важные признаки (предпосылки) перехода к интенсивному экономическому росту впервые обнаружили не в Европе, как это принято считать, а на Востоке, в Китае, возможно, за 500–700 лет до начала аналогичного (или по крайней мере близкого по ряду существенных характеристик) процесса на Западе.

Таблица 2

Темпы и факторы экономического роста Китая, %

Показатели	750–800 гг./	1050–1100 гг./
	1050–1100 гг.	1750–1800 гг.
Среднегодовой темп прироста: ВВП, y	0,35–0,45	0,10–0,15
массы применяемого труда, l	0,17–0,23	0,14–0,18
основного капитала, k	0,55–0,65	0,20–0,25
площади обрабатываемых земель, s	0,15–0,20	0,03–0,05
совокупной производительности, r	0,10–0,15	(–) 0,02–0,03
Доля в темпах прироста ВВП:		
экстенсивных факторов $\frac{\alpha \cdot l + \beta \cdot k + \gamma \cdot s}{y} \cdot 100$	65–75	115–125
интенсивных факторов $\frac{r}{y} \cdot 100$	25–35	(–) 15–25

Примечания. 1. Индекс ВВП рассчитан как средневзвешенный показатель, учитывающий динамику производства зерновых, железа, рост численности населения (последний индикатор неплохо обобщает изменение уровней выпуска «продукции» в услугах и строительстве). 2. В качестве индекса массы применяемого труда использован показатель численности населения (это вполне допустимо, если принять во внимание длительность периода и традиционный характер экономики). 3. Индекс основного капитала аппроксимирован средневзвешенным индикатором кумулированного числа крупных ирригационных объектов, а также динамики производства железа (соответствующие веса субиндексов взяты равными 2/3 и 1/3). 4. Коэффициенты эластичности прироста ВВП по живому труду (α), основному капиталу (β) и земельным ресурсам (γ) составили для средневекового Китая соответственно 0,6; 0,2; 0,2.

По нашим ретроспективным оценкам, учитывающим динамику производства зерновых, железа, индексы реальной заработной платы и ряд других индикаторов, в XI в. ВВП в расчете на душу населения мог достигать в Китае 600–700 дол., в Индии — 550–650, на Ближнем Востоке (Египет) — 470–530 дол. (в относительных ценах 1980 г.; см. табл. 3). Сравнивая эти данные с полученными нами показателями по некоторым европейским обществам той эпохи, можно сделать вывод о том, что в начале второго тысячелетия уровень развития в странах Востока был почти в 2 раза выше, чем в Западной Европе.

Следующие оценки также свидетельствуют о значительных различиях, существовавших в то время между Востоком и Западом в других компонентах социально-экономического и культурного развития. Если в Китае в начале второго тысячелетия в городах с числом жителей более 2 тыс. человек проживало около 20% населения (при критерии «не менее 5 тыс. человек» 10–14%), а в мусульманском мире — 15–20% (свыше 5 тыс. — 10–13%), то в Западной Европе (без Испании), этот показатель не превышал 11–13% (8–9% свыше 5 тыс.).

С учетом некоторой условности ретроспективных показателей грамотности населения их оценки были скорректированы здесь в сторону снижения. Но и в таком виде итоговые данные на начало текущего тысячелетия составили по Китаю 20–30%, по Индии — 10–15, по Египту и Сирии — 8–12, а по Западной Европе не более 1–2–3% (см. табл. 3). Следовательно, превосходство Востока над европейским миром было особенно заметным в интеллектуальных компонентах производительных сил, опирающихся на накопленный веками и тысячелетиями потенциал культуры, опыта и знаний.

Вместе с тем по такому емкому и значимому показателю, как средняя продолжительность жизни, страны Востока (23–27 лет) в целом несколько отставали от Западной Европы (26–30 лет), что, видимо, было связано с большей подверженностью первых стихийным бедствиям, в том числе наводнениям, засухам, землетрясениям, тайфунам, а также эндемическим и эпидемическим заболеваниям.

Обобщая приведенные данные, характеризующие уровень производительных сил с разных сторон, можно рассчитать своеобразный индекс развития, представляющий среднегеометрическое невзвешенное трех относительных показателей — подушевого ВВП, средней продолжительности жизни

и грамотности населения (см. табл. 3). Судя по этому индикатору, реальное отставание западной части мира от восточной было примерно двух-трехкратным (1 : 2,5). Прежняя оценка разрыва в уровнях развития двух макромиров, исходившая из критерия подушевого ВВП, возросла, таким образом, почти на треть.

Резюмируя, можно отметить, что к началу нынешнего тысячелетия некоторые страны Востока, и прежде всего Китай, пройдя длинный путь социоестественной адаптации, сумели в целом существенно продвинуться вперед на шкале экономического прогресса. Достаточно рационально используя «природную машину», широко применяя экстенсивные, а также (когда для этого складывались необходимые социально-экологические условия) интенсивные методы ведения хозяйства и организации производства, они достигли примерно двух-трехкратного превосходства в уровнях развития по сравнению с Западом. Экономический рост в тех странах Востока, где он действительно был более или менее заметным (например, в танско-сунском Китае), во многом происходил за счет наращивания материальных, социальных и духовных средств и условий производства, распространения технологических и иных инноваций. В значительной мере это явилось результатом прогресса в накоплении опыта, знаний, повышении грамотности, культуры, а также некоторого развития частного предпринимательства и инициативы людей (земледельцев и ремесленников, купцов, чиновников и ученых).

Достигнув в прошлом сравнительно высокого, по историческим меркам, «рейтинга», страны Востока не сумели его сохранить в последующие столетия. Возникает ряд вопросов. Когда, почему и как отстал Восток? Можно ли говорить об абсолютной деградации производительных сил? Или речь идет об относительном упадке в расчете на душу населения к уровню стран Запада?

Не ставя в данном разделе учебника непосильной задачи — досконально исследовать всю гамму вопросов, связанных с отставанием Востока (которые широко обсуждаются в научной литературе), сфокусируем основное внимание на проблематике эволюции производительных сил в доиндустриальную эпоху.

Начнем с демографической составляющей, которая в традиционных обществах с преимущественно экстенсивным способом производства определяла важнейшие контуры их экономической

динамики. При всех неточностях и условностях имеющихся оценок очевидно, что в рамках восьмисотлетнего периода (XI–XVIII вв.) в ряде крупных стран (регионов) Востока обнаружился в тенденции существенный рост населения. Особенно рельефно сопоставление с первым тысячелетием (см. табл. 1).

В 1000–1800 гг. численность населения Китая, несмотря на ее значительные флуктуации в этот период, возросла примерно в 5 раз; в Индии отмеченный показатель увеличился почти втрое, а по Ближнему Востоку он практически не изменился. Многократное увеличение демографического потенциала в двух крупнейших странах Востока означало также и существенное, хотя, возможно, и не вполне адекватное расширение потребительного и производительного потенциалов. Иными словами, тезис об абсолютной деградации производительных сил не корректен для крупнейших восточных сообществ.

Вместе с тем, судя по имеющимся расчетам и оценкам (см. табл. 3), подушевой национальный продукт в ряде крупных стран и регионов Востока в XI–XVIII вв. не имел тенденции к росту и, по-видимому, несколько сократился. Важно подчеркнуть, что, во-первых, величина учтенного здесь снижения — за 7–8 веков примерно на $1/5$ — весьма небольшая, позволяющая говорить скорее о стагнации (падение в среднем ежегодно на 0,02–0,04%), чем о сколько-нибудь глубоком кризисе. Во-вторых, в рамках изучаемого длительного периода во всех трех странах удалось диагностировать, правда пока еще в самом общем виде, по 2–3 колебательных контура (волны), каждый из которых включает фазы подъема, стагнации и спада и по своей протяженности примерно в 5–6 раз превышает длину обычного кондратьевского цикла (40–60 лет)¹.

Хотя идентификация длинноволновых процессов — тема специального исследования, предполагающего в качестве предварительного условия создание весьма солидного и специфического банка данных, тем не менее, можно констатировать, что первая серия расчетов (подушевой динамики производства зерновых), выполненных по ряду «опорных» точек, в целом подтверждает высказанную учеными-китаистами гипотезу о существовании длительных «династических» циклов экономической конъюнктуры. Нечто подобное «просматривается» на

¹ Полетаев А. В., Савельева И. М. Циклы Кондратьева и развитие капитализма. М.: Наука, 1993. С. 12.

Динамика индекса развития¹ в странах Востока и Запада в XI–XVIII вв.

Страны	Середина XI в.				Конец XVIII в.			
	A	B	C	D	A	B	C	D
Китай	600–700	27–30	20–30	58–64	470–530	27–29	15–25	50–53
Индия	550–650	20–25	10–15	42–46	410–470	20–25	4–6	28–32
Египет	470–530	20–25	(8–12) ²	36–40	300–350	22–25	1–5	20–24
Средняя взвешенная ³ , E ₁	580–620	23–27	15–20	48–52	450–500	24–28	10–18	40–44
Великобритания	...	...	...	...	1000–1060	35–37	53–57	100
Франция	...	...	...	...	730–770	32–34	36–40	75–79
Германия	...	...	...	...	770–810	31–33	63–67	91–95
Италия	...	...	...	...	650–690	29–31	25–30	63–67
США	—	—	—	—	670–710	35–37	56–60	88–90
Средняя взвешенная, E ₂	290–340	26–30	1–3	18–22	760–800	32–34	44–48	80–85
Соотношение уровней развития, H=E ₁ :E ₂	1,8–2,0	0,8–1,0	7–10	2,4–2,6	0,5–0,7	0,75–0,85	0,25–0,35	0,4–0,6

¹ Индекс развития (D) рассчитан по формуле

$$D_{ij} = \left(\frac{A_{ij} \cdot B_{ij} \cdot C_{ij}}{A_x \cdot B_x \cdot C_x} \right)^{1/3} \cdot 100\%$$

где A_{ij} , B_{ij} , C_{ij} — для каждой (i) страны и для каждого (j) года означают соответственно подушевой ВВП в паритетах покупательной способности валют (международные доллары 1980 г.), среднюю продолжительность жизни, процент грамотных среди взрослого населения; A_x , B_x , C_x — аналогичные показатели по Великобритании за 1800 г.

² В скобках даны оценки.

³ Средние по группам стран показатели взвешены по численности населения.

материалах фатимидско-айюбидского (969–1250), мамлюкского (1250–1517) и османского Египта (1517–1918), а также Индии эпохи Делийского султаната (1206–1526) и Великих Моголов (1526–1857).

Итак, три крупные страны Востока имели во многом несхожие траектории, разные ритмы и неодинаковые темпы развития в Средние века и Новое время. Если перемножить индексы изменения численности населения и подушевого продукта, то окажется, что в 1000–1800 гг. национальный продукт в Китае возрос в 3,5–4 раза, в Индии — более чем вдвое (на 100–130%), а в Египте (а возможно и в целом на Ближнем Востоке) он сократился примерно на 1/3. Вместе с тем у этих государств (субрегионов) есть и немало общего: несмотря на отдельные попытки, предпринятые в рамках длительных циклов хозяйственной конъюнктуры, странам Востока в силу ряда обстоятельств (которые будут рассмотрены ниже) не удалось создать долговременно действующий механизм расширенного воспроизводства, выходящего за пределы экстенсивного роста.

Анализируя причины возникновения и развития феномена отставания (отсталости) стран Востока, заметим, что в XII–XIX вв. для них была характерна сравнительно высокая степень нестабильности воспроизводственного процесса (резкие перепады в численности населения, уровнях производства, объемах используемых ресурсов). В отличие от Западной Европы, расположенной в умеренных широтах на периферии Евразии, страны и народы Востока взаимодействуя с могучей и не всегда благодатной природой, нередко испытывали жестокие экологические и социальные потрясения. Засухи, наводнения, землетрясения, тайфуны, цунами, а также опустошительные набеги кочевников и иные проявления крайней нестабильности обусловили значительные, периодически повторявшиеся разрушения производительных сил стран Востока.

Серьезные последствия имели различные эпидемии и пандемии, масштабы которых, по мнению специалистов, в отдельные периоды Средневековья и Нового времени превосходили размах аналогичных процессов в Западной Европе. Население стран, расположенных в тропиках и субтропиках, было в сильной степени подвержено инвазионным и эндемическим заболеваниям (малярия, шистосоматоз и т.п.). Вслед

ствие ослабленного здоровья, жаркого, изнурительного климата и недоедания индивидуальная производительность в странах Южной, Юго-Восточной Азии и Северной Африки в среднем снижалась в 1,5–2 раза.

В отличие от Западной Европы, сумевшей к началу второго тысячелетия укрепить свои основные рубежи и приступить к интенсивному освоению окраин, ведущие страны Востока испытывали периодически возраставший натиск со стороны обширной периферии (степи, полупустыни, пустыни), которую при тогдашнем уровне военной технологии было практически невозможно эффективно контролировать.

Последствия опустошительных набегов и завоеваний кочевников трудно даже представить себе сегодня. К примеру, монголы в XIII в. и маньчжуры в XVII в. уничтожили в ходе установления своего господства соответственно 1/3 и 1/6 часть китайского населения. Разрушение эффективных, но весьма хрупких производительных сил стран Востока, например, ирригационных сооружений, без их своевременного восстановления превращало цветущие края либо в пустыни, либо в ядовитые болота. Голод и эпидемии, вызванные и усиленные войнами, увеличивали размеры гекатомб. Угон в плен квалифицированной части населения, значительное сокращение общей его численности, а также поголовья скота крайне затрудняли восстановление разрушенного хозяйства.

Отмеченные выше природные и военно-политические факторы наложили немалый отпечаток на особенности эволюции общественных структур и производительных сил стран Востока. Возникшее в целях мобилизации подданных для коллективной эксплуатации могучей природы, а также для ожесточенной борьбы с внешними и внутренними врагами за право распоряжаться значительным прибавочным продуктом, государство в азиатских и североафриканских обществах сложилось, вероятно, раньше, чем возникли относительно развитые, в том числе рыночные, формы горизонтальной интеграции социума. Оно приобрело при всех немаловажных различиях, существовавших между странами и регионами Востока, основные черты того, что обычно называют **восточным деспотизмом**.

Общество подобного типа с преобладанием вертикальных (командных) импульсов и связей над обратными, а также горизонтальными связями, самодовлеющее, в известном смысле

тотальное (т.е. без четкого разделения властей, скажем, на светскую и духовную) и дистрибутивное по своему характеру, было при всех его изъянах вовсе не ошибкой истории, а достаточно жизнеспособной системой, просуществовавшей не одно тысячелетие.

Поддержание и восстановление определенного уровня стабильности после необычайно жестких экологических и военно-политических шоков нередко достигалось ценой существенного ослабления горизонтальных связей, подавления индивида, консервации традиционных институтов, ограничивавших импульсы к развитию.

В результате завоеваний кочевники к началу (или в начале) второго тысячелетия установили, а потом неоднократно «возобновляли» свое господство во всех трех крупнейших субрегионах Востока, при этом они воспроизводили, где это им удавалось, периферийные, архаичные формы хозяйствования. Господство кочевников в странах Востока по своему характеру и последствиям, как правило, отличалось далеко не в лучшую сторону от более поздней европейской колонизации. Важной чертой восточных деспотий, сложившихся в результате завоеваний номадов или испытывавших воздействие (военное давление) кочевников извне, была тенденция к превалированию непроизводительных, в том числе разрушительных и паразитических, функций государства над созидательными.

Говоря о хищничестве и паразитизме восточных правителей, приведем следующие факты. Рента и налоговые изъятия, отчуждаемые у крестьян в юаньском, минском и цинском Китае, в делийском султанате, могольской Индии, сефевидском Иране, а также в ближневосточных государствах эпохи Средневековья и Нового времени, порой достигали 40–50% собранного урожая (конечно, крестьяне, бывало, утаивали часть продукции, но и чиновники и откупщики нередко выколачивали больше, чем это было «положено»). По данным отечественных и зарубежных востоковедов, в XI–XIII вв. на Ближнем Востоке (Египет, Сирия) отчуждалось у крестьян-землевладельцев 25%, у арендаторов — 62, у издольщиков — 75 и у батраков 82% произведенного ими сельскохозяйственного продукта. На Ближнем Востоке в конце XVIII — начале XIX вв. феллахи, случалось, отдавали в виде налогов (и ренты) до 2/3 урожая; элита (0,1–0,3% населения) в могольской Индии, Османской империи, сефевидском Иране

присваивала 15–20% национального продукта. В цинском Китае этот показатель в среднем был, возможно, вдвое меньше (8–10%), однако и он превышал европейские «стандарты»: в ранней Римской империи и в Англии эпохи королевы Елизаветы I этот индикатор достигал 5–7%.

Стремясь сохранить и увеличить свои богатства, восточные правители, во-первых, как правило, ограничивали развитие частной инициативы, справедливо усматривая в ней серьезную опасность своему существованию, угрозу стабильности; во-вторых, всемерно наращивали средства военно-политического и идеологического давления на своих подданных и ближайших соседей. В Китае в последней четверти XI в. военные расходы (по минимальным оценкам) могли составлять 3–6% ВВП.

В аббасидском халифате во времена правления аль-Мансура, Харун ар-Рашида и аль-Мамуна (754–833) этот показатель, возможно, равнялся 6–7% национального продукта стран Ближнего Востока. В государстве Салах-ад-Дина во времена третьего крестового похода (1189–1192) военные расходы достигали не менее 8–10% национального продукта. Примерно в такую же величину можно оценить военные затраты Османской империи к концу правления турецкого султана Сулеймана I Кануни (1520–1566). В могольской Индии военные расходы возросли с 12–15% ее национального продукта в 1595–1605 гг. до 18–23% в 1680–1688 гг., при этом около четверти населения империи непосредственно обслуживало ее вооруженные силы.

В то же время, по имеющимся оценкам, в средневековых государствах Западной Европы затраты на содержание армий в среднем не превышали 5–10% их национального продукта. Например, в Англии в 1688 г. этот показатель составлял 5–6%. Вместе с тем в периоды особенно ожесточенных конфликтов, к которым следует отнести тридцатилетнюю и ряд других войн, отмеченный показатель возрастал до 6–12%. Обобщая приведенные данные, следует отметить, что в восточных деспотиях относительная доля военных, по сути дела непроизводительных, расходов была в целом несколько выше, чем в досовременных обществах Запада.

Подданные в странах Востока часто страдали не только от произвола, хищничества и паразитизма власть имущих, но также от их инертности и бездеятельности, отражавших

глубокую асимметричность взаимных «обязательств» верхов и низов. Низы были, как правило, весьма слабо защищены от всевозможных бедствий (налеты кочевников, грабителей, чума или голод).

После Акбара моголы не имели постоянно действовавшей системы помощи голодающим. Сефевидский режим кое-как поддерживал бедствовавших во время засух. По мнению исследователей, помощь голодающим в странах Востока была меньше, чем в странах Западной Европы в XVII-XVIII вв. Однако в цинском Китае XVIII в. была, по-видимому, создана относительно развитая для того времени система зернохранилищ для экстренного снабжения населения. Но в Китае и других азиатских обществах не было эффективно действовавших карантинных и санитарных кордонов, подобных тем, что существовали в Европе для борьбы с распространением эпидемий.

История стран Востока насчитывает немало мудрых правителей. Вместе с тем система, в которой ничем не ограниченный деспотизм был доминантой общественного устройства, порождала обстановку, в которой порой царило некомпетентное всевластие. Так, в Османской империи после смерти Сулеймана Великолепного и вплоть до начала XVIII в. сменилось 13 весьма слабых и ограниченных султанов.

В отличие от западноевропейских стран, где уже в XIII-XVI вв. государство способствовало формированию разнообразных компонентов инфраструктуры (на основе которой выросла система меркантилизма), страны Востока оказались в целом не способны реализовать подобную политику. Начиная с XVI-XVII вв. стало заметно отставание восточных от европейских стран по темпам наращивания транспортных средств (строительство кораблей, портов, дорог, каналов) и систем коммуникаций (книгопечатание, развитие грамотности).

Если западноевропейские государства, проводившие экспансионистскую политику при этом, как правило, поощряли внутри- и межцивилизационные контакты, стимулировали экспорт готовых изделий, то страны Востока в позднее средневековье стали в большей или меньшей мере придерживать-ся изоляционистской или недостаточно активной внешнеэкономической политики. Правители династии Мин в Китае наложили запрет на морскую торговлю с 1436 г. (и это после колоссальных достижений китайских флотоводцев; а север-

ная граница была блокирована кочевниками). Немалые препятствия на пути расширения внешнеэкономических связей существовали и при Цинах, опасавшихся утечки технологий производства различных китайских изделий, в том числе оружия, в другие страны и едва ли в полной мере отдававших себе отчет, что империя, несмотря на все ее экономические успехи, начиная с XVIII в. все больше и больше технически отставала от ведущих европейских держав.

Кастовые ограничения, а также грабительская политика могольских властей сдерживали, хотя и не блокировали развитие внешней торговли, отдавая ее в распоряжение инациональных меньшинств. Если в Цинской и Османской империях внешнеторговая квота (доля в ВВП) не превышала 1–2%, то в могольской Индии этот показатель был в несколько раз выше. В торговле с Индией, вывозившей высококачественные текстильные и иные товары, европейцы вплоть до последней трети XVIII в. имели пассивное сальдо, компенсируя его экспортом драгоценных металлов.

Ближневосточные государства в конце первого — начале второго тысячелетия активно участвовали в межцивилизационных контактах, обогащая свою и мировую культуру, имели интенсивные внешнеэкономические связи, экспортируя в страны христианского мира преимущественно готовые товары (ткани, металлоизделия, бумагу, стекло и т.п.). Однако в последующие столетия ситуация изменилась. Это было связано не только с технологическим прогрессом в Западной Европе, в том числе с «малой» промышленной революцией XI–XIII вв., но и с существенным ослаблением экономических позиций арабо-мусульманского мира, ставшего зоной интенсивных войн, вторжений, разрушений и пандемий, которые повлекли за собой упадок различных производств и ремесел, деградацию техники и снижение качества продукции.

Ближний Восток, начиная с XV–XVI вв., стал постепенно превращаться в полупериферию, а впоследствии — в сырьевую периферию Европы, чему в немалой мере способствовала торгово-экономическая политика Блистательной Порты, стимулировавшая импорт (османы, как известно, боялись голода и товарного дефицита) и ограничивавшая экспорт введением на него чрезмерных налогов.

Потенциальные возможности накопления капитала на традиционном Востоке были намного большими, чем в средневе-

ковой Европе (в которой норма сбережения в нормальные годы могла достигать 2–15% национального дохода). В цинском Китае потенциальные сбережения были эквивалентны по меньшей мере 1/3 национального дохода страны. Вместе с тем природные катаклизмы, а также военные разрушения (требовавшие больших восстановительных работ и значительно фонда возмещения), равно как и грабежи, экспроприации, произвол и паразитизм деспотов, их наместников и чиновников, крайне дестимулировали производственные капиталовложения и технические инновации. В результате разрушений и пандемий XII–XV вв., а также утвердившихся впоследствии изоляционизма, консерватизма и обскурантизма многие полезные технологии и традиции были забыты и утрачены.

Начиная с XIV в. в Китае резко сократилось количество изобретений, а технологический упадок на Ближнем Востоке и в Индии обозначился в течение XII–XV вв. Производство железа в расчете на душу населения, достигавшее в Китае в конце XI в. 1,3–1,5 кг в год, в середине XVIII в. уже не превышало 0,8–1,2 кг (как и в Индии). Социально-институциональные (например, кастовые), а также экологические и ресурсные дефициты (непостоянство водного стока рек, вырубка лесов, нехватка тяглового скота и т.п.) привели к существенному отставанию стран Востока по уровню энергообеспеченности. Средняя энерговооруженность китайца уступала соответствующему показателю по Западной Европе в XIII в. в 2,5–3 раза, а в XVI в. — уже в 4–5 раз. В XVI в. в Передней Азии совокупный энергетический потенциал мельниц в расчете на душу населения был примерно в 1,5–3 раза меньше, чем в норманнской Англии конца XI в.

В силу изложенных выше обстоятельств размеры чистого производительного накопления были в целом весьма ограничены. В могольской Индии даже в благоприятные времена доля чистого накопления в национальном доходе не превышала 0,8%. (Это, пожалуй, даже меньше, чем в ранней Римской империи или в средневековой Западной Европе XI–XIII вв.) И хотя в отдельные периоды минского и цинского Китая указанный показатель, возможно, был больше, чем в Индии, он вряд ли достигал размеров чистого накопления в ведущих странах Западной Европы XVI–XVIII вв. (3–5% их национального продукта).

Вероятно, что в таких условиях основная часть жителей азиатских стран, ограниченная, как правило, в других формах экономической адаптации, приспособлялась к нестабильной и в целом неблагоприятной социально-экологической обстановке путем своеобразных демографических «инвестиций», осознанно или неосознанно стремясь к увеличению численности детей. Этот механизм социодемографической «компенсации», действовавший более или менее эффективно на протяжении многих столетий, при ослаблении мальтузианских факторов, сдерживавших рост населения, давал значительные сбои, что вызывало серьезные экономические, экологические и социально-политические последствия.

Демографические «вспышки», или «взрывы», подобные тем, что произошли в Китае в XVIII — первой половине XIX в., приводили к распашке всех возможных земель (включая неудобья), сведению лесов, ограничению поголовья скота, «конкурировавшего» с населением за ресурсы, а также тормозили распространение трудосберегающих технологий.

Во многих странах Востока к моменту появления европейских колонизаторов в целом наблюдался общественно-экологический кризис, обусловленный длительной экстенсификацией естественных (природных и трудовых) ресурсов в ущерб наращиванию исторически созданных (материальных, социальных и духовных) производительных сил. Сделанный вывод можно проиллюстрировать на материалах, отражающих эволюцию аграрного сектора. Сложившаяся во многих странах Востока система институтов предопределила то, что основная часть верхушечных слоев была слабо заинтересована (в силу ограниченности прав собственности) в сохранении и умножении производительных сил. Они нередко игнорировали реальные нужды земледелия, допуская разрушение и обветшание оросительных систем. (В большей мере это касается стран Ближнего Востока и Южной Азии). В то же время низы, доведенные до крайности налоговым гнетом и кабалой, не стремились, да и не могли в этих условиях существенно улучшить плодородие земель, а то и попросту оставляли малопродуктивные земли.

Вследствие интенсивных процессов, связанных с эрозией и истощением почв, деградацией ландшафтов для Ближнего Востока (в отличие от других регионов) было характерно абсолютное сокращение обрабатываемых земель: в Египте их

общая площадь уменьшилась с 2,0–2,2 млн. га в конце XII — первой половине XIII в., до 1,2–1,3 млн. га в конце XVIII — начале XIX в.; в расчете на душу населения этот показатель понизился примерно с 0,50–0,55 до 0,30–0,35 га. В Индии последний индикатор сократился примерно с 0,50–0,60 га (первая половина XVII в.) до 0,35–0,40 га (1850 г.), а в Китае — с 0,4–0,5 га (вторая половина XI в.) до 0,18–0,22 га (конец XVIII — начало XIX в.). Произошло также уменьшение доли орошаемых земель. В Индии этот показатель, составлявший при моголах (XVII в.) около 5%, в середине XIX в. не превышал 3–4%. В Китае он понизился с 33–37% в начале XV в. до 25–27% в начале XX в. Средняя урожайность зерновых в Китае в XI–XVIII вв. увеличивалась, но затухающими темпами (с 14–16 до 18–19 центнеров с гектара), в Индии в XVI–XIX вв. она практически не изменилась (11–13 центнеров с гектара), а на Ближнем Востоке средняя урожайность сократилась примерно с 11–13 до 7–9 центнеров с гектара.

Динамика совокупной эффективности (производительности) в странах Востока может быть прослежена лишь на примере Китая, сумевшего обогнать ряд других стран Востока по общим темпам экономического роста в первые семь-восемь столетий текущего тысячелетия. Увеличение валового продукта Китая в 1100–1800 гг. определялось главным образом экстенсивными факторами. При этом если в VIII–XI вв. доля интенсивных составляющих достигала (+) 25–35%, то на протяжении последующих семи столетий этот вклад стал отрицательным, равным примерно (–) 15–25%. Вероятно, в странах Запада в XI–XVIII вв. за счет роста совокупной производительности было получено около 1/3 увеличения валового продукта.

Учитывая динамику изменения обрабатываемых площадей, урожайности основных культур (зерновых), а также имеющиеся оценки производства железа, можно предположить, что относительно эффективные в прошлом технологии и институты, имевшие значительную инерционную силу, скорее всего, истощили, выработали свой «ресурс». В то же время экосистема (и это особенно четко проявилось в первой половине XIX в.) деградировала. Необходима была смена прежней трудоинтенсивной парадигмы роста, усугублявшей многие проблемы старого Китая (сказанное в значительной мере справедливо для Индии и стран Ближнего Востока).

Уточняя контуры экономической эволюции стран Востока за первые 7–8 столетий этого тысячелетия, следует дополнить приведенные характеристики другими, в основном социально-культурными показателями. Если в странах Запада уровень урбанизации (города с населением не менее 5 тыс. человек) повысился с 8–9% в X–XI вв. до 11–13% в конце XVIII в., то в Китае он понизился с 10–14 до 6–8% (1820–1830), а в Индии — примерно с 15% в 1600 г. до 13% в 1800 г.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют предположить, что на Ближнем Востоке из-за существенной деградации аграрного сектора и стагнации общей численности населения урбанизационные процессы оказались достаточно своеобразными. В отличие от Китая и Индии, в которых абсолютная численность горожан выросла, но процент «концентрированного населения» сократился, на Ближнем Востоке отмеченный показатель урбанизации, возможно, увеличился с 10–13% в X–XI вв. до 14–16% в конце XVIII — начале XIX в. С учетом сказанного вряд ли правомерно квалифицировать этот рост как безусловно прогрессивное явление (тем более в отсутствие прямых доказательств, говорящих об усилении производительных, а не перераспределительных функций ближневосточных городов).

Средняя продолжительность жизни за указанный период не изменилась, находясь в Китае на уровне 27–30 лет, а в Индии и на Ближнем Востоке — в пределах 20–25 лет. Показатель грамотности, по имеющимся оценкам, снизился в Китае с 20–30 до 15–25%, в Индии — с 10–15 до 4–6 и на Ближнем Востоке с 8–12 до 4–5, а по некоторым данным, до 1–2% (табл. 3).

Если подушевой национальный продукт уменьшился в Китае и Индии примерно на 1/4, а на Ближнем Востоке — на 1/3, то индекс развития (среднегеометрическое относительных индикаторов подушевого продукта, грамотности и продолжительности жизни населения) понизился в Китае лишь на 1/7, в то время как в Индии он сократился на 1/3, а на Ближнем Востоке — почти наполовину. Эти показатели достаточно рельефно отражают меру качественной (относительной) деволюции производительных сил в каждом из трех крупных регионов Востока, имевших далеко не одинаковые траектории их изменения в долгосрочной ретроспективе.

Итак, некоторые важные атрибуты экстенсивно-интенсивного типа расширенного воспроизводства, свойственного

начальной (обычно индустриальной) фазе современного экономического роста, обозначились впервые не в западноевропейских странах в условиях промышленной революции (или даже протоиндустриализации), как это нередко до сих пор считается, а на Востоке, в Китае, на рубеже первого и второго тысячелетий, т.е. за сотни лет до начала «промышленного рывка» («рывков») в странах Запада.

В крупных странах и регионах Востока, за исключением, пожалуй, Передней Азии и Северной Африки, в первые семь-восемь веков нашего тысячелетия наблюдался в тенденции не медленный (как в древности) и тем более не замедленный (т.е. затухающими темпами, переходящими в стагнацию, регресс), а ускоренный рост производительных сил (совокупного производства, богатства, численности населения, производительного и потребительного потенциалов).

На фоне более быстрой и бурной экономической, социальной, географической и духовной экспансии стран Запада этот процесс на Востоке был менее динамичным и происходил за счет экстенсивного расширения производства при возможной стагнации или некотором снижении подушевого уровня производства и совокупной производительности.

Это во многом определялось ухудшением состояния экологической среды, истощенной не одним тысячелетием антропогенного воздействия; уменьшением продуктивных возможностей некогда гибких, адаптивных и достаточно жизнеспособных социальных систем, подвергшихся на протяжении последнего тысячелетия жестоким социоестественным шокам, усилившим процессы их «естественной» деградации; слабым, неадекватным развитием энергоинформационного потенциала индивида, испытавшего на себе негативное влияние вышеперечисленных факторов. Между тем, и это особенно важно подчеркнуть, прогресс стран Запада, реализация ими сначала догоняющего, а затем и перегоняющего развития (по отношению к Востоку) в течение семи-восьми столетий, предшествовавших промышленной революции, были главным образом (согласно модели, представленной в табл. 3) на 2/3–3/4 вызваны эффектом «раскованного Прометея», высвобождения творческой энергии личности, усилением роли интеллектуальных и духовных элементов производительных сил.

§2

Особенности экономической эволюции колониальной и полуколониальной периферии

Европейская экспансия и колонизация оказали, как известно, весьма противоречивое воздействие на социально-экономические структуры афро-азиатских и латиноамериканских обществ. Многие аспекты этой обширной темы подробно изложены в отечественной и зарубежной специальной литературе. В то же время остается немало дискуссионных вопросов, а также недостаточно исследованных проблем, в том числе связанных с общей оценкой динамики, характера и факторов экономического роста колониальной и полуколониальной периферии, масштабов и глубины ее трансформации.

Столкнувшись в ходе развертывания своей экспансии с менее динамичными, во многом самодостаточными, в известной мере интровертными цивилизациями (например, Индия, Китай), а также менее развитыми цивилизациями, находящимися на стадии инволюции, а быть может, и тупикового варианта эволюции (доколумбова Америка, Тропическая Африка и др.), европейцы не преминули воспользоваться своим преимуществом в навигационных средствах и огнестрельном оружии для установления господства и навязывания неравноправных договоров.

Европейские конкистадоры XVI–XIX вв. отнюдь не были первооткрывателями феномена колонизации. И до них существовали — иногда в течение многих столетий — крупные колониальные империи (египетская в XVI–XI вв. до н.э., персидская в VII–IV вв. до н.э., римская в I в. до н.э. — IV в.н.э., китайская, монгольская, османская, а также в доколумбовой Америке), управлявшиеся к тому же далеко не идилическими методами. Основное отличие состояло в более высоком организационно-технологическом базисе европейской колонизации (опиравшейся на результаты культурно-научной

революции XVI–XVIII вв. и промышленной революции), а также в ее абсолютных и относительных «размерах».

Вначале были созданы торгово-военные форпосты, а впоследствии — огромные колониальные империи. Об их масштабах можно судить по следующим данным. Если к середине XVIII в. численность населения колоний еще не превышала 17–19% всех жителей Европы (без России), то к 1830 г. она уже составляла примерно 100%; к 1913 г. этот показатель достигал 160–165% общей численности населения западных метрополий и Японии.

Междивизиционный «контакт» привел к большим человеческим жертвам как в Новом Свете, так и в некоторых регионах южной части Старого Света. Геноцид, непосильный труд, а главное, как показывают новейшие исследования, инфекционные заболевания, к которым у индейцев не было иммунитета, вызвали значительное сокращение численности населения в Латинской Америке: с 40–60 млн. в 1492–1520 гг. до 9–13 млн. в 1650–1670 гг. Заселение Америки чернокожими невольниками обернулось немалыми потерями для Тропической Африки, откуда в XVI–XIX вв. было вывезено европейцами 15–16 млн. рабов (судя по оценкам, столько же негров было доставлено арабами в страны мусульманского мира в VII–XIX вв., в том числе 5–7 млн. до XVI в.).

Колониальный «синтез», особенно на его первой фазе, сопровождался откровенным грабежом, прямой и косвенной эксплуатацией природных ресурсов и коренного населения Вест-Индии. Абсолютные размеры награбленных богатств, как показывают исследования, весьма внушительны. Относительные индикаторы в целом дают менее драматичную картину (хотя, возможно, не полностью учитывают все аспекты ущерба, нанесенного завоевателями на ранних этапах колонизации). По имеющимся оценкам, во второй половине XVIII в. чистый отток ресурсов в Европу из стран Латинской Америки (без учета контрабанды) достигал примерно 3% их ВВП, а для таких крупных, густонаселенных стран, как Индия, а также Индонезия, он составлял 0,6–1,2%.

Наплыв из метрополий дешевых фабричных товаров (при минимальной тарифной защите, существовавшей в колониях и полуколониях, связанных неравноправными договорами) во многом (но, заметим, далеко не полностью) разрушил местное, прежде всего городское, ремесло, включая производство

предметов роскоши. Ощутимый удар по традиционным видам хозяйства нанесла созданная в конце XIX — первой половине XX в. крупная национальная промышленность, осваивавшая внутренние регионы периферийных стран, в меньшей мере пострадавшие ранее от импорта готовых изделий.

Попытки автохтонной модернизации в ряде стран Латинской Америки, освободившихся в 1820-е гг. (например, в Бразилии, Мексике, Парагвае), а также в Египте эпохи правления Мухаммеда Али (1820—1830), во многом индуцированные опытом индустриализации западноевропейских государств, оказались, в конечном счете, ими же сорваны (с применением экономических и военных средств).

Однако было бы неправильно сводить все только к внешним факторам. Модернизация латиноамериканских стран, а также Египта (включавшая создание передовых промышленных предприятий, плантационных хозяйств, строительство портов, каналов, повышение нормы капиталовложений, в частности, в Египте до 10% ВНП) наталкивалась на многочисленные трудности внутреннего характера и происходила во многом на старой институциональной основе. Речь идет о широком использовании принудительного, в том числе рабского и крепостного, труда, чрезмерном вторжении государства в хозяйственные процессы в Египте, неразвитости (особенно в Бразилии и Мексике) транспортной инфраструктуры, а также о колоссальном неравенстве в распределении земельных ресурсов, сохранении традиционного менталитета и культурно-психологических установок; господствовавших еще со времен средневековья в арабо-мусульманском мире и феодально-католических государствах Иберийского полуострова (имеются в виду сравнительно низкий уровень трудовой этики и весьма пренебрежительное отношение к производительной деятельности как таковой).

В силу указанных причин во многих периферийных странах Азии и Африки получили распространение такие процессы, как дезиндустриализация и дезурбанизация. Если в 1750—1860 гг. в ныне развитых государствах производительность труда в промышленности выросла в 2—3 раза, то в колониальных и зависимых странах она, возможно, сократилась в 1,5—2 раза. Доля готовых изделий в их экспорте понизилась с 7—9% в 1830-е гг. до 3—4% в 1860—1880 гг. (периферийные страны все больше превращались в поставщиков сельскохо-

зьяственного и минерального сырья). Удельный вес городского населения (города с числом жителей более 2 тыс. человек) уменьшился в Индии с 12–13% в 1800 г. до 9–10% в 1881 г. и в Китае с 7–9% в конце XVIII — начале XIX в. до 6–8% в 1840-е гг.

Период, охвативший первые две трети XIX в., в колониях и полуколониях был отмечен крайней нестабильностью, связанной в Латинской Америке с борьбой за национальную независимость, гражданскими войнами, военными переворотами, народными восстаниями против голландских колонизаторов на Яве (1825–1830 и 1840 гг.), индийским народным восстанием (сипаев) 1857–1859 гг. против английского колониального господства, тайпинской крестьянской войной в Китае в 1850–1864 гг., унесшей по меньшей мере 20–30 млн. жизней. Многочисленные выступления народных масс в периферийных странах свидетельствовали о глубоком экономическом и социально-политическом кризисе. Имеющиеся оценки позволяют уточнить его наиболее общие контуры.

Расчеты по Китаю за 1800–1870 гг., основанные на оценках подушевого производства зерновых и железа, весьма приблизительны. В целом они показывают снижение подушевого национального продукта примерно на 1/5 (что, как представляется, отражает масштабы экологического кризиса XIX в. и негативные последствия длительной опустошительной крестьянской войны 1850–1860 гг.).

Согласно подсчетам по Индии, позволяющим определить динамику продукции растениеводства (главным образом зерновых) в расчете на душу населения и реальной заработной платы городских рабочих, среднедушевой национальный продукт этой страны, выросший в течение XVII в. примерно на 1/10, сократился в ходе опустошительных внутренних войн и внешних вторжений (например, Надир-Шаха) в 1700–1750 гг. на 1/10. В последующее столетие, ознаменованное экспансией англичан, отмеченный индикатор также уменьшался. В итоге к началу 1870-х гг. он был на 1/5 меньше, чем в середине XVIII в.

В Индонезии чистый внутренний продукт в расчете на душу населения в 1700–1830 гг. не возрастал, в дальнейшем он несколько повысился и в 1840–1870 гг. зафиксировался на уровне, в среднем на 5–10% превышавшем показатель предыдущих 100–130 лет. При этом доля голландцев в чистом

внутреннем продукте (ЧВП) Индонезии возросла с 1,2–1,4% в 1700–1780 гг. до 7,1–7,6% в 1840–1870 гг., что, по сути дела, означало для неевропейской части населения в лучшем случае сохранение прежнего, крайне низкого уровня доходов. (Этнические китайцы, проживавшие в Индонезии, имели сравнительно более высокий и, вероятно, в целом повышавшийся уровень жизни.).

К сожалению, очень мало сводных данных по Ближнему Востоку. Сделанные оценки динамики реальной заработной платы чернорабочих по ряду крупнейших городов Османской империи (в основном на территории современной Турции) говорят о возможном росте их реальных доходов (средних ставок) в 1800–1815/1870–1885 гг. примерно на $3/5$ – $2/3$. С середины XVI по конец XVIII в. отмеченный индикатор, возможно, снизился на $1/6$. Однако это — ориентировочные подсчеты, способные лишь в самых общих чертах, как показывают аналогичные исследования по другим странам, отразить общий тренд душевого национального продукта за длительную ретроспективу.

Что касается Египта, то имеющиеся расчеты, основанные на взвешенных показателях динамики душевого сельскохозяйственного продукта и реальной заработной платы рабочих в несельскохозяйственном секторе экономики, допускают возможность увеличения среднедушевого дохода в целом по стране в 1800–1885 гг. примерно на $1/3$. (Как и по Турции, индикатор по Египту вбирает в себя тенденции второй половины XIX в. и поэтому не совсем сопоставим по другим периферийным странам).

Итак, при всем разнообразии путей экономической эволюции отмеченных стран на первой фазе их колониального (полуколониального) существования негативные явления в целом преобладали. Если взвесить приведенные показатели роста (снижения) душевого ВВП указанных стран по численности их населения, то можно прийти к следующему заключению: с конца XVIII по середину (а может быть, вплоть до последней трети) XIX в. среднестатистический душевой доход в будущих странах третьего мира уменьшился на $1/6$ – $1/7$ (или в среднем ежегодно на 0,15–0,20%).

Примерно в последней трети-четверти XIX в. в ряде периферийных стран сложились более или менее благоприятные условия для начала (а для некоторых из них — возобновления)

экономического роста. Существенное удешевление транспортных расходов, в том числе морских перевозок (связанное с распространением пароходов, завершением строительства Суэцкого канала), сделало возможным и весьма выгодным широкое освоение природных и трудовых ресурсов, а также потребительских рынков колониальных и зависимых стран.

В конце XIX — начале XX вв. колониальная экспансия европейских держав, Японии и США достигла апогея. Периферия оказалась поделенной между метрополиями, имевшими обширные территориальные владения и зоны влияния (например, в Латинской Америке, в Китае и на Ближнем Востоке — в Турции и Иране). В этот период во многих колониях и зависимых странах произошла определенная стабилизация общественной жизни. В целом уменьшилось число внутренних войн и восстаний. Совершенствовалась работа административного аппарата. В ряде государств колониальными властями были отменены некоторые жестокие обычаи. (В Индии англичанами были запрещены ритуальные убийства, сожжения вдов, детоубийства.)

В ряде зависимых стран (например, в Османской империи) проводились некоторые либеральные реформы, направленные на уменьшение всевластия государства и укрепление прав частной собственности, упразднение архаичных институтов (в Таиланде лишь в 1905 г. было ликвидировано рабство). В то же время во многих афро-азиатских и латиноамериканских странах сохранялась полуфеодалная зависимость крестьян; колонизаторы проводили грубую экспроприацию земельной и иной собственности у коренного населения.

Одна из отличительных черт этого этапа развития периферии — активное инфраструктурное строительство, создание и расширение портов, проведение ирригационных работ. В этот период велось интенсивное строительство каналов, линий железнодорожных коммуникаций. К началу Первой мировой войны общая длина железных дорог достигла в Индии 55,8 тыс. км, в Китае — 9,9, в Индонезии — 2,9, в Египте — 4,3, в Турции (в азиатской части) — 3,5 тыс. км (для сравнения: в Италии — 16,9 тыс., в Великобритании — 37,7, во Франции — 51,2, в Германии — 63,7, в США — 410,9, в Японии — 10,6 тыс. км). В пересчете на 1 тыс. кв. км (общей территории) отставание от развитых государств было весьма значительным (в среднем 1:10): в Китае — 1 км, в Египте,

Турции и Индонезии — 4–5, в Индии — 11–13 км (в Японии — 29 км, в США — 44, в Италии — 56, во Франции — 95, в Германии и Великобритании — 118–120 км).

В 1870–1914 гг. общий объем иностранного капитала (в неизменных ценах), инвестированный в страны будущего третьего мира, вырос в 5,3–5,5 раза, достигнув примерно 1/3 их совокупного ВВП. При этом в расчете на душу населения величина иностранного капитала, инвестированного в крупные азиатские государства (в Китае 3,5–4,0 дол., в Индии 6,7–7,3, в Индонезии 12–13 дол.), была меньше, чем в странах Ближнего Востока (в Турции 61–62 дол., в Египте 83–84 дол.), и намного меньше (для сравнения), чем в Латинской Америке (в Бразилии 81–83 дол., в Мексике 113–115 дол.). В Аргентине этот показатель (409–411 дол.) в целом не уступал данным по таким переселенческим (ныне развитым) государствам, как Южная Африка (346–347 дол.), Австралия (373–374 дол.) и Канада (490–491 дол.). Превалирующая доля (2/3–3/4) этих средств была вложена в инфраструктуру и добывающую промышленность.

В ряде стран Ближнего Востока за счет притока иностранных инвестиций финансировалась немалая часть внутренних капиталовложений: в Турции и Египте в 1907–1913 гг. этот показатель достигал 50–60%. Близкие к отмеченным индикаторы были характерны для французских переселенческих колоний в Северной Африке (страны Магриба), а также для Кореи и Тайваня, принадлежавших Японии.

Однако в крупных, густонаселенных странах превалировали другие тенденции. В Индии и в Китае в первой четверти XX в. из внутренних источников финансировалось примерно 83–85% всех капиталовложений. Приведенные факты говорят о далеко не одинаковой степени и масштабах европейского (японского, американского) «цивилизующего» влияния, которое, как это становится все более очевидным, имело в целом не столь мощное проникающее воздействие на традиционные уклады.

Вопреки еще встречающимся в литературе представлениям, относительные размеры капиталонакопления в колониальных и зависимых странах были не столь уж малы, во всяком случае, существенно выше нулевой отметки. Доля валовых капиталовложений в ВВП повысилась в Индии с 5–6% в 1865 г. до 6–7% в 1900 г., а в Китае — с 6–7% ВВП в 1914–1918 гг. до 10–11% в 1931–1936 гг.

В конце XIX — начале XX вв. норма валовых внутренних капиталовложений (в ВВП) достигала в Египте и странах Магриба примерно 9–12%, а в Турции, Сирии и Иране — 7–10%.

Средневзвешенный показатель по перечисленным странам увеличился с 4–6% в конце XIX в до 9–10% в первой четверти XX в. За вычетом непроизводственных инвестиций (главным образом в жилье), которые обычно составляли 20–25% всего внутреннего капиталонакопления, норма производственных капиталовложений в будущих странах третьего мира достигала в среднем 7,0–7,5% их ВВП. Такой уровень инвестиций в физический капитал был характерен для ряда стран Запада на предмодернизационном этапе развития, т.е. накануне «промышленного рывка», а также в первые десятилетия их индустриализации.

Наряду с отмеченными факторами важными компонентами улучшения хозяйственной конъюнктуры в будущих странах третьего мира стало заметное увеличение их экспортного потенциала. В последней четверти XIX — первой четверти XX вв. для стран-поставщиков сельскохозяйственного и минерального сырья сложилась весьма благоприятная обстановка. Индекс условий торговли периферийных государств повысился по меньшей мере на 10–20%. Этот индикатор увеличился в Таиланде — на 68–70, в Индии — на 13–17, в Китае — на 25–27%, в Турции (Османской империи) — на 18–20, в Египте — на 28–32%.

И хотя в ряде колоний и полукolonий индекс условий внешней торговли снижался (например, в Индонезии на 55–60%), в целом для стран будущего третьего мира этот индикатор имел тенденцию повышаться; что, несомненно, расширяло покупательную способность их экспорта. Что касается его физического объема, то соответствующие среднегодовые показатели роста достигали в отмеченный период, в частности, в Индии и Китае 2–3%, в Индонезии 4,5–5,0%. Учитывая имеющуюся информацию (темпы роста экспорта и ВВП, а также данные об экспортных квотах) по ряду других азиатских, североафриканских и латиноамериканских стран, можно предположить, что в конце XIX — начале XX в. за счет экспорт-расширения была получена в целом 1/6 прироста их валового продукта.

В целом, несмотря на существенное повышение в периферийных странах темпов роста численности населения (в сред-

нем с 0,2–0,3% в 1800–1870 гг. до 0,5–0,6% — в 1870–1913 гг. и 0,9–1,0% в 1913–1938 гг.), связанное прежде всего с усилением контроля за распространением эпидемий и некоторым увеличением экстренной помощи голодающим (табл. 4), возросли также темпы роста подушевого ВВП. Однако речь не идет о жесткой прямолинейной тенденции.

Таблица 4

**Динамика численности населения некоторых
периферийных стран, %**

Страна	1800–1870 гг.	1870–1913 гг.	1913–1938 гг.
Бразилия	1,5–1,6	1,9–2,1	2,0–2,1
Мексика	0,6–0,7	1,1–1,2	1,1–1,3
Китай	0,1	0,4–0,6	0,8–0,9
Индия	0,3–0,5	0,3–0,5	0,7–0,9
Индонезия	0,7–0,8	1,4–1,5	1,2–1,4
Египет	0,6–0,8	1,5–1,6	1,0–1,2
Турция	1,0–1,2	0,2–0,3 ¹	0,6–0,7
Таиланд	(0,3–0,5)	0,9–1,0	2,1–2,3
Филиппины	(1,4–1,5)	1,4–1,5	1,8–2,0
Тайвань	...	...	1,9–2,1
Корея	0,0	0,1	1,0–1,2
Алжир	0,0	1,4–1,5	1,0–1,2
Марокко	0,1–0,3	0,2–0,4	2,4–2,5
Тунис	0,2–0,3	1,1–1,3	1,1–1,3

В Индии среднегодовой показатель прироста ВВП в расчете на душу населения увеличился соответственно с 0,5–0,6% в 1870–1913 гг. до 0,8–0,9% в 1913–1929 гг., а в Китае — с 0,2–0,3% в 1890–1913 гг. до 1,0–1,1% в 1913–1933 гг.

¹ Учтены потери населения, связанные с голодом 1873–1874 гг.

В странах Юго-Восточной Азии в целом также отмечалось ускорение темпов подушевого экономического роста: в Индонезии с 0,2–0,3% в год в 1880–1900 гг. до 1,4–1,6% в начале XX в., в Таиланде с 0,1–0,2 в 1870–1900 гг. до 0,9–1,1% в начале XX в. (однако уже в 1913–1929 гг. отмеченный индикатор сокращался на 0,3–0,4% в год).

Экономическая модернизация ближневосточной периферии также сопровождалась ускорением темпов подушевого экономического роста. В Турции этот показатель в 1890–1929 гг. достигал примерно 0,9–1,0% в год. В Египте в 1885–1911 гг. он составлял около 0,8–1,0% в год (однако в 1911–1928 гг. понизился до 0,4–0,5%). В Алжире среднегодовые темпы прироста подушевого ВВП возросли с 0,2–0,3% в 1880–1910 гг. до 1,1–1,2% в 1910–1930 гг. Примерно такая же картина наблюдалась в Тунисе и Марокко.

Обобщая данные по 14 странам, охваченным расчетами (в начале XX в. этих странах проживали 4/5 населения будущего третьего мира), следует отметить, что средневзвешенный показатель подушевого экономического роста в этой группе государств в конце XIX — начале XX вв. составлял примерно 0,65–0,75% в год. Этот темп, поддерживаемый на протяжении почти полувека в ряде крупных и средних стран Азии и Африки, во-первых, превосходил известные нам ретроспективные показатели их экономического роста, а во-вторых, был, в целом, выше средних индикаторов по ныне развитым странам в последние десятилетия их предмодернизационного периода.

Оценивая тенденции, особенности и факторы экономической эволюции колоний и полукolonий в конце XIX — первой половине XX в., нельзя не учитывать различные негативные обстоятельства, острые коллизии и противоречия. Многие из периферийных стран выплачивали метрополиям немалую дань. Ее размеры в Индии (3,3% ВНП в 1865–1913 гг.) хотя и уступали грабительским налоговым и иным изъятиям Моголов, тем не менее серьезно ограничивали инвестиционные возможности этой страны: реальный фонд накопления был меньше потенциального в 1865–1913 гг. примерно вдвое. Англичане, составлявшие всего 0,05% населения Индии, присваивали 5% ее национального дохода. На долю голландцев в конце XIX в. приходилось примерно 0,3–0,5% населения Индонезии, однако они располагали по меньшей мере 7–8%

национального дохода этой страны в 1870-е гг. и 15–17% в начале XX в., а чистый трансферт ресурсов в метрополию достигал соответственно 6–6,5 и 10–11% национального дохода Индонезии.

В целом на грани XIX–XX столетий изъятия прибыли из колониальных и зависимых стран (без Китая) были эквивалентны 2,1–2,3% их совокупного ВВП. В Китае этот показатель был несколько меньше (в 1900–1933 гг. примерно 1% его национального дохода), хотя выплаты в счет погашения долга достигали в отдельные периоды, например, 1/3 расходной части бюджета.

Экономический рост колоний и полукolonий был в целом весьма нестабильным. При этом коэффициент флуктуации темпов ВВП варьировался в последней четверти XIX — первой трети XX в. в достаточно широком диапазоне: в Индонезии — 115–125%, в Индии — 450–460%. В среднем по группе крупных колониальных стран отмеченный показатель составил 260–280%. Следовательно, он более чем в 1,5 раза был выше по сравнению с ныне развитыми странами на этапе их «промышленного рывка» и, возможно, соответствовал аналогичным индикаторам ряда западноевропейских государств на заключительной фазе их прединдустриального роста (XVII–XVIII вв.).

В конце XIX — начале XX вв. под воздействием внешней, а также внутренней конкуренции (со стороны крупных и средних предприятий, созданных к тому времени в ряде колоний и полукolonий) происходило не вполне компенсированное разрушение некоторых видов традиционных промыслов; обусловившее стагнацию и даже относительное сокращение занятости в индустриальных отраслях и сфере услуг. В результате доля населения, преимущественно связанного с сельским хозяйством, увеличилась в Индии — с 62–65% в 70–80-е гг. XIX в. до 67–69% в 1901 г. (и 72–74% в 1911 г.), в Таиланде — 75–77% в 1929 г. до 79–80% в 1937 г., в Индонезии до 72–73% к началу XX в. В Египте этот показатель, составлявший, по некоторым оценкам, в 1882 г. 61–63%, повысился до 68–69% в 1937 г.

Состояние физического здоровья населения — важнейшая характеристика развития человеческого фактора — может быть оценено при помощи ряда индикаторов, в том числе таких, как младенческая смертность и средняя продолжительность

жизни. Судя по имеющимся данным, первый из них, достигавший в конце XIX — начале XX в. в Индии 285–295%, понизился к 1935–1939 гг. до 200–210%, но в целом он оставался еще весьма значительным (в среднем по периферийным странам — около 190%). Средняя продолжительность жизни повышалась, но в целом крайне медленно — примерно с 26–28 лет в 1870-е гг. до 29–32 лет в начале XX в. По этому показателю колонии и полукolonии едва ли превосходили средний уровень западноевропейских государств конца XVII — начала XVIII вв.

Не лучше обстояло дело с показателем грамотности населения, который, несмотря на некоторый прогресс, оставался весьма низким: в среднем по слаборазвитым странам он составлял 14–15% в 1900 г. (и вырос всего до 21–23% в 1930 г.). Этот «средний» уровень, при всей условности подобных сопоставлений, возможно, соответствовал западноевропейским «стандартам» XVII в. Существенное отставание в развитии человеческого фактора, экономической и социальной инфраструктуры, превалирование традиционных институтов и укладов, весьма слабо затронутых ограниченными реформами, проводившимися колониальными властями и местными элитами, оказывали тормозящее воздействие на динамику эффективности производства.

Судя по данным о десяти колониях и полукolonиях, по которым можно было собрать и рассчитать соответствующие показатели (отражающие не худшие периоды хозяйственной эволюции), их экономическое развитие характеризовалось относительно высокой степенью экстенсивности. За счет увеличения количественных затрат основных производственных ресурсов обеспечивалось в среднем не менее 70–75% прироста реального ВВП.

Динамика совокупной производительности была далеко не одинаковой в разных группах колониальных и зависимых стран. В конце XIX в. в некоторых переселенческих колониях с существенным «вкраплением» современного сектора (Тунис и Марокко, Тайвань и Корея) динамика совокупной производительности была сравнительно высокой — соответственно 0,8–1,2, 0,6–1,0 и 1,3–1,5% в год. Приведенные данные более или менее соответствовали аналогичным показателям по ныне развитым капиталистическим государствам на этапе их «промышленного рывка». Следует отметить, что среди названных государств немало будущих новых индустриальных стран.

Динамика индекса развития¹

Страна	1800 г.				1870 г.				1913 г.				1950 г.			
	A	B	C	D	A	B	C	D	A	B	C	D	A	B	C	D
Велико-Британия	1030	36	2,0	25	2190	40	5,3	45	3120	52	8,1	64	4225	68	10,8	86
Франция	750	33	1,6	20	1230	41	4,4	36	2130	50	7,0	53	3220	67	9,6	75
Германия	790	32	2,4	23	1140	36	5,7	36	2250	49	8,4	57	2725	67	10,4	73
Италия	670	30	1,1	17	890	32	3,0	26	1520	47	4,8	41	2075	65	6,1	66
Япония	420	(36)	(1,2) ²	15	440	40	2,2	20	780	51	5,4	35	1125	63	9,1	51
США	690	(36)	2,1	22	1670	40	5,4	42	3460	50	8,3	66	6430	68	11,3	100
Средняя взвешенная E _i	690	34	1,6	20	1260	38	4,4	35	2390	50	7,3	56	3890	66	10,0	80
Бразилия	580	(26)	...	...	630	27	0,7	13	620	31	1,5	18	1270	44	2,1	29
Мексика	690	(25)	...	...	510	26	(0,8)	13	900 ⁴	32	(1,4)	20	1260	50	2,6	32
Китай	500	(28)	...	...	440	(28)	0,6	11	490	30	-1,2	15	480	35	1,7	18

Индия	440	(23)	...	...	390	25	0,5	10	500	23	0,6	11	490	32	1,4	16
Индонезия	425	(23)	...	...	460	24	(0,5)	10	600	25	(0,6)	12	530	37	1,5	18
Египет	325	(24)	...	...	420	(25)	0,5	10	555	29	0,8	14	625	34	1,6	19
Средняя взвешен- ная E_2	480	(26)	(0,5)	(11)	425	27	0,6	11	510	27	1,0	14	550	35	1,6	18
Соотно- шение уровней развития $H=E_1:E_2$	1,4	(1,3)	(3,2)	(1,8)	3,0	1,4	7,3	3,2	4,7	1,9	7,3	4,0	7,1	1,9	6,3	4,4

¹ Индекс развития (D) рассчитан по формуле

$$D_{ij} = \left(\frac{A_j \cdot B_j \cdot C_j}{A_x \cdot B_x \cdot C_x} \right)^{1/3} \cdot 100\%,$$

где A_j , B_j , C_j — для каждой (i) страны и для каждого (j) года означают соответственно подушевой ВВП в паритетах покупательной способности валют (международные доллары 1980 г.), среднюю продолжительность жизни, а также среднее число лет обучения взрослого населения; A_x , B_x , C_x — аналогичные показатели по США за 1950 г.

² В скобках — оценки. Все данные округлены.

³ Средние по группам стран показатели взвешены по численности населения.

⁴ 1910 г.

Вместе с тем большинство колоний и полукolonий, в которых преобладали традиционные и полутрадиционные хозяйства (уклады), например Индия и Китай, развивались менее динамично, темпы увеличения эффективности производства в них в среднем едва ли превышали в этот период 0,2–0,4% в год. В ряде стран, таких как Алжир, расширение европейского сектора экономики вызвало существенные масштабы разорения и ограбления традиционных хозяйств, воспроизводство в которых временами происходило на суженной основе, что, в конечном счете, обусловило огромный размах национально-освободительного движения.

Таким образом, экономический рост колониальных и зависимых стран был в целом крайне нестабильным, диспропорциональным; несмотря на интенсивную эксплуатацию их природных и трудовых ресурсов, он имел (за редким исключением) преимущественно экстенсивный характер, поскольку модернизация, ограниченная по своим масштабам, не привела к сколько-нибудь значительному, качественному переустройству обширных пластов традиционных обществ.

Покорение и освоение европейскими колонизаторами многих стран Востока и Юга нанесло в целом ощутимый удар по их архаичным социально-экономическим системам, сопровождалось немалыми жертвами и потерями для коренного населения. Вместе с тем межцивилизационное взаимодействие, обусловившее становление мирового рынка, придало, в конечном счете, определенный (хотя далеко не равный) импульс развитию всех участников этого «контакта».

После периода упадка и стагнации, продолжавшегося в целом до последней трети (четверти) XIX в., в колониальных и полукolonиальных странах обозначилось увеличение темпов роста населения и ВВП. В 1870–1950 гг. в ряде крупных и средних стран Востока и Юга (которые рассматривались в данной работе) экономический потенциал вырос в 2,1–2,3 раза, т.е. лишь не намного меньше, чем за первые восемь столетий второго тысячелетия (примерно в 2,4–2,8 раза). Произошло также некоторое повышение подушевого дохода, правда, еще в слабой мере затронувшее основную массу коренного населения и к тому же в ряде афро-азиатских государств прерванное в годы депрессии и Второй мировой войны.

Индекс развития периферийных стран (табл. 5), стагнировавший в 1800–1870 гг. (или, быть может, даже сокращав-

шийся, если принять во внимание долговременные тенденции прошлых веков), впервые стал понемногу повышаться, главным образом за счет некоторого улучшения социально-культурных показателей. В 1870–1950 гг. (для сравнительного анализа приведены цифры первой половины XX в.) отмеченный индекс в среднем по шести крупным и средним странам будущего третьего мира увеличился примерно на 2/3 (в Китае и Индии — на 60–65%, в Индонезии и Египте — на 80–90%). При этом разрыв между ведущими капиталистическими державами и периферийными странами возрос по душевому ВВП с 3:1 в 1870 г. до 4,7:1 в 1913 г. и 7,1:1 в 1950 г., а по отмеченному выше индексу развития — соответственно с 3,2:1 до 4,0:1 и 4,4:1.

Нараставшее отставание колоний и полукolonий объективно усиливало конфликтность мирового развития, свидетельствовало о необходимости смены его парадигмы. Требовались иные, более глубокие реформы и действенные методы модернизации стран Востока и Юга, предполагавшие в качестве неременного условия превращение десятков афро-азиатских и латиноамериканских стран из объектов в субъекты мировой экономики и политики, способные самостоятельно разрабатывать и при всех возможных ошибках и неудачах реализовывать национальные стратегии ускоренного экономического роста.

Восток и Запад к началу Нового времени

К XVI в. Восток и Запад подошли в состоянии перманентной конфронтации. Начавшееся еще в VIII–IX вв. противоборство ислама и христианства приняло характер военно-религиозной борьбы между двумя цивилизациями, особенно в регионе Средиземноморья. Крестовые походы XI–XIII вв., познакомив Европу с мусульманским Востоком, его культурными и прочими ценностями, парадоксальным образом усилили эту борьбу. Однако главной причиной этого явились не цивилизационные и иные различия. Решающую роль сыграло идеологическое соперничество двух мировых религий (что было естественно для органичной в Средние века религиозности сознания людей), в дальнейшем многократно усиленное и даже неотесненное на второй план экономическим и политическим соперничеством.

Дополнительным фактором взаимной вражды было пиратство, опустошавшее побережья целых стран, подрывавшее мирную жизнь и коммерцию, разорявшее цветущие города, внедрявшее самые безжалостные формы заложничества и работорговли. Причем, вопреки утвердившемуся мнению среди европейцев, инициатива в этом принадлежала отнюдь не мусульманам. Арабы долгое время были слабы на море и, лишь научившись многому у норманнов и византийцев, развернули пиратство с XI в. Но почти тогда же этим делом занялись и Греция, и Венеция, и Каталония.

Социальная эволюция стран Востока в XVI–XIX вв. носила драматический, в некоторые периоды даже трагический, характер перехода от безусловного доминирования над Западом и к столь же несомненному отставанию от него. Об истоках, темпах и даже сущностной стороне этого отставания споры идут с незапамятных времен. Многие, особенно представители национальных историографий Востока, считают главной, а иногда

чуть ли не единственной, причиной отставания Востока — колониальную экспансию западных держав с последующей жестокой эксплуатацией ими народов Востока и последствиями этой эксплуатации — разрушением производительных сил, обнищанием, социокультурной и экономико-технической деградацией.

Несомненно, большая доля правды в этом есть. Но вряд ли все беды Востока можно объяснить колониальным порабощением и вообще «внешним» фактором. Страны Востока очень часто и в доколониальную эпоху вели между собой кровопролитные и разорительные войны, в ходе которых население, народное хозяйство и культура оказывались на грани уничтожения (а в некоторых случаях действительно погибали). Но это, однако, не привело к тем последствиям, которыми характеризуется социальное состояние Востока к исходу XIX в. Иными словами, «внешнее» воздействие, в том числе фактор колониализма, в судьбах Востока сыграли роль значительную, но не решающую.

Большинство исследователей Востока, прежде всего в Европе и Америке, склонны объяснять отставание Востока особенностями самого восточного общества и иными путями его развития, нежели общества западного. Однако и здесь единого мнения нет. Более того, существует многообразие и даже непримиримость разных позиций. Если обратиться только к отечественной историографии, то здесь стоит отметить еще недавно кипевшие споры между «формационщиками» и «цивилизационщиками».

Первые, исходя из теории исторической смены социально-экономических формаций, объясняли отставание Востока тем, что он попал в «тупик феодальности», не смог преодолеть барьеры феодализма на пути своего развития в исторически реальные сроки и был обречен на насильственную ломку своего традиционного строя в ходе модернизации, навязываемой извне колонизаторами. Отсюда берут начало различные концепции эволюции восточного общества в колониальную и последующие эпохи.

Иначе все объясняют сторонники цивилизационного подхода. Для них важны и основополагающи прежде всего духовные факторы и складывающиеся на их основе отношения, которые функционируют не по формационным критериям и организуют, цементируют общество как в известной мере неизменный социокультурный организм. Этот социокультурный

организм следует определенному духовному образцу, своего рода стержню духовной жизни. Роль такого стержня обычно выполняет религия, в связи с чем для любой цивилизации важную роль играет «сфера сакрального» и где нередко культурное наследие сводится к религии.

Преувеличение роли религии «цивилизационщиками» подкрепляется еще и тем, что религия на Востоке — не только вера, философия и культуротворящий фактор, как на Западе. Она здесь также и образ жизни, свод законов и обычаев, социальный регулятор повседневного бытия. Особенно это относится к исламу. Кроме того, в силу этнической пестроты жителей Востока и различия условий их жизни (кочевников и оседлых, горцев и жителей равнин, обитателей пустынь и оазисов) огромную роль приобретали функции их объединения и сплочения. Выполнявшее эти функции государство обычно нуждалось в освящении религией. Фактически государство в реализации военной и экономической власти опиралось на духовную, социокультурную и идейную поддержку религии.

Допуская правомерность цивилизационного подхода как такового (напомним, что великий английский историк А. Тойнби вообще считал историю чередой сменяющих друг друга цивилизаций), хотелось бы все же не противопоставлять его подходу формационному, каковой, со многими вариациями, также утвердился в мировой науке. Они на самом деле не так уж противоречат друг другу. Более того, необходимо взаимодействие и взаимодополнение обоих этих подходов, так как экономика немислима без технологии, а последняя — без развития культуры, т.е. культура и технология, определяющие облик и уровень цивилизации, не могут быть отделены от экономики, определяющей, в свою очередь, социальную структуру, т.е. от факторов формационных. **Иными словами нет формации вне цивилизации, а цивилизации — вне формации.**

Сторонники цивилизационного подхода обычно абсолютизируют способность цивилизации жить своей жизнью, не совпадающей с жизнью породившей ее формации. Особенно их восхищает способность цивилизации не идти вперед, а сохраняя накопленное, останавливаться или даже двигаться вспять. Но это — самообман. Во-первых, в развитии формаций также бывают уклоны, отступления, застои и постоянные задержки движения. А во-вторых, несовпадение эволюции

цивилизации и формации — норма, а не исключение. Духовное развитие всегда идет по своим законам, нуждаясь в передышке и усвоении достигнутого, в достижении нового качества. А развитие материальное, в частности экономическое, в большей степени измеряется количественным ростом и механическим продвижением вперед.

Помимо весьма сложных отношений цивилизации (меры развития общества), формации (меняющейся в зависимости от экономики структуры общества) и культуры (меры развития человеческой личности, но также системы ценностей и способа деятельности), для развития Востока всегда характерны были замедленные темпы социальных перемен и более длительные, чем на Западе, периоды переходного межформационного состояния. Любая формация на Востоке почти нигде не достигала законченной, как в Европе, формы, сохраняя свою гетерогенность, многоукладность.

Не менее важен был и фактор «сопротивления культур», сформулированный известным французским историком Фернаном Броделем. Согласно его концепции, эти культуры и «полуцивилизации» в ответ на все попытки их уничтожить «появляются снова, упорно стремясь выжить». На Востоке все эти культуры, цивилизации и «полуцивилизации» возникли раньше, чем на Западе, укоренились прочнее и потому восточное общество не только в социально-экономическом, но и в цивилизационно-культурном плане было пестрым, многоукладным, плюралистичным. Каждая предшествовавшая эпоха оставляла свой след в последующих более весомо и заметно, чем это было (в тех случаях, когда было) на Западе.

Таким образом, для социального развития Востока в XVI—XIX вв. (как, впрочем, и в иные эпохи) характерны были следующие особенности: 1) более длительный, чем на Западе, характер переходных межформационных эпох; 2) отсюда стойкая многоукладность, социально-экономическая пестрота восточного общества; 3) особая роль фактора «сопротивления культур», увеличивавшая неоднородность, многоплановость любого социума на Востоке; 4) гипертрофированное значение государства и религии, порождавшее, в свою очередь, столь же гипертрофированные привилегии и влияние бюрократии и духовенства. К этим особенностям внутреннего свойства следует добавить игравшие подчас решающую роль факторы воздействия извне, каковыми преимущественно

до XVI в. (в Евразии до XVIII в.) были завоевания и нашествия кочевников, а после XVI в. — колониализм стран Европы.

Вопреки широко распространенному мнению об извечной «отсталости» Востока и авангардной роли Запада, на рубеже Нового времени положение было совершенно иным. К началу XVI в. на Востоке, т.е. в Азии и на севере Африки, проживало 288 млн. чел., или 68% всех жителей земли в то время. Именно на Восток вплоть до конца XVII в. приходилось около 77% промышленного (т.е. в соответствии с канонами эпохи мануфактурно-ремесленного) производства. Более благоприятный климат и плодородие почв Востока определяли его превосходство в урожайности зерна и производстве продовольствия. В Индии второй половины XVI — начале XVII вв. средняя урожайность пшеницы с гектара составляла 12,6 ц., а в Западной Европе — менее 8 ц. Только на севере Ирака в XVI в. производилось зерна больше и лучшего качества, чем на всех немецких землях, вместе взятых. В Алжире хлеба было больше, чем в Испании, и стоил он в 4 — 5 раз дешевле. Крестьяне на Балканах, бывшие поданными Османской империи, жили значительно лучше в XVI в. и несколько лучше в XVII в., чем крестьяне сопредельных стран Европы.

В 1500 г. в мире был 31 крупный город с населением свыше 100 тыс. чел. Из них 25 находилось на Востоке и лишь 4 — в Европе. Вплоть до начала XIX в. Европа импортировала из стран Востока многие товары высокого качества, особенно ткани, шелка, ювелирные изделия и прочую готовую продукцию, медикаменты, пряности, кофе, чай, сахар. Пекин и в 1500 г. и в 1600 г. оставался крупнейшим городом мира, а в 1800 г., сохраняя это звание, впервые в истории человечества перешагнул границу города с миллионным населением. В тот год 60% горожан жили на Востоке. Даже в 1875 г. доля горожан на Востоке была выше, чем на Западе.

Европейцев восхищали в XVI—XVII вв. изобилие, роскошь и могущество Востока, а сама Европа казалась им тогда гораздо более бедной и отсталой частью света. Особенно низок был уровень материального производства, прежде всего промышленного. В расчете на душу населения он был меньше, чем на Востоке. Всего на Европу (без России) тогда приходилось 16% всего населения земли (68 млн. чел.) и 18% мирового промышленного производства. И хотя по приросту населения

в XVI в. Европа уступала Азии (25% против 35%), бедность и недоедание были уделом гораздо большей доли ее населения, чем на Востоке того времени.

Лишь на юге Европы, в связанных с Востоком странах Средиземноморья, экономическое и социальное положение было намного лучше, особенно таких итальянских городов-республик, как Венеция, Генуя, Флоренция, Пиза, Амальфи, Ливорно, в значительной степени благодаря постоянной торговле, хозяйственным, культурным и прочим связям с Ближним Востоком и Северной Африкой. В этих городах происходил не только обмен товарами со странами Востока, где почти все эти города и их купцы имели свои склады, фактории, представительства, давние деловые связи. Происходил также обмен опытом и информацией, взаимные знакомство и учеба, освоение приемов и методов, мастерства и технологии. Тем более, что еще со времен раннего средневековья, особенно с эпохи крестовых походов, в средиземноморских странах Европы жили представители народов Востока. Это были колонии мусульманских купцов в Неаполе и Марселе, военнопленные, занятые на различных работах, например в Провансе, арабские врачи, ювелиры, ремесленники, архитекторы. Наконец, это могли быть наемники и рабы.

Работоторговля процветала в феодальной Европе, особенно в зоне Средиземноморья. В частности, в Италии почти не было зажиточного семейства, не имевшего в услужении рабов или рабынь с Востока в XVI–XVII вв. В былые времена стимулировавшаяся Византией работоторговля в последующие века всячески поощрялась, с одной стороны, мусульманскими корсарами Магриба и османскими «гази» (борцами за веру), оспаривавшими у Испании гегемонию в Средиземноморье, а с другой стороны — генуэзскими и венецианскими торговцами, служившими королю Испании каталонскими и сицилийскими пиратами, а также мальтийскими рыцарями, контролировавшими центральную зону Средиземноморья. Среди рабов в Европе преобладали арабы, африканцы, турки, славяне, греки.

Социальные предпосылки колониализма

Испания, успешно совершившая реконкисту в XV в. и по инерции стремившаяся продолжить ее за пределами Иберий-

ского полуострова, служит убедительным доказательством (от противного) прямой зависимости процветания средиземноморской Европы того времени от связей с Востоком. В упоении побед и завоеваний, которые превратили владения испанских королей в «империю вечного солнца» от Пиренеев до Филиппин, ослепленные блеском военного и политического могущества своей поистине всемирной державы, испанцы гордились достижениями культуры и искусства действительно «золотого» в этом отношении для страны XVI в. Но они при этом как-то подзабыли, что значительная часть их экономического, социального и духовного богатства того времени унаследована от почти восьмивекового процветания арабо-исламской цивилизации страны Аль-Андалус, как называли на Востоке Ибирийский полуостров. Это обстоятельство тогда не только не осознавалось, но и отрицалось, а оставшиеся в Испании мавры, прямые наследники цивилизации Аль-Андалуса, всячески преследовались и либо изгонялись, либо принудительно крестились, превращаясь в морисков. Принятые еще в XV в. «Статуты о чистоте крови» практически закрывали морискам, как и другим новообращенным христианам, перспективу какой-либо государственной или иной общественной карьеры. Поэтому они, сосредоточив свои усилия в сфере экономики, сыграли в ней весьма серьезную, вплоть до наших дней не оцененную по достоинству роль.

Именно благодаря им в стране процветали в XVI в. ремесла, торговля и мануфактурное производство, прежде всего выделка шелка, шерсти и сукна, изготовление тростникового сахара и керамики, оливкового масла, изделий из кожи, являющихся важными статьями испанского экспорта. В городах мориски составляли заметную (кое-где основную) часть садоводов, булочников, мясников, ткачей, портных, кузнецов, строителей, в деревнях — пчеловодов, скотоводов, ирригаторов, в прибрежных зонах — моряков, рыбаков. Среди них было немало землевладельцев, причем умело хозяйствовавших в отличие от испанских дворян, чьи земли часто были заброшены или запущены ввиду постоянной занятости хозяев на войне или государственной службе. Зажиточные коммерсанты, фабриканты, ювелиры, судовладельцы из морисков часто наживали значительные капиталы, торгуя с Италией или же успешно конкурируя с купцами Германии и Нидерландов. Последние, наводняя страну дешевыми и более

качественными товарами, практически вытеснили с внутреннего рынка слабую испанскую буржуазию, ушедшую в торговлю (в том числе земель) и финансы, но главным образом стремившуюся приобрести за деньги дворянские титулы, после чего обычно она утрачивала интерес к предпринимательству. Мориски были лишены подобной перспективы. Поэтому они делали, что могли, чтобы устоять в конкуренции, прежде всего в сфере производства. Для этого они опирались на сложившиеся в их среде еще до торжества реконкисты вековые навыки и методы работы, а также — на сплоченность и организованность своих общин. Помогала им и слава мастеров своего дела, ибо именно среди них работали лучшие в стране часовщики, слесари, столяры, сапожники, оружейники. Известно было, что производительность труда морисков была в 4 раза выше средней по стране.

В полной мере их роль в экономике выявилась после их изгнания в 1609–1614 гг., когда страна лишилась наиболее активной и квалифицированной части населения, когда закрылись почти все мануфактуры, прекратился экспорт шелка, шерсти, сукна, керамики, тростникового сахара, пришли в упадок ирригация, ювелирное дело, декоративное и гончарное искусство, даже металлообработка (после отъезда 5 тыс. мастеров-морисков). Была парализована торговля многих городов, сократилось производство зерна, риса и олив, зарастали поля. Разрушались брошенные дома. В некоторых районах жизнь возобновилась лишь через 100–200 лет.

Пример Испании демонстрирует как болезненно, тяжело и местами катастрофично переживали европейские страны Средиземноморья разрыв привычных традиционных связей с Востоком. Но разрыв этот был неизбежен. Европейское Средиземноморье, поддерживая постоянные контакты с Востоком, все же гораздо теснее, плотнее и всестороннее, гораздо более неразрывными узами было связано с Западом, причем не только географически, экономически, политически и этнически, но также в религиозном, социокультурном и, что важнее всего, цивилизационном отношении. Французское, фламандское и германское (вернее австро-германское) присутствие в Италии и Испании, как и испанское в Италии, а итальянское — во Франции, насчитывало многие века и, конечно, превосходило восточные влияния. Более того, католицизм, сплавивший всю Европу до XVI в. и оставшийся и далее

самым мощным духовно-идеологическим фактором ее противопоставления Востоку, стал еще более агрессивным и нетерпимым в XVI–XVII вв. перед лицом угрожавшего его господству протестантизма. В Испании, Португалии (вошедшей, к тому же, в 1580–1640 гг. в состав Испании), на юге Италии и многих островах Средиземноморья, присоединенных к Испании, накал религиозных страстей увеличивался также многократно ситуацией военно-политического противостояния Испании (а фактически, всемирной империи) Габсбургов и Османской империи в борьбе за гегемонию в Средиземноморье.

Сторонники цивилизационного подхода считают, что в течение XVI–XIX вв. Запад постепенно восторжествовал над Востоком вопреки богатству последнего, большей численности его населения и большей его обеспеченности материальными ресурсами, но благодаря, прежде всего, исключительному динамизму и свободе западного человека, который в данном контексте представлен как «самостоятельный и независимый индивид, обладавший личными правами и привилегиями». Упоминается также «христианская идея богочеловечности», требующая от каждого «бесконечного самосовершенствования», что «в сочетании с вековыми традициями частной собственности... способствовало созданию социальных и ментальных структур, обладавших огромным потенциалом саморазвития». А вот «Восток был неподвижен». Здесь «преобладание общего начала над частным, коллектива над личностью предопределяли инерционность жизни и мысли... Верность прошлому, прежде всего заветам великих предков, открывших законы правильной жизни, доминировала в системе восточных ценностей».

Во всем этом очень много правды. Но это — не вся правда. Так ли уж свободен и самостоятелен был человек Запада в XVI–XVII вв., в эпоху полного его подчинения церкви, сеньору, монаху? Да, конечно, у дворянства были «личные права и привилегии», но никакому особому социальному «динамизму» они не способствовали, ибо понимались именно как право не работать, не заниматься «презренным» сельским или ремесленным трудом, каковой оставался печальной «привилегией» бесправного большинства, никаким стимулом, кроме страха умереть с голоду или, в лучшем случае, бескорыстного побуждения к творчеству, к данному труду не поощряемого. Что же касается наиболее просвещенной части

дворянства и других слоев общества, которые иногда и в средние века вспоминали о естественных для человека разуме, правах и свободе, то они даже в XVI–XVII вв. обычно терпели поражение в борьбе с господством духовенства, неизбежной феодальной иерархией и властью короля, а также — религиозным фанатизмом невежественной черни, заменявшим в те времена общественное мнение. пытки, казни, суды и костры инквизиции тогда определяли лицо Европы, за исключением, может быть, Голландии и Англии, превратившихся в XVI–XVII вв. в оплоты протестантизма, протестантской этики и постепенно внедрявшихся в местное общество экономических и, в меньшей степени, прочих свобод. Но не стоит забывать о том, что и у протестантов в то время суды, костры и расправы с инакомыслящими были обычным делом и вытекали из органично присущего человеку Западу той эпохи религиозного сознания и мышления религиозными категориями.

Иными словами, объяснять отставание Востока и уход Запада «в отрыв» каким-то особым «динамизмом», самостоятельностью и индивидуализмом человека Запада, вплоть до XVIII в. весьма зависимого от церкви, местной общины (сельской или городской), власти монарха, своего положения в структуре феодального общества и определяемой всем этим собственной ментальности не представляется верным. Это скорее следствие неоправданной «модернизации» исторической реальности, перенесение на ситуацию XVI–XVIII вв. того, что было свойственно Европе в лучшем случае к концу XIX в., а то и к середине XX в., т.е. того, что не было фактором эволюции XVI–XIX вв., а само явилось результатом, итогом этой эволюции.

Вообще, очевидно, неправильно было бы объяснять отставание Востока от Запада (и как постепенный процесс XVI–XIX вв., и как явление наших дней) каким-то одним фактором, пусть и столь важным, как качество той или иной цивилизации, того или иного общества, того или иного культурно-исторического типа человека. Вернее было бы столь глобальное явление объяснить суммой всех этих и иных факторов, даже их синтезом, давшим новое качество.

Безусловно, сравнительно более высокий уровень материального благосостояния Востока не побуждал его жителей так заботиться о производстве и его всемерном развитии, как жителей Европы, находившейся, как было отмечено выше, в худ-

шем положении. Поэтому-то, даже весьма ценные изобретения, бывшие достоянием Востока, европейцами были использованы более рационально и действенно: бумагу, когда-то изобретенную в Китае, Европа, наладив ее производство у себя (с помощью арабов в Испании XII в.), с XV в. уже экспортировала на Восток. То же самое произошло с сирийским стеклом и оружием (знаменитую дамасскую сталь лучше сумели делать в Толедо!), с китайским порохом и персидскими тканями. Изобретенные в Китае и впервые примененные в XIII в. монголами пушки уже в XVI в. применялись европейцами (португальцами) против тех же китайцев, став при этом значительно совершеннее.

Западный человек становится более динамичным, активным и лучше вооруженным, чем человек Востока, не благодаря свободе личности, о которой тогда приходилось лишь мечтать, а ввиду постоянного страха перед нашествием с Востока. Европа долго помнила арабское завоевание Иберийского полуострова, юга Франции и Италии, Кипра, Крита, Мальты, Сицилии, Сардинии и Корсики в VII—XI вв., а после XI в. — постоянную, вплоть до XVIII в., угрозу корсарства, войны и крестовые походы, приносившие европейцам потерь и неудач больше, чем добычи и преимуществ. Не случайно и то обстоятельство, что первыми колонизаторами явились на Востоке португальцы и испанцы, т. е. те европейцы, которым пришлось отстаивать свою независимость и государственность в многовековой борьбе с мусульманами. Освободившись от последних, они по инерции продолжили борьбу уже вне Европы, стремясь не только закрепить победу, но и реализовать накопленный за века сражений боевой, технический и духовный потенциал.

Вместе с тем у Востока не было особых причин ни материального, ни военного, ни иного порядка особенно беспокоиться вплоть до XVII в. относительно европейской угрозы. Неудачи в боях с людьми Запада обычно были временными или же компенсировались успехами в других местах (об этом — позже). Самодостаточность, даже самодовольство восточных правителей порождали беспечность и легкомыслие в отношении усилившейся Европы. Это своего рода самоуспокоенность и даже безразличие неплохо гармонизировали с особенностями климата, повседневного быта и обычаев Востока, с манерой поведения многих его правителей, часто недооценивавших

противника и считавших необходимым прежде всего продемонстрировать ему свое величие и высокомерие. В результате они в большинстве случаев не заметили, упустили момент необратимого изменения в соотношении сил.

Подобное поведение правителей Востока не было следствием какого-то патологического ослепления, непонимания ситуации или деспотического произвола. Все дело в том, что в XVI–XIX вв. имело место не «отставание» Востока, а «опережающее развитие» Европы. Даже темпы экономического развития Востока были в то время близки к европейским. Вообще Европа лишь к середине XVIII в. догнала страны Востока по производительности труда и уровню потребления. По некоторым подсчетам, в 1750 г. ВВП на душу населения в Западной Европе составлял 190 долларов, а в 1800 г. — 213, в то время как в Азии — соответственно 190 и 195. Самая богатая страна Европы — Франция — стала превосходить по этому показателю (250–290 долл. в 1781 г.) самую богатую страну Востока — Китай (228 долл. в 1800 г.).

Рост уверенности в своих силах привел к изменению отношения европейцев к Востоку. Еще раньше, после сражения 1683 г. под Веной, но особенно после двойного захвата Крыма русской армией в 1736–1737 гг. и продемонстрированной всему миру неспособности османов помешать этому, в Европе исчез комплекс страха перед Востоком и стал зарождаться комплекс превосходства над ним.

Последней на этот путь вступила Россия, которая подобно странам Иберийского полуострова, долгое время находилась под непосредственным господством восточного государства (Золотой Орды), а затем — в сложном контакте с его наследниками. Ордынское правление «оставило много несмываемых следов в русской жизни, которые были очевидны долгое время после ее освобождения» — считает видный историк Георгий Вернадский. Русские князья чеканили монеты с арабской вязью, пользовались тюркской и персидской керамикой, сиро-египетским стеклом, арабским оружием и боевым снаряжением. Огромную роль сыграл прилив татарской знати в русскую аристократию. В XVII в. 156 из 915 ее семейств были потомками выходцев из Золотой Орды, что способствовало восприятию Русью многого из культуры, нравов и политической практики мусульманских соседей. Знатные беки и мурзы Казани, Астрахани, Крыма, Ногайской Орды и Сибири вместе

со своими близкими людьми, слугами и воинами продолжали пополнять московскую, да и прочую российскую элиту в XVI–XVII вв., вследствие чего произошел, по Г. Вернадскому, «эффект отложенного действия», благодаря которому «прямое татарское влияние на русскую жизнь скорее возросло, чем уменьшилось, после освобождения Руси».

Московским государством заимствовались у соседей-мусульман судебная практика, боевая техника, методы ведения войны, а также способы управления, традиционные для тюркского общества (в частности, деление на знать — «белую кость» и простой люд — «черную кость»), почтовая и торговая служба «ям» (отсюда — «ямщик»), система сбора дани. Были взяты от Орды и ее наследников (или при их посредничестве) система всеобщей воинской повинности, некоторые виды вооружения, дипломатический этикет, обычай «бить челом» (т.е. кланяться до земли). Москва усвоила некоторые нравы степных ханов, отдельные должности и порядки их дворов. Более чем заметное в XV–XVI вв. влияние Казанского ханства на быт и архитектуру Руси позже уменьшилось. Но долго еще оно сказывалось в повседневной жизни и, особенно в политической культуре.

Самым же примечательным явилось то, что мусульмане на присоединявшихся к России в XVI в. и позже землях считали российских государей законными наследниками власти ханов Золотой Орды. Они называли царя «Ак Падишах», т.е. «Белый царь», признавая тем самым преемственность его власти от «Ак Орды» («Белой Орды», как называлась у мусульман Золотая Орда). Москва всячески поддерживала и использовала эту концепцию, тем более что она вооружала ее в борьбе против претензий наследников Золотой Орды, требовавших от нее дани и покорности. От такого рода претензий ханов Крыма Россия освободилась лишь в XVIII в.

Реформы Петра I повернули Россию лицом к Западу и заставили ее забыть многое из восточного наследия. Однако это наследие продолжало сказываться в социальных особенностях и повседневном быту европеизировавшейся «сверху» империи, в специальной терминологии (торговой, военной, финансовой и т.п.), в наличии особых общественных групп («служилых татар» и др.) и особых регулярных «иностранческих» формирований в составе русской армии, в институте казачества, восходившего к степным заставам еще «Ордынской

Руси» во главе с ата-теменами («отцами тьмы», т.е. войска в 10 тыс. чел.), от которых и пошли потом атаманы. Но наиболее цепки восточные заимствования (не только из Орды, но и из Византии, а также — от кабардинских князей, будто бы подсказавших царю в XVI в. саму идею опричнины) оказались в сфере осуществления царской власти, определив ее сверхцентрализацию и деспотизм в области политики, экономики и (учитывая зависимость церкви от престола) идеологии. Это предопределило многое в дальнейшей истории как России, так и российского Востока.

Внешние и внутренние факторы социального развития Востока

К началу XVI в. общественный строй стран Востока, несмотря на существенные различия социальных порядков по странам и континентам, имел много сходных черт. Если на Западе частное лицо (феодал) или особый институт (церковь, город) могли при определенных обстоятельствах противостоять государству и его суверену, то на Востоке это было практически исключено, хотя и допускались расхождения между светской и религиозной властью, чаще всего (особенно у мусульман) снимавшиеся объединением этих властей в одних руках. Точно также преобладала тенденция доминирования государственной собственности над частной, вплоть до полного сращивания власти и собственности. Замкнутость любой общины (соседской, патриархальной, этнической, конфессиональной) была доведена до абсолютной. И также более ярко, чем на Западе, была выражена связь человека с конкретным занятием. В Индии и примыкающих областях это нашло свое воплощение в кастовой системе, в других странах — в монополизации того или иного вида труда какой-либо этнической, религиозной, земляческой группой, а также — племенем или кланом.

Вопреки мнению «западников», частное лицо на Востоке также обладало определенными правами и могло их отстаивать (в религиозном, феодальном, племенном или ином суде), но только не вступая в конфликт с государственной или религиозной властью. Оно имело права собственности на свои землю и имущество, однако государство оставалось верховным собственником и распорядителем любого имущества,

да и религиозные обязанности существенно ограничивали собственника, вынужденного помимо государственных податей, выплачивать религиозные налоги и нести прочие затраты в соответствии с предписаниями религии. Кроме того, свободное население, к которому относится все вышесказанное, не составляло, как правило, большинства ни в одной из стран Востока. Преобладали обычно крестьяне, связанные путями личной или долговой зависимости, клиенты или вольноотпущенники, обязанные нести те или иные повинности по отношению к господину. Распространено было и рабство, редко — за долги, обычно же — формируемое за счет военнопленных, жителей завоеванных или ограбленных при набеге земель, преследуемых общин и этносов. Положение рабов было различным в разных государствах, но, как правило, лучше было положение тех, кто находился в частном, а не в государственном владении.

Помимо патриархально-общинных, рабовладельческих и феодальных отношений, существовало немало переходных стадий между ними, а также — всевозможных исторически возникших форм социального неравенства. К ним относились, прежде всего, кастовое неравенство, приниженное или неравноправное положение тех или иных этнических, конфессиональных и иных групп. Особым случаем социального неравенства были привилегии (политические, экономические, моральные) одних племен или групп населения в ущерб другим, либо когда-то побежденным первыми, либо обязанным им подчиняться в результате каких-то событий, соглашений или даже преданий. Иногда такое положение возникало вследствие целенаправленной политики властей. Примером могут служить свободные и податные племена Магриба, среди которых первые, составлявшие не более 10% жителей, не платили налогов, но за это помогали властям их собирать, именуясь при этом «люди правительства» (ахль аль-махзен), а остальные за все платили, именуясь «подданными» (райя).

Сложную проблему почти для всех государств Востока представляли кочевники и горцы. История Востока неоднократно прерывалась и даже обращалась вспять нашествиями кочевых народов, приводивших к разрушению производительных сил, опустошению гигантских территорий, гибели населения. Именно таковы были гигантские вторжения гуннов в III в. и монголов в XIII в., пришедших из Азии в Европу. Исключением,

пожалуй, были арабы, распространившиеся от юга Франции до севера Индии, но, как правило, не столько разрушавшие экономику и культуру завоеванных стран, сколько поставившие их себе на службу и создавшие на этой основе замечательную цивилизацию. Впрочем, и в рамках этой арабо-исламской цивилизации совершались движения огромных масс кочевников, имевшие разрушительные последствия. К XVI в. таких нашествий уже не было. Однако само наличие кочевого элемента в любом восточном обществе способствовало его нестабильности. Связанные со скотоводством и перманентной войной за пастбища и скудные в условиях пустынь и степей жизненные блага, отличные военные профессионалы с рождения, кочевники, жившие по законам патриархальной военной демократии, обычно презирали оседлое население, считали его «податным быдлом», способным лишь платить налоги. Вместе с тем они, как правило, завидовали богатству оседлых жителей, особенно горожан, и навязывали им свое «покровительство» и «защиту». Для властей кочевники обычно были наиболее беспокойной частью населения, упрямо старавшейся жить по своим правилам и способной на непредсказуемые перемещения и быстро вспыхивавшие мятежи.

Не менее трудно складывались отношения властей с горцами, которые также жили патриархальными общинами, племенами и кланами, редко когда признавали над собой чью-либо власть и отличались еще большей воинственностью, чем кочевники. Берберы Магриба, курды Ближнего Востока, черкесы и чеченцы Северного Кавказа, йеменцы, афганцы и другие горцы Востока ревниво оберегали свои порядки и обычаи, свой образ жизни и социальный быт. Власти старались по возможности не вмешиваться в их дела, опасаясь их вошедшей в привычку непокорности. В связи с этим горцы, как и кочевники, фактически сохраняли свой уклад жизни, свои культурно-лингвистические и бытовые особенности, представляя внутри обществ тех государств, в которые они входили, специфические социумы со своей структурой, традициями, внутренними отношениями и механизмами самоуправления, со своим фольклором, преданиями и менталитетом.

Такое положение способствовало еще большей социокультурной и иной дифференциации населения Востока, ибо, помимо классового, группового, этнического (в том числе на племена и кланы), религиозного деления населения, большое

значение приобретало и его региональное размещение. Жители разных регионов и областей (морского побережья или речных долин, горных ущелий или оазисов, плодоносных или безводных равнин), даже не отличаясь друг от друга по культуре, языку и подданству, отличались по образу жизни и типу хозяйства, а также — по тяготению либо к крупным городам (обычно — центрам политической и религиозной власти), либо — к оплотам горцев и стойбищам кочевников (как правило, настроенных оппозиционно).

Перемещения кочевых племен, вызванные чисто природными факторами (пересыханием рек, истощением пастбищ, болезнями, засухой и т.п.), иногда сопровождались дезурбанизацией ранее процветавших районов, сменой ландшафта и населения. К этому же вели войны и эпидемии. Но в целом к XVI в. такие явления были редки. Более характерным для Востока того времени было закрепление за той или иной областью определенной экономической специализации, например — зернового хозяйства на равнинах, садоводства в горах, пальмоводства в оазисах, ремесел и торговли — в городах, скотоводства — в степных и пустынных районах. Длительное сохранение этой специализации сопровождалось и консервацией соответствующих профессий в руках жителей конкретной области. Таким образом, разделение труда по этническому, конфессиональному и иному традиционному признаку дополнялось еще и региональной дифференциацией, что усиливало хозяйственные барьеры между регионами и земляческие связи внутри каждого из них.

Застойному, неподвижному характеру сложившихся на Востоке порядков способствовали, как уже отмечалось, относительное материальное благополучие большинства восточных государств и самоуверенность их правителей, не видевших смысла чему-либо учиться у других. «У меня есть все, — писал китайский император XVIII в. Цзяньлун английскому королю Георгу III. — Я не ценю искусных и диковинных вещей и не буду пользоваться изделиями твоей страны». Подобная позиция, учитывая абсолютный характер власти правителя, обрекала Восток на изоляцию и застой, на гибельное самолюбование в духе известной фразы Фауста «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» В условиях всемогущества государства любое, даже самое абсурдное и невежественное, мнение его главы было непререкаемо.

Помимо личностного фактора и зависимости от произвола деспота, доминирование государства (как выше отмечалось, объективно сложившееся на Востоке) сказывалось на экономике и социальном климате весьма негативно. Причем происходило это по самым разным направлениям исторического развития.

Намечившееся в XVII–XVIII вв. ослабление ряда восточных деспотий было связано с эпохой Великих географических открытий XV–XVI вв. Они способствовали, с одной стороны, перемещению торговых путей и центров на берега Атлантики, что обрекло на подрыв и запустение старые караванные и морские пути из Европы на Восток, а с другой — «революции цен», связанной с наплывом золота и серебра из колоний, захваченных европейцами в Америке и Африке. Только в Севилью в 1603–1660 гг. было открыто ввезено из американских колоний 185 тонн золота и 16886 тонн серебра! Причем нелегально, по ряду данных, было ввезено намного больше. Однако это вовсе не способствовало, как можно было предположить, сказочному обогащению Испании. Именно «проклятие золота» превратилось в исходную точку трагической смены в истории страны ее «золотого века» на последующие века упадка и нищеты. Произошло это потому, что почти все золото и серебро потчас тратились на оплату долгов голландским и итальянским банкирам, на закупку оружия и снаряжения в Германии и Франции, на финансирование военных операций в Европе, Африке, Америке, на Ближнем и Дальнем Востоке, на выдачу жалованья солдатам и офицерам, особенно наемникам. Нехватка средств даже вынудила короля Филиппа трижды за 40 лет объявлять государство банкротом.

«Революция цен» вследствие притока золота и серебра в равной степени поразила тогда и Европу, и Восток. Но там, где было развито товарное производство (в Англии и Нидерландах в первую очередь), это лишь обогатило производителей, чья продукция стала намного дороже. Иными словами, был дан очередной толчок росту капитализма и разложению феодализма, ибо в массовом порядке разорялись те, кто преимущественно покупал, а не производил, т.е. дворянство и феодалы, бюрократия и военные. По иронии судьбы, именно потери Испании от «революции цен» были в Европе наиболее значительны. Но наиболее негативны были последствия этого на Востоке. В Османской империи, особенно тесно соприкасавшейся

с Европой в XVI–XVII вв., цены выросли примерно в 6 раз, в Индии в XVIII в. — на 50%. В Китае, где в 1570 годы был введен единый налог, каковой необходимо было уплачивать серебром, наблюдалась наиболее значительная «серебряная интервенция»: несмотря на отдаленность Китая от Европы и ограниченность связей с ним, постепенно серебро из Америки потекло через Европу в Китай и другие страны Азии благодаря активности венецианских, португальских и османских (преимущественно армянских и греческих) купцов. С конца XV по начало XVII в. в Азию, главным образом в Китай, поступало ежегодно до 285 тонн серебра.

Однако тогда, в XVI–XVIII вв. товарооборот с Европой был еще незначительным и покрывал всего несколько процентов даже таких открытых для европейцев стран, как Индия, Индонезия, Цейлон. Другие же — Япония в 1635 г., Сиам в 1688 г., Китай в 1757 г. — просто закрыли свои рынки для европейцев. Тем не менее определенные потрясения испытала экономика почти всех стран Востока, что сказалось и на социальных процессах. Государство везде на Востоке старалось сдерживать рост цен, регулируя их в интересах потребителя, но ничем не стимулируя производителя, что дополнительно замедляло экономическое развитие.

Ослабление восточных деспотий в XVII–XVIII вв. выразилось также в стремлении временных или условных держателей земель стать наследственными собственниками. Это относится к военному сословию («сипахи») и откупщикам налогов («мультазимам») в Османской империи, «джагирдарам» в державе Великих Моголов в Индии и т.д. Обычно все такие попытки, даже имевшие успех вначале, затем все равно кончались возвращением к прежнему порядку, когда верховным собственником оставалось государство. Подспудно почти всюду на Востоке, только медленно и с виду незаметно, шел процесс изменения соотношения частной ренты и налога в пользу первой. Тем самым постепенно некоторые группы крестьян фактически стали землевладельцами. Но коснулось это лишь меньшинства, к тому же — к концу Нового времени.

При этом юридически государство как бы оставалось и даже укреплялось в роли собственника, как, например, это было сделано в Японии в XVI–XVIII вв. Здесь исчисление высокого (чуть ли не в 2/3 урожая) налога производилось от «базового», заранее сверху определенного урожая, заниженного по

сравнению с реальным, постоянно увеличивающимся. На этой основе сложилась своего рода «теневая экономика», деревня богатела, в том числе — за счет освоения новых земель, вообще не облагавшихся налогом. Поэтому государство, формально в Японии всем владевшее, стало беднеть, в то время как частные землевладельцы, торговцы и ремесленники — богатеть, позволяя себе нелегальную торговлю землей, спекуляции, «обман государства» в документах и отчетах, а также — создание мануфактурных производств.

Нечто похожее происходило в указанное время также в Корее и некоторых других странах. В Китае, где подушный налог был слит с поземельным, дополнительные подати, введенные в XVI–XVII вв., отставали от роста цен и падения стоимости серебра, что также давало возможность для нелегальной наживы и медленного процесса полускрытого формирования частной собственности. Удивительно, но и в Османской империи наблюдалось, особенно после прекращения ее военных успехов в XVII в., уменьшение доли государства в доходах населения: 50% — в начале XVI в., 25% — в середине XVII в., 20% — в первой половине XVIII в., а через столетие — не более 12,5%. Одновременно росло число «чифтлик-ов», т.е. мелких поместий, а также скупка их не только купцами и богатыми чиновниками, но и военным сословием, т.е. правящим слоем империи.

Однако далеко не всюду было так. В империи Великих Моголов, например, в счет налога отбирали треть урожая в конце XVI в. и половину его — в конце XVII в. Через столетие Могольское государство ослабло и налоговый гнет в нем смягчился. Однако он дополнился новым гнетом воинственной Махараштры, завоевавшей другие области — Гуджарат, Центральную Индию, Танджур. Завоеватели — маратхи, сохранив у себя низкие ставки налогов, стали забирать в завоеванных областях 1/4 урожая, а затем довели эту долю до совершенно невыносимой для сельчан.

Так или иначе, государство на Востоке, оставаясь одновременно и собственником, и властителем, активно занималось в XVI–XVIII вв. распределением и перераспределением материальных благ: земель, доходов от налогов, разрешениями на торговлю и прочих видов экономической деятельности, вмешательством во внешнюю торговлю (декретируя цены, поощряя импорт и ограничивая экспорт), организацией

и регламентацией ремесел, в основном ориентированных на спрос верхушки города. Горожан на Востоке (10–20% населения) вплоть до XIX в. было больше, чем в Европе (от 1 до 7%). Но это были, в основном, двор и челядь правителя, их бесчисленная обслуга, армия, бюрократия, духовенство, родня влиятельных горожан. Торгово-ремесленный люд городов неамного превосходил по численности всю эту массу непроизводительного населения, во многом зависел от нее и был крайне слабо связан с деревней, хотя в большинстве небольших городов не менее половины жителей занималось сельским хозяйством. Собственно «горожанами» («хадри» в Магрибе, «шахри» в Иране, «тенин» в Японии) считались купцы и ремесленники, объединенные в «цехи» («аснафы» — на Ближнем Востоке, «ханы» — в Китае, «ке» — в Корее) и гильдии («сичжон» в Корее). В Индии ими ведали кастовые старосты. Руководители всех этих объединений назначались сверху и зависели от властей. О реальном самоуправлении городов через эти институты речь не шла. Более того, раньше, в Средние века, многие из них были более самостоятельны, чем в начале Нового времени.

В XVII–XVIII вв. на Востоке наблюдались также явления, которые некоторым исследователям давали (а единицам из них дают и сейчас) основания говорить о якобы зарождении капитализма на Востоке. Речь шла о наемном труде и скупке готовой продукции ремесленных заведений, о развитии товарно-денежных отношений и создании крупных производств, прежде всего — в сукноделии, шелководстве, металлургии, судостроении, сахароварении, выпаривании соли. Иными словами, исходные позиции для буржуазной эволюции на Востоке были примерно идентичны существовавшим тогда на Западе. Более того, у Востока был даже ряд преимуществ, заключавшихся в более сильной власти государства, более высоком уровне жизни и обеспеченности людей продовольствием и другими товарами, более высоких мобилизационных и агитационных способностях религиозных структур. Дополнительные преимущества для средиземноморского Востока были созданы изгнанием из Испании морисков в 1609–1614 гг., а еще раньше — иудеев, в общей сложности — около 500 тыс. чел., большинство которых оказалось в Магрибе, Египте и на Ближнем Востоке, за исключением примерно 50 тыс. уехавших в Новый Свет (т.е. испано-португальские колонии в Америке),

а также — некоторого количества перебравшихся во Францию и Нидерланды. В Османской империи они одно время составляли от половины до трех четвертей населения таких крупных городов, как Салоники, Измир, Стамбул. Эти города, а также Дамаск, Каир, Иерусалим, Тунис, Триполи, Алжир, Константина, Оран, Танжер, Фес, Татуан, Сале получили таким способом тысячи искусных ремесленников, торговцев, банкиров, ювелиров, врачей, архитекторов, садоводов, моряков, мастеров других самых разных профессий, причем владевших европейскими языками, европейской техникой и навыками работы. Именно с их прибытием был связан скачок в развитии сельского хозяйства (в частности, производства оливок, винограда, оливкового масла, технических культур) и ремесел (особенно, в выделке оружия, предметов роскоши), а также — расширение масштабов коммерческого судоходства и корсарства, градостроительства, возведение мостов и крепостей, прокладывание дорог и каналов.

Именно благодаря морискам укрепился не только экономический и культурный, но и военный потенциал стран Магриба, непосредственно противостоявших наиболее агрессивным европейским государствам того времени — Испании и Португалии. Мориски участвовали в морских налетах на побережье этих стран и вообще Европы, доплывая иногда до Англии и Исландии. Особенно славились этим мориски городов Рабат и Сале в Марокко, которые доходили до Америки и только в 1620–1623 гг. захватили до 1 тыс. кораблей разных государств. Созданная ими «пиратская республика» Сале почти весь XVII в. терроризировала Европу, наживаясь на выкупах за захваченных в плен моряков, купцов и знатных людей, на перепродаже похищенных пиратами товаров с помощью негодяев Марсея и Ливорно, связанных с морисками и сефардами (т.е. изгнанными из Испании иудеями), на валютных спекуляциях, совершавшихся с помощью коммерсантов Генуи. Мориски и сефарды активно поддерживали османов, служили в их армии (особенно в Алжире и Тунисе) и были для Османской империи незаменимыми разведчиками, мореходами, артиллеристами, военными инженерами.

Однако корсарство, работоторговля и военное ремесло не были их главными занятиями. Фабриканты, финансисты, ростовщики, они одновременно много делали для упорядочения

администрации в странах Магриба, создания новых производств (мыловарения, выделки тканей), а главное — для возрождения «вкуса к искусствам, учебе и наукам», для постановки переводческой службы, для передачи коренным магрибинцам своего делового менталитета, техники, нравов, методов работы и психологии повседневной жизни. Разумеется, они не могли перестроить арабо-османское и даже магрибинское общество, решающим образом его изменить. Однако они его частично все же обновили, влив в него (особенно в городскую среду Магриба) новую жизнь и задержав примерно на столетие уже начавшуюся кое-где деградацию экономических структур и социальных порядков. Более того, неизменно усилив корсарство и обострив отношения с Европой, они вместе с тем содействовали развитию торговых и культурных связей с ней, привнесли в архитектуру и эстетику Магриба многие принципы европейского Возрождения.

Но все отмеченные преимущества как в мире ислама, так и в других регионах Востока, не были использованы. В какой-то мере это объяснялось открытой враждой (особенно с испанцами и португальцами в XV–XVI вв.), недоверием (особенно к венецианцам и генуэзцам, да и вообще к Западной Европе с эпохи крестовых походов), духовной отчужденностью Востока от Запада, религиозными запретами (например, банковского процента), да и другими менталитетом и моралью. Кроме того, сто раз описанные на Западе «консерватизм» и якобы «лень» уроженцев Азии и Африки определялись давней их тенденцией не спешить с переменами, которые неизбежно связаны с потерями и еще неизвестно, принесут ли выгоды.

Очень важным фактором неприятия новых идей и явлений, в том числе шедших с Запада, было само качество восточного общества, сложно структурированного, приспособленного к своим природно-климатическим условиям, более дифференцированного, чем западное общество, по социально-профессиональным критериям. По Максиму Веберу, для Запада «в прошлом сословное деление имело гораздо большее значение прежде всего для экономической структуры общества». Но это «прошлое» Запада в XVI–XVII вв. было достаточно четко выражено на Востоке, особенно — в том, что сословия дифференцировались там не столько по их месту в экономике (это было вторичным), сколько по традиционному положению в обществе, образу жизни, престижу и различным

привилегиям (или их отсутствию у низших сословий). С древнейших времен сохранялись почти всюду от Марокко до Японии (иногда — меняя лицо и название) сословия, или их реликты, сословное деление, или его наследие, в более поздних социальных структурах.

Например, в Китае и после XVII в. сохранялись традиционные сословия ученых (*ши*), земледельцев (*нун*), ремесленников (*гун*) и торговцев (*шан*), а над ними возвышались потомки победителей — «знаменные» (*цижень*)¹ маньчжуры, монголы и некоторые китайцы. Ниже всех находился «подлый люд» (*цзяньминь*). Реально все было гораздо сложнее, ибо в среде «ши», помимо ученых, оказывались также саванники и студенты, в сословии «гун» — хозяева крупных мастерских и кустари-одиночки. Иными словами, классовое деление пробивалось сквозь сословное. Важное значение имели и группы внутри сословий. В частности, высшая группа верховного сословия имела 12 титулов для мужчин и 8 — для женщин, другая группа знати подразделялась на девять рангов. Особую фракцию образовали военные, делившиеся на более привилегированных маньчжуров, менее привилегированных монголов и следовавших за ними китайцев. Значительны были и преимущества чиновников, делившихся на девять классов, каждый из которых имел два ранга. И позже, на рубеже XIX—XX вв., традиционные и социальные общности продолжали доминировать и цепко держать в плену своих связей, ценностей и менталитета нарождавшиеся новые общественные группы. Это создало идеальные условия для процветания бюрократии, бюрократизма, бюрократических нравов во всех слоях многоступенчатой социальной иерархии.

В противоположной части Востока — странах Магриба — сословное деление в основном выражалось в различиях между бедуинами и оседлыми, крестьянами и горожанами, а среди последних — между коренными обитателями и чужаками («барранийя»), пришедшими из других областей. Огромную роль играли различия между племенами «ахль аль-махзен» (люди правительства) и «райя» (подданными), а также между племенами арабов и берберов, в городах представленными группами своих земляков, фактически — формированиями сословного типа. Особым сословием были рабы, а также — бывшие рабы, делившиеся на африканцев — «генауа»,

принявших ислам, но не поднимавшихся высоко по социальной лестнице, и «мевлед-руми» («урожденных христиан»), т.е. исламизированных европейцев, достигавших самого высокого положения, особенно — в Алжире и Тунисе. Деление населения на мусульман, христиан и иудеев оставалось основополагающим с правовой точки зрения. Но среди мусульман также важную роль играло с XI в. деление на сторонников различных суфийских братств, последователи которых (хваны, т.е. «братья») обычно слепо следовали за своими марабутами (дервишами — предводителями), выполнявшими одновременно функции религиозного наставника, учителя жизни, боевого командира и мудреца — носителя божественной благодати («барака»). В Марокко особым сословием стали с XVII в. «фаси», т.е. жители города Фес — наиболее искусные торговцы, ремесленники и лица интеллектуального труда, образовавшие экономическую и духовную элиту страны. В их ряды (в основном — потомков андалусийских эмигрантов из Гранады) влились в дальнейшем и разные группы близких к ним морисков. В Тунисе и Алжире мориски также сохраняли свою самобытность и организацию, постепенно (в основном — вследствие экономического упадка) исчезнувшие к XIX в.

Сложный состав населения, его, как правило, многоэтничность, культурная многослойность, утяжелявшая и без того громоздкую структуру социальной иерархии, во многом мешали не только серьезным реформам, но вообще сколько-нибудь значительным изменениям восточного общества. Негативную (объективно) роль играли также самодостаточность государства, жесткость и отлаженность его механизмов, его нежелание (возможно, даже неспособность) отказаться от своей роли регулятора и распределителя. Отмеченная выше гипертрофия бюрократии, ее привилегий и влияния также была барьером для любых перемен в любой сфере жизни общества. То же самое относится к духовенству, занимавшему, особенно в странах ислама, еще более нетерпимую позицию в отношении того, что мусульмане называли «бидъа» (вредные новшества).

Распространенная в литературе последнего времени попытка объяснить отставание Востока от Запада с точки зрения превосходства западной цивилизации над восточными не представляется обоснованной. Каждая цивилизация, являясь

целостной системой, опирается на собственные традиции, моральные и социальные ценности, исторически сложившийся тип культуры, этику и концепцию жизни. Но она вовсе не предопределяет экономику, общественные отношения, политический строй, хотя и существенно влияет на их формы и методы развития, как это явствует из вышеперечисленных примеров. Слишком многое в межцивилизационных отношениях и в соотношении сил между цивилизациями зависит от уровня развития каждой из них, времени и обстоятельств их встречи. Западная цивилизация, в конечном счете, победила как более молодая, более стремившаяся к экспансии и нуждавшаяся в ней. Когда-то, в VIII–X вв., арабо-исламская цивилизация, полная сил и задора, вырвавшись в авангард мирового развития, победила раннефеодальную Европу, более слабую экономически и политически, с еще не оформившимися социальными институтами и отношениями, находившимися в процессе становления. Эпоха крестовых походов XI–XIII вв. явилась своего рода временем равновесия сил между Востоком и Западом. Но все же еще преобладала учеба второго у первого и, в общем и целом, большая эффективность, организованность, «культурность» восточного феодализма по сравнению с западным. К XVI в. это преобладание было утрачено, а сама отлаженность, монолитность феодализма на Востоке выросла в препятствие его дальнейшему развитию и потенциальному преобразованию. В то время как на Западе феодализм эволюционировал, а кое-где уже изживался, открывая путь более динамичному обществу, социальная энергетика которого намного превосходила таковую общества феодального.

Следствием этого и явилось постепенное ослабление Востока в XVI–XIX вв., но не абсолютное, а относительное, как вследствие определенной самоуспокоенности и довольства собой, своими порядками, которые жители Востока считали в большинстве случаев идеальными (а власти и духовенство всячески их в этом заверяли), так и по причине негативного воздействия внешних факторов — упадка торговли почти всех стран Востока ввиду перемещения торговых путей в Атлантику в XV–XVI вв., «революции цен» и инфляции вследствие «серебряной интервенции», обеднения государства почти всюду как в связи с уменьшением стимула к производству и сокращением налоговых поступлений от него, так и в связи с падением доходов от завоеваний (с рубежа XVII–XVIII вв. Восток

стал регулярно терпеть поражения в войнах с Западом). В результате постепенно сложились благоприятные условия для военной, политической и экономической экспансии Запада на Восток, что и привело к колониальному закабалению Востока (см. раздел «Политическая эволюция Востока»).

Колониализм и социальные перемены на Востоке

В колониальную эпоху на Востоке начались социальные перемены. При этом речь идет не только о преобразованиях, которые проводили колонизаторы, но и о реформах в странах, сохранивших свою государственность и стремившихся дать более или менее адекватный ответ на вызов истории, ставившей под сомнение суверенитет и жизнеспособность народов Востока. Вообще колониализм как явление, ранее рассматривавшееся в нашей литературе крайне односторонне и в целом лишь негативно, нуждается в более внимательном и всестороннем анализе. В частности, именно колониализм, насильственным путем ломая архаичные социальные структуры Востока или же решающим образом способствуя их подрыву, объективно расчищал место для нового общества и новых отношений, для модернизации традиционных структур, создания новой экономики, культурного и политического прогресса.

Другое дело, что часто колониальные «просветители» останавливались на полпути, предпочитая сохранить многое из старого наследия и отживших свое порядков, превращая колонии в полумодернизированные прибежища традиционализма; наилучшим образом приспособленные к нуждам метрополий. Тем не менее даже при такой схеме на Востоке возникали современные предприятия, работавшие на новейшей технике, появились предприниматели и квалифицированные служащие, наемные работники и европейски образованные интеллигенты. Однако все это было потом, когда Запад уже подчинил себе Восток и, добившись от него всего, что хотел, решил «обустроиться» здесь надолго. Начало же колониальной эпохи было темным и страшным периодом в истории Востока, когда арабы, африканцы, индийцы, малайцы столкнулись с европейцами не как с гуманными «цивилизаторами», а как с жестокими агрессорами, безжалостными захватчиками, беспощадными эксплуататорами и рабовладельцами.

Именно таковыми были первые колонизаторы — португальцы и испанцы. Феодалные монархии Иберийского полуострова, повинувшись инерции реконквисты и охватившему эти страны в XV—XVII вв. католическому рвению, доходившему до массового фанатизма, устремились на поиск новых земель и торговых путей, подталкиваемые к тому воинствующим дворянством, могущественной церковью и банкирами Фландрии, финансировавшими заморские экспедиции с целью избавиться в торговле с Востоком от посредничества арабов и Венеции. Первые экспедиции португальцев вообще напоминали крестовые походы и были связаны не столько с торговлей (обычно сводившейся к работоторговле), сколько с захватом опорных пунктов на афро-азиатском побережье, строительством крепостей и факторий, церквей и тюрем, попытками распространения христианства в промежутках между грабительскими налетами в поисках золота, пряностей и прочих раритетов для тогдашней Европы.

Неудивительно, что португальский колониализм больше напоминал пиратство и разбой, а общение португальцев с азиатами и африканцами сводилось к ограблению, порабощению, пыткам и кострам инквизиции, наконец — к массовому уничтожению тех, кто пытался протестовать, как это было с мусульманами Малакки, Момбасы и некоторых других мест. В этих условиях говорить о каком-либо серьезном влиянии Португалии на социальные процессы в захваченных районах почти не приходится, тем более что португальское присутствие в этих районах осуществлялось в состоянии перманентной колониальной, религиозной и торговой войны. Лишь в отдельных областях Индии и Индонезии это присутствие способствовало росту товарно-денежных отношений, подъему торговли и ремесел. В основном же хозяйство многих стран от востока Африки до Молуккских островов было подорвано грабительской политикой португальцев. Как правило, в районах их экспансии усиливались феодальные и военно-деспотические порядки, широко процветала работоторговля (в страну ежегодно ввозилось до 10 тыс. рабов), росло напряжение как между португальцами и местными жителями, так и внутри самого местного населения, часть которого принимала христианство, участвовала в качестве наемников в военных действиях, вместе с португальцами разоряла местные храмы, мечети, пагоды.

К середине XVII в. Португалия, утратив свое положение ведущей колониальной державы, отступила почти повсюду. С этого времени можно говорить о какой-то хотя бы относительной «модернизации» португальского колониализма, о хотя бы попытках экономического и социального развития колоний, о внедрении там начатков промышленности и о воспитании образованной элиты, впоследствии прозванной «асимилядуш» (ассимилированные). Эти люди, среди которых было немало португальцев по рождению (португальцы часто смешивались в колониях с теми, кто принял христианство), стали людьми португальской культуры и опорой португальского влияния. Однако впоследствии именно из них формировались и кадры местных патриотов, так как даже смягчившийся после XVII в. колониальный гнет в португальских колониях оставался достаточно тяжелым, расправы с непокорными беспрецедентно жестокими, а откровенное рабство и работорговля лишь на стыке XIX–XX вв. уступили место наемному труду и «контрактации» рабочей силы, которая на деле была разновидностью замаскированного рабства.

Столь же беспощаден и бесчеловечен был и колониализм Испании, несколько отставший по времени от португальского и многому у него научившийся, в том числе — в ходе конкуренции с ним. Завоевания испанцев были более обширны, особенно — в Америке и на Филиппинах. Они также делали упор вначале, как и португальцы, на христианизацию коренного населения и поиски золота, пряностей. В их методах также преобладали методы грубого насилия, военного подавления, пытки, казни, физическое уничтожение тех, кто отвергал испанское господство.

Главным владением Испании на Востоке стали Филиппины, которые в основном имели для Мадрида военно-стратегическое значение, так как здесь испанцы почти не нашли ни золота, ни пряностей. Экономически эксплуатировать Филиппины вообще было довольно трудно, ибо путь, например, из Севильи в Манилу и обратно в XVI в. занимал первое время около 4 лет. Обособленность островов и малочисленность испанцев на них заставляли колонизаторов искать опору в местной верхушке. Постепенно, начиная с XVII в., стала формироваться прослойка помещиков. Они, а также монастыри, стали основной землевладельцев (асендеро). Широкое применение получили издольщина и долговая кабала, но юридическая свобода

крестьянина и наличие обширных пустующих земель способствовали развитию мелкого крестьянского землевладения, не скованного ни личной зависимостью, ни общинными связями, весьма непрочными. В то же время со второй половины XVII в. усилилось влияние церкви. Вся территория страны была поделена между пятью монашескими орденами, а монахи-испанцы нередко были единственными представителями и духовной, и светской власти, одновременно выполняя функции приходских священников.

С начала XVII в. ведущая роль в колониальных завоеваниях переходит к Голландии. Если в испано-португальской системе главную роль играл феодально-бюрократический аппарат, то голландцы впервые учредили колониальную систему торгового капитала. Голландская Ост-Индская компания, возникшая в 1602 г., получила не только право монопольной торговли и мореходства практически во всем афро-азиатском мире, но и право содержать свои войска, объявлять войну, заключать мир, чеканить монету, строить крепости и фактории. Эта компания действовала эффективнее португальцев и вскоре вытеснила их из главных зон — Индонезии, Цейлона, Тайваня, ряда островов Индийского и Тихого океанов. Имея в XVII в. на Востоке кораблей в 70 раз больше, чем Англия, голландцы в союзе с англичанами изгоняли отовсюду испанцев и португальцев. Однако вскоре острая конкуренция между союзниками привела к изгнанию и самих англичан, более сильными тогда голландцами практически из всей Юго-Восточной Азии. Голландцы, действуя иногда экономическими методами (в частности, скупая у населения пряности и другие ценные для Европы товары по ценам более высоким, чем предлагали испанцы и португальцы), не чурались и грубого насилия. Они закрывали доступ в свои колонии всем неголландцам, ревностно охраняли свою монополию на скупку местных товаров, организовывали экономически эффективное в условиях Юго-Восточной Азии плантационное хозяйство, основанное на рабском и полурабском труде, а в дальнейшем — на контрактации рабочих-мигрантов, в основном из Китая и Индии. Тогда же к колониальным структурам в Юго-Восточной Азии стали подключаться инациональные торговцы, в основном арабы, индийцы и китайцы.

Ост-Индская компания голландцев не вмешивалась в социальные порядки покоренных ею народов, оставляя власть

и доходы местным феодалам и племенным вождям при условии выполнения ими всех ее распоряжений, особенно — принудительных поставок пряностей, золота и олова, а также — уважения ими торговой монополии компании. Со многими князьями заключались договоры, т.е. формально они сохраняли суверенитет. Но в соответствии с этими же договорами они вынуждены были делать все, что захочет компания, вплоть до насаждения новых агрикультур. В частности, на Яве феодалы в XVIII в. заставляли крестьян сокращать посевы продовольственных культур и разводить кофейные деревья. Урожай кофе, естественно, забирала компания. Накопление капиталов за счет эксплуатации колоний, однако, вскоре пошло во вред Голландии, способствуя развитию ростовщичества, но не промышленности. Поэтому вскоре Голландия была оттеснена Англией. Но она сумела сохранить часть колоний, так как Англия столкнулась с соперничеством Франции.

Методы голландского колониализма широко использовали англичане и французы. Англия, начавшая колониальную экспансию одновременно с Голландией, на первых порах ей уступала и по мощи военно-морского флота в Азии, и по размерам капиталов созданной в 1600 г. британской Ост-Индской компании (30 тыс. фунтов стерлингов против 540 тыс. у ее голландского аналога). В XVI в. морская экспансия Англии вообще ограничивалась пиратскими экспедициями, грабившими испанские и португальские суда, перевозившие в Европу золото, серебро и прочие ценности из Америки. Все это совершалось при поддержке и по прямому подстрекательству королевского двора и лондонской знати, так же как налеты на побережье испанских колоний и работорговля. Первые британские колонии, захваченные на севере Америки, и были прежде всего базами фактически государственного пиратства.

Со второй половины XVII в. Англия, постепенно наращивая военное могущество на море и на суше, сумела к началу XIX в. отобрать у Голландии почти все ее колонии в Азии и проникнуть в главную из них — Индонезию. С XVII в. развернулось и англо-французское противостояние в Индии и Америке, в основном, закончившееся в пользу Англии. Параллельно англичане начали завоевание Малайи и Бирмы. Но британские (как и голландские) завоевания шли медленно, так как сопротивление

им было гораздо сильнее, чем португальцам и испанцам, ввиду захвата ими обширных территорий и подчинения целых народов. Политика насильственной христианизации, торговой монополии, налогового грабежа и административного подчинения не только оскорбляла религиозные чувства и национальное достоинство жителей Востока, но также задевала их экономические и политические интересы. Поэтру англичане, учитывая опыт всех своих предшественников и конкурентов по колониальному грабежу, выработали концепцию «косвенного управления» колониями.

Она заключалась в стремлении установить как можно более тесный контакт с верхушкой завоеванной или фактически подчиненной страны, всячески ее обласкать и подкупить, максимально приблизив в политическом и культурном отношении, но при этом — не вмешиваться, по возможности, во внутренние дела данной страны, создав у ее народа иллюзию сохранения своей самостоятельности и самобытности. Расчет заключался в том, что местная верхушка, полностью ориентируясь на Лондон, сама найдет наилучшие способы и пути реализации британских интересов и при этом, опираясь на традиции страны, сумеет умело замаскировать суть своего прислужничества колонизаторам.

Слабым пунктом концепции была относительная узость социальной опоры политики Англии. Чем сильнее были традиционные элиты (феодалы, родо-племенные вожди и т.п.), чем прочнее оказывались их позиции в стране и чем дольше англичане привлекали их на свою сторону, тем успешнее осуществлялась концепция «косвенного управления». Однако далеко не всегда и всюду так было. Позиции и авторитет традиционных элит, как правило, подрывались уже самим фактом присутствия колонизаторов. «Невмешательство» последних во внутренние дела колонии тоже имело свои пределы: очень часто этот принцип нарушался. Кроме того, традиционные эксплуататоры, соглашаясь на сотрудничество с англичанами во имя, как правило, каких-то своих корыстных интересов, далеко не всегда находили оптимальные способы реализации британской политики и тем более маскировки ее направленности. Поэтому британскую колониальную империю, самую мощную и разноликую в мире, включавшую в себя все типы колониальной зависимости — от переселенческих (в Америке, Австралии, Новой Зеландии) до классических колоний и

полуколоний — постоянно сотрясали восстания, мятежи, движения протеста. Причем нередко их возглавляли выходцы из тех самых традиционных элит, которых англичане старались привлечь на свою сторону. И дело было не в том, что их лишили прерогатив, власти и привилегий (это было крайне редко), а в нежелании играть роль марионеток, приказчиков чужеземцев, предателей своего народа, его культуры, религии и традиций.

Более того, в условиях относительно мирного функционирования британского (да и всякого иного) колониализма происходило убыстрение социальных процессов, в частности таких, как разложение натурально-патриархального уклада и, следовательно, патриархальной (соседской, кровно-родственной) общины, выделение из нее новых элементов, способствовавших распаду всей системы традиционных связей и отношений (за исключением этнических и конфессиональных). Интересы построения колониальной экономики давали толчок строительству дорог, каналов, ирригационных сооружений, новых поселков, развитию внутренней и внешней торговли, а также сети финансово-кредитных учреждений. Все это требовало подготовки квалифицированных (по колониальным стандартам) рабочих и служащих, а также способствовало рождению местного предпринимательства. Наиболее образованные представители этого слоя жадно впитывали в себя не только экономические знания и соответствующую философию Запада, но и его политическую культуру, в частности понятия о гражданских правах и свободах, о самоценности человека, о «вестминстерской модели» демократии и т.п.

В зависимости от положения той или иной страны в колониальной системе, уровня социально-экономического развития и методов эксплуатации освободительная борьба народов Востока приобретала тот или иной характер. Очень важным стимулом к освобождению явилось достижение независимости переселенческими колониями — североамериканскими, созданными в конце XVIII в. Соединенные Штаты Америки (США), и южноамериканскими, также основанными ряд суверенных государств после 1820 г. Их пример, а также противоречия между колониальными державами, оспаривавшими колонии друг у друга, возникавшие периодически трения между колонизаторами и теми, на кого они пытались опираться, изменения экономической конъюнктуры, стихийные

бедствия и довольно частые просчеты в колониальной политике, обычно связанные с незнанием или недооценкой силы местных традиций, постоянно питали силы национального, социального и духовного протеста в странах, попавших в колониальную зависимость. В ряде случаев это привело к массовым восстаниям и антиколониальным выступлениям, таким как восстание Дипонегоро на Яве в 1825–1830 гг. против голландского гнета, движение эмира Абд аль-Кадира в Алжире в 1832–1847 гг. против французов, национальное восстание («восстание сипаев») 1857–1859 гг. в Индии. Эти и многие другие движения были выражением феодального этапа национально-освободительной борьбы народов.

Феодальным этот этап назван не только по социальной принадлежности руководителей восстаний, но и по методам борьбы и организации повстанцев, по их идеологии и убеждениям, носившим прежде всего религиозный характер. От Алжира до Индонезии ими использовался лозунг «джихада» (священной войны против неверных). Мусульманские духовные авторитеты издавали фетвы (постановления) об обязанности каждого правоверного сражаться с колонизаторами, приход которых превращает «страну ислама» (дар уль-ислам) в «страну войны» (дар уль-харб). Варианты феодального мировоззрения и феодального характера антиколониальных выступлений наблюдались иногда и в других странах Востока. Иначе и не могло быть, так как социальный строй стран Востока XVI–XIX вв. при всем их разнообразии и многоукладности (социоэкономической, социокультурной, этнополитической и т.п.) представлял собой всюду вариации восточной формы раннего или развитого феодализма со значительным удельным весом патриархально-общинных, рабовладельческих и переходных между ними структур.

Конечно, в ходе борьбы к ее руководству часто выдвигались простые незнатные люди, а формы организации войска и вооружение менялись, совершенствовались, выходили за рамки феодальных традиций и представлений. Однако в целом участие феодалов в борьбе и использование в ней феодального наследия как бы вливали свежую струю патриотизма и героизма в это наследие, временно даже закрепляя позиции феодализма в обществе, а элементы капитализма (вернее предкапитализма) в лице торгового капитала, наемного труда, перехода от ростовщического к банковскому проценту либо

подавляли, либо оттесняли на второй план. Пестрый, разноплеменной и многоэтничный состав населения предопределял отсутствие у него единого национального сознания, отсюда вытекало и стремление спланироваться по клановым, земляческим, племенным, религиозным критериям, а также в соответствии с традиционной верностью тому или иному феодалу, вождю, предводителю, вероучителю. Только крах движений, руководимых феодалами, и переход большинства из них на сторону колонизаторов изменял положение.

Но это вовсе не означало, что феодализм в колониях стал постепенно изживаться и исчезать. Метрополии, конечно, объективно внедряли капитализм, вводя в массовом масштабе наемный труд, поощряя предпринимательство, создавая промышленные предприятия и применяя новейшую технику. Однако они внимательно следили, чтобы экономическое развитие колоний шло лишь в русле их интересов и чтобы новые социальные слои, буржуазия и интеллигенция, не слишком усиливались. В качестве надежного противовеса этим силам колонизаторы всячески поддерживали проверенных ими «в деле» феодалов и выпестованную в колониальной школе бюрократию. Поэтому и в двадцатый век колониальный Восток, насчитывавший кое-где уже довольно длительный срок существования национального частного предпринимательства и интенсивного экономического обмена с метрополиями, вступал в основном в переходном состоянии, уже не феодальном, но еще далеко не капиталистическом. Более того, разные виды капитализма, не освоив большей части социального пространства Востока, лишь увеличили многоукладность и пестроту восточного общества, его дробность и неинтегрированность.

Определенной спецификой обладал французский колониализм. Хотя его начало относится к XVI в., достижения феодально-абсолютистской Франции были, в основном, утрачены к концу XVIII в. Новый подъем колониальной экспансии Франции пережила в эпоху наполеоновских войн, начиная с захвата Бонапартом Египта в 1798 г. и последующей попытки захватить Палестину. В дальнейшем Франция захватила Алжир и другие страны Магриба, проникла на Ближний Восток, подчинила себе значительную часть Африки, страны Индокитая, многие острова в Индийском океане. Французская колониальная империя по размерам уступала только британской.

Вместе с тем в управлении этой империи были свои особенности. Французы придерживались концепции «прямого управления» в колониях, предпочитая разрушать местные порядки и навязывать свою власть непосредственно, не прибегая, как англичане, к сотрудничеству с местными элитами. Более того, в отличие от англичан, предпочитавших сохранять по возможности традиционный социальный строй в колониях, французы делали ставку на максимальную модернизацию этого строя и на ассимиляцию местных жителей, которым предоставлялась «честь стать французами», но лишь по языку и культуре, без получения соответствующих прав.

Концепция «прямого управления» была довольно быстро «исправлена», так как ни разрушить полностью традиционное общество, ни превратить население колоний во «французов» было невозможно. Более того, в ряде колоний, например, в Алжире, французские власти постарались приспособить к своим нуждам местные феодальные и общинные институты, религиозные братства, сотрудничали с местной элитой, раздавая ей чины, ордена, разные привилегии. Но все же результатом применения концепции «прямого управления» было более быстрое преобразование социальных структур в колониях Франции и массовое распространение там образования на французском языке. Фактически был воспитан значительный слой людей, полуассимилированных французским влиянием, хорошо знакомых с языком и культурой Франции. Это позволило колониальным властям использовать данный факт в своей политике и пропаганде, делая упор (особенно после 1870 года) на «цивилизаторскую миссию» Франции в колониях и на ее приверженность «идеалам свободы, равенства и братства», рожденным Великой французской революцией 1789 г. На очень значительную часть интеллигенции колоний, окончившей французские школы и университеты, подобная пропаганда действовала всегда эффективно. Но это было типично скорее для второй половины XIX в. Что же касается предшествовавших двух-полтора столетий, то тогда ставка делалась, в основном, на силу, как и у прочих колонизаторов. Более того, известно, что Наполеон Бонапарт, придя к власти, восстановил рабство во французских колониях, отмененное якобинцами.

Практика иных государств Запада, обратившихся к колониализму в XIX в. (Бельгии, Италии, Германии, США) ничего

нового, в основном, не привнесла. Англия и Франция так и остались наиболее крупными в мире колониальными державами, своего рода законодателями и учителями колониализма. Причем их практика и политика, а иногда откровенное давление и вмешательство, прямо влияли на государства Востока, формально избегавшие колониального порабощения. Так, в частности, совместный нажим США, Англии, Франции, России и Голландии в середине XIX в. придал новый стимул шедшим в Японии с XVII в. процессам развития товарно-денежных отношений, росту городов, уже в XVIII в. вобравших в себя до 15% населения, усилению купечества и ростовщичества в условиях самоизоляции страны, заимствованию западной техники (прежде всего военной) и расширению хозяйственно-предпринимательской деятельности феодалов (особенно низшего самурайства).

«Открытие» страны под нажимом держав резко увеличило внешнеторговый оборот и производство товаров для мирового рынка, чему способствовали островной характер Японии и налаживание ею связей, в сущности, со всеми ведущими торговыми государствами мира. Вместе с тем всю страну охватило возмущение изжившим себя режимом сёгуната. Против него и за «изгнание варваров», т.е. иностранцев, объединились непрерывно восстававшие крестьяне и городская беднота, обнищавшее самурайство (чьё благосостояние зависело от богатства государства) и не выдерживавшее конкуренции с «варварами» купечество. Все это сделало возможным «реставрацию Мэйдзи» (т.е. «эру просвещения» императора Муцухито в 1868–1912 гг.). По сути, это была настоящая революция, хотя и весьма протяженная во времени, когда примерно в течение 5 лет после свержения сёгуната и восстановления власти императора были ликвидированы оковы средневековья в стране: княжества, цехи и гильдии ремесленников и торговцев, привилегии сословий. Важно было, что среди аристократии и самурайства очень многие лица были связаны с предпринимательской деятельностью и заинтересованы в ликвидации всех барьеров на ее пути. Свобода торговли, передвижения, эмиграции, свобода выращивания без регламентации любой сельскохозяйственной культуры, новая система просвещения, которая привела за 16 лет к массовой грамотности населения, создали базу нового общества Японии, во многом обусловив ее отличие от других стран Востока.

В кратчайшие сроки в стране появились железные дороги и телеграф, современный флот и промышленность, оптимальная структура низшей, средней и высшей школы, обеспечивавшая страну вполне подготовленными кадрами для экономики, науки и войны. Последнее обстоятельство оказалось немаловажным, так как купля-продажа земли и распад общины способствовали обезземеливанию крестьянства и созданию большой армии незанятого населения как в деревне, так и в городе. Ограниченность внутреннего рынка, сохранение помещичьей собственности, в том числе — «новых помещиков» из ростовщиков и разбогатевших крестьян, сужала возможности трудиться для большинства «лишних» людей. В этих условиях введение в 1873 г. всеобщей воинской повинности и начало в 1874 г. сугубо агрессивной политики против Тайваня, Кореи и Китая, были для Японии прежде всего средством ослабления внутренней социальной напряженности, связанной с издержками преобразований эпохи «Мэйдзи». Одновременно внешняя экспансия выбила почву из-под либерального движения, начинавшего раздражать правящие круги, дворянство и крупный капитал, а также — стимулировала промышленное, техническое и военное развитие в интересах этих кругов.

Практически Япония, с её не утратившим военно-феодалного характера «новым» империализмом, была как бы пригнана в «клуб» колониальных держав и стала активно участвовать в дальнейшем переделе мира на Дальнем Востоке. Но это был тогда единственный пример «европеизации» (пусть неполной) и «обуржуазивания» (тоже не во всем) азиатской страны. Японии как бы исторически «повезло» с её давними традициями торгово-денежных отношений и хозяйственной инициативности правящего класса в связи с островным положением и более чем двухвековой изоляцией, а также — с наличием глубоких противоречий между западными державами, не сумевшими осуществить в отношении Японии коллективный колониализм. Судьба других стран Востока сложилась иначе.

Например, Иран, формально оставшись независимым, на деле стал объектом англо-французской, а затем англо-русской борьбы. Наплыв британских товаров в конце XVIII в. и в течение всего XIX в. разорил ремесло и мануфактуры Ирана, оставив без работы десятки тысяч мастеров. Страна становилась, в основном, рынком сбыта для иностранных товаров, а в

социальной жизни ее городов (как и в соседних странах) большую роль стал играть «базар», т.е. купечество и мелкие торговцы, в меньшей степени — ремесленники, их помощники и подмастерья. Но «базар» был скорее барометром настроений большинства горожан. Решающая же роль принадлежала шаху и его бесчисленной родне, духовенству и феодалам, среди которых наиболее непредсказуемыми были вожди тюркских племен на севере и курдских — на западе Ирана. Благодаря процветавшей в стране коррупции многие из этих вождей, как и другие феодалы и чиновники, легко подкупались англичанами, настраивавшими с их помощью местных шиитов то против России, то против суннитов-османов, то против афганцев, кавказцев и других иранцев. При этом даже робкие попытки модернизации государственного аппарата и финансов страны, предпринятые умеренным реформатором Мирзой Таги-ханом в 1848–1851 гг., были сорваны англичанами, которые стремились законсервировать страну в отсталом состоянии, свободно маневрируя ее бессильной и продажной верхушкой.

Османская империя всегда была сильнее Ирана тем не менее и она еще раньше стала попадать в зависимость от Запада, предоставив в XVII–XVIII вв. т.н. капитуляции, т.е. привилегии купцам Европы, которые платили на таможенные пошлины не более 5–3% и имели гарантию жизни и имущества. Никаких гарантий не имели местные купцы, платившие пошлины 10–12%. В дальнейшем европейские державы распространяли эти привилегии на своих агентов-посредников, обычно из местных христиан (армян, греков, славян). А по капитуляции 1740 г. Франция получила право покровительствовать не только своим купцам, но и миссионерам. Франция, Англия и другие европейские державы наводнили империю своими товарами и резко усилили свое влияние. В начале XIX в. это привело к 10–20-кратному сокращению числа ткацких и иных мастерских. Развивалось лишь производство для нужд армии, а предпринимательством, в первую очередь, занимались те, кому покровительствовал Запад. В 1839 г. предоставлением «неприкосновенности жизни, чести и имущества» подданным империи была начата «танзимат-и хайрие» (благотельная реформа). Но эта «эпоха танзимата» во многом сохранила основы уже отжившего социального строя и правовое неравенство жителей страны.

Второй период «танзимата» (1856–1870 гг.) еще больше обеспечивал интересы иностранного капитала и союзной с ним инонациональной компрадорской буржуазии. Были расширены возможности для частного предпринимательства и частной собственности вообще, но учрежденный государственный банк целиком контролировался англичанами и французами, с его помощью установившими полный контроль над финансами, внешней и внутренней торговлей. Неуклонно возроставший внешний долг империи, в обеспечение которого кредиторам постепенно передавалась значительная часть доходов государства, еще больше увеличил ее зависимость от Запада.

Совершенно особый случай взаимодействия народов Востока и Европы представляла собой политика Российской империи. Наряду с сохранением неравенства и различий между народом-завоевателем и покоренными этносами, а также политическим и религиозным гнетом (в частности, принудительным до 1685 г. крещением нехристиан), имело место и сближение между русскими и многочисленными, как их называли, «инородцами» Поволжья, Сибири, южных степей. В 1773 г. было покончено с дискриминацией ислама и других неправославных конфессий. В 1783–1784 гг. часть мусульманской знати получила права российского дворянства. В городах империи, в том числе — с немусульманским большинством, строились мечети, медресе, библиотеки для мусульман. Уровень грамотности среди них в Поволжье превышал среднероссийский (20,4% в 1897 г.). Присоединение Кавказа и Средней Азии в 1817–1881 гг. к России привело к уничтожению (хотя бы юридическому) рабства, прекращению феодальных усобиц, преодолению отсталости и эпидемий, модернизации образования и культуры, строительству современных предприятий, дорог, больниц. Поскольку русские селились вместе с другими народами, последние втягивались в экономическую и социокультурную жизнь России, происходило повышение их уровня благосостояния. Широкое распространение русского языка и культуры было следствием умножения контактов, взаимопознания и взаимопонимания в ходе дальнейшего сближения, обмена опытом, взаимодействия и сотрудничества как на высшем уровне (представители мусульманской знати служили при царском дворе, в гвардии и армии), так и в социальных низах, где нередки были случаи смешения и взаимной ассимиляции.

Разумеется, не стоит идеализировать весь процесс в целом. В частности, до 300 тыс. мусульман Крыма покинули родину в 1783 г., не желая жить под властью России. После Крымской войны 1853–1856 гг. за ними последовали еще 200 тыс. человек. Поселившись в Турции, они именовали там себя вплоть до конца XX в. «крымскими турками». Еще более масштабным (1,5–3 млн. человек) было переселение мусульман Кавказа на Балканы, в Турцию и арабские страны после Кавказской войны 1817–1864 гг.

Конечно, все это происходило на фоне засилья царской бюрократии, великодержавного централизаторства, частого неуважения интересов, прав и самобытности нерусских народов, в частности мусульман Кавказа и Средней Азии. Поэтому в среде мусульманской интеллигенции Российской империи XIX в. и начала XX в. шла борьба между сторонниками сближения с Россией и отторжения от нее; между традиционалистами («кадимистами») и обновленцами («джадидами»), причем среди тех и других были как противники, так и последователи пророссийской ориентации. Дело осложнялось также воздействием на мусульманскую среду общероссийских социальных процессов, зарождением мусульманской буржуазии и мусульманского пролетариата, включением различных групп мусульман в общественные движения России — либеральное, рабочее, народническое. Интеграция мусульман в жизнь России доминировала над тенденциями к сепаратизму.

Становление колониальной системы капитализма

Страны Востока на протяжении трех веков Нового времени (XVI–XIX вв.) пережили довольно мучительный переход от доминирующего положения в мировой истории до статуса стороны подчиненной, во всяком случае, уступающей и обороняющейся. В начале этого периода, в XVI–XVII вв., они были заняты, в основном, своими внутренними проблемами и не уделяли Западу достаточного внимания. Япония, Китай, Индия и их ближайшие соседи слишком далеко отстояли от Европы и поэтому не очень были обеспокоены первыми экспедициями Васко да Гамы в 1498–1502 гг. на запад Индии и созданием Афонсу д'Албукерки в 1509–1515 гг. цепи опорных баз от острова Сокотра к югу от Йемена до Маллакского полуострова. Даже мусульмане, ближе и лучше других успевшие узнать к тому времени иберийских конкистадоров, были уверены в своем военном и прочем превосходстве над «неверными», особенно шедшие тогда от победы к победе османы.

В Японии, где консолидация феодализма выразилась в окончательном торжестве в XVI в. сёгуната, жесткая централизация власти с подавлением свободы крестьян и горожан сопровождалась поначалу тенденцией к внешней экспансии, особенно против Кореи в конце XVI в. Появившиеся здесь португальские (в 1542 г.) и испанские (в 1584 г.) торговцы, не вызвавшие особого интереса, стали объектом более пристального внимания, когда они занялись в конце XVI в. миссионерской деятельностью и тем более работоторговлей. Первый сёгун из династии Токугава ограничился лишь тем, что противопоставил португальцам и испанцам прибывших в 1600 г. голландцев и англичан, заключив с ними более льготные соглашения. Попытка испанцев в 1611 г. с помощью военного флота Испании изгнать голландцев и англичан окончилась

неудачей. В 1614 г. христианство в Японии было запрещено (хотя его уже приняли многие феодалы на о. Кюсю, ввозившие из Европы оружие). В 1634 г. из страны были высланы все испанцы, в 1638 г. — все португальцы. Исключение сделали лишь для голландцев, помогавших сёгуну подавить крестьянское восстание в 1637—1638 гг., но и то при условии ограничения их торговли территорией небольшого островка близ Нагасаки, под надзором чиновников сёгуна и при запрещении всякой религиозной пропаганды. Еще раньше, в 1636 г., всем японцам было запрещено под угрозой смерти покидать родину и строить большие корабли, пригодные для дальнего плавания. Наступила эпоха «закрытого государства», т.е. изоляции страны от внешнего мира, продолжавшаяся до 1854 г. За это время в Японии появлялись только голландцы и китайские купцы.

Тем не менее в Японии тайно следили за ходом международных событий и, собирая сведения об иностранных государствах, были в курсе дел в мире. Утверждение России на Сахалине и Курилах привело к попыткам русских «открыть» Японию. Все они были неудачны, начиная с экспедиции Беринга в 1739 г. и кончая экспедицией Головнина в 1809—1813 гг. Сёгуны старались максимально законсервировать феодальные порядки. Лучшим средством при этом они считали самоизоляцию страны. Даже потерпевшие крушение японские моряки, заброшенные бурей в другие страны, навсегда лишались права вернуться на родину. В основном так продолжалось вплоть до свержения сёгуната Токугава и «реставрации Мэйдзи» в 1868 г.

Сосед Японии — крупнейшее государство мира Китай — переживал в XVI—XVII вв. болезненный поворот в своей истории. Правившая с 1368 г. династия Мин фактически передоверила управление временщикам, при которых процветали коррупция, казнокрадство и фаворитизм. Почти два века борьбы оппозиции (XV—XVI вв.) закончились неудачей. Упадком экономики и феодальной реакцией, задавившей живую мысль в стране, воспользовались маньчжуры. Их племена, занимавшие северо-восток Китая, были данниками династии Мин, находились на более низком, чем китайцы, уровне развития, но их князья байлэ, накопив значительные богатства, рабов и большой боевой опыт (они без конца воевали друг с другом), чрезвычайно усилились. Наиболее одаренный из байлэ Нурхаци постепенно сплотил всех маньчжуров, создал мощную

единую армию взамен крупных соединений, чрезвычайно боеспособную благодаря суровой дисциплине, непрерываемой иерархии воинских званий, кровным узам племенного единства и отличному вооружению. Провозгласив независимость в 1616 г., Нурхацы в 1618 г. начал войну с Китаем.

Война, в ходе которой маньчжуры покорили также Корею, Монголию и Тайвань, длилась до 1683 г. Эти 65 лет включают также великую крестьянскую войну 1628—1645 гг., свергнувшую династию Мин, измену минской аристократии, фактически сомкнувшейся с маньчжурами и признавшей их власть ради подавления совместно с ними возмущения низов собственного народа. Начавшая править в 1644 г. династия Цин представляла элиту маньчжуров (потомков Нурхацы) и первые 40 лет продолжала самыми кровавыми методами подавлять сопротивление китайцев, превращая в кладбища целые города (например, Янчжоу, где было вырезано, по свидетельствам очевидцев, до 800 тыс. человек).

Разорением Китая пытались воспользоваться голландцы, англичане, французы, развернувшие к концу XVII в. оживлённую торговлю в приморских городах на юге Китая, где все приобреталось по крайне низкой цене и сбывалось в Европе по высоким ценам. Однако цинские императоры вскоре последовали примеру Японии и стали ограничивать деятельность иностранцев. В 1724 г. была запрещена проповедь христианства, а миссионеры высланы из страны. В 1757 г. все порты Китая были закрыты для иностранной торговли, кроме Кантона и захваченного португальцами Макао. Опасаясь усиления городов, ставших центрами антиманьчжурского сопротивления, цинские правители тормозили развитие торговли и ремесел, препятствовали внешней торговле и даже строительству торговых кораблей. Монопольные компании под жестким контролем цинской бюрократии вели торговлю по специальным разрешениям (купцы из Шаньси — с Россией и Средней Азией, кантонцы — с британской Ост-Индской компанией). Торговцы были связаны с ростовщиками и с верхушкой бюрократии. Вместе с тем Цины, во многом унаследовав старые образцы китайской монархии, еще более усугубили ее жестокость, максимально используя принципы конфуцианства (покорность сына отцу, подданных — правителю и т.п.) для регламентации жизни китайцев, их подчинения и униженности.

Сложная социальная иерархия общества была доведена маньчжурами до апогея. В 1727 г. императорским указом был закреплен, в соответствии с маньчжурскими обычаями, институт рабства. Даже гарем богдыхана был строго иерархизирован, насчитывая 3 главных наложницы, 9 наложниц второго разряда, 27 — третьего, 81 — четвертого. Уголовное законодательство насчитывало 2 759 составов преступления, из которых более 1 тысячи карались смертью. Деспотическая система власти, связанная с постоянными унижениями (пытками, избиением палками, бритьем головы и ношением косы мужчинами в знак покорности маньчжурам), способствовала постоянному недовольству и скрытому возмущению народа, периодически прорывавшемуся наружу во время восстаний. Но, в основном, возмущение копилось исподволь, особенно — в тайных обществах, нередко включавших в свои члены целые сообщества, охватывавшие целые деревни, корпорации купцов и ремесленников. Возникшие еще в эпоху господства монголов в XIII в., эти общества размножились после захвата страны маньчжурами. Все эти общества — «Белый лотос», «Триада» (т.е. общество неба, земли и человека), «Кулак во имя мира и справедливости» и другие — были особенно сильны в приморских городах, где возглавлялись купцами. Члены обществ, связанные суровой дисциплиной, моралью самоотречения, фанатичной верой в свое дело, играли огромную роль не только в антиманьчжурских выступлениях, но и в деле сплочения соотечественников за рубежом, укрепления их связей с родиной и родственниками на чужбине. Эмиграция китайцев, прежде всего в соседние страны, сыграла значительную роль и в распространении идеологии конфуцианства, культа предков и других особенностей духовной культуры китайцев, и в определенном пиитете окружающих народов перед Китаем. Тем более, что многие из тех стран, куда они уезжали (Бирма, Вьетнам, Сиам, Корея, Монголия, Тибет, Кашгария, ныне называемая Синьцзян), либо периодически присоединялись к Китаю, либо попадали под его протекторат, либо вынуждены были вступать с ним в различного рода неравноправные отношения.

Своеобразны были отношения Китая с Россией. В 1689 г. в Нерчинске был подписан первый русско-китайский договор о границе и торговле. По Кяхтинскому договору 1728 г., т.е. через 4 года после изгнания западных миссионеров из Китая,

Россия, упрочив отношения с ним путем территориальных уступок, добилась права держать в Пекине духовную православную миссию, которая на деле выполняла функции и дипломатического, и торгового представительства. В конце XVIII в. между Россией и Китаем возник новый конфликт из-за попыток богдыхана подчинить своему влиянию калмыков, откочевавших в приволжские земли из Джунгарского ханства, с которым маньчжуры вели борьбу с XVII в. Попытка была пресечена русскими, после чего китайцы даже перестали пускать калмыков в Тибет на поклонение святыням Лхасы. После уничтожения армиями богдыхана Джунгарского ханства в трех походах 1755–1757 гг., китайцы (верхние маньчжуры) поделили его на Внутреннюю (южную) и Внешнюю (северную) Монголию, причем прервали ранее имевшие место прямые экономические связи монголов с Россией. Эти связи были восстановлены лишь через 100 с лишним лет, после заключения русско-китайских договоров 1860 г. и 1881 г. Но к тому времени закрепившиеся в Монголии китайские купцы, опираясь на помощь маньчжурских властей и солидную финансовую и коммерческую поддержку английских, японских и американских фирм, смогли в конечном итоге закрепить за собой преобладание в Монголии.

Насильственное «открытие» Китая Западом произошло после поражения Китая в первой «опиумной» войне 1840–1842 гг. Англичане отняли у него остров Гонконг, заставили его открыть для иностранной торговли, кроме Кантона, еще 4 порта и добились от богдыхана права экстерриториальности, свободы торговли и многих других уступок. В 1844 г. США и Франция добились от Китая таких же уступок в свою пользу. Все это подрывало взаимовыгодную русско-китайскую торговлю ввиду резкого роста конкуренции со стороны держав Запада. Желая противопоставить Россию ее соперникам, китайцы заключили с ней договор 1851 г., предоставивший русским купцам значительные привилегии.

Потрясшим весь Китай восстанием тайпинов в 1851–1864 гг. Англия, Франция и США воспользовались для дальнейшего укрепления своих позиций и для фактического подчинения маньчжурских правителей, после войн 1856–1858 гг. и 1860 г. убедившихся, наконец, в полной беспомощности их средневековой армии перед оснащенными новейшей техникой войсками западных империалистов. К тому же, тогда с

особой остротой встала угроза распада государства. Наиболее ярко это проявилось в западном Китае, где дунгане и другие мусульмане к 1864 г. создали ряд небольших государств. В 1867 г. всю Кашгарию (Синьцзян) объединил под своей властью таджик Якуб-бек, сановник хана Коканда. Особо опасным было то, что Якуб-бек, ориентируясь на Англию, заключил с ней в 1874 г. торговый договор и по указке англичан получил от османского султана титул эмира, оружие и военных инструкторов. В государстве Якуб-бека (Джеты-шаар, т.е. «Семиградье») господствовали законы шариата и огромным влиянием пользовались «ходжи», потомки туркестанских дервишей, руководивших целым рядом антиманьчжурских восстаний с 1758 г. по 1847 г. Однако после смерти Якуб-бека в 1877 г. в верхах Джеты-шаара началась борьба за власть. Воспользовавшись ею, цинское правительство сумело ликвидировать Джеты-шаар в 1878 г.

Тем не менее Китай стал фактически полуколонией западных держав ввиду предательского поведения маньчжурского чиновничества и династии Цинов, искавших спасения от собственного народа в прислужничестве империалистам. Последнее официальное сопротивление Западу — война Китая с Францией в 1884–1885 гг. Потерпев в ней поражение, Китай вынужден был отказаться от формального суверенитета над Вьетнамом, ставшим объектом колониальных вожделений Франции. Следующей неудачей Цинов стала японо-китайская война 1894–1895 гг. Япония, нашедшая после 1868 г. выход из своих внутренних трудностей во внешней экспансии, с 1874 г. пыталась осуществить захваты в Китае и формально подвластной ему Корее. Начав войну, японцы достигли всего, чего хотели: захватили Тайвань и острова Пэнхуледао, наложили на Китай контрибуцию, сделали Корею формально независимой от Китая (т.е. беззащитной перед японской экспансией). Это поражение явилось поводом для нового нажима Запада на Китай: цинское правительство вынуждено было пойти на ряд кабальных займов, на предоставление Англии, Франции, Германии, США, а также России и включившейся в «концерн держав» Японии концессий на строительство железных дорог и «аренду» ряда территорий. Засилье держав, произвол иностранцев и миссионеров, как и последствия понесенных Китаем поражений явились главной причиной восстания 1899–1901 гг., совместно подавленного

войсками хозяйничавших в Китае держав, а также примкнувших к ним Австро-Венгрии и Италии. Полуколониальный статус Китая был тем самым окончательно закреплен.

В полуколонию превращен был также и Иран. В XVI в. это было могущественное государство Сефевидов, которое охватывало, помимо Ирана, Азербайджан, Армению, Грузию, часть Афганистана и Средней Азии. За обладание всем Кавказом, Курдистаном и Ираком шла ожесточенная борьба Сефевидов с Османской империей. Однако уже в XVI в. мощь Сефевидов была подорвана как вследствие экономического упадка, так и постоянных восстаний поработенных народов. Движение восставших афганцев, нараставшее с 1709 г., привело к захвату ими столицы державы — Исфагана. Возглавивший с 1726 г. борьбу против афганцев и вторгшихся в 1723 г. османов хорасанский туркмен Надир, из племени афшар, сумел не только изгнать завоевателей, но и возродить Иран как великую азиатскую империю, включив в него весь Афганистан, часть Индии, Средней Азии и Закавказья. Однако после гибели Надир-шаха в 1747 г. его империя распалась. Неиранские области, в основном, пошли самостоятельным путем развития, а в Иран, охваченный междоусобицами феодалов, с 1763 г. начинают проникать англичане и голландцы, получившие права экстерриториальности, беспопытной торговли и создания своих вооруженных факторий, а фактически военных крепостей в ряде пунктов Персидского залива.

Пришедшая к власти в 1794 г. династия Каджаров правила жесточайшими методами, нередко уродуя и ослепляя население целых городов, угоняя в рабство жителей неиранских областей, а также устраивая в них резню и погромы, как это было в 1795–1797 гг. в Грузии, Азербайджане и Армении. В дальнейшем Иран, в основном на территории этих стран, вел две войны с Россией (в 1804–1813 гг. и 1826–1828 гг.), окончившиеся для него неудачно. Одновременно наблюдалось интенсивное проникновение в Иран англичан, которые, подкупая буквально всех, «от шаха до погонщика верблюдов», заключили в 1801 г. с Ираном новый договор, еще больше расширивший и укрепивший их позиции в Иране и позволивший использовать эту страну как орудие давления и на Россию, и на Францию, и на Афганистан (мешавший Англии «осваивать» Индию). А по договору 1814 г. Англия прямо вмешивалась в отношения Ирана с соседями, предоставляя ему

150 тыс. фунтов в случае войны с Россией или Францией и обязывая его воевать с афганцами в случае их нападения на «британскую» Индию.

В дальнейшем, однако, в борьбе России и Англии за влияние на Иран верх стала брать Россия. Тем не менее англичанам удалось сохранить свои позиции и даже навязать Ирану новый неравноправный договор в 1841 г. Восстания бабидов (приверженцев религиозного движения Сейид Али Мухаммеда Баба) в 1844–1852 гг. потрясли Иран и даже породили среди части феодально-буржуазной элиты стремление к реформам, быстро задушенные шахским двором, консервативной аристократией и духовенством. Эти круги в дальнейшем пытались лавировать между Англией и Россией, но вынуждены были, в основном, отступать, предоставляя обеим державам разные концессии, решающие позиции в банковской системе и таможенных доходах, в армии и различных ведомствах. Север Ирана стал сферой влияния России, юг — Англии.

Таким образом, были подчинены Западу такие крупные государства Востока как Китай и Иран, проделавшие в XVI–XIX вв. довольно типичный для всего Востока путь, избежать которого удалось лишь Японии. При этом формально Китай и Иран оставались суверенными государствами.

По иному сложилась судьба других стран Востока, ставших объектами прямой колониальной экспансии и прямого подчинения Западу.

Как осуществлялась экспансия Европы на Восток и каковы были ее этапы. Экспансия Европы на Восток началась с португальских захватов в Африке. Уже в 1415 г. португальцы захватили Сеуту на северном побережье Марокко, превратив ее в первую из своих африканских «фронтейраш» (пограничных крепостей). Далее они заняли порт Эль-Ксар Эс-Сегир (в 1458 г.) и Анфу (в 1468 г.), которую полностью уничтожили, выстроив на ее месте свою крепость Каза Бранка, впоследствии названную по-испански Касабланкой. В 1471 г. ими были взяты Арсила и Танжер, в 1505 г. — Агадир, в 1507 г. — Сафи, в 1514 г. — Мазаган. Практически все побережье Марокко оказалось в руках португальцев, за исключением Рабата и Сале. Однако уже в 1541 г. господство португальцев ослабло после того, как они сдали Агадир, а вскоре также Сафи, Аземмур, Могадор. Дольше всего они продержались в Мазагане (ныне Эль-Джадида) — вплоть до 1769 г. Но в основном с

их влиянием в Марокко было покончено в 1578 г., когда под Эль-Ксар Эль-Кебиром погибла почти вся португальская армия во главе с королем Себастьяном. Однако многие крепости обеспечивали их господство в Африке, Бразилии и Юго-Восточной Азии. Порты Диу, Даман и Гоа в Индии, Макао в Китае оставались владениями Португалии вплоть до второй половины XX в. В XVI в. они имели также немало опорных пунктов в Сиаме и на Молуккских островах. Ими был основан ряд таких крепостей на Цейлоне, в том числе Коломбо, будущая столица острова.

Испанцы, двигавшиеся вслед за португальцами, больше преуспели в Америке, чем в Азии и Африке, где их либо опередили португальцы, либо им пришлось столкнуться с ожесточенным сопротивлением. Единственным значительным владением Испании в Азии стали Филиппины, открытые в 1521 г. Магелланом, но завоеванные в упорной борьбе лишь в 1565—1572 гг. В бассейне Средиземного моря испанцы сначала добились некоторых успехов, захватив в 1497 г. Мелилью на севере Марокко, а в 1509—1511 гг. ряд городов Алжира — Оран, Мостаганем, Тенес, Шершель, Беджайю, а также остров Пеньон перед столицей страны. Король Испании даже был провозглашен королем Алжира. Но все эти позиции, а также влияние среди «мирных», т.е. союзных Испании, племен были утрачены к 1529 г., когда Алжир вошел окончательно в состав Османской империи. Исключение составил Оран, оставшийся в руках испанцев до 1792 г.

Еще более активно испанцы действовали в Тунисе. В 1510 г. они захватили Триполи, тогда принадлежавший Тунису, а в 1535 г. — и сам Тунис, которым владели до 1574 г., т.е. почти 40 лет. Однако и отсюда им пришлось отступить. В то время испанцы, особенно в союзе с рыцарями Мальты, Генуей и Венецией, еще могли противостоять османам на море, но гораздо реже на суше. Битва при Лепанто 1571 г., в которой соединенные силы Испании и ее союзников разгромили османский флот, и в то же время неудачи испанской армии во главе с королем Карлом V под Алжиром в 1541 г., а также под Триполи в 1551 г. весьма характерны. Вся Европа была потрясена разгромом венгерско-чешской армии в 1526 г., смертью возглавлявшего ее короля Лайоша II, оккупацией османами земель Венгрии, Чехии и Хорватии, их походами 1529 г. и 1532 г. на Вену. В дальнейшем османская угроза

нависала над Веной вплоть до 1683 г., когда османы в последний раз осадили столицу Австрии, а их авангард — крымская конница — даже достиг границ Баварии. Но решающее поражение, нанесенное им войском польского короля Яна Собесского, привело тогда не только к перелому в ходе войны, но и к развитию противостояния мусульманского Востока и христианского Запада в целом.

Испания Габсбургов надорвалась, взвалив на себя непосильную роль мирового гегемона и стремясь воевать одновременно и с османами, и с гёзами в Нидерландах, и с французами в Европе, и с индейцами в Америке, и с повстанцами на Филиппинах, а также — с англичанами и протестантами во всем мире. Население страны за самый блестящий, но и самый трудный в испанской истории XVI в. уменьшилось на 1 млн. (т.е. на 1/9) и продолжало терять ежегодно по 40 тыс. эмигрантов, отъезжавших в Америку. К концу века 150 тыс. испанцев (3% активного населения того периода) были бродягами, нищими, инвалидами войны, преступниками и прочими маргиналами. Страну регулярно покидали мориски (крещенные мавры), игравшие значительную роль в экономике, но одновременно являющиеся объектом ненависти для духовенства и зависти черни. Их полное изгнание в 1609–1614 гг. (с тайной целью обогатиться за их счет) окончательно подорвало материальные возможности королевства, для которого бремя великодержавности становилось неподъемным. Война за «испанское наследство» 1701–1714 гг. практически лишила Испанию статуса великой державы, хотя она и сохранила свои колонии.

Еще до того, как Испания отступила на второй план в качестве колониальной метрополии, на авансцену выдвинулись почти одновременно голландцы, только что сами завоевавшие независимость (в 1581 г. фактически, в 1609 г. — формально), и англичане. Ост-Индская (с 1602 г.) и Вест-Индская (с 1621 г.) компании голландцев развернули интенсивную колониальную экспансию по всему миру. Воспользовавшись ослаблением Португалии, присоединенной в 1580 г. к Испании (до 1640 г.), голландцы начали вытеснять португальцев отовсюду, к 1609 г. изгнав их (вместе с испанцами) с Молуккских островов, а к 1641 г. овладев Малаккой. В 1642 г. они захватили Тайвань, а в 1658 г. отняли у португальцев Цейлон. Начатое голландцами еще в 1596 г. завоевание Явы

продолжалось вплоть до XVIII в. В XVII в. были захвачены также Мадуро, Маврикий, ряд колоний в Африке и Америке. Разгромив английский флот в 1619 г. в нескольких сражениях в Сиамском заливе и Зондском проливе, голландцы на время избавились от англичан как конкурентов в Юго-Восточной Азии. Однако уже со второй половины XVII в. Голландия теряет свою морскую и торговую гегемонию вследствие успехов Англии в англо-голландских войнах 1652–1654 гг. и 1672–1674 гг., а также больших потерь Голландии в войнах с Францией 1672–1678 гг., 1668–1697 гг., 1702–1713 гг. Франция к тому времени стала мощным торгово-колониальным соперником Голландии, вынужденной перед угрозой французской экспансии блокироваться с Англией. Поэтому Голландия, к тому времени и экономически (особенно в промышленном развитии) уступавшая Англии, стала сдавать ей одну позицию за другой. А после установления в Голландии французского господства в 1795–1813 гг., колонии голландцев в Африке, Америке и на Цейлоне были захвачены англичанами. После восстановления суверенитета Голландия вынуждена была «добровольно» согласиться на потерю этих колоний, а по Лондонскому договору 1824 г. отказаться также в пользу Англии от своих владений в Индии и Малайе. Но она сохранила свою главную колонию в Азии — Индонезию.

Соперничество держав нередко приводило к тому, что колонии, переходя из рук в руки, приобретали нередко сложный этнокультурный облик. Это особенно относится к островам, среди которых, например, Цейлон с 1517 г. был объектом притязаний португальцев, с 1658 г. — колонией Голландии, с 1796 г. — Англии. Примерно то же было с Маврикием, с начала XVI в. принадлежавшим португальцам, с 1598 г. — голландцам, с 1715 г. — французам, с 1810 г. — англичанам.

Англия, начинавшая свою колониальную политику в борьбе против Испании и Португалии, в союзе, а потом также в борьбе с Голландией, в дальнейшем ожесточенно соперничала с Францией. В результате этой постоянной многовековой борьбы с континентальными державами англичане многому научились и многого добились, используя в том числе противоречия между своими конкурентами по колониальному грабежу. Свою экспансию на Восток англичане начали как союзники голландцев в борьбе с португальцами и испанцами. Самостоятельно они выступали в Америке, где ими еще

в 1583 г. был захвачен остров Ньюфаундленд, а в 1607 г. основана первая британская колония Виргиния. Но с 1615 г. начинается рост английских факторий (Сурат, Масулинатам, Пуликат, Мадрас) в Индии, где англичанам удалось получить ряд торговых привилегий в империи Великих Моголов. Долгое время они ограничивались экономическим проникновением в колонии своих ослабевших конкурентов — Португалии и Голландии. Некоторые из них, прежде всего в Америке, захватывались в XVIII в. основным соперником Англии Францией, борьба с которой шла одновременно на севере Америки, в Карибском бассейне и в Индии. Почти повсеместно победа досталась Англии, после 20-летней войны, практически ликвидировавшей позицию Франции в Индии к 1761 г. В 1757–1764 гг. англичане захватили Бенгалию, в 1799 г. сокрушили Майсур, в 1818 г. разгромили маратхов. Захватом Пенджаба в 1846 г. было завершено покорение Индии. Еще раньше, в 1786 г., англичане начали экспансию в Малайе, в 1824 г. — первую войну с Бирмой. Тогда же Голландия признала «законность» захвата Англией в 1819 г. Сингапура.

Несмотря на серьезный кризис британского колониализма в последней четверти XVIII в., когда Англия потеряла 13 колоний в Северной Америке, в дальнейшем образовавших США, в XIX в. колониальная империя Великобритании продолжала расти за счет колонизации Австралии и Новой Зеландии, новых завоеваний в Африке, а также — в Азии, где был в 1839 г. захвачен Аден на юге Йемена, в 1842 г. — Сянган (Гонконг) на юге Китая, ставший одной из баз британской экспансии в Азии. В 1878 г. Англия получила от Османской империи Кипр, а в 1882 г. установила контроль над Египтом, вследствие чего фактически стала хозяйкой Средиземноморья, опираясь на свои базы в Гибралтаре (с 1704 г.), на Мальте (с 1800 г.), Кипре и зоне Суэцкого канала. В 1885 г. было завершено завоевание Бирмы, в 1898 г. под видом «аренды» отобран у Китая порт Вэйхайвэй.

Французский колониализм проявил себя даже раньше голландского и английского: в 1532 г. первые корабли Франции оказались у о. Суматры, а в 1534 г. Жак Картье, по сути дела, открыл Канаду, совершив плавание по реке св. Лаврентия и объявив ее берега владением Франции. Однако дальнейшим успехам французов помешали религиозные войны во Франции и принадлежность большинства сторонников колониальной

экспансии к гугенотам, преследуемым королевской властью. При кардинале Ришелье Франция усилила борьбу с магрибинским пиратством и захватила ряд островов Карибского бассейна (тогда «Вест-Индии»). Несколько позже были осуществлены первые захваты в Африке (в Сенегале), на Мадагаскаре. Министр Людовика XIV Кольбер содействовал образованию многих колониальных компаний. В 1674 г. с приобретением Пондишери началось освоение французами Индии, особенно успешное при генерал-губернаторе Дюпле (1742–1754 гг.), захватившим в 1746 г. Мадрас — центр британских владений в Индии — и создавшим первые отряды сипаев (сипахи) из индийцев на европейской службе. В войну 1756–1763 гг. Франция, захватив поначалу Мальту и Менорку, проводя широкую колонизацию Канады и Луизианы, в итоге потеряла почти все свои владения, за исключением островов Вест-Индии, Гвианы и отдельных пунктов в Африке и Индии.

В период наполеоновских войн Франция всерьез намеревалась лишить Англию ее колониальной империи. Поход Бонапарта в Египет и Палестину в 1798–1801 гг. имел своей дальнейшей целью подорвать господство Англии в Индии. После его провала Бонапарт пытался договориться с российским императором Павлом I о совместном ударе по англичанам в Индии. Вместе с тем он планировал уже в 1808 г. захват Алжира, что было осуществлено позже, уже при Бурбонах, в 1830 г., но растянулось почти на полстолетия, ибо страну пришлось завоевывать по частям, постепенно, а ее экономическое освоение и колонизация (переселенцами из Франции, а также из Испании, Италии, Швейцарии и другими европейцами) встречали ожесточенное сопротивление населения. Исключительный размах колониальная экспансия Франции приобрела при Наполеоне III (1851–1870 гг.), когда удалось в основном подчинить Алжир (объявленный «арабским королевством»), глубоко проникнуть в Тунис, Египет, Сирию и Ливан, подчинив их экономически, а две последние страны — даже временно оккупировать в 1860–1861 гг. В Египте, получив в 1854 г. концессию на строительство (а потом — и владение) Суэцкого канала, французы одновременно установили контроль над финансами и средствами сообщения, многими предприятиями. В Сирии и Ливане они повели тонкую политическую игру, опираясь на местных христиан. Тогда же, в 1856–1867 гг.,

Франция приняла активное участие в войнах Англии с Китаем и в ограблении последнего, в совместных выступлениях западных держав против Японии, одновременно аннексировав южную часть Вьетнама. К 1867 г. был также установлен протекторат Франции над Камбоджей. Захваченный в 1853 г. остров Новая Каледония стал с 1863 г. местом ссылки заключенных из Франции. С 1857 г. быстро расширялись французские завоевания в Африке, а в 1866 г. Франция сделала неудачную попытку захватить Корею.

Поражение во франко-прусской войне 1870 г. несколько ослабило колониальные позиции Франции, вынудив ее в 1875 г. уступить контрольный пакет акций Суэцкого канала (а с ним — контроль над Египтом) Англии, переселить в Алжир более 220 тыс. семейств, покинувших отошедшие к Германии Эльзас и Лотарингию (что вызвало всплеск антиколониального недовольства в Алжире), мириться с соперничеством в Тунисе набиравшего силы молодого колониализма Италии. Тем не менее Франция возобновила с 1879 г. активную экспансию в Африке и странах Индокитая, используя рост противоречий своего главного противника — Германии — с Англией и Россией, а также заинтересованность самой Германии в отвлечении внимания Франции от Европы на Восток. В 1881 г. Франция навязала свой протекторат Тунису и к 1888 г. почти замкнула цепь своих владений на западе, в центре и на востоке Африки. Полному ее господству здесь помешала Англия в 1898 г., когда французский отряд капитана Маршана столкнулся у Фашоды в верховьях Нила с английскими войсками лорда Китченера. Тем не менее Франция закрепила за собой сплошной массив африканских территорий от Сенегала на западе до Дарфура (Судан) на востоке и от Конго до Средиземного моря, а также — Сомали и Джибути на побережье Красного моря.

Еще раньше, победив в войне 1884–1885 гг. с Китаем, Франция заняла Тонкин и заставила Китай признать ее протекторат над Аннамом (Вьетнамом). В 1893 г. она навязала неравноправный договор Сиаму и заставила его признать свой протекторат над Лаосом. После войны 1894–1896 гг. французы превратили Мадагаскар в свою колонию.

Колониальный раздел Востока происходил в условиях нараставших противоречий между колониальными державами, которые стремились их решить за счет народов стран Азии и

Африки. В частности, французские завоевания в Африке сопровождались (или предварялись) соглашениями с Англией, Португалией, Бельгией и Германией. Последние две страны также осуществили в XIX в. колониальные захваты в Африке. Франция пошла на уступки Англии в Египте, за что получила ее тайное согласие на захват Туниса и подготовку осуществленного позже, в 1905–1911 гг., захвата Марокко. В то же время, иногда державы никак не могли прийти к соглашению и тогда (обычно — по инициативе Англии) прибегали к делению той или иной страны Востока на «сферы влияния». Так, Сиам в конце концов был поделен на британскую и французскую, Иран — на британскую и российскую сферы влияния.

Особо сложный узел противоречий держав завязался на Ближнем Востоке, породив многократно обсуждавшийся и постоянно обострявшийся «восточный вопрос». Дело было в постепенном переходе некогда грозной Османской империи, простиравшейся от Балкан до Ирана и от Кавказа до Судана, мировой державы, перед которой трепетала Европа, к статусу зависимой страны. При этом громадные размеры территории, богатые ресурсы, многоэтничный и поликонфессиональный состав населения, многовековые контакты (как и конфликты) с Европой превращали Османскую империю в центр многообразных влияний и нередко полярных тенденций, в объект самых различных притязаний и противоречивых замыслов держав Запада. Эти державы, в основном, обезопасили себя от военной угрозы со стороны османов к началу XVIII в. и с этого времени старались использовать ее при сведении счетов друг с другом. Франция такую политику проводила еще в XVI–XVII вв., играя на османо-испанских противоречиях. Однако с XVIII в. Запад вынужден был учитывать в своих отношениях с Османской империей все возрастающее значение «русского фактора», т.е. переживавшей подъем России. В 1699 г. османы вынуждены были отдать Австрии почти всю Венгрию (находившуюся под их управлением свыше 170 лет), Трансильванию и Славонию, Польше — Подолию и часть Украины, Венеции — Морею (южную Грецию), побережье Далмации и многие острова. Именно тогда Россия, впервые вышедшая на европейскую сцену под руководством Петра I и также принявшая участие в антиосманской коалиции, получила Азов.

К этому времени Османская империя во многом утратила не только военное, но и политическое могущество. Османы, слишком занятые завоевательными походами и против Европы, и против Ирана, просмотрели угрозу, постепенно возникающую с севера. Московское государство, освободившееся в 1480 г. от ордынского господства, находилось в постоянном противостоянии с наследниками Золотой Орды — Казанским ханством (с 1438 г.), Ногайской Ордой (с 1440 г.), Крымским ханством (с 1443 г.), Астраханским ханством (с 1459 г.), Сибирским ханством (с 1495 г.). Управлявшиеся династиями потомков Чингисхана, все они требовали от Москвы покорности, дани и предъявляли претензии на наследование власти Золотой Орды. Время от времени они нападали на Русь, уводя в плен десятки тысяч людей, в основном — для продажи в рабство на рынках Средиземноморья. Османская империя, к концу XV в. установившая контроль почти над всеми этими ханствами, в первую очередь над самым сильным из них — Крымским, поощряла работоторговлю, особенно в Крыму и Астрахани.

Стремление Москвы покончить с таким положением (как и наследование царями имперских традиций правителей) привело к завоеванию Казани в 1552 г., Астрахани в 1556 г. и Сибирского ханства в 1595 г., дроблению Ногайской Орды и подчинению ее по частям на протяжении XVI—XVII вв. Борьба с Крымом оказалась более тяжелой и длительной. Крымские ханы при поддержке Стамбула претендовали на русские земли. После падения Казани и Астрахани они пытались не раз «вернуть» их, причем — под свое управление. В 1561 г. армия крымского хана, усиленная турецкими войсками, даже захватила Астрахань, совершив длительный поход через Северный Кавказ, однако вскоре отступила. Второй такой поход в 1569 г. закончился тоже неудачей. В 1571 г. хан Девлет-Гирей со 120-тысячным войском совершил опустошительное нашествие на Русь, разорив и разрушив 36 городов, включая Москву. До 60 тыс. русских погибло, столько же было уведено в плен. В 1572 г. войско Девлет-Гирея потерпело сокрушительное поражение в битве при Молодях, что на два десятилетия остановило набеги крымчаков на Русь. Выстроенные в 1583—1684 гг. четыре линии укреплений от Белгорода до Самары несколько уменьшили масштабы крымских набегов. Однако и в первой половине XVII в. крымцы захватили в плен до 200 тыс. русских. Османы, обычно поддер-

живавшие своих крымских вассалов, предпочитали воевать с Россией их руками. Но со второй половины XVII в. они уже непосредственно участвовали в этих войнах. Например, в 1676–1681 гг. крымцы были лишь авангардом армии султана, захватившего тогда почти всю Правобережную Украину за исключением Киева. Петр I, потерпев неудачу в войне с османами, вынужден был возвратить им Азов.

Однако в дальнейшем войны с Россией неизменно заканчивались поражением османов. В 1736–1737 гг. русская армия дважды захватывала Крым. Последний набег хана Крым-Гирея на Украину в 1769 г., когда крымцы убили около 10 тыс. человек и «с многочисленным полоном» возвратились к себе, явился единственной удачей османов и их союзников в войне 1768–1774 гг. Русский флот в Средиземном море не только разгромил османов при Чесме, но и оказал помощь восставшим против султана грекам и арабам. Занятый русской армией Крым был отделен от Османской империи, а в 1783 г. — присоединен к России. Русские получили в империи торговые льготы (капитуляции) наряду с давно уже ими обладавшими купцами Запада. Представление об Османской империи как о «больном человеке» (выражение Николая I) возникло уже тогда, ибо Екатериной II именно в то время были выдвинуты проекты создания государства Дакии (из формально еще находившихся под властью османов Бессарабии, Валахии и Молдавии) и «греческой империи» со столицей в Константинополе и внуком Екатерины II Константином на троне.

В дальнейшем османы старались использовать в борьбе против России мусульман Кавказа, в первую очередь — черкесов, горцев Чечни и Дагестана. На Кавказ были направлены сотни османских агентов, многие были завербованы на местах, в том числе — среди суннитского духовенства, суфийских наставников (муршидов) и их последователей (мюридов). Их деятельность, как и интриги щедро финансировавших ее Англии, Франции и Австрии, стремившихся отвлечь Россию от европейских дел, сыграли свою роль в антироссийских движениях имама Мансура (Ушурмы) в 1785–1791 гг. и имама Шамиля в 1834–1859 гг. Эти движения были для России гораздо более трудными противниками, чем регулярная армия османов, которая, начиная с 1735 г., постоянно терпела поражения и в конечном итоге уступила России не только Кубань и юг Украины (Новороссию) с городом Хаджибей, с 1795 г.

переименованным в Одессу, но также Крым и Кавказ. Поражение России в Крымской войне 1853–1856 гг., начавшейся также с неудач армии и флота османов, было результатом действий поспешивших османам на помощь Англии, Франции и Сардинского королевства. В сущности, эти же державы и Германия спасли, на этот раз — политически и дипломатически, Османскую империю после ее разгрома Россией в войне 1877–1878 гг., решающим образом подорвавшей османские позиции на Балканах. Вскоре (в 1881–1885 гг.) османы вынуждены были под давлением держав отдать Греции Фессалию и часть Эпира, а Болгарии — восточную Румелию. В 1897 г. османы точно также принуждены были уступить Греции Крит.

Слабая и зависимая Османская империя тем не менее вплоть до Первой мировой войны оставалась серьезным фактором в мировой политике, ибо ни одна из соперничавших великих держав того времени не могла господствовать на просторах османского государства в одиночку. Пользуясь этим, османы маневрировали, сталкивали, где могли и в чем могли, державных конкурентов лбами, играя на противоречиях между ними и стараясь получать военную, финансовую, техническую и иную помощь. На рубеже XIX–XX вв. особенно в этом преуспела Германия: кайзер Вильгельм II дважды (в 1889 г. и 1898 г.) посещал Стамбул, разыгрывая роль «друга и покровителя ислама», османскую армию с 1883 г. реорганизовывал по прусскому образцу полковник фон-дер-Гольц, немецкий Дойче-банк финансировал с 1888 г. строительство Багдадской железной дороги и других дорог, в руках немцев оказались многие концессии, коммунальное хозяйство ряда городов, агроколонии в Палестине. Страну наводнили германские разведчики под видом советников, инженеров, учителей, картографов, туристов. Экономически Германия стала теснить Англию и Францию, доминировавших в торговле и финансовой системе Османской империи, в морских перевозках, производстве и сбыте табака и т.п.

Колониальная система и формы освободительной войны

Создание колониальной системы, основы которой были заложены еще в XVI–XVII вв., с одной стороны, связало весь мир воедино, продолжая тем самым тенденцию эпохи великих

географических открытий, а с другой — поделило мир на владычицы-метрополии и порабощенные колонии. Механизмы колониальной системы, способствуя более интенсивному торговому и культурному обмену между странами и континентами, перераспределяли основные денежные и товарные потоки, фиксировали и вводили в эксплуатацию источники сырья, формировали рынки сбыта, что создавало более благоприятные, чем раньше, условия для развития промышленности и промышленного предпринимательства в государствах-метрополиях. В результате в этих государствах, сплошь — европейских, наблюдается в XVIII–XIX вв. быстрое развитие капиталистического производства, совершенствование техники, прогресс науки, рост жизненного уровня и военного потенциала. Центры экономической жизни переместились из бассейна Средиземноморья в регион Атлантики, стали расти новые торгово-финансовые и промышленные города, среди которых главную роль играли Антверпен — в XVI в., Амстердам — в XVII в., Лондон — в XVIII в.

Колониальная система видоизменялась по мере развития капитализма и расширения колониальной экспансии. Прямой грабеж и применение рабского труда, более характерные для военно-феодального колониализма Португалии и Испании, постепенно уступали место методам экономического принуждения в колониях Голландии и Англии, что не исключало и там прямого насилия при захвате источников сырья, борьбе за рынки сбыта, контрактации дешевой рабочей силы. Все это было усвоено и взято на вооружение и прочими державами-колонизаторами, такими как Франция, Бельгия, Италия, Германия, а, в дальнейшем, Япония.

Вопрос о том, была ли политика России в завоеванных ею областях колониальной, является дискуссионным и должен быть рассмотрен особо. С одной стороны, колониальные аспекты в политике царских властей, особенно на Кавказе и в Средней Азии, но также в Крыму и ряде регионов Поволжья и Сибири, безусловно просматриваются, особенно — в методах военного подавления, полицейского произвола, игнорирования обычаев и этнонациональной специфики нерусских народов. До XIX в. остро стоял и вопрос религиозной самоидентификации этих народов, необходимости для их представителей принимать православие, дабы стать полноправным подданным Российской империи. Впрочем, христиане нерусского

происхождения были изначально равноправны, а к концу XIX в. полной прав (вплоть до получения дворянских званий, высших чинов в армии и на гражданской службе, зачисления в императорскую гвардию) обладала и элита неправославных народов, особенно наиболее многочисленных среди них — мусульман. Сложность положения усугубляется также тем обстоятельством, что именно среди мусульман и других нерусских народов гораздо раньше, еще в XVIII в., начало формироваться предпринимательство капиталистического типа, развиваться просвещение на русском и на национальных языках, а межцивилизационные контакты и взаимодействие русского и нерусских народов, имевшие многовековую историю, стали, именно к концу XIX в., давать плодотворные результаты. Поэтому наряду с сильными тенденциями к национализму среди нерусских народов Российской империи пробивала себе дорогу и другая тенденция — сугубо пророссийская, делавшая жизнь этих народов неотъемлемой частью общероссийской жизни. Это обстоятельство открывало перед всеми народами империи перспективу социокультурного, политического и экономического развития в рамках исторически сформировавшегося, как это было признано позже, в 1994 г., «социума общей судьбы» (выражение французского историка Н. Верта).

В общем и целом, всюду на Востоке трагедия его народов состояла в том, что прогрессивный процесс постепенного объединения мирового хозяйства, взаимодействия мировых культур и разрушения всевозможных барьеров между народами осуществлялся путем насилия, часто — с большими потерями для этих народов как в людях, так и в духовном плане. Это не могло не вызвать повсеместно сопротивления западному колониализму, воспринимавшемуся, при всех привносимых им технических, культурных и прочих новшествах, как абсолютное зло.

Антиколониальные восстания, движения и революции трудно объединить и найти в них общие черты, так как все они несут на себе печать неповторимости, самобытности стран, в которых они происходили. Тем не менее общим в них было, прежде всего, неприятие иноземного владычества. Одним из первых в XVI–XIX вв. антиколониальных выступлений было восстание жителей приморских городов Индии, прежде всего Каликута, против португальцев в 1501 г. Их борьба длилась

с перерывами до 1509 г. Столь же упорной была борьба молуккского султана Хайруна и его сына Баабуллы в 1565–1574 гг. и борьба бирманцев в 1599–1613 гг. также против португальских колонизаторов. На Филиппинах чтят Лапулапу, разгромившего в 1521 г. испанцев во главе с самим Магелланом. Такими же были выступления против голландцев на Тайване в XVI–XVII вв., переплетавшиеся с борьбой китайцев за изгнание конкурировавших с голландцами португальцев и испанцев, три молуккские войны с голландцами, война малайских султанов Джохор-Риау в 1783–1787 гг. и войны индийцев в 1674–1757 гг. против голландцев, как и восстание китайских торговцев и ремесленников на Яве в 1740 г. против преследований со стороны голландских властей.

Все эти восстания можно считать первой реакцией колонизируемых народов на агрессию и жестокости колонизаторов. Восставшие стремились отразить первые попытки чужеземцев навязать свое господство. В дальнейшем, когда это господство было все же навязано, характер выступлений изменился. Они стали носить все более ярко выраженную социальную направленность. Таковы были, например, народные восстания на Филиппинах, начиная с 1585 г., в основе которых был крестьянский протест против экономической политики испанских властей и церкви. Однако гораздо чаще такого рода движения направлялись феодальной и религиозной элитой. В Сиаме, которому французы навязали в 1687 г. свой контроль, был в 1688 г. свергнут французский агент Фалькон, фактически захвативший власть в стране. Причем, свергнут он был (одновременно с потакавшим ему королем) силами королевской гвардии, поддержанной всем обществом, а это лишь подтверждает, что последовавшее за этим «закрытие» страны для европейцев было не следствием какого-либо закона или декрета «сверху», а результатом сознательного отказа всего населения от торговли с иностранцами.

Впрочем, освободительные движения часто направлялись одновременно и против колонизаторов, и против содействовавших им местных феодалов. Таковы, например, были антиголландские восстания XVII–XVIII вв. на востоке Явы, особенно князя Трунаджайя в 1674–1679 гг., бывшего раба Сурапати (с конца XVII в. до 1719 г.), принцев Мангкубуми и Мангкунегара в 1750–1757 гг. Выходцы из феодальной знати обычно руководили антиколониальным сопротивлением

и выступлениями против утвердившихся колониальных режимов и в XIX в. Однако эти выступления, имевшие целью вернуться к прежнему, доколониальному, состоянию, были заранее обречены на неудачу. Тем более, что колонизаторы в конце концов раскалывали местную феодальную верхушку, уничтожая или изгоняя более непримиримую ее часть, остальных — привлекая на свою сторону сохранением за ними прежних привилегий, назначением на посты в колониальной администрации, подкупом и подачками разного рода.

Например, марабуты, т.е. верхушка суфийских братств Магриба, всегда представлявших собой своего рода военно-религиозные ордена и возглавлявших борьбу со всеми вторгавшимися в регион иноверцами с XI в., на первых порах активно противостояли португальцам, испанцам, французам и англичанам. Антифранцузское движение эмира Абд аль-Кадир в Алжире в 1832–1847 гг. базировалось на влиянии братства Кадирийя, восстание Мукрани, поставившее под вопрос власть Франции в Алжире в 1871 г., опиралось на структуры братства Рахманийя. Однако к концу XIX в. основная часть марабутов сумела договориться с колонизаторами и нашла свою нишу в механизме колониального режима. Такие же явления наблюдались в Тунисе, Марокко, Египте, Сенегале, Судане и т.д.

Постепенно феодально-религиозная элита, особенно — в колониях «со стажем», стала превращаться в часть колониального истеблишмента и одновременно стала терять свое положение лидера антиколониальной борьбы. Впрочем изменение социальной окраски и социальной базы этой борьбы происходило медленно, так как феодальные обычаи, мышление и привычки были во многом органичны для всего восточного общества. Еще более органичным был для него религиозный менталитет. И то, и другое поэтому еще долго бытовало на Востоке, войдя, в частности, в плоть и кровь освободительных движений XX в.

Тем не менее новые тенденции и новые силы вышли на политическую авансцену. Нараставшее с 1840 г. брожение на Филиппинах, в конце концов, вылилось в революцию 1896–1898 гг., в которой, наряду с буржуазией и обуржуазившимися помещиками, важную роль играли и народно-демократические элементы. Однако плодами революции, освободившей Филиппины от испанского владычества, воспользовались

США, сокрушившие Испанию в войне 1898 г. и претендовавшие на роль «освободителя» Филиппин. Реально это выразилось в военном подавлении первой независимой Филиппинской республики в 1899–1901 гг. и превращении страны в колонию США. Еще раньше, в 70–90 гг. XIX в., активизировалось западничество, в основе своей буржуазно-реформаторское, движение в Китае, во многом черпавшее свои идеи из Европы. Сходными были и соответствующие движения просветительского характера в Индии в 60–80 гг., позднее — в Иране и Афганистане, где просветители ограничивали свои идеалы моделью «просвещенного абсолютизма».

Буржуазное просветительство нередко заходило достаточно далеко, вплоть до атеизма, в заимствовании европейских идей, навыков, представлений о правах человека, демократических свободах и т.п. Но в странах ислама оно сохраняло в основном религиозную направленность, в рамках которой тем не менее просветители выступали за максимально возможную «европеизацию» местных порядков. Им не удавалось, как правило, сыграть ту политическую роль, какую они хотели. Общим знаменателем для них оставался освободительный, антиколониальный патриотизм, позволивший, в основном, провести своего рода идеологическую подготовку формирования будущих националистических движений, развернувшихся в полной мере уже в XX в.: Элементы антиимпериалистического национализма просматриваются в учении мусульманских реформаторов Джамаль ад-Дина аль-Афгани и Мухаммеда Абдо, проповедовавших в странах ислама и в Европе 60–80 гг. XIX в. необходимость возврата к «истинному исламу», который не может находиться в противоречии с наукой и индивидуальными свободами. Просветительство они связывали с панисламизмом, т.е. с единством всех стран ислама и их противопоставлением Западу, от экономической, политической, военной и идеологической агрессии которого так страдает мир ислама. Идея панисламизма была подхвачена и использована правящими кругами Османской империи, для которых это было средством объединить всех мусульман под эгидой султана, носившего с XVI в. титул халифа всех мусульман-суннитов. Панисламизм стал знаменем всех мусульманских традиционалистов, а его пропаганда фактически служила возвеличиванию османского султана.

Однако панисламизм, как и просветительство западнического типа, вовсе не были единственными течениями идейно-политического характера в колониальном мире к исходу XIX в. В Османской империи либералов-«младоосманов» после отмены султаном Абдул-Хамидом II Конституции 1876 г. и военных поражений сменили в 80-е гг. XIX в. младотурки, стоявшие за умеренную модернизацию по европейским образцам, но в национальном вопросе постепенно скатывавшиеся к пантюркизму (объединению всех тюркских народов) и турецкому шовинизму, что было совершенно неприемлемо для проживавших в империи славян и албанцев (в балканских провинциях), греков, армян, курдов и особенно арабов, населявших наиболее значительную по территории часть государства. Тем не менее на первых порах младотурки, вынужденные скрываться в подполье или в эмиграции, воспринимались остальным миром как борцы против султанского деспотизма и за национальную самостоятельность. Это породило целую серию подражаний такого рода движениям и идеологии. Сходные с ними позиции (т.е. в общей форме выступавшие против колониализма и за национальную самобытность) занимали появившиеся на рубеже XIX–XX вв. «младоегиптяне», «младотунисцы», «младотатары» Крыма и «джадиды» (обновленцы), действовавшие среди мусульман России. Несколько особняком стояли «младоалжирцы», выступавшие за получение своими соотечественниками прав французских граждан даже ценой отказа от ислама и арабской культуры.

Однако все эти политико-идеологические группировки, в основном, ограничивались митингами, петициями, резолюциями, агитацией в прессе, участием в выборах, организацией школ и кружков. Только младотурки, имевшие сильное военное крыло, сыграли в дальнейшем решающую роль в революции 1908–1909 гг. и свержении султана Абдул-Хамида II. Более решительно вели себя противники модернистов, особенно панисламисты, организовавшие от Индии до Алжира массовые кампании и шествия, забастовки, саботаж, акции солидарности. В 1896 г. ими был убит шах Ирана Наср Эд-Дин. Весьма заметны они были в Алжире и Египте.

К концу XIX в. Восток был, в основном, поделен между разными колониальными державами. Часть стран Востока при этом сохранила формальную государственную самостоятельность, но гораздо большая часть ее утратила. Хотя споры

о сути и объективной роли колониализма идут до сих пор, большой интерес представляют свидетельства главных идеологов колониализма, не считавших нужным скрывать цели колониальных захватов и создания колониальной системы. Вот что говорил в этой связи Сесил Родс, пожалуй, самый известный британский империалист: «Моя заветная идея есть решение социального вопроса, именно: чтобы спасти сорок миллионов жителей Соединенного Королевства от убийственной гражданской войны, мы, колониальные политики, должны завладеть новыми землями для помещения избытка населения, для приобретения новых областей сбыта товаров, производимых на фабриках и в рудниках. Империя, я всегда говорил это, есть вопрос желудка. Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистом».

Слова Родса — ключ не только к колониализму Европы его времени, но и к последующему. Иными словами, колониализм был не только проявлением экономической, политической и торговой экспансии с целью обретения стратегических позиций, рынков сбыта, источников сырья и рабочей силы, гораздо более дешевой, чем в метрополиях. Колониальная система была также использована европейскими державами для решения своих демографических и социальных проблем (путем британской эмиграции в Америку, Австралию, Новую Зеландию, гораздо меньше — в Индию и другие колонии, французской эмиграции — в Алжир, Канаду и страны Африки и т. п.).

Впоследствии европейцы «экспортировали» в колонии и другие свои проблемы — проблемы экологии, отсталых производств, массовой безработицы. Более того, они сумели в значительной мере «экспортировать» туда, но гораздо позже, к середине XX в., проблему классовых противоречий (и сопутствующие ей проблемы экономического и социального неравенства и т. п.), создавая в развитых странах капитализма «полюс богатства», а в странах Востока — «полюс бедности». В этом плане, несмотря на множество происшедших за последние 100–150 лет разительных перемен, эпоха колониализма все еще продолжается, а рожденные ею проблемы во многих случаях не только не решены до сих пор, но и периодически множатся и обостряются.

Религиозное отражение социально-экономических преобразований

Значение религиозного фактора в синтезе традиционного и современного на Востоке нельзя недооценивать не только вследствие относительно высокой религиозности населения, но также потому, что развитие по капиталистическому пути в той или иной мере сопряжено там с попытками соединения добуржуазных культурных и связанных с ними религиозных традиций с идеями буржуазной модернизации.

В обстановке господства средневековых устоев религия и освящаемые ею традиции определяли и регулировали весь ход государственной, общественной, личной жизни. Религиозная организация непосредственно связана с политико-административной и социальной структурой. Схоластико-метафизическая основа канонической догматики обеспечивает копирование и повторение устоявшихся традиционных стереотипов мировосприятия, быта. Этот процесс контролирует и направляет сословие духовных лиц. Консервативен и психологический настрой верующих масс с его ограничением трудовой деятельности насущными потребностями, необремененностью чрезмерными заботами о будущем, строгой регламентацией социальных ролей, обязанностей и взаимоотношений. Если перемены и происходят, то не столько вследствие осознанной необходимости, сколько из-за невозможности сохранять все по-старому. Восприятие всего нового идет через призму устоявшихся традиционных представлений и нравственных установок.

Но подобный род социально-религиозной активности включает в себя несколько типов. Низший соответствует стадии начальной феодализации общества, обычно сопровождающейся упадком прежних родо-племенных культов и распространением

вероучений регионального (зороастризм, индуизм, джайнизм, сикхизм и т. д.) или мирового масштаба (буддизм, христианство, ислам). В этих условиях конфессиональная общность поддерживается культом, в котором оставался мощный пласт религиозных пережитков, сохранившихся от патриархального общества. Приходы отдельных храмов, мечетей, церквей, молелен еще были автономны. Зато сохранялись тесные внутриприходские связи: личные, семейные, родственные, соседские. Еще была нестабильной складывающаяся прослойка служителей культа. Зато сами эти служители выполняли разнообразные функции: они — авторитеты, в области богословия и религиозного права, духовные и нередко политические лидеры общины, учителя, наставники и судьи. Их статус в обществе определялся, в первую очередь, личными качествами и заслугами.

Следующий тип религиозно-традиционной структуры базировался на зрелом феодализме. Именно тогда окончательно оформилась духовная иерархия, которая в большинстве случаев либо тесно переплеталась, либо полностью сливалась с феодальной. Ее верхи закрепили за собой статус охранителей веры и неоспоримых авторитетов во всех сферах государственной, общественной и личной жизни.

По мере того как формировалась феодально-духовная иерархия, как расслаивалась сама конфессиональная община, выявлялись и усиливались различия между ее верхами и низами. Выполняя социальный заказ первых, официальное богословие освящало и закрепляло складывающуюся систему феодального соподчинения, всеми силами стремилось уничтожить возможности классового протеста со стороны низов, объявляя бедность добродетелью, а предпочтение небесного земному — критерием благочестия.

Широкие народные массы тем не менее отличал утилитарно-прагматический подход к религиозным установлениям. Незнание одних догм, игнорирование других сочетались с преимущественным вниманием к культовой обрядности, которая, в свою очередь, включала в себя отдельные элементы родо-племенных верований. Впрочем, без опоры на некоторые элементы язычества не могли обойтись и феодальные круги. Ведь такого рода иллюзорность зачастую была способна сдерживать нарастание внутриклассовых и межклассовых конфликтов среди единоверцев.

Но в том и заключалась особенность этих конфликтов на Востоке в Новое время (так же как и в предшествующие периоды), что они проявлялись в религиозной форме — в сугубо ортодоксальной или сектантско-еретической. В итоге образовывались новые вероучения и конфессиональные организации. Одни остаются на оппозиционном положении, другие легализуются, получают официальное признание.

Религиозное брожение достигло особого размаха на стадии упадка и кризиса феодализма. Именно тогда разворачивались движения, выражающие стихийное недовольство их участников феодальными общественными устоями и неосознанное стремление к серьезным социальным сдвигам. При этом на данном этапе присутствовала утопичность целей и архаичность способов борьбы, авторитарно-харизматический метод организации масс, что делало их слепым орудием лидеров, а само движение — крайне уязвимым в случае гибели, измены, отхода руководителей от первоначальных намерений и т. п.

Качественно новый момент в расшатывании феодальных и религиозных средневековых устоев появляется тогда, когда на авансцену общественной жизни выходят носители идей, объективно служащих задачам буржуазного переустройства как всей социальной структуры, так и базирующейся на ней конфессиональной деятельности.

Среди деятелей религиозного реформаторства на Востоке немало выходцев из аристократии и верхов духовного сословия. Чаще всего их выступления на первых порах обусловлены не столько развитием местного капитализма, сколько пониманием губительной угрозы, исходящей от косности и отсталости, при экспансии буржуазного Запада.

В своем классическом варианте реформаторство начиналось с такой ревизии религиозно-мировоззренческих основ и культуры, которая бросала прямой вызов традиционно-феодальным принципам и построенной на них системе регуляции духовного микроклимата и всей жизни единоверцев. Это и понятно: для того, чтобы возможно было нападать на существующие общественные отношения, нужно было сорвать с них ореол святости.

Однако десакрализация и демифологизация одних религиозно-традиционных установлений шли одновременно с переориентацией других на сугубо земные проблемы, с принесением в решение последних элементов рационализма.

Именно эти нововведения несли в себе импульс к дальнейшему обновлению религии в духе требований буржуазного развития и тем самым поднимали реформаторство на качественно новую ступень модернизации. Реформаторы утверждали принцип земного предназначения религии. Этот принцип позволял придать обличье «святости» идее долга верующего перед самим собой, обществом и народом. В итоге наносился урон традиционному приоритету конфессиональных уз над всеми остальными и облегчалось восприятие таких неотъемлемых от буржуазного развития понятий, как гражданственность, нация, национальное самосознание и т. п.

Как правило, провозвестников реформаторства окружала стена вражды и непонимания со стороны большинства единоверцев, живущих в мире средневековых традиций. Вступая в борьбу за массы, реформаторы начинали с укрепления и расширения собственных рядов, более или менее решительно и открыто порывая с традицией в вопросах массовой агитации и формы организации верующих. Так, слепому повиновению религиозным авторитетам противопоставляли принцип сознательной идейной убежденности. Соответственно этому авторитарно-харизматические методы мобилизации масс вытеснялись иными, основанными на учете современных политических, общественных, профессиональных, культурных и других запросов. В противовес «старым» реформаторы создают «новые» культовые учреждения. Однако главный упор делается на создание миссионерско-благотворительных, учебных и других заведений, ориентированных на нужды буржуазного прогресса.

По времени процессы религиозного реформаторства совпадали (в наиболее развитых странах Востока) с процессами классового образования последней трети XIX в. При этом появление модернизированных школ, где изучались и религиозные, и общеобразовательные дисциплины, создание миссионерско-благотворительных заведений, которые становились центрами пропаганды реформированной религии, а также познаний в современной агротехнике, медицине, коммерции, издательском деле и т. д. — все это способствовало появлению и расширению прослойки новой интеллигенции. Эта интеллигенция была тесно связана с формирующейся национальной буржуазией и решительно

оспаривала привилегии феодальной элиты, вступала с ней в борьбу за руководство.

Тенденция к ослаблению, если не религиозности как таковой, то прежнего значения конфессиональных уз, пробивало себе дорогу в либерально-буржуазной среде, у радикально настроенной интеллигенции и учащейся молодежи. Одних подталкивало к этому приобщение к сферам деятельности, связанным с достижениями науки и техники, и у них появлялось убеждение в несовременности религиозных принципов миропонимания; других интересовал преимущественно прагматический поиск классового и политического союзника из числа сторонников секуляризма.

Так или иначе, но подобное ослабление когда-то всепроникающего религиозного поля делало религиозную общину уже неадекватной тому новому социальному организму, в рамках которого она функционировала. В области идейной борьбы все это приводило к тому, что к старым расхождениям по классово-политическим мотивам добавились новые, связанные с вопросом о способах выживания религии в «секуляризованном мире». Среди буржуазных прагматиков-модернистов утверждалась мысль о необходимости руководствоваться не столько буквой, сколько духом религии, т. е. реформаторски истолкованными морально-ценностными ориентирами. Доктрины таких идеологов порой настолько наполнялись светским содержанием, что лишь религиозная оболочка отделяла их от классово однотипных нерелигиозных учений. Тем не менее акцент неотрадиционалистов на универсальность религии не означал все же отказа от установления связи между прошлым и настоящим. При этом поднималась на щит традиционная символика, в результате чего ранее выработанные реформаторами стереотипы мышления и бытия окостеневали и быстро становились консервативными.

То, в каком направлении и какими темпами осуществлялось реформаторство в целом, зависело в конечном счете от конкретно-исторической ситуации. И здесь многое определялось тем, какие классово-политические силы выражало то или иное вероучение, на каком уровне развития находится данная конфессиональная община, каков ее официальный статус, роль в обществе, в системе, внутрирелигиозных и межрелигиозных мировых связей.

Христианство на колониальном Востоке

Эпоха Великих географических открытий положила начало принципиально новому периоду в истории христианства. Кризис католицизма в XVI столетии, ослабление церкви, утеря ею былого влияния и могущества в Европе явились отражением упадка феодализма. Однако процесс этот был неоднозначным, ведь именно в этом веке католицизм начал свое распространение по всему миру, превращаясь уже в мировую религию. Масштабы миссионерской деятельности в эту эпоху сравнимы с временами апостольскими. Сильно потесненный в самой Европе протестантизмом, католицизм в то же самое время сразу на трех континентах проник в то, что называли тогда «мир языческий» и вступил в контакт и взаимодействие с азиатскими, африканскими и американскими автохтонными культурами, в результате чего начинали складываться новые культурно-религиозные формы.

Христианизация афро-азиатского мира положила начало взаимодействию религиозной европейской среды с религиозным опытом неевропейских народов. Конкретное взаимодействие религий и культур происходило в бесчисленных формах, но главным образом в рамках двух тенденций: приспособление самого европейского христианства к местным верованиям и влияния автохтонных культур на христианство, когда уже они сами его преобразовали.

На первом этапе своей деятельности католические миссионеры подходили к проблеме спасения язычников с количественным критерием. Чем больше обращенных и быстрее обращение, тем лучше. Проблемы адаптации западного христианства к иной конфессиональной среде для них не существовало. Этому способствовали и особенности мироощущения миссионеров XVI в.: как и многие их современники, они были убеждены в близости конца света.

Для большинства миссионеров XVI в. сознание туземцев представлялось чем-то вроде чистого листа. Не принимая во внимание их традиционные верования и культы, они практически требовали от новообращенных полного отказа от многовековых традиций, что нередко вело или к подрыву местной культуры, если она не обладала достаточной сопротивляемостью, или к провалу миссии, или к синкретизму.

Однако уже на грани XVI–XVII вв. среди миссионеров обозначился принципиально иной подход к проблеме методов евангелизации. В этом отношении заслуживает внимания деятельность соратника иезуита Игнатия Лойолы — Франсуа Ксавье и его последователей в Японии, Китае, Индии и Индокитае. Знакомство Франсуа Ксавье с высокой японской культурой побудило его принципиально изменить характер своей деятельности. Он отказался от прежнего нищенского рубища, приезжал в страну с дорогими подарками и добивался уже не массовых обращений, а прежде всего признания и доверия у местной политической и религиозной элиты.

В подобном же духе действовали иезуиты и в Индокитае, где им пришлось столкнуться с развитыми конфуцианской и буддийской культурами. Во главу угла они ставили основательное изучение страны, фундаментальное знание языка, местных нравов и обычаев. Миссионер должен был провести всю жизнь в одной стране, «натурализоваться» в ней, жить одной жизнью с местным населением и тем самым заслужить его доверие. Александр де Роде, которого считают «отцом» вьетнамской церкви, прибыв в Южный Вьетнам в 1624 г., первым среди миссионеров начал читать проповеди на вьетнамском языке, он же, продолжая работу Франсуа де Пина, окончательно оформил латинизированную вьетнамскую письменность «куокны», составил латинско-вьетнамский словарь, перевел на вьетнамский ряд важнейших богословских произведений. В Сиаме (Таиланде) группа миссионеров во главе с Луи Лано, готовясь к работе среди таи, тщательно изучала тайский язык и священную литературу буддистов.

В то же время иезуиты понимали, что, во-первых, их союзником в Дальневосточном регионе в Юго-Восточной Азии является исторически сложившаяся веротерпимость, возможность целых групп населения исповедовать не одну, а сразу несколько конфессий, а, во-вторых, что все же в глазах местных жителей они мало чем отличаются от представителей других многочисленных там религиозных сект и философских школ. Поэтому они старались сочетать религиозную проповедь с распространением полезных знаний. Каждый миссионер-иезуит должен был в совершенстве знать хотя бы одну точную науку и одно ремесло или искусство, например, астрономию и часовое дело, медицину и архитектуру, математику и артиллерийское дело, кораблевождение и живопись.

Понимание того, что миссионеру в Азии приходится работать в условиях, принципиально отличных от европейских; заметно в миссионерской деятельности М. Риччи в Китае, Р. де Нобили в Индии, Александра де Роде в Индокитае. С учетом опыта этих миссионеров Конгрегация пропаганды веры в 1659 г. разработала специальную инструкцию, в которой, в частности, говорилось: «Ни в коем случае не усердствуйте, пытаясь заставить народы изменить их обряды, обычаи и нравы, если они прямо не противоречат религии и морали. Что может быть абсурднее стремления перенести к китайцам Францию, Италию или иную европейскую страну? Утверждайте среди них не наши страны, а веру».

Однако далеко не все миссионеры прислушивались к указаниям из центра. В этом проявились столкновения и борьба двух методов евангелизации, каждый из которых имел в католической церкви своих сторонников. Борьба эта особенно остро протекала во второй половине XVII — первой половине XVIII в., и, видимо, ею объясняется, на первый взгляд, странное соперничество, доходящее порой до открытой конфронтации как между монахами-миссионерами, так и между самими монашескими орденами. Большинство иезуитов проводили курс на деевропеизацию христианства и требовали признания и принятия в азиатских культурах тех элементов, которые не противоречили духу Евангелия.

В противоположность иезуитам большинство доминиканцев, францисканцев и апостолических викариев из Общества иностранных миссий в своей концепции евангелизации отвергали компромиссы с местными верованиями и настаивали на массовых обращениях любыми методами. Правда в самой Европе церковь проводила в то время жесткий курс на искоренение «остатков язычества» и суеверий в народе. И вряд ли большинство духовенства могло иначе подойти к проблеме борьбы за чистоту доктрины и адаптации христианства к неевропейским культурам.

Христианизация каждого народа совершалась всегда в виде двух встречных процессов: с одной стороны, само христианство в определенной степени впитывало в себя новую культуру, усваивало некоторые ее черты и формы, ее язык и символику, в то же время трансформируя ее; с другой стороны, традиционная культура, подвергающаяся христианизации, находила в новой религии формы и способы для продолже-

ния своего существования, придавая ей относительное своеобразие.

Христианизация Филиппин и части населения стран Индокитая служит хорошим примером подобного взаимодействия традиционных культур с новой религией. Та переработка, которой подвергся католицизм на Филиппинах, дает даже основания некоторым современным теологам говорить об особом, филиппинском христианстве. Причем эта переработка — скорее бессознательная, нежели сознательная, — затронула не только обрядовую сторону, но отчасти и саму суть учения.

Через полвека после экспедиции Мигеля Лопеса де Легаспи (1564 г.) большая часть населения Филиппин была уже крещена. К моменту прихода испанцев страна не знала единой религии, религиозные представления филиппинцев были в основном анимистическими (т.е. одухотворение сил и явлений природы), лишь кое-где успел утвердиться ислам. Жреческое сословие еще не выделилось, не было и культовых зданий. Тем не менее примитивные религиозные представления и традиционные социальные нормы поведения оказались удивительно живучими в сознании жителей архипелага. И новые религиозные формы не только не уничтожали старых верований, но отчасти даже служили их своеобразной консервации.

На первых порах Бог, проповедуемый миссионерами, просто входит в традиционный филиппинский пантеон богов в качестве еще одного божества, затем он постепенно занял главенствующее положение, прежние же боги и духи сначала отошли на второй план, а потом стали рассматриваться как воплощение сил зла. Однако еще долгое время местные жители наделяли христианского Бога чертами языческого бога Батхала, который считался суровым, карающим, требующим не любви, а подчинения божеством. Идея единого Бога постепенно утверждалась в сознании филиппинцев, но на характере поклонения ему очень долгое время сказывались традиционные представления и нормы социального поведения. Просить языческого бога о милости считалось делом опасным, монахи же утверждали, что у Бога просить можно и должно. Поэтому филиппинцы стали обращаться к Богу через посредников, роль которых выполняли святые. В традиционной иерархии сверхъестественных сил святых не было. Освоив эту новую категорию, филиппинцы наделили святых привычными

социальными функциями — представительства перед Богом. Верующие наделяли святых особой магической силой, которой, по их мнению, не мог противостоять и сам Бог. Иная психология поклонения Богу сложилась и в отношении искупления, таинства причащения, крещения, исповеди, отпущения грехов, а главное — «чуда».

Католические теологи отмечают, что в сознании жителей Филиппин уживаются и добрый католик, и язычник. В нем как бы сосуществуют две системы религиозных ценностей: одна — заимствованная, но уже укоренившаяся, другая — исконная, отнюдь еще не потерявшая своего влияния. Двум системам ценностей соответствуют и две линии социального поведения, и два авторитета — священник и колдун, который еще далеко не утратил своей социальной значимости в филиппинском обществе.

Рассмотрение проблем взаимодействия христианства с традиционными и полутрадиционными культурами Востока было бы неполным без учета социальных аспектов этого процесса. В традиционном обществе человек, принимающий новую религию, сталкивается, прежде всего, с мучительной проблемой отторжения от своего окружения. Западные миссионеры далеко не сразу осознали серьезность этой проблемы. Примером может служить трагическая судьба голландского протестанта Яна де Вроома — первого европейского миссионера на острове Бали (Индонезия). В 1873 г. единственный крещенный в результате многолетних трудов балиец, после того как местная сельская община изгнала его из своих рядов, в отчаянии убил проповедника. Другой пример: 50% католиков и 80% протестантов Индии оказались в лоне этих конфессий в результате массовых переходов. Как подтверждает практика, в традиционных обществах люди крайне редко переходят в новую религию в одиночку, подавляющее большинство принимает новую веру корпоративно, вместе с семьей и другими членами своей социальной группы. Таким образом, феномен массового перехода обусловлен прежде всего проблемой социального выживания в традиционной среде.

Так, например, английским миссионерам в Индии не удалось добиться существенных результатов в начале их деятельности. Тогда они пытались обращать в христианство молодых людей из высших каст в основном через сети созданных англо-индийских школ. Зато позднее эти миссионеры стали

проповедовать в сельской местности, где они вступили в тесный контакт не только с низшими кастами, но и с неприкасаемыми. Работа миссионеров принесла неожиданные для них самих результаты. По данным одного сельского района в Юго-Восточной Индии (близ г. Масулипатам) первые обращения состоялись в 1859 г., в 1882 г. христиан насчитывалось уже 3500, в 1895 г. — 9 тыс., а в 1905 г. — 22 тыс.

Распространению христианства среди неприкасаемых способствовал ряд факторов. Прежде всего их социальный статус в отличие от крещенных индусов высших каст не подрывался. У них появлялась уникальная возможность получить начальное образование, так как миссионерские общества создавали для них сельские школы в районах Масулипатам и Элuru (в местные же индуистские школы могли поступать только дети брахманов). Приняв христианство, они могли достичь более высокого уровня жизни, повысить свой социальный статус. Христианизация до некоторой степени меняла характер социальных связей низших каст, делала для них возможными новые формы социальной интеграции. Через миссионеров новообращенные могли вступать в контакт с теми слоями общества, пути к которым были прежде для них закрыты. Кроме того, многие индийские крестьяне видели в христианстве прежде всего систему защиты от всепалача злых духов.

В Индонезии христианству удалось пустить корни лишь в самом конце Нового времени (в основном, на островах Бали и Сулавеси). Но еще долго индуистское большинство Бали рассматривало христианство как чужеземную религию, а его приверженцев как чужаков. Примечательно, что в данном случае адаптация христианства выразилась в том, что при росписи христианских храмов стали использоваться древние балийские художественные стили. Опираясь на индуистские традиции, балийские христиане стали излагать библейские сюжеты языком танца. Для проповеди евангельских событий использовался также балийский тембанг (опера). Используя традиционную балийскую цветовую символику, церковнослужители сменили темные облачения на светлые. Изменилась и архитектура христианских храмов, при постройке которых стал учитываться традиционный индуистский стиль.

Стремление приспособить христианские обычаи к мусульманской среде ярко отразилось в проектах реформ католической литургии в мусульманских частях Индостана (позже

в Пакистане). Там, в частности, предусматривалось заменить традиционные церковные одеяния белой туникой; в местах богослужения верующие, следуя мусульманской традиции, должны разуваться и покрывать голову; коленопреклонение предлагалось заменить поклоном; одобрялось использование при богослужении национальной музыки и традиционных музыкальных инструментов; видоизменились некоторые церковные обряды, в частности обряд венчания (например, обмен кольцами заменен на обмен гирляндами).²¹

Естественно, процессы синтеза христианства с традиционными восточными религиями, заложенные в колониальное время, получили дальнейшее развитие на протяжении всего XX в. Частичная «христианизация» восточных культур создала для католической церкви новую проблему, обостряющуюся с каждым поколением. Проблема эта, если придерживаться современной геополитической терминологии, заключается в постепенном, но неуклонном перемещении христианства с «севера» на «юг». В этом перемещении многие современные теологи усматривают тенденцию, которая может приобрести эпохальное значение.

Однако с ростом национализма в колониальных, а затем «развивающихся» странах тенденция к регионализации местных церквей в ряде случаев стала находить свое выражение в возникновении новых синкретических культов, мессианистских сект, энтузиастических церквей, спиритических общин и даже в попытках создания новых религий, претендующих на роль универсальной религии всего человечества (например, бехаизм). Центр религиозных движений подобного рода со временем сместился в Африку, но аналогичные процессы наблюдаются и в Азии.

§6

Религиозная реформация в странах Востока

Религиозные реформаторские движения сыграли большую роль в утверждении буржуазных отношений и модернизации общества. Применительно к Востоку решающее значение имела перестройка систем религиозного воспитания и образования, судопроизводства, массовой информации, коммуникации и организации. Уровень и характер их обновления адекватным образом отражали специфику реформирования отдельных конфессий в условиях воздействия на восточное общество, с одной стороны, колониализма и неоколониализма, с другой — национально-капиталистической модернизации.

Христианство

Христианство играло в этих процессах далеко не однозначную роль, будучи представленным тремя потоками: автохтонным (восточнокристианским), западномиссионерским и отпочковавшимися от него «национальными церквями».

Впервые посланцы «христианского Запада» появились на Востоке, как известно, еще до европейской реформации христианства, начавшейся в XVI в. Когда же в восточных странах в конце XVI — начале XVII в. стали объявляться миссионеры из реформированных церквей (прежде всего англиканской и голландской реформатской), то их действия в отношении местного населения мало чем отличались от деятельности остальной миссионерской братии. Ведь этапу тогдашней колониально-торговой экспансии больше всего соответствовало использование христианства в его изначальном виде, приспособленном к тому, чтобы быть идеологической формой внешнеэкономического принуждения.

Миссионерское участие в колонизации прежде всего имело целью духовно сломить силу антиколониального сопротивления

путем такой «евангелизации», которая бы уподобила, например, калькуттского бенгальца шотландскому пресвитерианцу, батавского яванца голландскому реформату и т. д. Это уподобление носило внешне формальный характер по отношению ко всему комплексу традиционных устоев, за исключением разве что его чисто обрядовой стороны. При этом христианизация (о чем говорилось в предыдущем разделе), не просто меняла старую веру на новую. Она подключала свою восточную паству к иным культурным ценностям и традициям, к иным, сориентированным на метрополию, религиозно-политическим установкам. Но такой контакт строился на принципе духовного подчинения обращенного населения Востока колонизаторам, на принципе закрепления за первыми статуса отсталой периферийной группы.

Во многом аналогичный эффект давали тогдашние контакты западных церквей с восточнохристианскими (маронитами в Ливане и Сирии, египетскими коптами-монофизитами, иранскими и индийскими несторианами и др.). Однако к середине XIX в. положение начало меняться в тех общинах восточных христиан, где стала формироваться местная национальная буржуазия и где возникли собственные очаги реформаторства. Восточное реформаторство исходило из интересов формирующихся буржуазных группировок, с одной стороны, и пробуждения национального самосознания, чьим выразителем становилась складывающаяся местная интеллигенция, — с другой. Опираясь на давние культурные и торговые контакты своих общин с западными странами, эти реформаторы-христиане с гораздо большим знанием дела, а главное — без религиозной предубежденности (как у реформаторов других исконно восточных религий) противопоставляли европейскую цивилизацию отсталости собственного феодально-традиционного окружения.

Но тотальное западничество отличало представителей разве что компрадорских слоев. Чем далее, тем более выразители национального самосознания делали различия между позитивными итогами буржуазного прогресса на Западе (демократизация, понятия «нация», «гражданский долг») и пагубными для судеб восточных народов последствиями колониально-капиталистической эксплуатации.

Эпоха империализма и одновременного нарастания кризисных явлений в системе колониальной эксплуатации ознаме-

новалась новыми событиями в «христианском мире» Востока. В той мере, в какой развивались буржуазные отношения и утверждались модернизированные нормы миропонимания и быта среди прихожан «восточных церквей», ширилось и реформаторское наступление на высший клир. Особенно бурным было это наступление во второй половине XIX в. Протестантские миссии способствовали возникновению реформированной несторианской церкви в Индии (1843 г.), в Турции (70 годы XIX в.), а также возникновению коптской евангелической церкви (60 годы XIX в.).

Чем сильнее разгоралось на Востоке национально-освободительное движение, тем больший отклик оно находило в местной миссионерской пастве. Иногда дело ограничивалось традиционалистско-сектантской оппозицией западным церквям и колониальному аппарату. Порой антиколониализм находил выражение в наполнении старой формы реформированным в буржуазно-националистическом духе содержанием. Учащались трения между реформированными и нерепформированными ответвлениями автохтонных вероучений, наконец, произошло полное обособление от западных церквей вновь возникающих «национальных».

В наибольшей мере, как отмечалось выше, церковный раскол затронул католичество. Начало ему положило движение за «филиппинизацию» католической церкви в конце XIX в. — после поражения антиамериканского сопротивления. Протестантским же церквям удалось избежать подобного исхода оппозиционных выступлений со стороны восточной паствы благодаря широкой рекламе проектов предоставления автономии своим филиалам на Востоке и некоторым практическим шагам в этом направлении. Реализация подобных мер носила спорадический характер, обнаруживая прямую зависимость от интенсивности как антиколониального сопротивления, так и его антихристианской окраски в той или иной стране.

Не случайно именно в Японии, где сила такого сопротивления оказалась достаточной, чтобы предотвратить угрозу западной экспансии, раньше, чем где бы то ни было на Востоке, развернулась «японизация» миссий, а в 1886 г. была создана Японская церковь (Ниппон куоккай). В других зависимых странах сходные процессы завершились лишь в XX в.: в 1901 г. была учреждена Протестантская церковь Кореи, в 1905 г. — Национальное миссионерское общество Индии и т. д.

Развал колониальной системы постепенно лишал миссионеров былых привилегий в прежних колониях. Однако их позиции в гораздо меньшей мере ослабевали там, где империализм еще оказывался в состоянии навязывать свой диктат, где церкви согласовывали свою деятельность с иностранными монополиями и местными предпринимателями (особо показателен пример южнокорейского и сайгонского режимов). Отныне с Запада на Восток экспортировались философско-идеалистические правохристианские доктрины, где защита буржуазного строя сочеталась с утонченной апологией религии, освящавшей этот строй.

Таким образом, в различные периоды колонизации стран Востока христианство в целом и его отдельные направления по-разному проявляли себя в процессе трансформации традиционных и становлении буржуазных структур. Неизбежная при этом конфронтация «христианского Запада» и «нехристианского восточного мира» становилась тем острее, чем органичнее наслаивалась на национальный дуализм синтезированной системы «метрополия — колония» (а иногда даже плюрализм, так как во многих странах Востока посреднические функции между колониальным производителем аграрно-сырьевой продукции и промышленным производителем метрополии выполнялись представителями местной, но многонациональной торгово-ростовщической и компрадорской буржуазии). Со времени, когда отмирание колониализма стало одним из симптомов общего кризиса капитализма, христианские проекты общественного развития все чаще оказывались под огнем критики со стороны альтернативных нерелигиозных концепций. Христианизированная идея капиталистической модернизации по западному образцу встречала отпор все более широких слоев населения, в чьих рядах находились и восточные христиане, выступавшие с антибуржуазных позиций.

Ислам

В отличие от христианства ислам получил основной реформаторский импульс от развития буржуазных отношений непосредственно на Востоке. Но не обошлось и без западных влияний, обусловленных спецификой этого процесса в условиях колониального, полуколониального и неколониалистского воздействия. Вместе с тем особенности исламизации Востока

и последующей эволюции мусульманских общин обеспечили их реформаторской перестройке такое многообразие форм синтеза современного и традиционного, которого не знает реформация иных вероучений. Это стало возможным потому, что никакая другая конфессиональная общность не является столь многочисленной и столь неоднородной по этническому составу, по внутрирелигиозным отличиям. Ни одна не разбросана по столь разным цивилизационно-культурным ареалам, по различным ступеням общественного развития, по государствам, чье положение в системе империалистической эксплуатации так неодинаково.

Это уже само по себе предопределило множественность очагов мусульманского реформаторства, большие промежутки между временем их возникновения в отдельных странах и регионах, то, что характер взаимоотношений между отдельными центрами (а порой между центрами и периферией) варьировался от мирного сосуществования до острейшей конфронтации. Реформаторское наступление на традиционное наследие носило в исламе особенно затяжной и неравномерный характер, осложняясь внутриконтрафессинальными трениями и несинхронностью движений, базирующихся на буржуазных отношениях различной степени зрелости и по-разному связанных с мировым капиталистическим хозяйством. Тем самым не просто сдерживался переход реформаторства с элитарного на массовый уровень, а продлевался срок, в течение которого реформаторы были существенно ограничены в своих модернизаторских начинаниях.

Хотя симптомы предреформационного брожения давали о себе знать много раньше: в Индии исламские реформаторы начали заявлять о себе во весь голос примерно со второй четверти XIX в., в Иране — с 40–50 годов, в Сирии — с 50-х; в Турции — с 60–70-х, в Египте — с 80–90-х, в Алжире, Тунисе, Малайе, Индонезии, Сингапуре — с конца XIX — начала XX в. В других мусульманских странах реформаторские течения возникнут позже (например, в Марокко и Афганистане в 1910–1920 гг., а в Саудовской Аравии и Брунее — лишь в 1960–1970 гг.).

Центры и периферии реформаторских движений обычно формировались на основе конфессиональной однотипности, этнической близости, сходства исторических судеб и культурно-традиционного наследия. Влияние индийских реформаторов,

например, ранее всего сказалось на индийцах-мусульманах, проживавших в Бирме, на Цейлоне, в Малайе, Сингапуре, а уже затем, и притом не столь непосредственным образом, на единоверцах из числа коренных жителей этих стран. Для арабского Востока превалирующее значение имело развитие реформаторских движений в Сирии и Египте. Отзвуки реформаторства доходили затем до арабских поселений в Южной, особенно в Юго-Восточной Азии. Иногда колонизаторы также способствовали распространению реформаторства, вынуждая противившихся им мусульманских националистов к вольной или невольной перемене мест.

Порой несколько очагов реформаторского движения появлялось в одном регионе и даже государстве. Так, в Юго-Восточной Азии подобные центры имелись в Сингапуре, Малайе и Индонезии, причем в последнем особо выделялись яванское и западносуматранское направления. Иногда одна страна попадала в зону реформаторских импульсов, различающихся по конфессиональной (нередко и этноконфессиональной) основе, по зрелости ее базиса и структуре надстроечных компонентов. Подобные различия приобретали особенно острый характер, когда начинали отражать также антагонистичность национального капиталистического уклада колониальному характеру синтеза, политическое соперничество и конкуренцию различных, по этническому происхождению, представителей местного уклада в рамках этого или же неокOLONИАЛИСТСКОГО синтеза.

Между тем в своем классическом варианте мусульманская реформация, как реформация и других вероучений на Востоке, поначалу отражала интересы тех купцов-компрадоров, которые, будучи связанными с колонизаторами, а нередко и с феодально-помещичьим землевладением, постепенно осваивали европейские методы ведения торговых и банковских дел. Поскольку подобный род занятий в дальнейшем дополнялся промышленной деятельностью, реформаторы начинали выражать идейно-политические запросы и социально-экономические нужды зарождающейся национальной буржуазии. В той мере, в какой рост-ее рядов, особенно же мелких и средних предпринимателей, обгонял численность компрадорских группировок, наряду с прозападным вариантом капиталистической модернизации в мусульманском реформаторстве все более распространялся и антизападный ее

вариант, апеллировавший к исламской «самобытности» в ее националистической интерпретации.

Во времена колониальной и полуколониальной зависимости наибольший динамизм в наращивании компонентов буржуазной инфраструктуры был свойствен реформаторам из компрадорских кругов. Дело здесь заключалось в том, что они умели извлечь максимальную выгоду не только из близости к колониальным властям и западному капиталу, но также и из отдельных традиционных, в том числе исламских, структур. На такой синтезированной основе и делался затем ускоренный рывок в мир «большого бизнеса». При этом инерция подобного разгона сохранялась и в условиях независимости, разве что на смену колониальному хозяину приходил «партнер» неоколониалистского образца.

Именно компрадорские круги наиболее преуспели в том, чтобы использовать для развития капитализма в колониальные времена где касты, где секты, а где и суфийские братства (*тарикаты*). Разветвленную по всему мусульманскому Востоку сеть братств широко использовали, в частности, торговцы-арабы. Оседая в неарабских странах, они обращали на пользу своим коммерческим делам и связям с местными единоверцами как высокие посты в тарикате, так и привилегии, которые давались происхождением с родины «отца ислама» Мухаммеда и званием сайидов (нередко скрывавшим за собой ничем не обоснованные претензии на прямое родство с пророком). Торговые касты, генетически связанные с индуизмом, но превращавшиеся по мере исламизации то в ортодоксально-суннитскую (*меманы*), то в сектантско-исмаилитские общины (*бохра* и *ходжа*), явились одним из очагов формирования торгово-компрадорской буржуазии Индии в конце XIX в.

Ранее всего (вторая четверть XIX в.) реформаторское движение охватило исмаилитские общины ходжа. Представители торгово-компрадорских слоев выступали с ревизией догмата об абсолютной и божественной власти имама (главы этой общины-секты), за гарантию свободы личности и предпринимательства. Они потребовали, чтобы в их руки были переданы административные функции» прежде всего контроль над внутрикастовым кредитом, общинными фондами и доходами имамата. Борьба завершилась при Ага-хане III (1885–1957), который взял сторону реформаторов. Сотрудничая с англичанами, торговый, затем промышленно-финансовый капитал

ходжа сумел внедриться в экономику ряда афро-азиатских стран (а в XX в. и западных). Это не мешало, однако, исмаилитской буржуазии время от времени выдавать свои конкурентные столкновения с западными монополиями за вклад в борьбу эксплуатируемого Востока против империализма и расизма. Пробиваясь в ряды монополистов, воротилы исмаилитского «большого бизнеса» не забывали о кастово-сектантском фундаменте своего предпринимательства. Подобный фундамент «цементировался» модернизированной системой жилищно-кооперативного строительства, бесплатного медицинского обслуживания, а также образования и профессионального обучения. Действовали филантропические, спортивно-культурные общества, создавались даже исмаилитские оркестры и исламоведческие центры, наконец, организовывались разнообразные массовые объединения.

В ряде случаев деятельность компрадорских и неокомпрадорских группировок базировалась на вновь создаваемых сектах. Из них особо выделялась бехайтская и ахмадийская. Ахмадийская возникла в конце XIX в. в Индии, но впоследствии создала свои ответвления в Индонезии, Малайе, Афганистане, Египте, Сирии, Мавритании, Англии, Франции, ФРГ, США. Бехайты вначале объявились в Иране, затем нашли приверженцев в Индии, Пакистане, США, ФРГ, Австралии, даже в Панаме и Израиле. Придав своему реформаторству космополитический оттенок и подкрепив его компромиссной в отношении империализма позицией, буржуазное руководство обеих сект, особенно бехайтское, сумело подключиться к эксплуатации Востока монополиями Запада и войти затем в некоторые влиятельные многонациональные корпорации. В ряде восточных стран протест против подобной интеграции в мировое капиталистическое хозяйство, против прозападной и антинациональной по своим последствиям политики нередко принимал форму антиахмадийских и антибехайтских выступлений под лозунгами защиты суннитского или шиитского правоверия.

Разумеется, было бы неправильно связывать сектантство исключительно с выражением компрадорских и неокомпрадорских интересов. Представительство этих интересов имело место и под оболочкой реформации исламской ортодоксии. Но в этом случае оно не пользовалось теми ускоряющими капиталистическую модернизацию возможностями, которые

давала секте ее компактность в свете борьбы с феодально-духовными ревнителями средневековых устоев.

Между тем основную тяжесть такой борьбы брали на себя представители нарождающейся национальной буржуазии. И их выступления были тем решительнее, чем более они выражали общедемократические устремления. Повсеместная (и в колониях, и в полуколониях) необходимость одновременной модернизации массового сознания вынуждала самих реформаторов считаться с тем, что любое покушение на «абсолютную божественную истину Корана» традиционно квалифицировалось как вероотступничество. Потому-то для обоснования допустимости изменений в области религиозного учения нужно было «либо снять запрет на нововведения — “бида” (так делали модернисты), либо, наоборот, утверждать, что предполагаемая модификация преследует цель “очистить” ислам от “биды”». Первый метод применялся, в основном, сторонниками европеизации, или вестернизации мусульманской общины, второй — теми, кто с возрождением первоначальной «чистоты религии» связывал противопоставление «западной цивилизации» националистически истолкованной «исламской самобытности». Однако уже на заре реформации ислама дало о себе знать желание сохранить традиционную форму или же многие ее компоненты при реальной нацеленности содержания на решение современных задач в рамках различных реформаторских направлений.

Ислам, как и другие восточные вероучения, подвергся вмешательству колонизаторов на этапе колониально-капиталистической эксплуатации. Как и повсюду, главным объектом этого вмешательства стали правовые вопросы. Во-первых, с ними было связано юридическое оформление статуса тех представителей феодально-духовного сословия, которые перешли на службу в колониальную администрацию (в качестве консултантов по шариату при гражданских судах, служащих различных учреждений по исламским делам). Во-вторых, реформа права вызывалась необходимостью перестройки шариатского судопроизводства применительно к действию механизма «метрополия — колония». Колониальные власти настойчиво стремились к тому, чтобы передать гражданским судам решение как уголовных дел (а к ним относилось также участие в антиколониальных выступлениях), так и вопросов, касавшихся собственности мусульман. Практически же эти

акции затрагивали тех, кто приходил в соприкосновение с системой «метрополия— колония». У большинства мусульман, живших в мире религиозно-традиционных устоев, «приски христианского Запада» в любом их варианте вызывали болезненно острую и резко негативную реакцию. Ее порой пытались использовать в антиимпериалистических целях те реформаторы-националисты, которых заботила проблема массовой поддержки национально-освободительной борьбы. Но на этом пути их ждали немалые трудности, связанные с преодолением влияния и противодействия хранителей средневекового исламского наследия тем более, что среди последних были духовные лица, поступившие на службу к колонизаторам и пользовавшиеся их поддержкой.

Индуизм, сикхизм, джайнизм, зороастризм, буддизм

Эти религии подвергались реформаторскому преобразованию в той мере, в какой приверженцы этих вероучений попадали в зону либо непосредственного развития буржуазных отношений, либо тех движений, которые были нацелены на слом феодально-колониальных преград современному прогрессу. С индуизмом, сикхизмом, джайнизмом, зороастризмом, чьи главные очаги реформации находились в Индии, это случилось почти одновременно. Однако не обошлось без немаловажных различий, обусловленных спецификой как социальной базы реформаторского движения в каждом из вероучений, так и разной степенью их доктринальной разработки, разномасштабностью общественно-религиозной деятельности.

Индуизм

Реформация индуизма происходила в многоукладном обществе с весьма давними и глубоко укоренившимися традиционными устоями, чья живучесть поддерживалась кастовой системой с ее четкой конфессионально-социальной (и даже этносоциальной) стратификацией. Интенсивность колониально-капиталистической эксплуатации Индии в целом и индусского населения в частности обусловила особенно острую реакцию реформаторов индуизма на западные воздействия, будь то христианское миссионерство или же «британизация»

индусского права. Кроме того, они гораздо более, чем модернизаторы других восточных вероучений, преуспели в приспособлении традиционных институтов и норм к выполнению новых функций. Инициаторами в этом процессе стали торгово-ростовщические индусские касты. Уже в первой половине XIX в. в них складывалась буржуазия современного типа и практиковались новые формы как предпринимательской деятельности, так и социальной организации. Вместе с тем обнаружилась зависимость между высотой ритуального статуса и материальным преуспеванием, с одной стороны, и быстротой вызревания буржуазных отношений в касте — с другой. Обуржуазивание кастовой системы обычно происходило сверху. Учащались, вместе с тем, случаи, когда разбогатевшие верхи «низкорожденных» настаивали на признании своей «респектабельности» и на повышении общественного престижа. Временами делались попытки со стороны отдельных членов «низких каст» вовлечь остальных в организации современного типа (кооперативы и т. п.) с тем, чтобы приобщить их к более производительному труду и обновленным формам жизни.

В индуизме не меньшее значение, чем в исламе, имела деятельность реформаторских обществ и учреждений. Начало реформаторской деятельности совпало со временем перехода Англии к эксплуатации Индии методами промышленного капитализма. Провозвестниками реформации стали выходцы из торгово-ростовщических кругов, вначале занимавшихся компраторскими операциями, а затем и предпринимательством в сфере промышленности. Считая установление буржуазных отношений явлением прогрессивным, а английское господство в силу личных выгод от сотрудничества с колонизаторами благом, они создавали организации («Атмия сабха» — 1815 г., «Брахмо самадж» — 1828 г. и др.), которые ставили перед собой цели пропаганды реформированных индусских принципов. Постепенно многие из таких объединений, прежде всего «Брахмо самадж», превращались в «общества социально-бытовых реформ». Борьба с кастовыми предрассудками, с такими традиционными установлениями, как запрет вторичного замужества вдов, со второй половины XIX в. сочеталась с развитием благотворительности, с учреждением модернизированных индусских школ. Подобная активизация реформаторской работы стояла в прямой связи с нарастанием

дискриминационных мер английского капитала в отношении становящейся на ноги индусской буржуазии, с утратой ею иллюзий относительно прогрессивной роли владычества Англии. Тогда-то и начинали возникать реформаторские объединения (в числе первых — «Арья самадж», 1875 г.), чьи лидеры взяли на вооружение лозунг «возрождения индуизма», наполняя, однако, традиционную форму современным содержанием. Вместе с тем при этих объединениях росла сеть модернизированных школ, миссионерско-филантропических организаций и т. д.

Из других восточных стран в орбиту реформированного индуизма в наибольшей степени был втянут Цейлон, но лишь в конце XIX в.: в 1897 г. миссия Рамакришны учредила там 22 школы. С миссией сотрудничало основанное на рубеже веков Общество Вивекананды, создавшее собственную сеть модернизированных учебных заведений.

Сикхизм и джайнизм

На индийской почве шла, в основном, и реформация сикхизма и джайнизма. Их генетическая связь с индуизмом отчасти предопределила и важность реформаторской борьбы с сословно-кастовыми преградами на пути формирования буржуазного общества. Вместе с тем сикхскому и джайнскому реформаторству были присущи такие черты, которые отличали их друг от друга, а также от реформированного индуизма. Именно в сикхизме реформация была насыщена особенно острой и почти непрерывной борьбой между консервативными, либеральными и радикальными группировками, между сторонниками обновленной ортодоксальной доктрины и сектантской. По-видимому, не прошло бесследно и то, что сикхизм возник в начале XVI в. в качестве ереси индуизма, которая отразила социальный протест городских слоев против гнета феодалов.

Традиции антифеодальной борьбы сыграли определенную роль в живучести и силе оппозиционного начала в сикхской общине, в том числе и тогда, когда в ней стало развиваться реформаторское движение. Реформаторам пришлось затратить немало сил, чтобы устранить со своего пути главных противников перемен в лице настоятелей храмов, отстаивавших свои традиционные привилегии с помощью английских властей.

Реформаторским организациям, чье создание началось с 70 годов XIX в., предстояло выдержать борьбу и с этими властями, добиваясь освобождения от их опеки модернизированных сикхских школ и колледжей. При этом реформаторы пытались опереться на антианглийские настроения крестьян-сикхов.

В то же время для реформации джайнизма было характерно стойкое преобладание в ней консервативно-буржуазного направления. По-видимому, играло роль изначальное преобладание в общине джайнов лиц, связанных с торговлей и ростовщичеством. На фоне остальных индийских вероучений реформированный джайнизм немало преуспел в том, чтобы трансформировать торгово-ростовщические касты в очаги современной буржуазной деятельности уже в первой половине XIX в. Но лишь в последней четверти века возникли реформаторски-модернизированные объединения, концентрировавшие свои силы на обновлении системы религиозного образования, на развитии филантропии. Позже, в ходе реформаторского движения «ануврат», будут сформулированы его принципы, согласно которым, следует осуществлять комплексный подход к современным проблемам страны: нельзя увлекаться ни древностью, ни чрезмерным подражанием Западу. Нужно избегать и необузданного стяжательства, коррупции, спекулятивных махинаций и филантропии, которая не уничтожает бедности. Главное — это контроль правительства за распределением богатств, за поддержанием классового мира и общего климата морального самоусовершенствования.

Зороастризм

Зороастризм примечателен тем, что главный очаг реформации этого вероучения возник не на его родине, в Иране, а в Индии, среди парсов — потомков переселившихся туда иранских зороастрийцев. Оказавшись на чужбине, беженцы принесли с собой и свои религиозные традиции. Однако силу их ослабляла необходимость приспособливаться к новым условиям, да еще в обстановке многонационального и инорелигиозного окружения. Преуспев на торгово-ростовщическом поприще, верхушка общины парсов заняла затем видное место в прослойке индийской компрадорской буржуазии. А уже ко второй половине XVIII в. она перешла в наступление на позиции местного зороастрийского духовенства. В 20-х годах

XIX в. началось движение за отмену детских браков, двоеженства, за упрощение культа, реформу права, создание школ с современным уровнем преподавания. Парсы более других приобщились к английскому образу жизни, к театру, спорту, наконец, к женскому образованию. Другие реформаторы не использовали в такой мере, как парсийские, данные европейского религиоведения и иранистики для трансформации и «возрождения» своего вероучения.

Еще в колониальные времена крупная парсийская буржуазия увидела выгодный и престижный для себя бизнес в развитии высшего образования и научно-прикладных исследований. Сделанные капиталовложения оправдали себя, способствуя многостороннему освоению достижений научно-технической революции. А это сыграло немалую роль в том, что уже во времена независимости из парсов вышли такие видные индийские монополисты, как Дж. Н. Тата, Д. Наороджи, Б. Малабари.

С середины XIX в. индийские реформаторы-зороастрийцы стали проявлять участие к судьбе своих иранских единоверцев. В этом их поощряли английские власти, надеясь с помощью своих подданных-парсов расширить влияние на Иран. Однако реальных результатов в XIX в. достичь не удалось из-за жесткого противодействия шиитского богословия, контролировавшего к тому же сферу образования. Поэтому зороастрийская буржуазия Ирана никогда не могла добиться такого преуспевания в своих делах, в том числе и на религиозно-общественном поприще, как индийские предприниматели-единоверцы. Действенность же помощи извне ослаблялась противодействием духовенства, опиравшегося на многовековые сакральные традиции и упорно отстаивавшего традиционные привилегии. Негативно сказывалась и давняя отстраненность зороастрийской общины от центров общественно-экономической, а также политической жизни Ирана в целом.

Буддизм

Но особенно остро проблема консервативной традиции, ее прочной связи со значительными массивами архаических структур, оказавшихся за бортом исторического прогресса, стояла (и во многом еще стоит) перед реформацией буддизма, одной из древнейших мировых религий. Особое значение для

его реформаторского обновления имело то, что в предшествующие столетия буддизм пережил кризисные ситуации в местах его распространения. В одних случаях он уступил лидирующее положение другим вероучениям (в Индии — прежде всего индуизму и исламу, в Индонезии — исламу, в Японии — синтоизму и т.д.), в других — синкретически слился с иными учениями и культурами (в Китае, Индокитае, Корее — с конфуцианством и даосизмом). И когда в этих странах и районах начали развиваться буржуазные отношения, буддизм имел маргинальное на общерелигиозном фоне значение, а буддийская община пребывала на периферии общественной жизни. Если же ее члены и начинали вовлекаться в русло модернизации, то намного медленнее представителей других конфессий, которые не имели столь мощного орудия консервации и сакрализации традиционного наследия, как церковь и монашество в буддизме. В целом же процесс буддийской реформации получил гораздо больший резонанс на общегосударственном уровне не столько в изначальных центрах буддизма, сколько на его прежних окраинах — на Цейлоне и в Юго-Восточной Азии,

Уже к середине XIX в. против высшего цейлонского духовенства выступила группа монахов, образовавших секту Раманния и обличавших коррумпированность, своекорыстие и косность буддийского руководства. Они требовали уничтожения кастового неравенства, «очищения» вероучения и культа. В последней четверти XIX в. на Цейлоне стали возникать культурно-просветительские и общественно-политические объединения как монахов, так и мирян. Их предводители ставили «возрождение буддизма» в прямую зависимость от подъема отечественной культуры, экономики, от духовного противостояния колонизаторам. Особенно большую роль сыграло при этом общество Маха Бодхи (1891 г.), заботившееся не только о развитии сугубо национального по форме, современного по содержанию образования, но и о создании профессиональных школ. В 1898 г. была образована Ассоциация молодых буддистов, многое скопировавшая с деятельности молодежно-христианских организаций, а несколько позже возник Всецейлонский буддийский конгресс, большинство членов которого стали активными участниками национально-освободительного движения.

Пример реформаторов Шри Ланки оказал большое влияние на их бирманских единомышленников и последователей.

Первой буржуазно-реформаторской организацией Бирмы явилось общество «Сасанадара» (1897 г.), открывшее школу западного образца. Вслед за тем была образована буддийская ассоциация Рангунского колледжа, и его выпускники создали всебирманскую Буддийскую ассоциацию молодежи (в XX в. она постепенно становилась политической национальной организацией, объединившей представителей почти всех слоев общества).

В полуколониальном Китае первые решительные реформаторские попытки вывести буддизм из того кризиса, в котором он находился уже многие столетия, прищлись на конец XIX в. Отчасти эти попытки исходили от представителей обуржуазивающегося духовенства, предпринимавшего отчаянные усилия, чтобы предотвратить упадок феодально-монастырского хозяйства путем перевода его на «коммерческую основу». Однако ведущую роль играли представители буддийских предпринимательских слоев. Богословские и этические принципы буддизма реформаторски трансформировались ими не без учета английских и японских буддологических исследований. Одновременно строилась новая социально-религиозная инфраструктура.

Интересный пример реформации буддизма сверху дает Таиланд XIX в., когда в качестве инициатора перемен выступил король Монгкут. В ускоренной модернизации он видел спасение от колониальной угрозы, связывая с буддийскими принципами идеи национального возрождения и формирование национального самосознания.

* * *

Таким образом, уже ко времени краха колониальной системы, после Второй мировой войны, страны Востока пришли с неодинаковым уровнем реформаторского обновления местных конфессиональных общин, а также различных направлений социально-религиозной деятельности. Уже тогда давали себя знать последствия изначальных и последующих расхождений в темпах осовременивания таких общин, различий в политической ориентации и в отношении к степени допустимой модернизации религиозной традиции со стороны самих реформаторов. Во всем этом сказывались сугубо конфессиональные особенности отдельных вероучений, специфика предшествующего исторического развития религиозных общин, а также

роль и место последних в генезисе капитализма на Востоке, особенно в эволюции колониально-капиталистического уклада, с одной стороны, национально-капиталистического — с другой. Именно в колониальный период благодаря усилиям буржуазных и мелкобуржуазных группировок было начато строительство обновленной социально-религиозной инфраструктуры в виде модернизированных исламских, индусских, сикхских, джайнских, зороастрийских, буддийских и прочих учебных заведений, филантропических и миссионерских учреждений, массовых организаций политического, профессионального и других направлений. Тем самым были заложены основы реформаторского наступления на традиционные устои, на соответствующие им стереотипы мировосприятия. Уже в колониальный период проявились симптомы классовой и религиозной ограниченности реформаторства.

После достижения независимости странами Востока движение за обновление конфессиональных структур и типов мышления перестало носить преимущественно очаговый характер, по мере того как усиливалось развитие капитализма. Однако сохранялась внутренняя неоднородность отдельных реформаторских потоков. Как и ранее, это в значительной мере предопределялось разными классовыми позициями самих реформаторов, несходством их политической ориентации, различным отношением к характеру и формам синтеза современного и традиционного в ходе модернизации религиозных систем.

Конфуцианство

Менее всего подверженным модернизации и реформаторству оказалось конфуцианство. Замкнутая циклическая система конфуцианской доктрины с ее догматикой, господствовавшая в Новое время, не была готова воспринять идею общественного прогресса по европейскому образцу. Лежащий в ее основе принцип «Небо — Земля», который освящал сословность и иерархичность — подчинение младшего старшему, социальных низов — социальным верхам, не мог благоприятствовать идее народоправства и конституционному движению. Поэтому в обществе, в котором уже сложились силы, своим своим положением и функциями неизбежно побуждаемые добиваться прогресса на пути социально-политического и экономического развития, нужно было пересматривать каноны

конфуцианства и приспособливать их к современности путем «очищения» и выявления его «подлинного» ядра — соответствующего толкования древнего учения.

Традиционная конфуцианская конструкция государства и власти должна была адаптироваться к идее «общественного договора», и модернизаторы открывали ее для европейской мысли. В результате, нормы, освящавшие императорскую власть, толковались в пользу народовластия и конституционализма, а древний идеал социальной гармонии переносился в достижимое будущее.

Своеобразное толкование конфуцианство получило в Японии в конце XIX в., после реставрации Мэйдзи. *Ли* — одно из основных понятий неконфуцианства, которое означает «истина», «разум», толковалось как универсальность. Из этого толкования легко делался вывод, что знания следует черпать из любого источника (а стало быть, и в Европе, и в Америке).

Видный китайский реформатор Кан Ювэй предлагал критически относиться к древним учениям и канонам, сопоставлять их с современными отечественными и зарубежными теориями, чтобы использовать полученные знания для проведения реформ. Еще в 1891 г. он написал сочинение «Исследование о поддельных классических канонах Синьской школы». В нем была предпринята попытка очистить древние учения от подделок в модернистском духе, и в то же время автор сам приписывал Конфуцию теорию о реформе государственного строя.

Считая, что учение Конфуция столь же «безгранично, как само Небо», и «применимо в любую эпоху и в любом месте», Кан Ювэй изображал его сторонником периодических изменений в системе государственного управления. Позже Кан Ювэй аргументировал правомерность смещения монарха-деспота и необходимость установления в стране режима конституционной монархии.

Несколько позже, после Синхайской революции XX в., конфуцианство сошло с политической сцены как идеологическая основа китайской монархии, но оно продолжало оказывать существенное влияние на общество. Для некоторых традиционных слоев китайской интеллигенции конфуцианство оставалось единственным приемлемым теоретическим фундаментом для формулирования новой идейной платформы, разработки проблем человека еще и в первой половине XX столетия, но и оно менялось по необходимости под влиянием быстро меняющейся обстановки.

§1

Япония**Япония в период раздробленности
и гражданских войн**

Япония начала Нового времени унаследовала от позднесредневекового сёгуната Асикага (1467–1568) период раздробленности и гражданских войн, получивший название «эпохи воюющих провинций». Он ознаменовался борьбой вассалов сёгуна против него и между собой. Сёгуны из дома Асикага утратили контроль над столицей Киото, где образовалось сильное городское самоуправление. Лидерство перешло к местным правителям в провинциях — *князьям-даймио*. На территории своих княжеств они стремились к установлению полного контроля над хозяйственной и политической жизнью.

В это время существенно изменилась структура доходов князей. Если, например, доход крупного феодального рода Сандзёниси в период раннего средневековья (XIII в.) от вотчины (*сёэна*) составлял более 50%, то в начале XVI в. он снизился до 29%. Это обстоятельство определило заинтересованность князей в развитии ремесленного производства, горного дела и торговли на территории княжества и страны в целом. В 1549 г. в городе Исидэра в провинции Оми (современная префектура Сига) при буддийском храме Каннодзи появился первый в стране «свободный рынок», где для привлечения ремесленников и купцов рыночное налогообложение было отменено. Такие же рынки со временем образовывались и в других местах.

В XVI в. возникли три производства мануфактурного типа по изготовлению гончарных изделий и одно — в винокурении. Их продукция не только удовлетворяла местный спрос, но и частично вывозилась в другие районы.

Большую прибыль приносила внешняя торговля с Китаем, хотя и осуществлявшаяся под видом поднесения дани. Между феодалами шла ожесточенная борьба за установление контроля над ней.

Междоусобицы «эпохи воюющих провинций» ухудшили положение крестьян: сократилась площадь обрабатываемых земель, выросли налоги, взимались дополнительные поборы. Это вызвало волну крестьянских восстаний. Еще в XV в., но особенно в XVI в., широкое распространение получили выступления крестьян под религиозными лозунгами. Недовольство крестьянских масс использовали в своих интересах различные буддийские школы, активно участвовавшие в междоусобных феодальных войнах. Восстания под религиозными знаменами, прежде всего буддийской школы «Икко» («учения об Одном»), начались еще в 1488 г. и продолжались около 100 лет. Крупнейшее выступление произошло летом 1532 г., когда повстанцы осадили г. Сакаи и намеревались начать наступление на Киото. Крестьянские восстания были направлены против местной администрации, представители которой обогащались за счет крестьян и превращались в крупных феодальных земельных собственников. В целом, крестьянские восстания, как бы «накладываясь» на феодальные междоусобицы, все более ослабляли сёгунат.

Значительное влияние на последующую политическую и экономическую обстановку в стране оказало появление в 1543 г. у берегов Японии португальцев, а спустя шесть лет — испанцев, достигших берегов Японии из Мексики. Их прибытие положило начало распространению огнестрельного оружия. Огнестрельное оружие, впервые примененное в Японии в 1575 г., совершило переворот в военном деле: если раньше главная роль в бою принадлежала *всадникам-самураям*, а пехотинцы были оруженосцами, то теперь на первое место вышли пехотинцы (*асигару*), возникла необходимость в профессиональном солдате, который владеет огнестрельным оружием, а этого можно было достигнуть лишь систематическими, повседневными тренировками. Князья стали формировать свои дружины не только из самураев, но и из крестьян, которых селили при замках, полностью оторвав от сельского хозяйства и предоставляя рисовый паек в качестве жалования. Введение огнестрельного оружия оказало влияние и на технику возведения укреплений, в частности

замков, которые окружались крепкими стенами и рвами с водой.

Получает распространение и христианство, принесенное с собой европейцами. Чтобы привлечь иностранных торговцев, вооружиться огнестрельным оружием и получить поддержку европейцев в междоусобной борьбе, князья принимали христианство и заставляли своих вассалов следовать их примеру. Проповедь католичества получила особо широкое распространение на о. Кюсю, где стали открывать христианские церкви и школы.

Появление европейцев способствовало усилению торгового капитала, совершенствованию военного дела, обострило междоусобные войны и привело к возникновению опасности не только раскола Японии, о чем говорилось выше, но и подчинения ее европейцам.

Междоусобные войны, крестьянские восстания создавали реальную угрозу самому существованию феодалов; для нормального функционирования торгового капитала нужно было устранить феодальные преграды; назревала угроза иностранного порабощения Японии. Все это вызывало объективную необходимость объединения страны.

Инициаторами объединения выступили феодалы центральной части о. Хонсю — Ода Нобунага, Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу.

Борьба за объединение Японии

Ода Нобунага происходил из провинции Овари (современная префектура Айти). Он был вторым сыном мелкого феодала, и отец поселил его отдельно от семьи, построив небольшой замок в Нагоя. После смерти отца в 1551 г. семнадцатилетний Нобунага проявил немалое коварство, захватывая чужие земли, не щадя ни родственников, ни свойственников, ни соседей. Военным успехам Ода способствовало вооружение его дружины огнестрельным оружием. В 1573 г. он сверг последнего сёгуна из дома Асикага, который к тому времени уже полностью утратил политическое влияние. Для обеспечения войск продовольствием он ввел специальный рисовый налог, сохранившийся до конца феодального периода.

Ода подчинил более половины территории и в завоеванных городах упразднил заставы, отменил внутренние таможенные

поборы, что, в свою очередь, встретило ожесточенное сопротивление феодалов и придворной аристократии, лишившихся главной статьи своих доходов. Он стимулировал развитие торговли путем ужесточения наказаний за разбой, создал «свободные рынки».

Упразднив частные меры жидких и сыпучих тел, Ода ввел унифицированную киотскую меру, равнявшуюся 1,8 л. Был установлен твердый обменный курс и было запрещено использовать рис в качестве средства обмена. Ода начал выпускать золотые монеты, однако золота и серебра было еще мало для массового производства денег, хотя он и захватил серебряные рудники Икуно.

Правдами и неправдами расширяя свои владения, жесточайшим образом подавляя крестьянские восстания, Ода Нобунага положил начало «сёгунско-княжескому» (*бакухан*) государству. Однако его возвышение заставило объединиться в борьбе с ним многих враждовавших ранее между собой феодалов, кроме того начались распри в лагере самого Ода. В 1582 г., будучи окружен в одном из киотских храмов войсками противников, Ода покончил жизнь самоубийством.

Дело объединения страны продолжил Тоётоми Хидэёси, происходивший из крестьян и выдвинувшийся на службе у Ода.

Внутренняя политика Хидэёси была аналогична мероприятиям Ода. На завоеванных территориях Хидэёси осуществил обмер земель и отнес их к категории «прямо контролируемых владений», которые давали 2 млн. коку риса (1 коку — около 160 кг). К «прямо контролируемым владениям» были отнесены города Осака, Киото, Нара, Оминато (север о. Хонсю) и связанные с внешней торговлей города Нагасаки и Хаката.

Особое внимание Хидэёси уделял аграрной политике, сутью которой было прикрепление крестьян к земле и укрепление феодальной структуры («вторичное закрепощение крестьян»). Хидэёси впервые в масштабах всей страны провел перепись, где крестьяне были подразделены на две группы: податные — «основные» крестьяне, к которым причислили не только зажиточных крестьян, но и менее состоятельных с целью увеличения численности податного населения, и безземельные крестьяне, находившиеся «вне переписи», не прикрепленные к земле, которым разрешалось передвижение.

В 1568 г. был издан указ о норме подати и прикреплении крестьян к земле, согласно которому крестьянин имел право не более чем на 1/3 урожая, а сеньор — на не менее 2/3. Перепись утвердила упразднение вотчин, укрепление сельской общины и наличие развитых вассальных отношений.

Сам выходец из крестьян, Хидэёси жестоко подавлял крестьянские восстания. Закрепощение крестьян сопровождалось изъятием у них оружия. Согласно указу 1588 г. об «охоте за мечами» крестьянам запрещалось иметь мечи, кинжалы, ружья и другое оружие. Спустя три года новый указ официально закрепил социальные различия. Устанавливалось трехсословное деление общества на самураев (*си*), крестьян (*но*) и горожан (*симин*). Последние состояли из купцов и ремесленников, которые еще не были дифференцированы. В качестве низовой административной единицы в 1597 г. вводились пятидворки и десятидворки, устанавливалась система круговой поруки. Через год с целью увеличения налогообложения крестьян были уменьшены единицы земельной площади: тан с 0,12 га сокращался до 0,1 га, а тё с 1,2 га до 1 га при сохранении старых норм обложения, в результате чего налоговый гнет крестьян увеличился примерно на 30%. Хидэёси подтвердил перевод ренты с денежного исчисления на продуктовую основу (*рис*), что практически осуществил его предшественник.

С самого начала своей деятельности Хидэёси вынашивал мечту о расширении границ. Еще в 1583 г. он требовал уплаты дани от Кореи, а в 1591 г. добивался признания ею вассальных обязательств. Корейские власти оба раза ответили отказом. В мае 1592 г. 137-тысячная армия японцев высадилась в Корею и двинулась на Сеул. Однако корейская кампания закончилась неудачей и ослабила юго-западных феодалов и крупных торговцев, поддерживавших Хидэёси, так как они были связаны с внешним рынком. Усилились позиции князей Северо-Восточной и Центральной Японии, менее пострадавших от тягот войны. Возросла также роль торгового капитала, действовавшего на внутреннем рынке.

Смерть Хидэёси в 1598 г. свела на нет усилия первых объединителей. С новой силой вспыхнула междоусобная борьба между третьим объединителем Токугава Иэясу и его противниками, которые сгруппировались вокруг сына Хидэёси — Хидэёри.

Потерпев поражение в битве при Сэкигахара (на восточном побережье оз. Бива) в 1600 г., Хидэёри и его сторонники обосновались в г. Осака, который на 15 лет стал центром оппозиции. В битве при Сэкигахара Токугава впервые использовал в качестве лазутчиков «невидимок» (ниндзя).

В 1603 г. Иэясу Токугава принял титул сёгуна и, основав сёгунат (1603–1867) со столицей в г. Эдо (современный Токио), положил начало военно-феодальной диктатуре наиболее влиятельного дома того времени. Фактически Токугава и его последователи отстранили императорский дом от власти и политической жизни. Однако они продолжали подчеркивать его религиозный авторитет и постоянно утверждали, что получили санкцию на власть от самого императора (микадо).

Япония в начале XVII в.

При первых сёгунах из рода Токугава Япония стала превращаться в единое государство, хотя полного объединения страны так и не было достигнуто. Стабилизация политического положения шла путем подавления оппозиции князей. В начале XVII в. некоторые из них, принявшие христианство (оппозиция Токугава рассчитывала на помощь Запада), были казнены вместе с семьями (Такэда, Минаи, Кумачаи). У ряда князей, главным образом юго-западных, земли были конфискованы. Других переселяли на новые земли. Союзникам в знак благодарности увеличивали земельную площадь.

Таким образом, Токугава удалось сконцентрировать свои владения в центре о. Хонсю. Один массив их земель располагался в районе Эдо, а другой — вокруг г. Осака, тогда как земли их сторонников были сконцентрированы вдоль важнейшей стратегической и экономической артерии — дороги Эдо-Осака.

Владельцы князья различались по степени своего богатства, которое исчислялось годовым доходом риса. Общий рисовый доход Японии в начале XVII столетия определялся в 11 млн. коку (1 коку — 180,4 литра). Из этого количества 4 млн. коку принадлежало дому Токугава. Лишь небольшая группа наиболее богатых феодалов (только 16 феодальных князей имели доход свыше 300 тысяч коку риса каждый) пользовалась некоторой самостоятельностью, обладала значительным количеством вассалов-самураев и иногда даже чеканила свою

монету. Основная же масса князей (свыше 200) в силу своей экономической и военной слабости находилась в полной зависимости от сёгунов Токугава. К этой же категории зависимых относилась и придворная знать, составлявшая окружение микадо.

Население Японии к началу токугавского периода составляло около 20 млн. человек. В последующий период стабилизации XVII в. оно достигло 29 млн. человек. Более 80% его (т.е. основная часть) проживала в деревнях и составляла главный производительный класс страны — крестьянство.

Земля в токугавской Японии принадлежала классу феодалов. Главными формами феодального землевладения были: 1) владения сёгуна; 2) владения князей; 3) церковные и монастырские земли.

Каждый феодал в своих владениях выступал в качестве суверена и фактического (но не формального) собственника земли. Верховным собственником земли, как и в других странах Востока, являлось государство в лице монарха, в данном случае — микадо. Отстранение императорской семьи от власти укрепило позиции условных земельных собственников — князей. Крестьяне прикреплялись к земле данного княжества в качестве подданных. Они вели свое мелкое самостоятельное хозяйство на правах наследственного держания, выплачивая феодалу оброк в натуральной форме. Японские крестьяне были прикреплены к земле, но сами не были объектом купли-продажи. Крестьяне были лишены права распоряжаться держательской землей. Основной крестьянской повинностью (наряду с множеством разного рода других поборов и повинностей) являлась уплата продуктовой ренты. Размеры этой ренты колебались обычно от 60% до 80% урожая. Произвол в определении налогового обложения крестьянства усиливал жестокий гнет феодальной эксплуатации. При этом не принимались в расчет частые неурожайные годы, даже в том случае, если они были результатом стихийных бедствий. Следствием этого были голод, массовое разорение, нищета японской деревни и, наконец, крестьянские восстания.

Обездоленные крестьяне нередко попадали в неоплатные долги, оказываясь в лапах ростовщиков из числа купцов и чиновников. В погашение ссуды эти дельцы незаконно захватывали крестьянские участки, обращая крестьян в безземельных издольщиков. Под «незаконным захватом» имеется

в виду то, что всякие сделки на землю были категорически запрещены. Поэтому переход земли к купцам и ростовщикам осуществлялся при помощи различных уловок, типа долгосрочной аренды, дарения, потомственного откупа и тому подобных.

Торгово-ростовщический капитал, широко проникая в экономику Японии, подрывал основы феодального хозяйства, но в то же время не создавал нового способа производства, усугубляя разорение японской деревни.

Средоточием торговли и ремесла являлись города токугавской Японии, находившиеся под непосредственным контролем сёгуната. Крупнейшими городами были Эдо — столица Японии (нынешний г. Токио), Осака — главный торговый центр страны, Киото — местопребывание императора, портовые города Сакаи и Нагасаки. В середине XVII в. Эдо, Киото и Осака насчитывалось свыше 300 тысяч жителей (без самураев), а в портовых и торговых центрах Нагасаки, Нагоя, Сакаи и Кандзава население превышало 60 тысяч в каждом. В городах Хиросима, Окаяма, Хаката, Кумамото и Акита проживало более 20 тысяч. От 10 до 20 тысяч насчитывалось в Хёго, Фукуока и Таката. Величина призамковых городов зависела от размеров территории и населения княжества.

Внутренняя политика Токугава. «Закрытие Японии»

Основой токугавского режима, установленного первым сёгуном Иэясу Токугава и получившего свое полное развитие при третьем сёгуне Токугава Иемицу (в сер. XVII в.), было: насильственное сохранение существующего порядка, заключавшегося в угнетенном положении крестьянства, подчиненной роли городского населения и в неограниченном господстве дворянства.

Три главных фактора представляли собой определенную угрозу для устойчивости этого феодального порядка: классовая борьба широких народных масс против феодалов; внешняя опасность со стороны возможных чужеземных завоевателей (феодальной Японии последовательно угрожали португальцы, испанцы, голландцы и англичане); опасность внутренней междоусобной войны в лагере феодалов, способной ослабить их перед натиском крестьянской освободительной стихии.

Из учета этих опасностей исходили в своей политике Токугава, строившие ее так, чтобы: во-первых, держать крестьянство и городские низы в узде и не допускать никаких послаблений, способных дать им малейшую возможность организовать для борьбы; во-вторых, контролировать взаимоотношения феодальных князей между собой, не допуская усиления кого-либо из них и тем самым сохраняя руководящее положение за кланом Токугава; в-третьих, зорко следить за иностранцами и держать на запоре двери Японии.

Одной из важнейших составляющих внутренней политики Токугава стало «закрытие страны». Причиной послужило широкое проникновение европейцев, распространение христианства и угроза превращения Японии в колонию (что уже произошло по схожему сценарию на Филиппинах). Еще в конце XVI столетия огромное возмущение японцев вызвала практика португальских и испанских миссионеров, вывозивших из Японии людей для продажи их в рабство.

Однако первый сёгун из династии Токугава Иэясу первоначально не предпринимал решительных мер против европейцев. В это время он был заинтересован в поставках огнестрельного оружия и в организации верфей для постройки крупных кораблей. Партнерами здесь выступали прибывшие в 1600 г. в Японию голландцы и англичане. Сёгун предоставил нидерландской Ост-Индской компании право торговать на гораздо более льготных условиях, чем скомпрометировавшим себя испанцам и португальцам.

Но вскоре сёгунат стал выражать недовольство и торговой политикой голландцев, присваивавших себе большую часть доходов от внешней торговли. Вслед за тем вскрылся заговор испанцев и португальцев, направленный не только на изгнание англичан и голландцев, но и на фактическое подчинение режима при помощи принявших христианство князей южной части страны — наиболее непримиримых противников клана Токугава. Следует отметить, что южные князья принимали новую религию почти исключительно из коммерческих и политических сепаратистских соображений. Они стремились воспользоваться выгодами заморской торговли, а затем, опираясь на своих союзников — европейцев, снабжавших их оружием, выступить против сёгуната. Все это подвигло Токугава на проведение карательных экспедиций и обнародование указа (1614 г.) о полном запрещении христианства.

Токугава Иемицу, ставший сёгуном в 1623 г., с еще большим рвением, чем его предшественник ополчился против христиан. Апогеем противостояния стали события в Симабара (вблизи Нагасаки). Репрессии и карательные экспедиции правительственных войск вызвали крестьянское восстание, истинной причиной которого были не религиозные преследования, а феодальный гнет: под предлогом искоренения христианского лжеучения сёгунские чиновники творили беззакония в покоренном районе. При подавлении восстания после трехмесячной осады и падения их последнего оплота — крепости в Симабара — было уничтожено 38 тысяч повстанцев-христиан. Это стало одним из крупнейших массовых избиений христиан в истории. Характерно, что голландцы, чтобы нажить политический капитал, оказали мощную военную поддержку сёгуну.

С подавлением симабарского восстания сёгунат принял окончательное решение «закрыть» Японию для иностранцев и изолировать страну от всякого внешнего влияния. В 1638 г. Иемицу издал указ о высылке за пределы Японии всех португальцев (испанцы были высланы еще в 1634 г.). Всякий иностранный корабль, пристававший к японским берегам, подлежал немедленному уничтожению, его экипаж — смертной казни.

Исключение было сделано лишь для голландцев. Им оставили факторию на небольшом островке Дэсима, где торговля происходила под бдительным надзором правительственных чиновников. Купцы должны были давать специальное обязательство воздерживаться от открытого проявления своих религиозных убеждений и не вступать ни в какие отношения с японцами, кроме чисто деловых, подробно регулируемых правилами о торговле. Что касается японских граждан, то еще в 1636 г. им было запрещено под страхом смертной казни покидать свою родину и строить большие корабли для дальних плаваний. В результате этих мер произошло закрытие страны для европейцев.

Положение крестьянства

Особое внимание власти сёгуната уделяли контролю над крестьянством. С этой целью правительство практиковало широкое вмешательство в быт и хозяйство крестьян, стремясь полностью подчинить их своему административно-политическому контролю.

В основном внутренняя политика властей по отношению к аграрному населению заключалась в следующем: последовательное усиление налогового гнета и широкое вмешательство в хозяйство и быт крестьянской общины с помощью сложной системы административных регламентаций. Эти регламентации распространялись на все стороны жизни крестьян. Прежде всего им было запрещено иметь (хранить или прятать) оружие. Крестьянам запрещалось употреблять в пищу рис (их основной пищей в то время было просо), объявленный роскошью. Им запрещалось носить шелковую или полотняную одежду, они могли шить одежду лишь из хлопчатобумажной ткани. Позднейшими сёгунами такая регламентация была еще более усилена: закон точно определил покрой и окраску ткани. Был официально определен тип дома для крестьянской семьи и при этом запрещалось употреблять ковры и другие «предметы роскоши» для их украшения. Отменялись традиционные развлечения типа театральных представлений, борьбы и т.п.; не дозволялось даже ходить друг к другу в гости. А всякие церемонии, например свадьбы или похороны, должны были производиться с «соблюдением скромности». В случае неурожая или какого-нибудь стихийного бедствия все эти запреты становились еще более строгими.

Существенной особенностью токугавского режима являлось его стремление повсеместно внедрить систему заложничества или круговой поруки для обеспечения бесперебойного поступления налогов и осуществления жесткого контроля властей. Правительственные чиновники назначали сельского старосту и его помощников, ведавших определенной группой дворов (двадцать пять или пятьдесят в зависимости от местных условий), и все повинности накладывались на общину в целом — для коллективной ответственности за их выполнение. Староста и его помощники подбирались обычно из зажиточных крестьян. Многие из них, обходя существовавшие ограничения закона, эксплуатировали малоимущих соотечественников, ссужая их рисом для уплаты оброка, а затем забирали у них урожай и даже землю. Основная масса крестьян обрабатывала участки площадью от 0,36 до 0,45 га, дававших в среднем урожай 640–800 кг риса. Господствующей формой феодальной ренты был натуральный оброк, и, благодаря этому, для богатых крестьян существовала возможность некоторого накопления и закабаления бедноты.

Таким образом, в деревне, задавленной тяжелым феодальным гнетом и обреченной на политическое бесправие, происходили внутренние процессы, подрывавшие принцип неизменности феодальных порядков, положенный в основу феодального режима и всей его политики.

Хозяйственный и социальный строй городов

Положение других слоев населения, не принадлежащих к господствующему феодальному классу, юридически было не менее бесправно, чем положение крестьянства. Но на деле экономическая сила торговой буржуазии обеспечивала за ней растущее политическое влияние.

Центрами торговой буржуазии были крупные города, в первую очередь, Эдо и Осака. В столице Эдо крупные торговые фирмы в наибольшей степени зависели от правительства. Это было одновременно источником их силы и слабости. Силы, потому что эти торговые фирмы завязали прочные связи со столичной администрацией и стали необходимым для нее поставщиком и кредитором, а слабость заключалась в том, что, зависимая от правительства, эдоская буржуазия не отличалась ни инициативой, ни стремлением к расширению своих политических прав.

Иная картина была в г. Осака, сохранявшем с XVI столетия некоторые традиции вольного города. В Новое время, в течение XVII—XVIII вв. Осака стал оплотом более самостоятельного купечества, готового отстаивать свои права и привилегии. Вскоре Осака стал главным центром коммерческой деятельности в стране. Там находились наиболее мощные купеческие объединения и основные склады товаров. Они принадлежали не только купцам, но и феодальным князьям, свозившим в Осака всю товарную продукцию своих уделов: рис, шелк, лакированные изделия, бумагу и т.д. Хотя в это время основным мерилom ценности оставался рис, деньги тоже получили значительное распространение. Князья, так же как и рядовые самураи, стремились обратить в деньги часть своих доходов. В силу этого особо важное значение приобрели операции осакских скупщиков риса — оптовиков, вручавших дворянам деньги за отобранный ими у крестьян рис. Этим они избавляли благородное самурайство от всяких хлопот, унижительных с точки зрения феодального кодекса чести.

Финансируя князей в счет будущих рисовых поступлений, осацкие оптовики оказывали сильнейшее экономическое давление на местных феодалов. И, хотя, как уже упоминалось, законы Токугава предусматривали борьбу с роскошью и запрещали формально всем горожанам (в том числе и купцам) ношение шелковой одежды, золотых и серебряных украшений, даже постройку домов более 2-х этажей, но на деле было иначе: богатство и предметы роскоши все более сосредотачивались в руках крупных купцов. Правительственные чиновники даже не пытались этому воспрепятствовать.

Важной привилегией купцов, сохранившейся еще от предшествовавшего исторического периода, было право объединяться в гильдии, признанное за ними правительством. Иногда эти гильдии образовывались механически из числа лиц одной профессии, типа цеховой организации ремесленников. Но наибольшим влиянием пользовались купеческие организации, состоящие из купцов, торговавших одинаковыми видами товаров или действовавших в одном районе. И если в отношении ремесленных цехов правительство осуществляло жестокие формы контроля и вмешательства, то по отношению к влиятельным купеческим гильдиям оно допускало ряд льгот и во всяком случае остерегалось вступать в конфликт с организованными купцами, от которых зависело получение кредита.

Положение ремесленников и прочих горожан было несравненно хуже, чем положение купечества. Ремесленники были организованы в особые цехи (*дза*), построенные на началах монополии производства, наследственности ремесла и внутренней иерархической структуры (мастер — подмастерье — ученик). Правительство строго регламентировало деятельность цехов и облагало ремесленников тяжелыми налогами.

По отношению к ним регламентации действовали полностью, без изъятий. Правительственные чиновники считали себя полными хозяевами над горожанами и позволяли себе любые беззакония. Немудрено поэтому, что городская беднота постоянно выражала свое недовольство режимом Токугава и присоединялась к крестьянским выступлениям против сёгуната. За один XVII в. произошло 463 восстания, причинами которых стали злоупотребления чиновников и самураев.

К горожанам принадлежала также прослойка лиц интеллигентного труда: учителей, врачей, художников. Главным

образом они были выходцами из феодального класса. В это время именно к ним стал применяться старинный термин «*ронины*». В период Токугава так стали называть самураев, утративших вассальную связь со своими князьями и по сути лишившихся сословной принадлежности. Еще в 1615 г. Иэясу Токугава окончательно подавил сопротивление Хидээри и его сторонников, заняв г. Осака. При физическом уничтожении противников, конфискации княжеств, казни и перемещении князей на новые земли многие их вассалы лишались средств к существованию и превращались в скитающихся людей (т.е. ронинов). Во время Осакаской компании было уничтожено около 100 тысяч ронинов, но по всей стране их оставалось еще около 300 тысяч. Эти низшие слои самурайского сословия были готовы принять участие в любом антиправительственном выступлении. Они участвовали в крестьянских и городских восстаниях, становились пиратами, а какая-то часть устремлялась в города и со временем приобретала профессию. Таким образом, росла численность новых групп средних слоев городского общества, предшественников интеллигенции. Ронины, ставшие частью этой городской прослойки, изначально были противниками сёгуната. К тому же их основным заказчиком и клиентом являлась городская буржуазия. Поэтому ронины поддерживали претензии буржуазии на самостоятельную политическую роль в обществе, самоуправление городов и т.д.

При этом Токугава имели и свою феодальную интеллигенцию, являвшуюся проводником правительственной идеологии. Буддийскому духовенству правительство не доверяло. Военная и экономическая мощь буддийских монастырей была подорвана, хотя буддизм продолжал оставаться самой распространенной в стране религией. За основу официальной правительственной идеологии были приняты конфуцианские догмы, внушавшие народу необходимость жестокого самоограничения и фанатичной приверженности традиционным порядкам. Для их распространения требовались соответственно подготовленные люди и сёгунат нуждался в таких кадрах, использовавшихся также для борьбы с буддийским духовенством. Поэтому в Эдо образовался центр конфуцианской учености, объединивший группу философов, литераторов и историков. В их задачи входило идейное обоснование устоев токугавского режима и поэтому они пользовались особым покровительством среди властей.

Феодальная структура сёгуната

Токугава разделили все дворянство на несколько разрядов. Киотскую знать, т.е. императорскую семью и их ближайших родственников, выделили в особую группу — «кугэ». Кугэ номинально составляли самый высокий ранг среди феодального дворянства. Сёгуны недоверчиво относились к кажущемуся послушанию и политическому безразличию императорского окружения. Токугавское законодательство особое место уделяло регламентации взаимоотношений императора и его приближенных со всеми окружающими. Император не должен был «снисходить» до общения со своими подданными, особенно князьями. Всякая попытка князей установить связь с императором каралась смертью и конфискацией земельных владений. Фактически двор и аристократия — кугэ — были изолированы от японского общества.

Все остальные феодальные кланы носили название «букэ» (военные дома). Владетельные князья (даймио), в свою очередь, делились на три категории: первая принадлежала к дому сёгуна и называлась *синхан*; вторая — *фудай* — включала в себя княжеские фамилии, издавна связанные с домом Токугава, зависимые от него в военном или экономическом отношении и потому, являвшиеся его главной опорой (они занимали посты членов совета, наместников и т.д.); и, наконец, третья категория — *тодзама* — состояла из владетельных князей не зависимых от дома Токугава и считавших себя равными ему феодальными фамилиями. Тодзама пользовались огромной, почти неограниченной властью в своих владениях, как, например, князья Симадзу в Сацума или князья Мори в Тёсю. Сёгунат видел в них своих недоброжелателей, возможных соперников и всяческими способами старался подорвать их мощь и влияние, применяя старую политику «разделяй и властвуй». По отношению к ним также существовали регламентации. Они не могли занимать правительственных должностей. Их владения, расположенные, как правило, вдали от столицы (этим в значительной мере объяснялась их некоторая самостоятельность) окружались сёгуном посредством особой системы расселения фудай-даймио. Строились замки во всех важных стратегических пунктах, чтобы парализовать действия тодзама-даймио в случае образования антисёгунской оппозиции.

Исключительной мерой давления на категорию тодзама (как и на всех даймио) являлась система заложничества (санкинкодай). Все феодальные князья были обязаны через год бывать в Эдо, при дворе сёгуна, и жить там со свитой и семьей, с предписанным церемониалом блеском и пышностью. При этом они «согласно обычаю» должны были регулярно подносить сёгуну богатые подарки вместе с золотыми и серебряными монетами, что, по сути, являлось замаскированной формой дани. После года пребывания при дворе сёгуна даймио уезжали, но должны были оставлять в Эдо в качестве заложников жену и детей. Таким образом, всякое неповиновение сёгуну влекло за собой репрессии, в том числе и в отношении заложников.

Все же, несмотря на деспотический характер власти Токугава, положение князей не было настолько уж стесненным, чтобы они все время и во что бы то ни стало стремились свергнуть сёгуна. В пределах своего феодального владения князь был почти неограниченным хозяином. Они не выплачивали сёгунату специальных налогов, не считая так называемых подарков сёгунам. Правда, правительство объявляло, что сохраняет за собой (от имени императора) верховный контроль над всеми земельными владениями и поэтому вправе отнимать у всех феодальных князей владения, перераспределять их и награждать новыми. Однако на практике это право верховной власти применялось редко.

Формально к букэ принадлежало и *самурайство*, являвшееся военным сословием, имевшим монополию на ношение оружия. При Токугава в самурайстве выделился влиятельный слой — *хатамото* (буквально «под знаменем»). Самурайхатамото были непосредственными и ближайшими вассалами сёгуна и составляли главную опору режима Токугава. Они занимали положение служилой знати, осуществляя надзор за крестьянами и другими неполноправными слоями во владениях Токугава, а также ведали сбором налогов.

Вслед за ними шла основная масса самураев, не подвластных сёгуну, а являвшихся вассалами удельных князей. Они не имели земли, а получали жалованье рисом, не неся никаких определённых обязанностей, лишь составляя постоянную свиту своих сюзеренов-даймио. Материальное положение рядовых самураев значительно ухудшилось при режиме Токугава. Основным занятием феодального дворянства всегда была

война. Кодекс самурайской чести (*бусидо*) строжайшим образом запрещал самураям заниматься чем-либо иным, кроме военного дела. Но в условиях токугавского режима война перестала быть повседневным явлением. Наоборот, правительство ставило своей целью по возможности избегать внешних войн и прекратить внутренние феодальные междоусобицы. Реальное практическое применение самурайские отряды князей находили лишь при подавлении локальных крестьянских восстаний. Таким образом возникало явное противоречие между традициями, привычками, моралью воинственного самурайства и обстановкой относительного внутреннего мира, установившегося в Японии под властью Токугава. Даймио больше не нуждались в том, чтобы содержать многочисленных самураев. Рисовый паек не удовлетворял их потребностей, его не хватало на обеспеченную жизнь. Поэтому самураи низших рангов, наряду с ронинами различными способами изыскивали себе новые средства существования. С течением времени правительству пришлось уже с тревогой отмечать значительный рост числа бездомных и деклассированных самураев. Будущая опасность заключалась в том, что они увеличивали и без того многочисленные ряды недовольных господствующими порядками.

Чтобы предотвратить открытый взрыв недовольства и подавить возмущение в начальной стадии сёгунат создал исключительно разветвленный и сильный полицейский аппарат, осуществлявший надзор за разными социальными силами: за крестьянами и городскими низами (включая ронинов); за князьями тодзама-даймио; за недовольными самураями. Однако эти меры не могли задержать, тем более предотвратить, кризис феодального хозяйства страны.

Экономическое развитие. Крестьянские восстания

Токугавский режим сложился окончательно при третьем сёгуне Токугава Иемицу (1623–1651), около середины XVII столетия. Несмотря на в основном реакционный характер токугавских порядков, вплоть до конца XVII — начала XVIII века в стране наблюдался некоторый подъем производительных сил. Это объяснялось тем, что после непрерывных междоусобных войн XVI столетия, катастрофически разорявших крестьянство, Япония вступила в полосу длительного внутреннего мира.

Наблюдалось некоторое усовершенствование техники сельского хозяйства, расширение посевных площадей, рост урожайности, вследствие чего значительно вырос национальный доход Японии (с 11 млн. коку риса в начале XVII столетия до 26 млн. коку в конце его) и увеличилась численность населения.

Развитие производительных сил нашло свое отражение в успехах ремесленного дела, значительном расширении внутренней торговли. Однако все это сопровождалось такими процессами, как развитие товарно-денежных отношений, рост дифференциации крестьянства и укрепление торгово-ростовщического капитала, а также связанной с ним деревенской верхушки. Это резко усиливало внутренние противоречия феодального хозяйства страны. Основная масса крестьянского населения под влиянием проникновения в деревню товарно-денежных отношений быстро разорялась.

Это сопровождалось следующими явлениями в верхах японского общества. Период кажущегося благоденствия, именуемый в японской истории «эрой генроку» (1688–1703 гг.), был отмечен расцветом феодальной культуры, покровительством со стороны сёгуната музыке, живописи, театру. Князья на перебой соревновались в подражании блеску, роскоши и расточительству двора сёгунов.

Дворянство тратило огромные средства на увеселения. Это приводило к обогащению городской буржуазии и росту задолженности самураев и князей, все чаще обращавшихся за ссудами к купцам и ростовщикам. Одновременно усиливалась эксплуатация основной массы и без того обездоленного крестьянства, которое еще вдобавок расплачивалось за расточительность дворян.

И если в XVII и в начале XVIII вв. в Японии наблюдался некоторый рост производительных сил, то в последующий период обнаруживаются явные признаки упадка. Разложение феодального строя в XVIII в. проявилось в замедлении, а затем в прекращении прироста производства риса. Валовой урожай снизился до уровня XVII в. Размер обрабатываемой земельной площади оставался неизменным. Доходность сельского хозяйства падала из-за снижения урожайности. Крестьянское население разорялось под бременем непосильной эксплуатации.

Прекращение прироста крестьянского населения стало второй отличительной особенностью этого времени. Согласно

правительственным переписям в 1726 г. население Японии исчислялось в 29 млн. человек, в 1750 — 27 млн., в 1804 — 26 млн. и в 1846 (т.е. за 22 года до падения токугавского режима) — 27 млн. А если принять во внимание некоторый рост городского населения, то налицо бесспорное сокращение сельского населения.

Причина уменьшения населения крылась в огромной смертности от голода и эпидемий. В 1730–1740 годы население в результате голода сократилось на 800 тысяч человек, а в 1780-е годы — на 1 млн., причем от голода не умер ни один самурай.

В этих жесточайших условиях крестьяне широко практиковали детоубийство. Распространение этого страшного обычая доказывается сохранением в языке многочисленных терминов, первоначальное значение которых — это убийство новорожденных (например, «мобики» — «прополка»).

Конец 80 годов XVIII в. был отмечен грозной для феодального режима волной крестьянских восстаний и выступлений городской бедноты, занесенных в официальные хроники под названием «голодных бунтов». Никогда в истории феодальной Японии не было такого количества крестьянских восстаний, как в эпоху Токугава — 1163 только зарегистрированных. Самой распространенной формой крестьянских выступлений было коллективное требование отмены наиболее несправедливых поборов и повинностей. Сохранившиеся описания крестьянских восстаний, сделанные людьми, не принадлежащими к угнетенному классу, рисуют их по большей части как неожиданные и грозные народные возмущения, внезапно обрушивавшиеся на головы феодалов и купцов-откупщиков.

Феодальная раздробленность Японии препятствовала слиянию отдельных крестьянских восстаний в широкую народную войну против самого строя в целом. Но с другой стороны, именно разобщенность княжеств зачастую помогала крестьянам в их выступлениях против того или иного феодала, вынуждая его пойти на временные уступки.

Характерно, что против феодалов и ростовщиков выступало все крестьянство, включая и верхушечный слой богатых крестьян. Последние даже нередко возглавляли выступления, направленные в особенности против купцов-откупщиков, получивших от феодала право сбора налога на определенной

территории. Это объяснялось тем, что откупщики не только грабили деревню, но и запрещали торговать, устанавливая собственную торговую монополию. Тем самым они ограничивали и без того скудные возможности экономической инициативы для богатых крестьян.

Города и выступления горожан

Экономический упадок, начавшийся с середины XVIII в., коснулся в начале, главным образом, деревни. В городах продолжали развиваться мануфактуры, снабжавшие своими товарами деревенское население, укреплялись буржуазные элементы. Но в конце XVIII в., наряду с чисто крестьянскими восстаниями и в прямой связи с ними, стали учащаться выступления городской бедноты: ремесленников, мелких торговцев, бежавших из деревни крестьян и т.п. Иногда к таким выступлениям присоединялись и ронины, переполнявшие города.

Городские выступления чаще всего были вызваны недовольством горожан вздутыми ценами на рис и предметы первой необходимости, которые устанавливали купцы монополисты. Поэтому эти выступления в японских источниках именовались «рисовыми бунтами». Восставшие громили дома богатых купцов, нападали на резиденции чиновников или доверенных местного князя, захватывали склады и раздавали запасы риса голодным. Характерно, что во время таких бунтов их участники нередко выставляли широкие политические требования, направленные против феодального строя.

Правительство Токугава было очень обеспокоено крестьянскими и городскими выступлениями. Сёгунат понимал, что невозможно ограничиться только репрессиями, но не желал идти на какие-либо, даже умеренные, реформы.

Предпринимались слабые попытки приостановить спекуляцию при помощи так называемого регулирования рисовых цен. Однако это не давало и не могло дать ощутимых результатов. Дело в том, что крупные феодалы были кровно заинтересованы в высоких рисовых ценах, так же как и само правительство, прибегавшее к займам у оптовиков-спекулянтов.

В конце XVIII в., с 1793 г., регентом и фактическим правителем Японии при малолетнем сёгуне стал Мацудаёра Садонобу. Он предпринял некоторые меры, пытаясь спасти феодальный

режим. Был объявлен поход против роскоши и расточительства среди дворянства и торговой буржуазии. Пытались ввести драконовские меры против взяточничества. Для сокращения расходов Мацудаёра значительно уменьшил средства, отпускаясь на содержание императорского дворца в Киото.

Чтобы поддержать самураев, запатавшуюся опору японского феодализма, Мацудаёра решился на крайнее средство. Им простили все долги шестилетней давности и значительно снизили проценты по всем остальным долгам. Эта мера в какой-то степени и на короткое время удовлетворила дворянство, но зато усилила недовольство торгово-ростовщической буржуазии. Характерно, что эти буржуазные элементы немедленно объединились в общих нападках на сёгунат с теми дворянскими кругами, по карману которых ударило сокращение доходов императорского двора.

Итак, торговая буржуазия с течением времени все чаще и более резко выражала свое раздражение и недовольство экономической политикой сёгуната, грубым вмешательством чиновников в сферу их торговых интересов и, наконец, своим политическим беспорядком.

Рост товарно-денежных отношений

Японский феодализм и олицетворявший его токугавский режим все больше вступали в непримиримое противоречие с новыми формирующимися реалиями. Социально-экономические процессы, происходившие в Японии, свидетельствовали о крушении всей феодальной экономики, о размывании социальных устоев режима и неуклонном развитии товарно-денежных отношений.

Серьезные изменения происходили в японской деревне. Процесс внутреннего расслоения ускорился по мере развития товарно-денежных отношений. Уже в начале XVIII в. большинство налогов в городах стали вносить деньгами. Постепенно оброк принимал смешанную денежно-натуральную форму. Потребность в деньгах увеличивала зависимость крестьян от торгово-ростовщического капитала. Так как кредит обычно предоставлялся под залог земли, то крестьянство все в больших масштабах теряло свои земельные участки, превращаясь в безземельных арендаторов и неоплатных должников. Большое количество голодных крестьян устремлялось

в города в поисках средств существования. В те времена их образно называли «крестьяне, пьющие воду».

В то же время в японской деревне рос малочисленный, но экономически сильный слой богатых крестьян, которые наряду с купцами и ростовщиками из города эксплуатировали основную массу крестьянской бедноты и захватывали землю. Это были «гоно» — богатые крестьяне и «госиц» — землевладельцы из рядовых самураев, сохранивших в своих руках землю. Однако, основными скупщиками земли были купцы и ростовщики, быстро увеличивавшие свои владения обрабатываемой земли и вынуждавшие крестьян пахать целину.

Таким образом, под оболочкой внешне «незыблемых» феодальных отношений в токугавской деревне возникал новый класс фактических земельных собственников, в основном торгово-ростовщического происхождения. При том подобный захват или даже покупка земли являлись незаконными, в феодальной Японии купля-продажа земли была под запретом. Поэтому сделки оформлялись под видом бессрочной аренды, дарения, отвода земли и т.п.

Эти полуфеодальные, полукапиталистические собственники были заинтересованы в скорейшем уничтожении крупного феодального, княжеского землевладения, в уничтожении токугавских «регламентаций», стеснявших свободу их предпринимательской деятельности. Несомненно, что этот слой новых землевладельцев был в то же время глубоко враждебен крестьянским массам, прямо способствуя усилению их эксплуатации.

Выше говорилось, что уже в XVIII в. большое распространение получила домашняя промышленность. Купцы-скупщики, выступавшие ее организаторами, снабжали чаще всего женщин-крестьянок сырьем и забирали у них готовую продукцию. Различные районы Японии специализировались на производстве строго определенных видов товаров, которые концентрировались в руках крупных фирм, а затем поступали на рынок.

Важнейшим явлением, обозначившим существенные перемены в экономике сёгуната, было возникновение городской мануфактуры. Первые мануфактуры начали возникать в конце XVIII в., сначала в соеваренной и винокуренной промышленности. Следующим шагом в развитии промышленного производства явилось создание на грани XVIII—XIX вв. в Киото

первых ткацких мастерских. В них работали тоже по преимуществу женщины, которым купец-предприниматель платил заработную плату. Вскоре появились текстильные мануфактуры — ткацкие и прядильные, затем красильные и гончарные. В большинстве этих мануфактур трудились наемные рабочие. Количество их на таких предприятиях колебалось от 20 до 30 человек.

В связи с бегством крестьян в города, разорением ремесленников, увеличением числа ронинов, в городах скапливалось большое количество людей, готовых продать свою рабочую силу. Таким образом, налицо было весьма важное условие, облегчавшее появление мануфактуры капиталистического типа.

Выше отмечалось, что еще с середины XVIII в. заметно усиливался процесс внутреннего распада господствующего класса — его наиболее многочисленной группы — самураев. Особенно быстро происходило расслоение и, можно сказать, буржуазное перерождение ронинов и рядового самурайства. Спасаясь от долгов, стремясь улучшить свое материальное положение, рядовые самураи, нарушая кодекс чести, брались за торговлю, начинали промышленять различными мелкими ремеслами: выделкой фонарей, игрушек, кистей для письма, зонтов и т.д. Браки самураев с простыми горожанами стали обыденным явлением.

В княжестве Сэндай самураи в таких масштабах занимались выделкой бумажных фонарей, что в одном только этом районе их продукция составила 300 тысяч штук в год. Это ставило самураев в зависимое положение от рынка, кредита и все более ослабляло их связь с князьями. Таким образом заметно возрастала отчужденность между рядовыми самураями, с одной стороны, и крупными феодалами вместе с их привилегированными вассалами — с другой.

Вместе с тем князья, т.е. крупные феодалы, также начинали уделять все больше внимания наиболее выгодным отраслям товарного производства, которые развивались в княжествах под их покровительством. В конце токугавского периода прочно утвердилась специализация княжеств. Так, репутация «лакового» утвердилась за районом Кага; или «бумажного» — за княжеством Тоса; «хлопчатобумажного» — за княжеством Сацума.

Таким образом, разделение труда между отдельными районами вело к созданию общепонского «национального рынка».

Вместе с тем процесс насильственного отделения крестьян и ремесленников от средств производства и превращение этих средств производства в капитал создавали основу первоначального накопления капитала, т.е. генезиса капиталистических отношений. Наемный труд начинал играть заметную роль в позднетокугавской Японии.

Рост антитокугавской оппозиции и кризис власти

Все перечисленные выше явления вели к росту антитокугавской оппозиции среди угнетенных и бесправных слоев населения. Начало XIX в. было отмечено рядом бурных выступлений против токугавского режима, отражавших острое недовольство различных классовых сил. К 30—40 годам XIX в. крестьянские восстания заметно усилились. Наряду с ними все чаще происходили «рисовые бунты» в городах.

Окрепла в экономическом отношении городская торговля и зарождавшаяся промышленная буржуазия, хотя в этот период промышленная буржуазия еще не отделила себя полностью от торговой. Стремясь избавиться от стеснительной опеки сёгуната, буржуазия искала союза с недовольными токугавским абсолютизмом князьями из среды тодзама-даймио — потенциальными противниками Токугава.

Непрерывно ухудшавшееся материальное положение рядового самурайства также делало его весьма ненадежным оплотом токугавского строя. Нередко уже и сами представители самурайского сословия выступали против сёгунов.

В 1837 г. в Осака произошло антиправительственное выступление, связанное с именем Осие Хэйхатино. Осие занимал должность начальника городской стражи, и, следовательно, сам был самураем. Но тяжелое материальное положение самурайства толкало определенную его часть на оппозиционные действия. Когда вокруг Осака свирепствовал голод, а в самом городе крупные оптовые торговцы, пользовавшиеся покровительством сёгуната, взвинтили цены на рис, Осие обратился к своему непосредственному начальнику, наместнику в Осака, с требованием положить конец спекуляции. Тот отказался что-либо предпринять, сославшись на отсутствие указаний из Эдо. Тогда Осие демонстративно распродал свое личное имущество, на вырученные деньги купил рис и раздал

его городской бедноте, а затем с группой единомышленников стал готовиться к вооруженному мятежу.

Из воззвания Осии к народу явствовало, что он ставил себе более широкие задачи, чем только раздача нуждающимся рисовых запасов богатых купцов. Оставаясь по существу на феодальных позициях, он тем не менее выражал сочувствие бедствующим народным массам. И это было показательно для настроений низших слоев самурайства. Восстание Осии было подавлено. Сам он и его друзья погибли в схватке, но им удалось совершить ряд крупных поджогов в городе. Любопытно, что были сожжены, в частности, дома Мицуи и Коноикэ — двух мощных торговых фирм, начавших уже тогда заниматься промышленной и банковской деятельностью в необычно широких для феодальной Японии масштабах.

Восстание Осии не было единичным. Выступления против крупной торгово-ростовщической буржуазии, находящейся под непосредственной опекой сёгуната, прокатились по всей стране. Они явились дополнением к крестьянскому движению, направленному непосредственно против феодалов.

В силу этого к концу первой половины XIX в. явственно обозначился политический кризис режима Токугава, его политическое и экономическое банкротство.

Крестьянские восстания бушевали по всей стране, распатывая токугавский строй. Горели феодальные замки, учащались нападения на оптовые склады рисоторговцев. Волновался городской плебс, бунтовало деклассированное самурайство. В феодальном лагере усиливалась внутренняя борьба. Складывался союз владетельных князей — противников Токугава. Этот союз ставил своей целью свержение сёгуната и замену его какой-либо другой формой феодального господства. Номинальным центром оппозиции являлся императорский двор. Однако, фактически, он играл лишь роль некоего «идеологического» прикрытия. Для княжеской оппозиции было выгодно использовать знамя законности и легитимности против «узурпатора» императорской власти — сёгуна. Поэтому оппозиция выступила под лозунгом борьбы за реставрацию императорской власти.

Изоляция токугавского режима была почти полной. Этому в немалой степени способствовало крушение не только внутренней политики сёгуната, основанной на регламентах, но и неудача его внешней политики.

Насильственное «открытие» Японии

Курс на закрытие страны от внешнего мира к этому времени обнаружил свою несостоятельность. Социально-экономическая и военная отсталость феодальной Японии не позволяла ей воспрепятствовать попыткам капиталистических держав силой открыть двери страны. А эти попытки, принимавшие форму непрошенных визитов европейских и американских военных кораблей в японские порты, становились все более частыми и назойливыми. Постоянные колебания токугавского правительства, свидетельствовавшие о его слабости, препятствовали принятию четких решений по вопросам внешней политики. Правительство сознавало невозможность продолжать политику изоляции Японии от внешнего мира. Но оно в то же время опасалось, что отказ от этой политики нанесет новый удар ослабевшему режиму.

Эту политическую и военную слабость наглядно показала последовавшая в 1850–1860 годы прямая вооруженная интервенция иностранных держав. Первые же попытки насильственного вовлечения Японии в орбиту мирового рынка ускорили сплочение оппозиционных сил. Интервенция заставила все общественные слои Японии четко определить свои политические позиции, и быстро обнаружилось, что сёгунат не имеет достаточно прочной опоры.

Пятнадцатилетний период, предшествовавший революции 1867 г. проходил под знаком все возрастающего нажима на Японию со стороны капиталистических держав. Этот натиск стал ощущаться уже в начале XIX в., а в 1840-х годах приобрел угрожающий характер. Именно эти годы ознаменовались усилением агрессии Англии в Китае. Английский капитализм, как наиболее сильный, прокладывая себе огнем и мечом путь на китайский рынок. Американцы также проявляли повышенный интерес к Дальнему Востоку. Будучи заинтересованными в закабалении Китая, англичане и американцы искали опорные базы на Тихом океане для дальнейшей экспансии в этом регионе. В особенности в этом были заинтересованы США, не имевшие колониальных владений поблизости от Китая и отделенные от него просторами Тихого океана. Япония в глазах американцев и была той идеальной базой, обладание которой помогло бы США укрепить свои позиции в Китае, а также проникнуть на русский Дальний Восток и в Корею.

В 1845 г. американский конгресс дал полномочия президенту США на установление торговых отношений с Японией. В мотивировочной части откровенно указывалось, что Америка нуждается в морской базе на морях, омывающих берега Китая.

После нескольких безуспешных попыток войти в контакт с японскими властями Соединенные Штаты, снарядили в 1852 г. экспедицию в Японию, носившую подчеркнуто военный характер. 8 июля 1853 г. в бухту Урага возле столицы Эдо вошла эскадра коммодора Перри. Корабли Перри были вооружены артиллерией и жерла пушек были угрожающе направлены на берег. Перри привез письмо сёгуну от имени президента США и подарки — модели машин, которые производились в Америке; это должно было продемонстрировать техническую мощь Соединенных Штатов.

Эта военная демонстрация ошеломила токугавские верхи. Наиболее непримиримые сторонники политики изоляции настаивали на срочных военных мерах. В храмах начались молебствия об избавлении Японии от грозящей ей опасности. Растерявшееся правительство обратилось за помощью даже к голландцам с просьбой составить проект обороны. Но по мере приближения срока ответа на письмо президента США возобладали более умеренные настроения. Японские правители сознавали, что если бы даже голландцы снабдили их оружием, трудно было бы надеяться на успешность вооруженного отпора. Решено было использовать тактику затягивания и, не давая американцам окончательного ответа, вовлечь их в длительные переговоры.

Но в феврале 1854 г. коммодор Перри прибыл за ответом во главе усиленной эскадры, состоящей из 9 кораблей. На этот раз сёгун и его окружение не рискнули раздражать Перри политикой проволочек. Они сочли за благо уступить, опасаясь, что иначе заговорят американские пушки. Сёгун дал согласие на переговоры. Переговоры продолжались шесть недель, в результате чего 31 марта 1854 г. был подписан первый японо-американский договор, согласно которому для иностранной торговли были открыты порты Симода и Хакодате.

Таким образом, американцы силой пробили брешь в той стене, которая из-за политики Токугава в течение двух с половиной столетий искусственно отделяла Японию от внешнего мира. Вслед за договором с США Япония за короткий промежуток времени заключила аналогичные с Англией, Голландией, Россией и рядом других государств.

Последствия «открытия» Японии

Как только договор был подписан и американский флот покинул Японию, там с невиданной раньше остротой вспыхнула внутренняя борьба. Сёгун, подписавший договор с США, подвергся яростным нападкам. Феодалные соперники токугавского дома и поддерживающее их самурайство объявили сёгуна предателем. Оппозиция использовала факт подписания договора с иностранцами для того, чтобы обвинить сёгуна в слабости, трусости и вероломстве.

Интересна позиция японской буржуазии. Будучи экономически влиятельной, но в политическом отношении слабой, к тому же связанной многочисленными узами с феодальным строем, буржуазия раскололась по вопросу о том, как поступить: поддержать ли сёгуна с его политикой уступок иностранцам или же стать на сторону феодальной оппозиции, которая старалась изобразить себя «защитницей страны от иностранных варваров».

Часть купцов, которая рассчитывала в недалеком будущем на прямые барыши от иностранной торговли, склонна была поддержать правительство. Но этот слой купечества был в Японии сравнительно невелик. Большая же часть торговых кругов относилась к этому вопросу совсем иначе. Во-первых, крупные фирмы боялись, что их господству на рынке будет нанесен серьезный удар, если в Японию хлынут иностранные товары. Во-вторых, японские банковские фирмы опасались, что в случае развития внешней торговли князья, да и сам сёгун смогут освободиться от финансовой зависимости от этих фирм. Наконец, в-третьих, еще слабая, пусть только нарождавшаяся промышленная буржуазия все же понимала, что иностранные товары могут убить японскую мануфактуру или, во всяком случае, не дадут ей возможности развиваться.

Что же касается массы рядового самурайства, то оно было в такой степени недоволено своим экономическим положением, что целиком встало на позиции осуждения внешней политики сёгуната. Оппозиция самурайства носила ярко выраженный антииностраный характер.

В 1856 г. в городе Симода прибыл первый генеральный консул США Гаррис. Он потребовал установления привилегий для американских купцов в Японии. Гаррис прямо угрожал японскому правительству, что если оно не подчинится, то Японию

ждет участь Китая, который сопротивлялся иностранному вторжению и в результате был поставлен на колени после разорительной и тяжелой для него войны.

Под давлением Гарриса феодальная Япония согласилась пойти на дальнейшее расширение торговых отношений с США, а затем и с другими державами. В 1858 г. были подписаны новые договоры, согласно которым иностранцы приобретали право торговли и экстерриториальности. Кроме двух портов Симода и Хакодатэ, в течение ближайших лет подлежали открытию порты Нагасаки, Канагава (сейчас Иокогама), Хёго (Кобэ) и другие. Иностранцам было обещано право проживать в Эдо и Осака. Кроме того, Япония потеряла права таможенной автономии. Вывоз из Японии облагали 5% пошлиной, ввоз — в зависимости от товара, но максимальное обложение составляло 35%, минимальное — 5% стоимости товара. Таким образом, Японии были навязаны неравноправные договоры, ставившие ее в положение зависимой страны.

В Японию в большом количестве стали проникать иностранные товары. Этот приток нанес болезненный удар по японской крестьянской домашней промышленности, по ремеслу и мануфактуре. Кроме того, на основании неравноправных соглашений иностранные капиталисты получили возможность выкачивать золото из Японии, привозя в страну серебро и выгадывая на разнице в курсе. Это обострило финансовый кризис.

В условиях непрекращающейся крестьянской войны, роста внутренней оппозиции сёгунату и давления иностранных капиталистов правительство Токугава лихорадочно металось в поисках средств спасения феодального строя.

Внутренняя борьба в Японии

Феодальные князья, используя новые сложившиеся обстоятельства, стали предъявлять все большие требования к расширению своих прав за счет сёгуната.

В 1862 г. один из самых могущественных князей южной Японии, Симадзу из княжества Сацума, двинул свои войска на Киото под тем предлогом, что он желает лично выразить свои верноподданнические чувства императору. Симадзу дал понять, что из Киото он может не уйти и во всяком

случае не станет считаться с запретами со стороны сёгуна. Из Киото князь Симадзу направился в Эдо и потребовал у сёгуна отмены ряда наиболее стеснительных ограничений, которые регулировали взаимоотношения князей и правительства.

Обе стороны были заинтересованы в компромиссе ввиду одинаково пугавшего все враждовавшие правящие группировки роста антифеодальных настроений в народе. Это находило выражение не только в крестьянских восстаниях и городских бунтах, но и в сильном брожении среди рядового самурайства, угрожавшего выйти из повиновения.

Правительство уступило. Была отменена система заложничества княжеских семей. Срок обязательной явки князей к сёгунскому двору был значительно удлинён: князьям нужно было впредь являться к сёгуну не ежегодно, а раз в три года. Однако политически наиболее важным пунктом соглашения было признание со стороны сёгуна права князей участвовать в решении государственных вопросов. Создавалось нечто вроде феодального сейма или съезда князей, которые должны были «помогать сёгуну в решении государственных вопросов». Эти уступки ясно показывали, что авторитет правительства Токугава пал очень низко. Чтобы удовлетворить оппозицию сёгун поехал даже в Киото к императору. С этой же целью сёгун дал обещание при первой возможности призвать своих вассалов к отпору иностранным «варварам».

Выступления против иностранцев, и интервенция держав 1862—1864 гг.

После заключения соглашения между сёгуном и феодальной оппозицией по всей Японии стали возникать отчасти спровоцированные властями, отчасти стихийные выступления против иностранцев. Как и во многих других восточных странах, за западными христианами закрепилось прозвище «варваров». Стихийные проявления враждебности к «варварам» обычно принимали форму отдельных нападений на иностранцев. Участниками таких нападений чаще всего были самураи.

В значительной степени разложившееся и недовольное своим положением самурайство в то же время еще сохраняло

свои дворянские амбиции и некоторые боевые качества. Самурайские выступления против иностранцев происходили все чаще и правительству становилось все труднее сохранять видимость дружественных отношений с капиталистическими державами.

В 1862 г. произошло нападение нескольких самураев князя Симадзу на группу англичан. В результате был убит англичанин Ричардсон. В ответ на это Англия предъявила сёгуну ультиматум. В 1863 г. английский флот подошел к столице владений князя Симадзу Кагосима. Из Форта Кагосимы открыли огонь по английским кораблям. В ответ на это г. Кагосима подвергся разрушительному обстрелу английскими военными кораблями.

Самураи Симадзу покинули Киото, занятый ими в 1862 г., и поспешили на юг в Сацума, чтобы принять участие в боях с англичанами. Однако в Киото остались самурайские отряды княжества Тёсю, открыто демонстрируя свое недовольство как иностранцами, так и сёгунатом.

В течение нескольких месяцев в Киото фактическая власть находилась в руках, так называемых, низкоранговых самураев Тёсю и примыкавших к ним отрядов ронинов, которые выступали не только против Токугава, но и против всех других князей и вообще против других привилегированных слоев населения. Однако эта самурайская вольница не имела никакой определенной программы действий и не пыталась установить контакт с самостоятельно действовавшей народной стихией.

В этой обстановке сёгунат пытался лавировать: с одной стороны, он выражал готовность дать отпор иностранцам и первоначально отверг ультиматум Англии с требованием выплаты возмещения за смерть Ричардсона, с другой, — начал переговоры с Францией, обратившись с просьбой о посредничестве между Англией и самураями Сацума.

С этого времени сёгунат открыто связал свою судьбу с поддержкой иностранцев, в частности, с Наполеоном III. Токугава рассчитывал при помощи иностранцев раздавить внутреннюю оппозицию, упрочить свой феодальный режим.

В 1864 г. на юге Японии объединенный англо-франко-голландско-американский флот подверг бомбардировке порты и укрепления княжества Тёсю. Это явилось ответом на обстрел иностранных судов в мае 1863 г., предпринятый

в соответствии с директивой об «изгнании варваров». После этой разрушительной бомбардировки местный князь Мори, занимавший резко антиинострannую позицию, заявил о своей капитуляции.

Тем временем сёгун вынужден был подписать новое соглашение с иностранными державами, по которому таможенный тариф на все ввозимые товары снижался до 5% их стоимости. Кроме того, сёгунат дал согласие на то, чтобы Англия и Франция ввели свои войска на территорию Японии для охраны своих торговых миссий. Прибегая к помощи этих держав, сёгун значительно усиливал зависимость Японии от иностранного капитала. Но само правительство Токугава не сумело получить прочную военную поддержку и реальные политические выгоды. США, занятые гражданской войной, на время остановили свою колониальную экспансию. Франция снабжала войска сёгуна оружием и пыталась играть роль арбитра, настаивая на предоставлении себе особых торговых привилегий. Англия, не желавшая усиления французских позиций, стала оказывать покровительство еще совсем недавно ею же разгромленным князьям Мори (Тёсю) и Симадзу (Сацума).

Все это отнюдь не способствовало стабилизации внутренней обстановки в стране. Крестьянство продолжало восставать против феодального гнета. Широкие слои самурайства были возмущены тем, что сёгун расправляется с оппозицией при помощи иностранцев. Японская буржуазия была недовольна тем, что ввозные пошлины снижены до 5%. Это нанесло новый жестокий удар по молодой и неокрепшей японской промышленности, подрывая в то же время домашнюю крестьянскую промышленность. Хлынувшие широким потоком иностранные товары заполняли японский рынок. Кроме того, иностранные коммерсанты, по-прежнему пользуясь разницей курса золота и серебра в самой Японии и на внешних рынках (соотношение между ценой золота и серебра в Японии было 1:5, а в Европе и Америке 1:15), наживались на вывозе золота и экспорте чая, шелка, риса. Это привело к резкому повышению цен в стране, особенно на продовольственные товары. Широкие народные массы, и в особенности крестьянство, связывали свое разорение с политикой сёгуна, допустившего иностранцев в страну и позволяющего им открыто хозяйничать в Японии.

Формирование антитокугавского блока

Происходившие в общественной жизни страны дезинтегрирующие процессы способствовали возникновению политического союза части феодалов и буржуазии против сёгуната. В 1850–1860 гг. значительно выросло оппозиционное движение в японских городах, развиваясь под непосредственным влиянием экономических трудностей. В городах особенно наглядно было видно полное расстройство феодальной экономики из-за проникновения в нее иностранного капитала. Произошла дезорганизация денежной системы, приходили в упадок ремесла, нищали и разорялись большие массы горожан. Городской плебс являлся активной силой антитокугавского движения.

Политически наиболее развитой частью японских горожан являлась интеллигенция. Эта была разночинная по своему составу и пестрая по происхождению прослойка. Часть ее — это выходцы из самурайских рядов (ронины), а часть происходила из буржуазных семей. В формирующейся интеллигенции преобладали выходцы из деклассированного самурайства тем не менее в известной степени этот новый слой и становится проводником буржуазной идеологии и идей буржуазного переворота. В этом случае интеллигенция выражала политические чаяния и притязания того молодого класса, который еще не имел политического веса и влияния, но который развивался и представлял собой растущее новое в общественной жизни страны.

Большинство из активных деятелей антитокугавской оппозиции были выходцами из южных или юго-западных княжеств Японии. Богатейшие князья Мори из княжества Тёсю, Симадзу из княжества Сацума и их соседи из тодзама-даймио, благодаря удаленности своих владений, пользовались сравнительно большей самостоятельностью от сёгунов. Это обстоятельство повлияло на роль мятежных княжеств в борьбе против сёгуната. Южные княжества выступили в 1863–1864 гг. под антииностранными лозунгами и подверглись военному разгрому. Этот разгром оказал немалое революционизирующее влияние на общественно-политическую жизнь южных княжеств. После интервенции 1863–1864 гг. к руководству в южных княжествах приходят выходцы из рядовых самураев. Этому способствовало также некоторое падение авторитета власти князей,

вынужденных капитулировать перед иностранцами. Новое поколение политических деятелей уже не испытывало столь яркой ненависти в отношении Запада, а готово было использовать все новое и полезное, даже принимая это от колонизаторов. Они выступали за отмену внутрисословных перегородок, существовавших среди самурайства (деление на ранги), нередко вольно или невольно служили проводниками буржуазных влияний. Новое поколение политических деятелей юго-западных княжеств, естественно, выдвигалось в качестве наиболее активных участников антитокугавской оппозиции.

Блок оппозиции действовал под лозунгом: «Почтение к императору». В то же время не снимался и старый лозунг: «Долой варваров». Он распространялся главным образом в демагогических целях и истолковывался как призыв покончить с сёгуном, навлекшим на Японию позор неравноправных договоров.

Фактическое руководство антитокугавской военной коалиции было в руках не старых князей-даймио, а у представителей рядового самурайства. Во главе выступления стояли политические деятели, прозванные в стране «молодые» — Сайго, Окубо, Гото и др. Правительство Токугава знало, что готовиться удар, но было совершенно бессильно его предотвратить. Карательная экспедиция войск сёгуна против княжества Тёсю в 1866 г. закончилась поражением Токугава.

Революция 1868 г., социальная база и политика нового правительства

В конце 1866 — начале 1867 гг. крестьянские выступления приобрели особенно широкий размах. Некоторые города отказывались повиноваться сёгунской администрации. Крупное купечество все меньше считалось с властью ответственных чиновников и добивалось большей самостоятельности. Только в Эдо, в столице, буржуазия пыталась спасти сёгуна, т.к. многие крупные фирмы финансировали правительство и не были заинтересованы в его банкротстве.

После смерти императора Комей в 1867 г. на престол взошел 15-летний Муцухито. Воспользовавшись этим, лидеры антисёгунской коалиции составили меморандум от имени нового императора с требованием к сёгуну немедленно вернуть

власть императору и отчитаться в своих злодеяниях. Этот меморандум в октябре 1867 г. был вручен сёгуну Кайки князем Тоса. Учитывая крупные силы своих противников, сёгун формально согласился с требованиями меморандума, но стал активно готовиться к борьбе.

Оппозиция также готовилась к вооруженной схватке. Военные силы 5 княжеств объединились в сильную армию, но и сёгуну удалось собрать войска и двинуть их на Киото. В битвах при Фусиме и Тоба в январе 1868 г. сёгун потерпел поражение и бежал в Эдо. В мае 1868 г. сёгун без боя сдался правительственным войскам и выехал в свое родовое имение. Однако военные действия против сторонников Токугава продолжались. В октябре потерпели поражение сторонники сёгуна на острове Хонсю, весной 1869 г. правительственный флот и войска разбили военные силы, сконцентрировавшиеся на острове Хоккайдо. Сёгунат прекратил свое существование. События этих лет остались в японской истории как **революция «Мэйдзи»**. Это название связано с тем, что официальное наименование царствования императора Мацухито было определено как Мэйдзи, что буквально означает «просвященное правление».

Пришедший на смену Токугава новый политический режим оказался в трудном положении. Во главе императорского правительства стояли два человека, которых можно охарактеризовать как ярких представителей обуржуазившегося дворянства: **Окубо Тосимити** и **Кидо Такамаса**. Оба они были по происхождению самураями низшего ранга и по родственным связям близки торговой буржуазии. Основной целью этих первых лидеров нового правительства явилась ликвидация политической раздробленности Японии, заимствование современной военной техники и административной структуры у Запада, но при этом сохранение привилегий дворянства.

Однако сколько-нибудь быстрое осуществление этой даже весьма ограниченной программы реформ также было связано с большими трудностями. Силы, свергнувшие сёгунат Токугава, отличались разнородностью и представляли собой конгломерат различных и часто противоположных по своим интересам классов. Против Токугава выступали, в основном, три силы: 1) крестьянство, боровшееся против феодального строя; 2) слабая и еще неорганизованная буржуазия, выступавшая почти целиком под «дворянским плащом» рядовых самураев,

защищавших их интересы; 3) феодальная знать — политические соперники Токугава. Коалиционные войска представляли собой временный блок второй и третьей из указанных выше антитокугавских сил. Однако победа этих войск была целиком обусловлена наличием самостоятельно действовавшей первой революционной силы — крестьянства. Свергнувший сёгунат коалиционный блок был временным блоком буржуазии и феодальных князей. После победы в этом непрочно объединении началась внутренняя борьба, происходившая на фоне не прекратившихся крестьянских волнений. Крестьяне не ощутили никаких перемен от замены сёгуна Кейки на императора Мэйдзи и продолжало бороться против жестокой эксплуатации.

Если в 1866 г. за год до свержения сёгуна в Японии было зарегистрировано 17 крупных восстаний со многими десятками тысяч участников, то через год после падения сёгуната, в 1869 г. было отмечено 42 крупных крестьянских восстания. Об их размахе дает представление тот факт, что в ряде случаев отдельные крестьянские отряды объединялись в армии численностью до 200—250 тысяч человек. Только превосходство вооружения (особенно, артиллерии) и общей организации спасало правительственные войска от разгрома.

Крестьянская война и необходимость укрепления власти стала одним из важных стимулов в проведении реформ. Нередко это вызывало разногласия между профеодальными и пробуржуазными группами внутри императорского правительства. Следствием этого стало то, что последующее осуществление буржуазных реформ зачастую принимало незавершенный, ограниченный характер. Поэтому и сама революция в японской и мировой историографии получила название «незавершенной буржуазной революции Мэйдзи».

Буржуазные реформы Мэйдзи

В 1871 г. было завершено государственное объединение страны. Были ликвидированы феодальные уделы и заменены префектурами, напрямую подчинявшимися центральному правительству, количество сословий было уменьшено до трех: титулованная аристократия, дворянство и простой народ. Однако в действительности эта реформа носила скорее декоративный характер: самурайство отнюдь не потеряло своего привилегированного положения.

В 1872 г. была введена всеобщая воинская повинность, которая формально положила конец самурайской монополии на ношение оружия. На крестьян легли дополнительные тяготы, связанные с военной службой. Офицерские должности по-прежнему оставались в руках самурайства.

Наиболее важным преобразованием правительства явилась аграрная реформа 1872–1873 годов. Обеспокоенное развернувшейся крестьянской борьбой, правительство желало привлечь на свою сторону верхушку крестьянства и тем самым расширить свою социальную базу. Кроме того, правительство должно было укрепить свои позиции в среде достаточно лояльных к нему новых земельных собственников: купцов, ростовщиков, откупщиков, чиновников и т. д., незаконно захватывавших землю во времена сёгуната. С этой целью власти объявили законными собственниками земли всех тех лиц, которые фактически владели этой землей к моменту издания закона. В целом, это был прогрессивный акт: был положен конец феодальной земельной монополии и впервые в Японии устанавливался буржуазный принцип частной собственности на землю.

Однако основная масса крестьянства в результате этой реформы по существу не получила земли. Задолго до революции 1868 г. огромное количество земель, обрабатывавшихся крестьянскими общинами, перешло в руки ростовщиков, купцов и сельской верхушки под всевозможные закладные, дарственные и прочие подобные документы. Реформа 1872–1873 гг. легализовала все эти сделки, и тем самым признала законность происходившего раньше процесса экспроприации земли у крестьянства в пользу новых помещиков. В 1872 г. был официально отменен запрет на куплю-продажу земли. Теперь отягощенные долгами крестьяне быстро теряли свои мелкие наделы. Так как раньше крестьяне, в основном, являлись наследственными арендаторами на княжеских землях, а объявление их собственниками тех же самых мелких клочков земли вовсе не улучшило их положения. За землю нужно было платить немалый выкуп, а у крестьян без того были непосильные долги, и они быстро теряли свои наделы, переходившие в собственность той же помещичье-кулацкой верхушки, превращаясь в арендаторов. Правда, теперь их эксплуатировали не князья, а помещики.

Естественно, такой механизм реформы не мог действительно разрешить аграрный вопрос. Было лишь уничтожено крупное

феодалное землевладение. Государство за очень высокую цену (более 200 млн. йен) выкупило у бывших феодальных князей принадлежавшие им владения. Средние и мелкие земельные собственники сохраняли в значительной мере черты помещиков полуфеодалного типа. Крестьяне в качестве арендной платы отдавали им не менее половины своего урожая. И все же аграрная реформа стимулировала развитие капиталистических отношений в деревне и дальнейшую дифференциацию ее населения.

На примере аграрной реформы ярко выявился незаконченный характер буржуазной революции в Японии. Остатки феодализма сохранились в Японии как в экономике, так и в политической надстройке. Японская буржуазия, крепко привязанная к монархии, поддержала мероприятия, направленные на сохранение полицейско-бюрократического произвола. Японская буржуазия не боролась за передачу ей всей полноты власти. Опасаясь крестьянской стихии, буржуазия удовлетворилась ограниченными реформами, позволяющими ей получить политические права и участвовать в формировании правительственных структур.

Тем не менее буржуазная революция 1868 г. явилась важнейшим рубежом в истории Японии. Капитализм, хотя и отягаченный различными феодальными пережитками, получил стимул к дальнейшему развитию. В рамках единого государства сложилась японская буржуазная нация.

Капиталистическое развитие Японии в 1870–1890 годы XIX в.

В 1880-х годах Япония вступила в период быстрого промышленного развития. Этот подъем был в значительной степени подготовлен предшествующим периодом, в течение которого императорское правительство активно поощряло частно-предпринимательскую деятельность. За это время, с 1868 по 1880 г., в Японии был организован ряд так называемых «образцовых предприятий», созданных государством с тем, чтобы впоследствии передать их в руки частных владельцев, в погашение займов правительства у торговых и предпринимательских фирм или за небольшой выкуп. Характерно, что, продавая или передавая в аренду «образцовые предприятия», власти отдавали предпочтение нескольким

привилегированным фирмам. В числе этих фирм были Мицубиси, Мицубиси, Фурукава.

Государство поощряло развитие промышленности, вкладывая значительные средства в строительство новых фабрик и заводов. При этом государственный бюджет формировался в основном за счет аграрного населения. Свыше 80% получаемых государством налогов составлял поземельный налог, который владельцы земли компенсировали, в свою очередь, еще большим повышением арендной платы. Он являлся важнейшим источником капиталистического накопления в начальный период создания японской промышленности. Система протекционистских мероприятий в отношении промышленности имела двоякое значение. Она должна была восполнить недостаточное первоначальное накопление за счет налоговой эксплуатации трудящихся и вместе с тем уберечь японскую буржуазию от низких таможенных пошлин (результат существования неравноправных договоров с западными державами). Такая система к тому же делала японскую буржуазию зависимой от монархического государства, снижала ее возможности и инициативу.

Разоряющееся крестьянство являлось источником дешевой рабочей силы для городов. Формы эксплуатации формирующегося рабочего класса были исключительно тяжелыми. В частности, при найме вербовщики заключали контракты с родителями об «уступке» фабриканту детей. В массовых масштабах использовался женский труд, рабочий день составлял 15–16 часов, вводились телесные наказания. В целом жестокая эксплуатация японского пролетариата в городах была тесно связана с феодальной формой эксплуатации крестьянства.

В этот период промышленное развитие Японии носило еще односторонний характер. Преобладала легкая, главным образом текстильная, промышленность. Несмотря на быстрые темпы развития, Япония резко отставала от уровня развития крупных капиталистических стран. В Японии до конца 1890 годов почти отсутствовало производство чугуна и стали. В 1888 г. лишь 15,3% предприятий применяли механическую двигательную силу. В стране преобладали мелкие и мельчайшие предприятия полукустарного типа. Промышленный пролетариат был немногочисленным: в 1866 г. насчитывалось всего 112 тысячи промышленных рабочих (0,39% населения), в 1890 г. — 346 тыс. человек (0,87% населения).

Узость собственной промышленно-сырьевой базы ставила японское хозяйство в зависимость от внешних рынков сырья. Это положение в значительной степени отражало характер внешней торговли. В вывозе преобладали предметы сельскохозяйственного производства (шелк-сырец составлял около 50% экспорта, чай — 25%). Ввозились преимущественно готовые изделия (ткани, металл, машины). Кроме того, низкий жизненный уровень подавляющего большинства населения ограничивали емкость внутреннего рынка. В силу этого японский капитализм очень рано стал стремиться к преодолению внутренних противоречий за счет захвата внешнего рынка. Такие стремления способствовали укреплению позиций военно-бюрократического государства, отражавшего интересы правящего блока помещиков и буржуазии.

Возникновение первых политических партий. Конституция 1889 г.

В начале 1880 годов в Японии стали оформляться первые политические партии, социальной базой и опорой которых были помещичье-буржуазные круги. Эти партии были либеральными по своим политическим установкам. Либеральные помещики критиковали модель абсолютизма и деятельность правительства. Основные причины их недовольства вызывали высокий поземельный налог, снижавший их доходы, и всевластие узкой группы полуфеодальной бюрократии, «узурпировавшей правительственные посты». Радикальные лозунги помещичьей оппозиции привлекали на ее сторону часть самурайства, интеллигенции и даже верхушечные слои крестьянства. Деятельность оппозиции вылилась в формирование в 1881 г. политической партии — «дзинто» (либеральная партия).

В то же время оппозиционные настроения получили широкое распространение среди японской буржуазии как среди торгово-финансовой, так и среди быстро набиравшей силу национальной (промышленной). Либеральная буржуазия требовала скорейшего проведения некоторых реформ, которые должны были облегчить буржуазии захват командных высот в экономике, а также путь к власти. Среди выдвигаемых требований важнейшими были следующие: реформа денежной системы, поощрение внешней торговли, скорейший пересмотр неравноправных договоров, а также активной внешней политики, т.е.

колониальных захватов и завоеваний, которые должны были открыть японской буржуазии доступ к внешним рынкам. На такой платформе в 1882 г. была основана партия либеральной буржуазии, получившей название «кайсинто» («партия реформы»).

С ростом удельного веса буржуазии в экономике страны активизировалась и ее политическая деятельность. В 1880 годы обе партии начали движение за конституцию. В это движение включились также широкие демократические круги (часть мелкой буржуазии города и деревни, интеллигенция, отдельные выходцы из пролетарской среды). В силу этого на отдельных этапах оно имело ярко выраженный радикальный характер. Критика императорского правительства превращалась в борьбу против засилья феодальных элементов (например, титулованных землевладельцев) в государственном аппарате. Конституционное движение получило в Японии название «минкен ундо» («движение за народные права»).

Деятельности «минкен ундо» объективно способствовало самостоятельно развивавшееся рабочее движение. Японский рабочий класс рос вместе с развитием японской промышленности. Первое выступление рабочих относится к семидесятым годам. В 1872 г. в шахтах Такасима вспыхнули стихийные бунты горняков против английских концессионеров. После этого выступления японских рабочих стали учащаться. В 1880 годах делаются первые попытки создания профессиональных союзов. На первых порах многие из этих союзов имели характер объединений ремесленников. Но уже в девяностых годах профсоюзное движение охватывает непосредственно пролетарские слои. Во многом это движение было связано с лидером рабочего (а позже коммунистического движения) Сэном Катаяма (родился в 1859 г. в крестьянской семье). В 1897 г., вернувшись из эмиграции, Катаяма создал «Лигу по организации рабочих профсоюзов», а затем союз металлистов, союз машинистов и союз печатников. В 1898 г. Катаяма создал «Общество по изучению социализма» и стал издавать журнал «Рабочий мир».

Вначале правительство резко подавляло деятельность «минкен ундо». Однако наиболее дальновидные руководители японского абсолютизма понимали необходимость ограниченных реформ и уступок, включая конституцию, ради сохранения равновесия в обществе и строя в целом. Японское

правительство командировало ряд своих виднейших представителей во главе с князем Ито за границу для ознакомления с конституционной практикой ряда европейских стран и США. В результате было принято решение, что наиболее подходящим для Японии прототипом является консервативный прусский парламент Бисмарка. В 1889 г. была провозглашена японская конституция.

Важнейшей особенностью конституции 1889 г. являлось подтверждение власти японской монархии. Конституция провозгласила исключительно широкие права императора: ему принадлежало утверждение и издание законов; созыв и роспуск парламента; объявление войны и заключение мира; верховное командование вооруженными силами; назначение и увольнение всех гражданских и военных чинов и т. д. Вторая глава конституции оговаривала формально предоставленные буржуазные свободы многочисленными изъятиями и оговорками. Четвертая глава (55 статья) отмечала, что министры в Японии ответственны только перед императором. Шестая глава предоставляла возможность правительству, не считаясь с парламентом, утверждать бюджет и в том случае, если он не получил санкции представительных учреждений. Следует также напомнить, что персона императора продолжала обожествляться.

Японский парламент был образован в составе двух палат. Верхняя палата состояла из принцев крови, высшей титулованной знати, лиц лично назначавшихся императором, представителей крупных налогоплательщиков. Нижняя палата избиралась мужским населением страны из числа лиц достигших 30-летнего возраста. Избирательными правами пользовались лишь те, кто уплачивал не менее 15 йен прямых налогов в год и достигшие 25 лет. Исходя из этого, право участия в выборах было предоставлено лишь одному проценту населения страны. Таким образом, конституция не посягала на права японского абсолютизма, а лишь являлась его фасадом и прикрытием.

Несмотря на то, что японский парламент был сконструирован на весьма узкой базе, первые годы его существования ознаменовались частыми конфликтами между парламентом и правительством. Парламентская буржуазная оппозиция резко критиковала методы правительственной бюрократии и выражала недовольство огромными военными расходами. За первые четыре года своего существования японский парламент был трижды распущен императором (в 1891, 1893 и 1894 гг.).

Внешняя политика Японии в 1870–1890 годах

Вооружение Японии, в особенности строительство сильного военно-морского флота, шло стремительными темпами и было непосредственно связано с готовящейся захватнической войной против Китая. Ближайшим же объектом агрессии являлась Корея. Уже в 1872 г., при переговорах между Россией и Японией по вопросу о Сахалине, японское правительство изъявило готовность снять свои претензии на южную часть Сахалина в обмен на согласие России соблюдать нейтралитет в японо-корейской войне и пропустить японские войска через русскую территорию в северную Корею. Эти предложения были отвергнуты, поэтому в офицерско-самурайских кругах стали раздаваться призывы к войне не только против Китая и Кореи, но и против России. Однако японские правящие круги пока еще опасались бросать вызов России.

Внешнеполитической активности Японии способствовало также то обстоятельство, что в 1894 г. Японии удалось добиться частичного пересмотра иностранных договоров. Экстерриториальность иностранцев была отменена. Были отменены также наиболее стеснительные для Японии ограничения таможенной независимости (1899 г.). Правда, полного равноправия Япония формально не достигла (оно было получено лишь в 1911 г.). Однако основные требования японской буржуазии об освобождении от неравноправных договоров были выполнены. Во многом это развязало руки японской военной власти для внешних захватов.

В 1876 г. Япония под угрозой военного вмешательства навязала Корее первые неравноправные договоры, а в 1882 — 1884 годах значительно их расширила. В 1885 г. состоялось подписание японо-китайского договора в Тяньцзине, согласно которому в Корею (находившуюся формально под китайским сюзеренитетом) не могли быть введены китайские войска без согласия Японии, как и японские войска без согласия Китая.

В 1893 г. в Корее началось массовое крестьянское движение, известное под названием «восстание тонхаков». Это движение было направлено против феодального гнета и чужеземных колонизаторов Кореи. Правящая феодальная верхушка в Корее, напуганная этим восстанием, обратилась за помощью к Китаю. Китай направил войска для подавления тонхаков, и Япония обвинила Китай в нарушении Тяньцзинского договора,

направила свои войска в Корею и под предлогом подавления тонхаков оккупировала важнейшие стратегические пункты страны. Японцы стали насаждать свою агентуру в корейском государственном аппарате. Образованное японцами правительство провозгласило независимость Кореи от Китая и обратилось за помощью к Японии. 25 июля 1894 г. японский военный корабль потопил пароход, перевозивший китайские войска. 1 августа была объявлена война.

Японо-китайская война 1894–1895 гг. продемонстрировала полное превосходство капиталистической Японии над Китаем. К весне 1895 г. китайские войска понесли ряд тяжелых поражений. Японцами был захвачен Ляодунский полуостров и порт Вейхайвей; под угрозой находилась китайская столица Пекин.

17 апреля 1895 г. в японском городе Симоносеки был подписан мирный договор, предусматривающий: 1) независимость Кореи от Китая; 2) уступку японцам острова Тайвань, Пескадорских островов и Ляодунского полуострова; 3) уплаты Китаем контрибуции в сумме более 300 млн. иен; 4) открытие для торгового судоходства ряда китайских портов; 5) временную оккупацию японцами Вейхайвея; 6) освобождение арестованных китайцами японских агентов.

Захватническая война против Китая чрезвычайно ускорила капиталистическое развитие Японии. Она дала толчок росту ряда отраслей промышленности, способствовала расширению внешней торговли Японии и положила начало японской колониальной империи. Война привела также к усилению японских позиций в Корее. В конце 1895 г. японцы зверски убили корейскую королеву Мин, которая была противницей подчинения страны японской власти. Корейский король бежал от убийц и нашел убежище в русской дипломатической миссии. Определяющее влияние на корейское правительство на некоторое время перешло от Японии к России.

В 1896 г. было подписано русско-китайское соглашение о КВЖД, и в 1897 г. к России отошел Порт-Артур, незадолго до этого оставленный японцами. Японо-китайская война дала толчок к империалистическому разделу Китая на сферы влияния. Англия, США и Германия делали все, чтобы обострить русско-японские отношения. В конце 1890-х гг. при активной помощи Англии Япония спешно усиливала вооружение армии и флота, готовясь к войне уже с Россией.

К началу Нового времени в Корее продолжала править династия Ли, пришедшая к власти в 1392 г. Основатель династии Ли Сонге (1392–1398) назвал Корею государством «Чосон» вместо «Коре», как она именовалась при прежней династии. Иероглифы «Чосон» означают «утренняя красота» или «утреннее спокойствие». При Ли Сонге была проведена реорганизация государственного строя Кореи по китайским образцам эпохи минской династии.

Общественный строй Кореи в Новое время

В Корее, где земледелие являлось основным занятием населения, землей распоряжался господствующий класс феодалов (или сословие дворян — *янбаней*). Вплоть до конца XIX в. сохранилась система земельных отношений, основанная на государственно-феодальной собственности на землю, при которой основной формой эксплуатации была продуктовая рента — налог (рисом и другими злаками). Но, кроме того, население обязано было выполнять различные виды работ (барщину) в пользу дворцового ведомства и правительственных учреждений.

Натуральное крестьянское хозяйство являлось экономической основой общества, а крестьянская община — мельчайшей хозяйственной и социальной единицей.

В Корее (как и в других странах Востока) существовала государственная собственность на землю, в рамках которой выделялись различные категории земельных владений. Согласно земельной системе, установленной еще на рубеже XIV–XV вв., все земли делились на **государственные** (*кондйон*) и **помещичьи** (*садйон*), находившиеся в частном пользовании (но не частном владении из-за наличия государственной

собственности на землю). Но и в том, и в другом случае землей распоряжались крупные землевладельцы — помещики, чиновники и представители царствующего рода, присвоившие себе право сбора общегосударственной ренты — налога.

В категории государственных земель (кондйон) первое место занимали поля, принадлежавшие королевскому дому. Так, например, согласно законам XVIII в. на содержание дворца каждой из четырех главных жен короля выделялось по 1 тысяче кель¹ земли, наложниц — по 800 кель, сыновей и дочерей короля — по 850 кель и т.д. В категории кондйон также значились земли, доходы с которых шли на содержание центральных и провинциальных административных управлений, на жалованье чиновникам, на жертвоприношения, на охрану королевских кладбищ, на содержание казенных конюшен, пристаней и пр. В категории частно-владельческих земель (садйон) первое место занимали так называемые наградные и пожалованные земли помещиков, переходившие по наследству и фактически представлявшие собственность их владельцев. Сюда же входили земли буддийских монастырей и конфуцианских храмов.

Для аграрных отношений в Корее в XVI—XIX вв. характерен прогрессирующий рост помещичьих земель. С этих земель взимался незначительный налог, но обычно помещики уклонялись и от его уплаты. Этот процесс привел к еще большему разорению и обнищанию корейского крестьянства. С одной стороны, обезземеливание крестьян превратило их в закабаленных арендаторов у помещиков, которые полностью распоряжались землей, не ограничиваясь общегосударственной нормой поземельного налога-ренты (в 30 ду² с кель), а, как правило, забирали половину и больше собранного урожая. С другой стороны, в связи с сокращением поступлений от поземельного налога государство стало увеличивать другие виды налогов и вводить новые. С середины XVII в. был

¹ Кель — земельная мера, которая первоначально означала объем зернового урожая с 10 тыс. кв. футов земли I разряда, поэтому 1 кель земли I разряда равнялся уже 11500 кв. футов и т.д., возрастая на 15% для каждого следующего, худшего по качеству разряда земли. При неопределенности земельной меры кель ее величина произвольно увеличивалась или уменьшалась чиновниками.

² Мерами для зерна служили сок, ду и сынч. 1 сок (мешок) равнялся 15 ду, а 1 ду равнялся 10 сынч.

установлен новый поземельный налог рисом (тэндонми), в размере 12–16 ду с кель, рисовый военный налог, военный налог тканями и целый ряд других налогов — поземельный, ремесленный, соляной и т.д., общим числом до 40–50.

Феодальная эксплуатация усугублялась эксплуатацией торгово-ростовщического капитала. Ростовщические методы эксплуатации использовались и самими помещиками, причем государство выступало в качестве самого крупного откупщика, установив систему выдачи крестьянам весной зерновой ссуды с условием возвращения ее с процентами осенью.

Из-за существовавшей системы эксплуатации, не оставлявшей у непосредственного производителя никакого избытка продукта, было возможным в лучшем случае только простое воспроизводство на базе натурального хозяйства разоряемого крестьянина.

Такому положению сельского хозяйства соответствовала слабо развитая городская экономика: низкий уровень развития промышленности и торговли. Ремесленники, так же как и крестьяне, были закрепощены и в большинстве своем были заняты работой над правительственными заказами. Такие ремесленники, будучи приписанными к Палате общественных работ или к провинциальным управлениям, находились на положении государственных крепостных, производивших все необходимое для правительства: металлические, деревянные, кожаные, гончарно-фарфоровые и другие изделия — всего 129 видов.

Исключение составляло ткачество. Ткани вырабатывались в крестьянском хозяйстве и поступали в казну в виде различных налогов. В конце XV в. во всех провинциальных городах насчитывалось 3511 государственных ремесленников, а к середине XIX в. их число увеличилось лишь до 5451. Закрепощение большинства ремесленников, разорительные налоги, установленные для вольных ремесленников, работавших непосредственно на рынок, тормозили развитие товарного производства. И тем не менее оно развивалось.

С конца XVI в. рост общественного разделения труда привел к расширению производства холстов, бумаги, фарфоро-фаянсовых и металлических изделий, способствовал формированию местных (сельских и районных) рынков, которые назывались «пятидневыми» (*оильсичжанг*). Хозяевами местных рынков являлись содержатели лавочек, трактиров и

постоялых дворов, а также купцы-разносчики, объединявшиеся в особые торговые корпорации. Обмен между различными частями страны был развит слабо. Кроме торговли, лавочники и трактирщики занимались также ростовщичеством. Над массой мелких скупщиков и ростовщиков стояли крупные торговые дома столицы во главе с большой шестеркой фирм (Юкмочжон) на улице Чжонно. Каждая из них пользовалась установленной государством монополией по торговле шелком, хлопчатобумажными тканями, бумагой, рыбными товарами, деревянными изделиями. Тесно связанный с феодалами и охраняемый государством, этот крупный и привилегированный торгово-ростовщический капитал осуществлял эксплуатацию непосредственных производителей.

Классовый состав корейского общества, определяемый экономическими отношениями, был закреплён в сословных различиях. Класс феодальных землевладельцев составлял господствующее сословие «янбан» (два деления), куда первоначально входили военные (собан) и гражданские (тонбан) слуги короля. Ведущая роль принадлежала столичному дворянству — высшей феодальной знати. Принадлежность к сословию янбан не только избавляла от несения повинностей, но наряду с другими привилегиями давала и личную власть над любым «неблагородным» человеком, и средства внеэкономического принуждения. Каждый дворянин мог арестовать любого непривилегированного человека, принудить его работать на своем поле, отобрать его имущество.

Ниже янбан в сословной иерархии находилось среднее сословие — «чжунин». В него входили крупные купцы, а также врачи, землемеры, художники и др., занимавшие государственные должности, но не принадлежавшие к дворянскому сословию.

Подавляющее большинство населения принадлежало к двум низшим сословиям: 1) сословию «сянин» (простолудинов), куда входили крестьяне, мелкие торговцы, ремесленники, и 2) сословию «чённин» (подлых), куда вместе с рабами причислялись представители ряда профессий, почитавшихся «грязными»: акробаты, тюремщики, гейши, уборщики улиц и прислуга общественных мест, мясники и пр.

В лице короля, верховного собственника земли, была представлена верховная государственная власть. Он являлся вершителем всех государственных дел, имел неограниченную

власть над жизнью и имуществом всех своих подданных. Официальная конфуцианская идеология в интересах феодального государства устанавливала весь кодекс морали и законы человеческих отношений: между монархом и подданными, господами и слугами, «вышшими» и «низшими», родителями и детьми, мужьями и женами, старшими и младшими. Поскольку конфуцианство не устанавливало особого духовного сословия, все предписанные религиозные церемонии и обряды исполнялись государственными чиновниками, король выступал и как верховный жрец, совмещая в своем лице высшую духовную и светскую власть.

Управляла страной **иерархия феодальных чиновников**, отбираемых на государственных экзаменах — «квэго», которые реально могли выдержать только представители привилегированного сословия. Все гражданские и военные чиновники различались по степеням и рангам. Административную власть в центре осуществлял **Верховный государственный совет** — «*Ычжонбу*», возглавляемый тремя чиновниками первой степени, и подчиненные ему отраслевые ведомства: **1) государственных служб (чинов), 2) финансов, 3) церемоний, 4) военных дел, 5) уголовных дел, 6) общественных работ**. Кроме ведомств, в столице находились десятки различных канцелярий и учреждений, в которых чиновников было больше, чем во всех городах Кореи вместе взятых.

В административном отношении Корея делилась на восемь провинций (Кйонгидо, Чунчйондо, Канвондо, Чжолладо, Кйонсандо, Хванхэдо, Хамгйондо, Пхйонандо) и 332 округа. Каждой из провинций управлял **губернатор (гамса)**, которому подчинялись все окружные начальники. Окружным начальникам подчинялись правители деревенских волостей. Во главе деревень находились **старосты (тхончжан)**, принадлежащие к наиболее состоятельным жителям деревни. Всех членов деревенской общины (а внутри общины — всех родичей) связывала круговая порука. Все чиновные власти осуществляли мелочный и деспотический надзор над жизнью общины, контролируя уплату налогов и выполнение повинностей и обрядов, при этом наживаясь всеми способами за счет крестьян.

По уровню экономического и социально-политического развития Корея в Новое время отставала от многих стран Азии и Северной Африки. Причины этого следует искать

в феодальных смутах XVI в., но еще более — в дальнейшем ухудшении положения крестьянства после японской и маньчжурской интервенции, в жестоких формах угнетения его помещиками и, как следствие, разорении крестьянского хозяйства. В целом, жестокая феодальная эксплуатация крестьян и ремесленников задерживала развитие производительных сил. Периодические неурожай, массовый голод и эпидемии уносили сотни тысяч жизней. В начале 50-х годов XVII в. (как следствие маньчжурского нашествия) разразился голод, поразивший всю Корею. Наводнения и пожары разоряли население северных провинций — Пхйонандо и Хамгйондо — в 80-х годах XVII в. Из наиболее крупных бедствий XVIII в. следует отметить голод на о. Чжечжудо в 1722 г. и поразивший всю страну голод 1751 и 1776 гг. Голод сгонял огромное количество народа в столицу, и в таких случаях правительство, опасаясь волнений, оказывало помощь голодающим. Эта помощь, однако, не удовлетворяла и сотой доли нуждающихся. В голодные годы катастрофический характер принимали эпидемии холеры и чумы. В течение одного только 1786 г. от холеры погибло свыше 370 тыс. человек (из населения немногим более 7 млн. человек по налоговой переписи 1767 г.).

Безжалостная эксплуатация и притеснения вызывали широкий протест со стороны крестьян. Крестьянская борьба принимала различные формы. Она выражалась в восстаниях, убийствах отдельных феодалов и чиновников, принимала форму отказа платить налоги, массового бегства из районов, где крестьяне значились в податных списках. Как правило, каждый крупный голод сопровождался серьезными антифеодальными выступлениями. К сожалению, многочисленные крестьянские восстания XVII—XVIII вв. изучены пока крайне слабо. Сейчас нам известны лишь беглые упоминания источников об отдельных (может быть и не самых значительных) крестьянских возмущениях. К их числу относится большое восстание в г. Кончжу (провинция Чунчйондо) в 1644 г., восстание 1684 г., возглавленное какой-то религиозной сектой, призывавшей «убить как можно больше знатных», или, наконец, восстание безземельных крестьян в провинции Чжолладо в начале XVIII в. Косвенным показателем нараставшего сопротивления народа и обострения социальных противоречий могут служить увеличившиеся в начале XVIII в. репрессии властей против крестьян.

Политическое развитие Кореи в XVI в.

С конца XV в. стали проявляться кризисные процессы, ослаблявшие централизованное феодальное государство. Непосредственное влияние на ухудшение политической ситуации оказывали изменения экономического характера и, прежде всего, изменения в аграрных отношениях. С ростом землевладения феодальной знати и местных помещиков происходило раздробление государственной земельной собственности, а местное феодальное землевладение принимало черты фактической (хотя и не оформленной юридически) собственности. С усилением феодалов ослабевали позиции центрального правительства.

Источником роста крупного землевладения являлись практиковавшиеся в предыдущий период земельные раздачи в виде чиновных наделов и пожалований представителям чиновной знати и царствующего рода. Земельные владения высшей знати особенно выросли к началу XVI в., когда с каждым новым дворцовым переворотом появлялось множество новых «заслуженных сановников» или других лиц, получавших особые земельные пожалования из лучших угодий страны. Рост влияния крупной землевладельческой знати задевал интересы мелких и средних феодалов в провинциях. На рубеже XV—XVI вв. в политических кругах разгорелась острая борьба между столичной знатью из группировки «заслуженных сановников» и группировкой «провинциальных ученых», отражавших интересы мелкого провинциального дворянства.

Ссылаясь на конфуцианские принципы гуманности и справедливости, заботы об интересах государства, группировка ученых обвиняла старую знать в производе и беззаконии. Обвинения были справедливы: огромные земельные владения столичной знати находились во всех провинциях, а их люди, поставленные во главе местной администрации, разоряли и угнетали народ поборами и притеснениями. Борьба двух группировок достигла апогея в конце XV — начале XVI столетий. Правитель Кореи король (*ван*) Енсан, ставленник высшей знати, в 1498 и 1504 гг. санкционировал избиение конфуцианских ученых. Но когда он попытался ограничить могущество знати, то был свергнут с престола.

Власть сконцентрировалась в руках знати, что еще более усилило произвол и насилие в стране. В ответ нарастало

народное недовольство. Не была полностью сломлена оппозиция конфуцианских ученых, несмотря на периодически повторявшиеся кровавые репрессии — *сахва* (убийства ученых, принимавшие в 1519 и 1545 гг. массовый характер).

Во второй половине XVI в. также не прекратилась междоусобица различных феодальных групп в рамках официальной конфуцианской идеологии. В ходе этой борьбы сложились постоянные политические объединения, часто, состоящие из кровных родственников. Первые такие объединения возникли в 1575 г., когда раскол среди придворной знати привел к образованию так называемых **Западной и Восточной «партий»**. Западная отражала интересы старой землевладельческой знати и «заслуженных сановников», а Восточная — интересы нового чиновничества, который лишь недавно приобрел влияние в столице. В последствии образовались **Южная и Северная «партии»**.

В XVI в. заметно усилилась феодальная эксплуатация. С быстрым ростом числа крупных земельных магнатов, средних и мелких помещиков основная масса крестьян, составлявших государственное податное сословие, теряла землю. В связи с этим, а также с увеличением общей численности эксплуататоров, резко сократились государственные доходы и власть центрального правительства значительно ослабла. С сокращением доходов двор стал прибегать к установлению все новых налогов и поборов. Общее разорение крестьян привело к росту народного недовольства в стране.

Хотя в XVI в. не было крупных крестьянских восстаний, но участились бегство крестьян, уклонение от несения повинностей, поджоги имений феодалов. Небольшие вооруженные отряды беглых крестьян нападали на административные центры и имения помещиков. Среди них особенно опасным для властей было восстание во главе с Лим Кочконом (Зайкой Лимом), охватившее в 1560-е гг. западные провинции страны. Его отряды доходили даже до столицы, нападая при этом на правительственные учреждения и дома богачей, освобождая узников из тюрем, перехватывая обозы и т.д.

В целом, вместе с общим углублением кризиса многократно усиливались социальные противоречия и ослабевшая страна представляла собой все более заманчивый объект для внешней агрессии.

Японское нашествие 1592–1598 гг.

Постепенное ослабление централизованного государства в XVI в. спровоцировало агрессию соседей на северной и южной границах. В 1580-х гг. участились набеги чжурчженей на севере и особенно усилилась угроза на юге со стороны Японии, где Тоётоми Хидэёси, объединивший страну, вынашивал обширные завоевательные планы. Затеяв переговоры с представителями корейского правительства (с 1590 г.), Хидэёси добивался согласия Кореи на пропуск японских войск через свою территорию и участия в совместном походе против Китая. При этом Корее отводилась роль не союзника, а вассала.

В мае 1592 г. японские войска численностью до 200 тыс. высадились в районе Пусана. Здесь они столкнулись с сопротивлением населения и местных войск, защищавших крепости Пусан и Тоннэ. Правительственные войска не успели прийти на помощь осажденным, и крепости пали. Когда из Пусана японские войска двинулись на Сеул, местные управители и военачальники дезертировали при их появлении. Главнокомандующий корейской армией попытался оказать сопротивление в районе Чхунджу, но потерпел поражение и путь на столицу был открыт. Король (ван) и придворная знать бежали на север. Через 20 дней после высадки в Корею японские войска взяли Сеул, а в середине лета заняли Пхеньян, а на северо-востоке вышли к реке Тумаган. Большая часть страны оказалась оккупированной японскими войсками, жестоко расправившимися с населением. Свидетельством этих зверств в Корею является «могила ушей» в японском г. Киото, в которой похоронено 30 тыс. ушей и носов, отрезанных у убитых корейцев.

В стране развернулась народная война. В оккупированных районах создавались народные партизанские отряды «воинов за правое дело». Характерно, что народное сопротивление не встретило поддержки властей. Так, например, когда в провинции Чхунчхон, где сохранились правительственные войска и администрация, собрался отряд в 700 человек под предводительством Чо Хёна, губернатор издал приказ о преследовании семей тех, кто поступит в этот отряд. Чо Хён и его товарищи погибли в неравных боях с японскими войсками.

Действиям народных ополчений благоприятствовали победы корейского флота под командованием Ли Сунсина (1545–1598).

Назначенный до японского вторжения на пост командующего флотом части провинции Чолла, Ли Сунсин дальновидно оценил значение флота для предстоящей борьбы. Он совершенствовал боевые корабли, вооружил их пушками и зажигательными снарядами. Корабли Ли Сунсина столкнулись с японским флотом у побережья провинции Кёнсан, через которую японские войска связывались со своими базами. Летом 1592 г. флот Ли Сунсина разгромил японский. Сражение у острова Хансандо (август 1592 г.) стало переломным в ходе войны. В этом и последовавшем за ним сражении у порта Ангольихо (уезд Уичхон) было потоплено 100 вражеских кораблей и более 9 тыс. моряков.

После этого корейский флот стал господствовать в проливе, а японские войска оказались отрезанными, во враждебной стране, где разгоралась народная война. С победой флота корейские регулярные войска и отряды народного ополчения повсюду перешли в наступление и оттеснили японцев от провинции Чолла, где была создана основная база сопротивления захватчикам. В ноябре 1592 г. 30-тысячная японская армия предприняла отчаянную попытку штурма крепости Чинджу, которая из провинции Кёнсан открывала дорогу в провинцию Чолла. Малочисленные (4 тыс.) корейские войска отстояли крепость и город, чему способствовали умелые действия отрядов партизанских ополчений, нападавших на японские войска с тыла.

Прибытие 50-тысячной китайской армии в конце 1592 г. облегчило борьбу с захватчиками. В феврале 1593 г. объединенные силы китайских и корейских войск освободили Пхеньян. Японские войска отступили и из северо-восточной части страны, а в мае 1593 г. оставили Сеул, предав город огню. Японцам удалось удержаться только на крайнем юго-востоке страны в районе Пусана и Ульсана. Правительство Хидэёси предложило начать переговоры о мире.

Однако японские феодалы (в том числе и враги Хидэёси), добивавшиеся территориальных приобретений в Корее, затягивали переговоры, используя их для подготовки к возобновлению военных действий. В начале 1597 г. в Корею прибыли свежие силы японских войск и начали новое наступление. Однако на этот раз Корея оказалась более подготовленной к отражению неприятельских атак. В течение 1597–1598 гг. были одержаны победы на суше и на море, позволившие

завершить освободительную борьбу. В начале XVII в. по инициативе японской стороны велись переговоры о мире. С заключением мирного договора через порт Пусан возобновилась торговля между Японией и Кореей, а также обмен посольствами и подарками.

Корея в первой половине XVII в. Вторжение маньчжур

Японское нашествие привело к страшному опустошению страны, к колоссальным людским и материальным потерям. Во многих районах оставались лишь развалины разрушенных городов и селений. Население корейской столицы за годы войны сократилось вдвое. По данным кадастра в 1611 г. площадь пахотных земель составляла только 541 тыс. кёль по сравнению с 1708 тыс. кёль до войны. Резкое сокращение земельной площади объяснялось не только опустошениями во время войны, но и тем, что феодалы, воспользовавшись бедствиями военного времени, захватили значительные массивы государственной земли и укрывали ее от занесения в кадастр для податного обложения. Лишенные земли прежние держатели надельных участков — податные крестьяне — обрекались на голодную смерть или на то, чтобы стать подневольными крепостными у столичной знати и местных помещиков. Корейский народ после войны подвергался неслыханному до того угнетению и ограблению, число крепостных (ноби) резко возрастало за счет людей, утративших во время войны средства к существованию.

С восшествием на престол в 1608 г. принца Кванхэ установилось господство «большой северной клики» («партии»), которая истребила своих противников. Представители этой клики осуществляли беззастенчивый грабеж и намного увеличили государственные поборы и повинности. На восстановление разрушенных дворцов в столицу сгоняли многие тысячи крестьян. Процветали коррупция и должностные преступления.

Всеобщим недовольством политикой «северной клики» воспользовалась «западная клика», которая свергла Кванхэ и возвела на престол короля Инджо (1623—1648). Однако, несмотря на заверения и щедрые авансы, не уменьшилось бремя налогов и феодальных повинностей. Между тем возникла новая внешняя опасность: возвышение маньчжурского (чжурчжэньского) государства.

Ведя войну с Китаем, маньчжуры стремились подчинить и Корею. Зимой 1627 г. 30-тысячная маньчжурская армия вторглась в Корею и, подавив сопротивление корейских войск, захватила и разграбила такие города, как Ыйджу, Квансан, Анджу и др. При дальнейшем продвижении маньчжур корейское правительство постепенно бежало на остров Канхва и оттуда стало вести переговоры с завоевателями.

Маньчжуры согласились на быстрое заключение мира. Корея должна была отказаться от помощи и союзнических отношений с Китаем, а маньчжуры обязались вывести из Кореи свои войска. Этот мир оказался передышкой до нового наступления маньчжур, но корейские феодалы не воспользовались ею для обеспечения безопасности страны.

В 1636 г. уже 140-тысячная маньчжурская армия вторглась в Корею. Маньчжурам удалось занять Сеул, а затем они осадили горную крепость Намхан, где скрывался корейский король. Король и корейская армия капитулировали. По новому договору 1637 г. корейский ван признал себя вассалом цинского императора. Корейское правительство обязалось прекратить всякие отношения с Минской династией и оказывать маньчжурам помощь войсками, снаряжением и кораблями в предстоящих походах против Китая, платить ежегодную дань золотом, серебром, рисом, шелком, тканями и бумагой.

В результате маньчжурского нашествия Корея, не оправившись еще после нашествия японцев, подверглась новым опустошениям. Многие города и селения были разграблены и разрушены, а их жители угнаны в рабство. Большой ущерб претерпели сельское хозяйство и ремесла. Тяжелым бременем на разоренное население легла огромная дань победителям. Все это вызвало разрушение производительных сил и усугубило тяжелое экономическое положение Кореи.

Борьба феодальных группировок

Даже в обстоятельствах вассальной зависимости внутриполитическую жизнь Кореи характеризовала непрерывная борьба за власть между феодальными группировками, называвшими себя «партиями». Обострение борьбы внутри феодального класса во второй половине XVII–XVIII вв. было связано с двумя обстоятельствами. С одной стороны, с укреплением крупного помещичьего землевладения, усилившего феодальный се-

партизм, что, в свою очередь, проявилось в распространении частных конфуцианских храмов славы (*совон*) и школ (*хёнчэ*) как политических центров местных помещичьих кругов. С другой, — с упадком крестьянского хозяйства, что вызвало сокращение общей массы прибавочного продукта и обусловило обострение вражды феодальных групп за его раздел. Причины усиления борьбы за государственные посты в среде дворян становятся особенно очевидны, если учесть, что значительная часть прибавочного продукта присваивалась феодалами, интегрированными в структуры власти.

Дворянское общество разделялось на клики, находившиеся в смертельной вражде друг с другом. При сменах королей, назначении наследников и в других случаях, когда одной дворянской клике представлялась возможность отнять власть у другой, начиналась ожесточенная кровопролитная борьба, в которой применялись все средства: подкуп, обман, вероломство, убийство. Среди дворян существовал обычай наследственной мести за близких родственников, пострадавших во время подобных усобиц. По обычаю кровной мести за смерть мстили смертью, за ссылку — ссылкой и т.д.

Среди борющихся за власть феодальных клик в конце XVII в. господствующее положение завоевала «западная партия». В дальнейшем она, в свою очередь, раскололась на две соперничающие группы: «стариков» (*норон*) и «молодых» (*сорон*). Дело, разумеется, было не в возрасте, а старшинстве дворянских родов. После тридцатилетней кровавой борьбы (1694–1724 гг.) последовал восьмидесятилетний период так называемого примирения между *норон* и *сорон*, когда стоявшая у власти клика *норон* допускала к ней и своих противников из *сорон*. Затем, с начала XIX в. до 1863 г. власть безраздельно находилась у *норон* во главе с могущественным родом Ким, из которого брались жены для всех королей этого периода.

Борьба феодальных клик за власть приводила на протяжении XVII–XVIII вв. к бесчисленным дворцовым переворотам, заговорам и феодальным мятежам, но ни одно из этих событий не затрагивало основ существующих общественных отношений, самого способа производства. Вместе с тем распад дворянства на враждующие партии и группы свидетельствовал о растущих противоречиях среди господствующего класса, связанных с углублением кризиса всей феодальной системы.

Социально-экономический кризис и реформаторские попытки в стране

Проявлением кризиса феодальной системы являлись не только массовые крестьянские движения, но и невозможность для самих феодалов управлять по-старому. Осознание этого и послужило основой для возникновения своеобразной дворянской оппозиции. Оппозиционные настроения и идеи обычно возникали в среде той, оттесненной от власти, части дворянства, которая не имела ни доходных мест, ни достаточного количества земли. Это были, однако, идеи, направленные не на свержение старого порядка, а на приспособление его к новым реалиям путем реформ.

Оппозиция призывала к ревизии конфуцианской схоластики, сформированной столетия назад для «цементирования» старых обычаев и норм. Они призывали к внедрению практических наук (астрономии, математики, агрономии), ратовали за использование научных и технических достижений европейских стран, сведения о которых просачивались из Китая. Наконец, указывала на необходимость некоторых экономических и социальных реформ. Таковы были основные черты, характерные для этого идейного течения среди дворянства, получившего название «движения за реальные науки» (*сирхак*).

Вачинателем движения сирхак был богатый дворянин из партии южан — Лю Хйон Вон (1622—1673). Последующие реформаторские попытки во многом базировались на его идеях. Во время господства западной партии Лю Хйон Вон (псевдоним Панге) удалился от политической жизни и, поселившись в своем имении, посвятил себя литературным и практическим занятиям. Он обучал рабов и крестьян военному делу и готовил их на случай иностранного вторжения. Он имел собственные корабли и старался установить морские связи с Китаем. В «Панге Сурок» (Записках Панге) он провозглашал необходимость реформ. Наряду с проектами развития культуры и просвещения он выдвинул программу социально-экономических преобразований, которые, по замыслу автора, должны были «устранить злоупотребления и оздоровить страну». Главной он считал земельно-податную реформу, в рамках которой он предполагал широкое наделение крестьян землей (правда, не на правах частной собственности, а в виде

потомственной аренды государственных земель), введение общегосударственного поземельного налога в размере 1/15 части урожая и освобождение от прочих налогов и поставок государству. Кроме того, Лю Хйон Вон предлагал содействовать развитию ремесла и торговли путем установления единого умеренного налога для ремесленников, купцов и мореходов; отменить налоги на шелководство, плодоводство, рыбные промыслы и солеварни; установить для короля и чиновников фиксированное содержание от казны. Эти проекты имели прогрессивное значение, поскольку их автор выступал за некоторое ограничение феодального грабежа, за развитие просвещения, промышленности и торговли.

На деле же верхушечные преобразования господствующего класса не устраняли главной причины зла — разорения и упадка крестьянского хозяйства из-за непомерной эксплуатации со стороны помещиков, ростовщиков и феодального государства. Мероприятия правительства норон, проведенные в царствование короля Хйонгжон (1660–1674), как впрочем, и многие последующие реформы такого же рода, показывают, что они были рассчитаны на успокоение народа, на некоторое упорядочение феодальной эксплуатации и на обеспечение тем самым исправного поступления основных государственных налогов. Так, правительством было объявлено об отмене некоторых налогов, вызывавших особенное негодование крестьян (подушная подать с детей, налога на солеварни и рыбные промыслы), о перераспределении лесов, захваченных дворцовым ведомством и помещиками, об организации мест призрения нищих и бездомных.

При короле Йончжон (1725–1776) находившееся у власти правительство норон сделало новые попытки упорядочения феодальной эксплуатации и восстановления пришедшей в упадок ирригационной системы. Ввиду частых засух и массового голода правительство занялось устройством оросительных сооружений: плотин, водохранилищ, организацией специальных зернохранилищ на случай голода, а также вынуждено было запретить гнать спиртные напитки из риса, уменьшить или отменить некоторые из государственных налогов. Тогда же были отменены наиболее тяжелые виды пыток при допросах (выламывание ног). При короле Йончжон даже была издана декларация (оставшаяся, впрочем, на бумаге) об отмене личной зависимости крестьян от помещиков

(янбан) и о том, что внук рабыни становится свободным. Эти же попытки укрепления слабеющего феодального строя нашли свое выражение в составленном в 1785 г. новом уложении под названием «**Великий свод законов**». В этом уложении было выражено стремление ограничить феодальную эксплуатацию определенными нормами, установленными законом. Так, например, было объявлено об уменьшении размера общегосударственного-поземельного налога с 30 до 23 ду с кель пахотной земли.

Но эти частичные уступки, сделанные с целью укрепления господства помещиков и бюрократии, не могли остановить глубокого кризиса всей феодальной системы страны.

Общественное развитие Кореи в конце XVIII — начале XIX в.

В конце XVIII в. в общественной жизни и общественной мысли Кореи обозначились новые явления. В конечном счете, они были связаны с теми экономическими сдвигами, которые имели место в стране в течение XVII-XVIII вв. Несмотря на тормозящую роль феодальных отношений, в стране складывались местные рынки, появились прообразы торговых центров общенационального значения, вроде ярмарки в Тэгу. Расширились внешнеторговые связи с Китаем и Японией, увеличилось купеческое сословие в городах. В интересах городского торгово-ремесленного населения развивалась деятельность тех дворянских писателей и ученых, которые порвали с конфуцианством. К концу XVIII — началу XIX в. относится деятельность большинства писателей, составлявших течение «сирхак» (за реальные науки) и его наиболее передовую часть — группу «пукхак» (за учение с Севера, т.е. Китая). К этому течению относились родоначальник новой художественной литературы Пак Чжи Вон, замечательный математик и астроном Хон Дэ Йон, а также ряд других писателей и ученых. Этой группе было свойственно отрицательное отношение к конфуцианской схоластике и стремление к реформам. Они считали, что кичащейся своей цивилизацией Корее необходимо учиться даже у «варварского» маньчжурского Китая, который все же располагал более совершенными орудиями для обработки земли, средствами передвижения (телеги, корабли), жилищами, дорогами, мостами, более

высокими научными знаниями. Заимствования достижений Китая, подъем сельского хозяйства, развитие торговли, по мнению сторонников пукхак, были необходимыми условиями для превращения Кореи в процветающую страну.

В записке йонихйонского уездного начальника Пак Чже Га, поданной королю в 1799 г., были наиболее широко отражены социально-экономические идеи данного течения. Пак Чже Га много внимания уделил вопросу тяжелого и несправедливого положения крестьян. Он пришел к следующему выводу: «Если все останется как сейчас... то дальше невозможно будет прожить и единого дня, ибо такое положение существует во всех округах и во всем государстве». Вместе с тем он предлагал широкую программу по выведению страны из кризиса, основным условием которой было смягчение безудержной эксплуатации.

Антифеодальная направленность наиболее ярко проявилась в трудах крупнейшего представителя сирхак Дён Як Йона (род. в 1762 г.), проведенного 18 лет в ссылке. Его сочинения, особенно «Книга о поработенном народе», содержат суровое осуждение существующего строя.

Таким образом, возникшее в среде оппозиционных слоев дворянства течение сирхак и рукхак не только впервые выступило с критикой существующего строя, но стало предвестником новых общественных веяний. Однако в силу отсталости Кореи и слабости элементов нового общественного строя, эти идеи не могли получить сколько-нибудь широкого распространения. Кроме того, воспринимая передовые научные идеи Европы, даже лучшие представители феодальной интеллигенции поддавали под влияние христианских миссионеров, не видя в их деятельности скрытой подготовки к колонизации страны. С начала XIX в. преследование корейских новообращенных христиан, принимавшее систематический характер, совпадало для правительства с борьбой против оппозиционных элементов внутри страны.

Мятеж Хон Гён Нэ (1811 г.)

Жестокая феодальная эксплуатация, сочетавшаяся с притеснениями со стороны чиновников, непрерывно вызывала народные волнения. С ростом возмущения народных масс увеличивались и трения между различными слоями господствующего

класса. Оттесненные от власти дворянские группировки готовились дать бой правящей клике. В 1811 г. произошло наиболее крупное в течение всей первой половины века вооруженное выступление против царствующей династии Ли — мятеж Хон Гйон Нэ, богатого помещика из провинции Пхйонандо. Выступление Хон Гйон Нэ встретило поддержку многих землевладельцев из опальных группировок и являлось феодальным мятежом. Но когда главарь мятежников, собрав пятитысячное войско выступил против правительственных сил и бросил призыв к борьбе против сеульских притеснителей за свержение династии Ли, народные массы, крестьяне и ремесленники поддержали его, хотя сам Хон Гйон Нэ не выдвигал никаких требований в защиту их интересов.

Военные силы, собранные Хон Гйон Нэ, первоначально достигли значительных успехов, заняв крупный в Пхйонандо окружной центр Чжонгчжу и ряд более мелких городов. Но впоследствии в боях под Анчжу было разбито основное ядро войска повстанцев, состоявшее из горняков-золотоискателей. А позже, после длительной и трудной осады, был взят г. Чжончжгу, над восставшими учинена жестокая расправа, взятый в плен Хон Гйон Нэ был казнен.

Однако подавление мятежа 1811 г. не остановило брожения в стране. Через два года (в 1813 г.) вспыхнуло восстание крестьян и рыбаков на острове Чжечжю. Затем последовал ряд неурожайных лет, сопровождавшихся массовой смертностью от голода и эпидемий. Начиная с 1832 г., девять лет подряд Корея была охвачена голодом и эпидемиями холеры. В 1834 г. разразился ряд голодных бунтов в городах.

Корея в 30–60 годах XIX в.

Во второй трети XIX в. еще более обострился кризис всех структур корейского общества. Ослабленная нарастающими внутривополитическими противоречиями монархия Ли клонилась к все большему упадку. Между тем над страной нависла грозная опасность со стороны капиталистических держав, стремившихся к «открытию» Кореи и превращению ее в колонию.

Нажим на Корею выразился на первых порах в активизации деятельности европейских миссионеров. В 1831 г. папа Григорий XVI объявил об учреждении Корейского епископства

и о назначении туда епископа. В 1832 г. появившееся у берегов Кореи английское судно пыталось от имени Британии навязать Корее торговые отношения, но получило отказ. Между тем посланцы Ватикана тайно проникали в Корею и вели здесь свою деятельность. Это были главным образом французские миссионеры. Они завязывали связи с недовольными дворянами из опальных феодальных кланов, вербовали сторонников среди государственных чиновников и готовили почву для проникновения европейских держав.

В 1837 г. уже насчитывалось 9 тыс. обращенных в христианство корейцев. В 1839 г. корейские власти обрушили новые репрессии на христиан. Были казнены 150 корейцев и три французских миссионера, скрывавшихся под вымышленными именами. Казнь миссионеров стала предлогом для двукратной посылки (в 1846 г. и 1847 г.) в Корею французских военных кораблей. Под угрозой применения военной силы, в компенсацию за казнь миссионеров, французы добивались открытия корейских портов для французской торговли. Но экспедиция (1847 г.) потерпела неудачу — два корабля сели на мель у берегов Кореи.

Отвечая на письмо французского правительства, корейские власти отвергли претензии в связи с казнью миссионеров и, в свою очередь, обратились к французскому правительству с вопросом: «Что бы вы сделали, если бы в вашу страну тайно проникли переодетые иностранцы и занимались тем, что вы считаете преступлением?». В письме также объявлялось о нежелании Кореи иметь какие бы то ни было отношения с иностранными государствами.

Насильственной «открытие» Китая и капитуляция маньчжуров перед западными державами произвели огромное впечатление на господствующий класс Кореи. Сеульское правительство встало на путь еще более строгой и еще более полной изоляции страны от внешнего мира.

К этому времени многим образованным корейцам, осуждавшим существующие порядки, стало ясно, что иностранные миссионеры преследуют корыстные цели и расчищают дорогу колонизаторам. На этой почве возникло новое религиозное учение, носившее корейский национальный оттенок, оппозиционное западному христианству и в то же время в известной мере отражающее антифеодальный протест широких народных масс крестьян и ремесленников. Это учение в 1859 г.

стал проповедовать некий Цой Чже У, и оно получило название «тонхак» (восточное учение). В нем сочетались различные догмы конфуцианства, буддизма и даосизма. Это была попытка осуществления религиозной реформации в условиях углубляющегося кризиса корейского феодализма и крушения официальной конфуцианской идеологии. На сторонников этого учения в 1866 г. обрушились репрессии. Цой Чже У был казнен, но тонхак продолжал существовать как одно из сектантских религиозных учений.

Внутреннее положение Кореи в середине XIX в. характеризовалось нарастанием народного возмущения. Один из миссионеров указывал в своем донесении, что «маленькая искорка способна зажечь такой пожар, последствия которого даже невозможно учесть». Неурожай и голод в начале 60-х годов еще более накалили атмосферу. Уже в 1861 г. в ряде округов крестьяне нападали на помещиков и чиновников. За десять месяцев 1862 г. произошло 21 крестьянское восстание в пяти провинциях Кореи. Вызваны они были злоупотреблениями чиновников-сборщиков податей, притеснением помещиков и ростовщиков. Эти массовые, но разрозненные, плохо связанные между собой, стихийные выступления крестьян были жестоко подавлены правительством.

Правление Тэвонгуна

После смерти короля Чольчжон, не оставившего наследника, на престол в ноябре 1863 г. был возведен двенадцатилетний Ли Цзэ Хван, а всю власть в государстве захватил его отец Ли Ха Ын, ставший регентом (Тэвонгун).

Далеко зашедший внутренний кризис и внешняя опасность со стороны Запада побудили Тэвонгуна стать на путь укрепления ослабевшей монархии.

Крестьянские восстания начала 60-х годов заставили корейское дворянство на время забыть свои внутренние раздоры и сплотиться вокруг королевской власти для борьбы с крестьянством. Именно это являлось одной из главных задач Тэвонгуна. Кроме того, он стремился укрепить королевскую власть, расширить ее социальную опору, объединить вокруг нее все дворянство. Тэвонгун покончил с засильем дворянской партии норон (стариков), замещавшей своими ставленниками важнейшие правительственные посты, и открыл

доступ к государственной службе не только другим дворянским группировкам, но и даже отдельным представителям недворянского сословия (купцам, зажиточным мелким землевладельцам). К этому времени значительной политической и экономической силой в стране стали конфуцианские «храмы славы», посвященные возвеличению наиболее сильных и могущественных дворянских домов. Храмы славы (совон) обладали обширными землями с прикрепленными к ним крестьянами, пользовались налоговым иммунитетом и являлись опорой феодального сепаратизма. Ограничение, а затем и упразднение храмов славы (из более 500 храмов было оставлено лишь 47) несколько ослабило могущественные дворянские дома, пользующиеся решающим влиянием при прежних королях Кореи, но, разумеется, не покончило с политической раздробленностью страны.

Стремясь привлечь симпатии народных масс, Тэвогун объявил об уничтожении различия между дворянами (ятбан) и простолюдинами. Был проведен закон о замене уплачиваемого только простолюдинами военного налога новым подомным налогом, обязательным для всех сословий. Но как оказалось, дворянство фактически было освобождено от обложения, поскольку от нового налога освобождались все лица, находившиеся на государственной службе. В остальном громко объявленное «уравнение» дворян и простолюдинов свелось к упразднению мелких ограничений для последних, вроде запрета носить черную обувь. Что касается феодальной эксплуатации в целом, то всевозможные поборы и притеснения народа не только не уменьшились при Тэвонгуне, а, наоборот, значительно возросли.

Для поднятия престижа нового царствования в 1865 г. Тэвонгун предпринял восстановление дворца Кйонбоккун, сгоревшего во время японского нашествия еще в XVI в. Это потребовало огромных затрат сил и средств в течение трех лет. На принудительных работах по заготовке материалов, их перевозке и на самом строительстве дворца было ежедневно занято по несколько десятков тысяч человек. Чтобы покрыть колоссальные расходы, правительство Тэвонгуна установило обременительный для народа особый поземельный налог и сверх того прибегло к чрезвычайным сборам. Но денег не хватало. Тогда правительство приступило к выпуску в обращение неполноценной монеты и продаже государственных

должностей. В целом мероприятия Тэвонгуна не укрепили государственный строй в Корее, но, наоборот, усилили хозяйственную разруху и увеличили недовольство в стране.

Между тем капиталистические державы усиливали давление на Корею. Систематический характер приняли экспедиции военных эскадр, целью которых было «открытие» корейского рынка. В частности, в 1866 г. семь французских военных кораблей высадили десант на острове Канхва. Оттуда они потребовали от корейского правительства заключения неравноправных торговых соглашений. Но на этот раз присланные Тэвонгуном отряды корейских стрелков сумели выбить французов с острова.

В эти же годы началась американская агрессия в Корее. В 1866 г. в район Пхеньяна проникла американская шхуна «Генерал Шерман». Команда грабила древние курганы с богатыми захоронениями, что было воспринято местным населением как святотатство. В конечном итоге команда была перебита, а шхуна сожжена. В 1871 г. правительство США отправило в Корею военную эскадру во главе с американским посланником в Пекине Лоу и адмиралом Роджерсом, чтобы потребовать компенсации за уничтоженную шхуну и заключения договора об «открытии» корейских портов для американской торговли. Однако и в этот раз американцы встретили ожесточенное сопротивление (в устье реки Ханган) и понесла большие потери, вынуждены были отступить.

Эти успехи только подтвердили правильность курса правительства Тэвонгуна на «закрытие» страны. Для этого были усилены военные приготовления. Тысячи людей сгонялись на постройку укреплений. Производство вооружения (особенно пушек) требовало новых расходов, а следовательно, и новых налогов от населения.

Поборы центрального правительства, а также притеснения местных чиновников и помещиков, вызвали при Тэвонгуне ряд новых народных выступлений. Наиболее крупным были восстание крестьян округа Пхунченбу в 1864 г., восстание в провинции Чжолландо весной 1869 г. и волнения в провинции Кёнсандо весной 1871 г. Кроме того, происходил массовый уход крестьян за границу в соседнюю Маньчжурию и русское Приамурье.

Растущим возмущением народа воспользовалась феодальная оппозиция, давно высказывавшая недовольство политикой

регента, в частности, уничтожением «храмов славы». В 1874 г. король, достигший совершеннолетия, отстранил Тэвонгуна от управления. Однако фактически власть перешла не к королю, а к его жене королеве Мин и ее родственникам, захватившим в свои руки все важнейшие должности в государственном аппарате.

Неравноправные договоры

Решающий удар по вековой закрытости Кореи нанесла Япония. Послав свои военные корабли в территориальные воды Кореи, японцы спровоцировали столкновение с береговой охраной и разрушили два корейских форта (1875 г.). В начале 1876 г. с требованием «удовлетворения» за инцидент, вызванный самими же японцами, в Корею прибыло японская посольство во главе с Курода в качестве представителя императора. По сути это было не посольство, а настоящая военно-морская экспедиция. Курода сопровождали два военных корабля и три транспорта с солдатами. Угрожая пушками, японцы предлагали заключить договор «о дружбе». Правящая в Сеуле клика Мин приняла требования Курода.

26 февраля 1876 г. на острове Канхва был подписан первый в серии неравноправных договоров Кореи. Он содержал ряд односторонних обязательств Кореи по отношению к Японии. Для японской торговли открывался Пусанский порт и давалось обязательство в течение 20 месяцев открыть еще два порта. В открытых портах японцы получили свободу торгово-промышленной деятельности, не подвергаясь «ни ограничениям, ни запрещению». Там же располагались японские консулы и устанавливалась экстерриториальность. Вместе с гарантиями свободного плавания в корейских водах японцы получили право обследовать и картографировать корейское побережье. Торговое соглашение, подписанное в августе 1876 г. освобождало японские товары от ввозных пошлин, а японские деньги были допущены к свободному обращению на корейском рынке. Канхваский договор, открывший страну для широкой экономической и политической экспансии Японии, знаменовал начало превращения Кореи в полуколонию. Что же касается формального признания в договоре независимости Кореи, то этим Япония хотела лишь устранить влияние Китая, считавшегося сюзереном Кореи.

Богатства Кореи, особенно ее недра, прельщали и других колонизаторов, особенно американцев. В 1880 г. правительство США вновь обратилось с требованием об открытии корейских портов. Затем последовали аналогичные требования Англии, Франции, России и Италии.

Действовавшие вместе с японцами США, силой навязали Коре второй неравноправный договор. Согласно этому договору (от 22 мая 1882 г.) в открытых портах Пусан, Вонсан, Ингон американцам предоставлялось право беспрепятственной торговли, право приобретать землю и другую собственность, основывать промышленные предприятия. Им также предоставлялась экстерриториальность, неподсудность корейскому правительству. Аналогичные договоры с Кореей в 1883—1884 гг. подписали Англия, Германия, Италия и Россия, а впоследствии Франция и другие капиталистические страны.

Таким образом, в течение 1882—1884 гг. под угрозой иностранных пушек Корея полностью покончила со своей изоляцией от внешнего мира. Но именно с этих пор Корея стала превращаться в полуколонию иностранных капиталистических стран.

Сеульское восстание 1882 г.

Восстание началось в обстановке крайнего возбуждения, вызванного, с одной стороны, заключением кабального договора с США, а с другой — наступившей засухой. Рисовые поля погибали от палящего зноя; голод в стране казался неминуемым. Сторонники опального Тэвонгуна распускали слухи, что в несчастье виноваты те, кто открыл страну для иноземцев и тем вызвал гнев духов — покровителей страны. Первыми 23 июля 1882 г. выступили солдаты королевского войска, чье положение сильно ухудшилось после так называемой реорганизации армии в условиях полуколониального закабаления страны. В течение целого года они не получали жалованья. Выданный им, наконец, в качестве месячного оклада рис оказался гнилым, перемешанным с песком и глиной. Возмущенные солдаты убили интендантского чиновника. Восстание возглавил солдат Сон Сун Гиль. К солдатам присоединилась сеульская беднота. Солдатский бунт перерос в крупное народное восстание против правительства и японцев. Восставшие

освободили заключенных, разгромили дома богатейших савновников, а их имущество сожгли, убили попадавших к ним японцев и правительственных чиновников. Здание японской миссии было сожжено, а персонал бежал. Восставшие проникли во дворец. Король был вынужден выдать им нескольких министров, и их растерзала толпа. Плодами народного выступления воспользовался Тэвонгун, заключивший союз с руководством восставших и вернувший свою власть. Но власть эта не была прочной.

Сеульские события дали Японии повод для новых домогательств. 16 августа 1882 г. в Корею вернулся японский министр-резидент Ханабуза в сопровождении военных кораблей. Угрожая войной, он предъявил ультиматум, который был полностью принят Тэвонгуном. По подписанному в Чемульпо договору правительство Тэвонгуна обязалось арестовать и наказать виновников выступления 23 июля, с почестями похоронить убитых японцев, уплатить возмещение их семьям в 500 тыс. йен контрибуции японскому правительству, восстановить за свой счет здание японской миссии, а главное — разрешить пребывание в Сеуле японских войск и взять на себя расходы по их содержанию. В столице был размещен отряд в 700 японских солдат. Десять руководителей восстания во главе с Сон Сун Гилем были казнены.

Между тем оправившаяся от удара королева и ее родственники (Мин Тэ Хо, Мин Йон Ик и др.), снова повели борьбу против Тэвонгуна. В конечном итоге он был выслан в Китай, а к власти вернулась группировка Мин.

Стихийное и неорганизованное восстание 1882 г. не выдвинуло никаких самостоятельных требований. Но в то же время оно показало всю непрочность положения господствующего класса, который уже не мог удержать власть без помощи внешних сил.

Заговор «партии реформ» (1884 г.) и Тяньцзинский договор (1885 г.)

Борьба дворянских группировок в 80-е годы XIX в. стала направляться и ориентироваться иностранными государствами, подчинявшими Корею своему влиянию.

С возвращением к власти родственников королевы Мин заметно усилилось китайское влияние. В 1883 г. был подписан

«договор о морской торговле» между Китаем и Кореей, который не только подтверждал вассальное положение Кореи, но и предоставлял китайским купцам особые права и льготы. Маньчжурская династия добилась передачи китайским инструкторам дела реорганизации корейских войск.

Китайское влияние, проводившееся через правящее окружение Мин, мешало агрессивным планам Японии. Японцы, в свою очередь, обзавелись собственной агентурой из среды корейского дворянства. Они поддерживали так называемую «партию реформ», которая возникла в Корее в начале 80-х годов. Она объединяла группу молодых дворян (Ким Ок Кюн, Со Гван Бом, Пак Йон Хе, Хон Йок Сик и др.) из опальных, но знатных семей, утративших влияние при новом царствовании и стремившихся вернуть его.

На словах эти люди выступали за независимость Кореи, понимая под этим упразднение вассальных отношений Кореи по отношению к Китаю. На деле же, будучи связанными с японским капиталом, они в завязавшейся борьбе за власть лишь прикрывались программой «прогрессивных реформ». Даже в своих прокламациях «партия» Ким Ок Кюна не шла дальше призывов к верхушечным реформам, которые были необходимы иностранному капиталу и связанной с ним части корейских помещиков.

Японцы щедро субсидировали партию реформ. В конце 1884 г. группа Ким Ок Кюна вместе с японским министром-резидентом подготовила государственный переворот. 4 декабря они при участии отряда японских солдат заняли дворец и захватили короля. На следующий день по «королевскому приказу» были вызваны во дворец 12 сановников из группы Мин и здесь убиты, затем было создано новое правительство, в которое вошли Ким Ок Кюн и его люди. Это правительство просуществовало всего 48 часов. Судьбу его решило восстание сеульского населения и выступление китайских войск (к которым примкнули корейские). В завязавшихся боях было перебито свыше 70 японцев, остальные бежали вместе с лидерами «партии реформ» в Японию.

На этом этапе конфликт между Китаем и Японией из-за Кореи был улажен Тяньцзинским договором от 18 апреля 1885 г., по которому оба государства обязались вывести из Кореи свои войска и не посылать своих офицеров в качестве инструкторов корейской армии. В будущем, при необходимости отправить

войска в Корею каждая из сторон должна была бы письменно предупредить другую. Японии, как видно, пришлось временно отказаться от попыток прямого захвата Кореи, но Тяньцзинский договор ненадолго отсрочил японо-китайское столкновение из-за Кореи. К тому же, договор обозначил дипломатическую победу Японии, поскольку Китай признал за Японией одинаковые с собой права в Корее.

Корея во второй половине 1880 — первой половине 1890 годов

Экономическое и политическое развитие Кореи после Тяньцзинского договора все более приобретало колониальный характер. Если в 1886 г. в Корею было ввезено иностранных товаров на 2474 тыс. долларов, то в 1891 г. — на 5256 тыс. долларов. 55% ввозимых товаров составляли хлопчатобумажные ткани. Быстро возрастал также ввоз керосина, мешковины, веревок, спичек, анилиновых красок, металлических изделий. В корейском экспорте преобладали сельскохозяйственные продукты: рис, бобы и др.

Особое место занимал вывоз золота. В 1886 — 1893 гг. только учтенное в таможенных золотом в среднем составляло 27,3% общегодового экспорта Кореи, но огромное количество золота выкачивалось иностранцами помимо таможен. Данные по пяти округам провинции Хамчондо свидетельствовали, что лишь из этого района золота вывозилось вдвое больше, чем было показано в Вонсонской таможне. Внешнеполитическое положение Кореи уже, в основном, определялось борьбой колониальных держав за экономическое преобладание в стране. Среди них первое место занимала Япония, которая после Тяньцзинского договора стала укреплять свои позиции в Корее. С 1886 по 1894 г. она вдвое увеличила свой торговый оборот в Корее и захватила судоходство в ее водах. Японские банки захватывали в Корее земли и приобретали различные концессии.

Серьезным препятствием для японских колониальных планов оставалась непримиримая враждебность корейского народа и его определенные симпатии к Китаю, вместе с которым им не раз приходилось в прошлом сражаться против японцев. Но и Китаю уже не удавалось использовать благоприятную ситуацию в Корее из-за его все возрастающей

зависимости от западных стран. При этом англичане поощряли маньчжурскую династию как орудие своей политики в Корее, а американцы поощряли японскую агрессию, рассчитывая использовать Японию в своих целях против Англии, Китая и России. Вместе с тем США приступили к непосредственному захвату экономических и политических позиций в Корее. Еще в начале 80-х годов XIX в. американцы получили концессию на организацию каботажного судоходства, на рубку леса, на ловлю жемчужных раковин, на проведение электричества в столице. В 1887 г. оказывали нажим на корейское правительство для получения концессии на золотой рудник, а в 1888 г. пытались захватить острова Комуудо (Гамильтон). Последние попытки были не реализованы американцами из-за боязни осложнений с другими державами. Тем не менее по-прежнему основная линия американской политики определялась поддержкой японской агрессии. США рассчитывали на приобретение части тех выгод, которые приобретали японцы, исходя из своего «принципа наибольшего благоприятствования» в Корее и своих старых неравноправных соглашений с Японией.

Внутреннее положение Кореи характеризовалось в начале 90-х годов глубоким социальным кризисом. «Открытие» Кореи повлекло за собой хронический дефицит и без того скудной корейской казны. Иностранцы советники и реорганизация войска, контрибуция японцам и административные реформы, расточительство двора и т.д. — все это вызвало небывалые расходы у корейского правительства, которые приходилось покрывать новыми налогами и широкой продажей должностей. В конечном счете, за все расплачивался корейский крестьянин. Произвол помещиков, беззакония и поборы чиновников, эксплуатация со стороны местных и иностранных ростовщиков и скупщиков сделали жизнь крестьян невыносимой. За восстанием крестьян в Йочжю и Вончжю в 1885 г. последовало восстание 1889 г. в Пукчхйоне и Суване. Восстания крестьян в провинции Хамчйондо и на о. Чжечжю в 1890 г. имели ярко выраженный антияпонский характер. После голода 1892–1893 гг. началось массовое восстание крестьян, ремесленников и рабов против своих феодалов и иностранных колонизаторов — крестьянская война 1894 г., известная также как **восстание тонхаков**.

Восстание тонхаков и японо-китайская война 1894 г.

Уже в 1893 г. волнения крестьян охватили шесть провинций Кореи. В ночь на 3 января 1894 г. несколько сот крестьян, пробравшихся из своих деревень в г. Кобу, напали на правительственный арсенал, захватили оружие, освободили заключенных и сожгли городское управление вместе со всеми документами. На следующий день вооруженные крестьяне разгромили в Пэксане казенный продовольственный склад и раздали населению 4 тыс. мешков риса. К восставшим присоединились тысячи крестьян окрестных деревень.

Во главе восстания стали члены религиозной секты «тонхак» («Восточное учение»), главным образом представители мелких слоев чиновничества, сословно непривилегированные и эксплуатируемые не менее крестьян или ремесленников. Выходцем из этого слоя был и военный **руководитель восстания Чжон Бон Дюн** — сын мелкого чиновника, казненного за неповиновение властям.

Религиозное учение «тонхак» непосредственно не призывало к ниспровержению феодальных порядков, но идея равенства (на небесах) для всякого человека, воспринималась угнетенными массами как призыв к установлению равенства на земле. По-своему понятное и истолкованное крестьянством «восточное учение» стало идеологической формой крестьянской войны, охватившей Корею в 1894 г.

К тому же в ходе восстания, по мере втягивания в него народных масс, само учение принимало все более конкретную антифеодальную и антиколониальную направленность, о чем свидетельствуют прокламации, выпущенные за подписью Чжон Бон Дюна, Ким Гэ Нама и других вождей тонхаков. Так, например, в воззвании, изданном вскоре после начала восстания, говорилось: «Нашим единственным побуждением является спасение народа от нависших страшных бед и безопасность государства. Мы только желаем отрубить головы жадным и жестоким чиновникам и изгнать из страны банды иноземных притеснителей, наших смертельных врагов. Наши гневные чувства разделяет и народ, страдающий от янбаней и богачей. Так вставайте сейчас же без промедления — упустив момент, вы не поможете себе сожалением».

Местные правители и феодалы не смогли разгромить повстанцев. Восстание охватило провинции Чжолладо, Чунчйондо,

Кйонгидо, Канваондо, Хванхэдо. Карательные армии, отправленные из Сеула, потерпели поражение. Правительство пошло на переговоры, предлагая ряд уступок повстанцам при условии прекращения ими борьбы. Руководители восстания подписали перемирие на следующих условиях: правительство обязалось наказать ряд чиновников и помещиков, уничтожить документы о рабах, изменить положение гйонин (отверженных), карать за связь с японцами, упразднить часть налогов и списать старые долги (как государству, так и частным лицам), равномерно распределить землю. После подписания данных обязательств вожди восставших вывели свою армию из Чжончжю. Естественно правительство не собиралось соблюдать соглашения. Более того, король тайно обратился к маньчжурам с просьбой о присылке войска для подавления крестьянской войны.

На все последующие события в стране повлияли обстоятельства внешнеполитического характера. 9 июня 1894 г. в южнокорейском порту Асан высадились 1,5 тыс. китайских солдат, присланных по просьбе корейского правительства для борьбы с тонхаками. Это дало предлог для вмешательства Японии, которая, в свою очередь, отправила в Корею войска, намного превосходящие по численности китайские. Только до 15 июня прибыло свыше 10 тыс. японских войск, которые заняли столицу и важнейшие стратегические пункты страны. 23 июля японские войска в Сеуле атаковали королевский дворец. Свергнув правительство, они передали власть Тэвонгуну и вернувшимся из эмиграции лидерам «партии реформ» во главе с Пак Йон Хе, возглавившего реформаторов после гибели в Шанхае весной 1894 г. Ким Ок Кюна. Новое правительство тут же подписало с Японией ряд кабальных договоров, в том числе о наступательном союзе в войне с Китаем, объявленной 1 августа. В этой войне китайские войска потерпели ряд поражений и к концу сентября отступили из Кореи. Но японские войска встретили ожесточенное сопротивление корейского народа и, прежде всего тонхаков, вновь взявших ся за оружие. Восставшие крестьяне овладели большей частью Чжолладо, Чунчйондо, Кйонсандо, Кйонгидо и Хванхэдо, а всего — около трех пятых территории страны. Число восставших только в двух провинциях Чжолладо и Чунчйондо превышало 200 тыс. человек. Сначала успех сопутствовал восставшим во главе с Чжон Бон Дюном. Первые карательные

отряды правительственных войск были разбиты. Наиболее ожесточенные бои развернулись за город Кончжу: ежедневно каждая из сторон теряла по несколько тысяч человек. В конечном итоге переломили ситуацию японские войска, широко использовавшие артиллерию. Крестьяне отступили в Нонсан, где уже были окончательно разгромлены. 9 декабря 1894 г. был схвачен руководитель восстания Чжон Бон Дюн и позже казнен в Сеуле.

Поражение этого массового восстания против своих феодалов и иностранных захватчиков поставило Корею перед глубоким национальным кризисом. Страна находилась под угрозой полной потери государственной самостоятельности и превращения в японскую колонию.

Подавив основные очаги крестьянской войны и создав кабинет министров из своих марионеток, японцы продиктовали Корее требования о «реформах», осуществление которых должно было полностью обеспечить экономическое и политическое господство японцев в Корее. Во время войны японцы успели захватить корейскую почту и телеграф, взять в свои руки обучение новых войск (хульйонде), опутать займами корейское правительство. Нанеся поражение Китаю, Япония полностью покончила с китайским влиянием в Корее. По Симоносекскому договору, подписанному 17 апреля 1895 г., Китай признал независимость Кореи и прекращение всех церемоний, связанных с вассальным положением Кореи. Теперь Япония получила полную свободу действий. Лишь непрекращающаяся борьба корейского народа и противоречия в лагере империалистических держав мешали японцам открыто утвердить свое господство и официально превратить Корею в свою колонию.

Корея и империалистические державы в конце XIX в.

С конца XIX века империалистические государства начали усиленную борьбу на Тихом океане за Дальний Восток и, в первую очередь, за Китай. Корея, богатая природными ресурсами, также стала одним из важнейших объектов борьбы колониальных держав. Резко обострились русско-японские противоречия. Россия, имевшая свои колониальные планы в регионе, препятствовала японской агрессии в Корее и Китае.

Выступление России, Франции и Германии с требованием вернуть Китаю Порт-Артур, захваченный японцами по Симонсекскому договору, серьезно ослабило политическое влияние Японии в Корее. Здесь против японского засилья активно выступила группировка королевы Мин. Королева и ее окружение ориентировались на Россию и рассчитывали с ее помощью сохранить независимость своей страны. В июле-августе 1895 г. они удалили из корейского правительства ставленников Японии. Их заменили деятели русофильской партии, которая стала играть ведущую роль в правительстве. В ответ под руководством японского посланника Миуры возник новый заговор, и на рассвете 8 октября 1895 г. японцы ворвались во дворец и учинили зверское побоище. Королева и ее приближенные (включая фрейлин) были заколоты штыками. Потом ее труп был облит керосином и сожжен, а король превратился в пленника нового прояпонского кабинета, который был немедленно организован Миурой. Возмущение в Корее и за ее пределами было огромным. После убийства королевы в Корее усилилась антияпонская вооруженная борьба партизан Ы-бйон («Армия справедливости»); реформы, проводимые прояпонским правительством, бойкотировались населением; в стране зрело общее восстание против японцев и их корейских сторонников. В этой напряженной обстановке 11 февраля 1896 г. русофильская партия организовала бегство короля из дворца, где он фактически был в заключении. Король получил убежище в здании русской дипломатической миссии, где оставался в течение целого года. Оттуда король обратился к населению и войскам с воззванием об отстранении прояпонского кабинета и создании нового правительства. Король призывал покарать предателей. Министры Ким Хон Чжиб, Чжон Бйон Хо и Э Юн Чжун были разорваны в клочья восставшим народом и солдатами, но остальным удалось бежать в Японию. В результате этих событий политическое влияние Японии в Корее вновь оказалось подорванным. Японии пришлось лавировать и, в частности, искать соглашения с русским правительством. В мае и июне 1896 г. правительства России и Японии подписали два соглашения (Сеульский меморандум и Московский протокол), по которым обе взаимно признавали право каждой на оказание «помощи» корейскому правительству и на посылку в Корею определенных контингентов военных сил. Обе стороны,

таким образом, признали друг за другом равные «права» на экспансию в Корее, что, естественно, еще более усилило соперничество между японскими и российскими колонизаторами.

В Корею активно проникали и другие империалистические государства. В конце XIX и начале XX в. разгорелась борьба за концессии, которые вырывались угрозами, хитростью и подкупом у корейского правительства. Вслед за концессией на разработку крупнейшего месторождения золота в провинции Пхйонгандо, полученной в 1895 г., американцы в следующем году приобрели право на постройку железной дороги между Сеулом и Чемульпо (позже, в 1898 г. эта концессия была перепродана японцам), а затем на проведение в Сеуле канализации, водопровода и электрического освещения. Английские колониальные власти получили концессию на золотой рудник, и их представитель Броун был назначен на пост директора таможен и финансового советника корейского правительства. Англичане таким образом рассчитывали подчинить себе финансы и внешнюю торговлю Кореи. Французский синдикат добился концессии на постройку железной дороги от Сеула до Ычжу (на север), а немецкая фирма — концессию на разработку золота. Русские промышленники получили право на разработку железных руд в Хамчйондо и лесов по рекам Амнок (Ялу) и Туман, на проведение телеграфных линий в северной Корее и др. Но больше всего концессий было захвачено японцами. Им принадлежали телеграфные линии в южной Корее, концессии на важнейшие железнодорожные линии Сеул — Пусан, Сеул — Чемульпо (перекупленная у американцев), на золотые разработки, на железные рудники, на рыбную ловлю по всему побережью. Японцы занимали господствующие позиции в области судоходства и торговли.

К концу XIX в. правительство все еще феодальной Кореи (с 1897 г. она стала называться империей Дэхан) превратилось в настоящее предприятие по распродаже естественных богатств страны. Шло постоянное соперничество дворянских кланов, каждая из которых представляла интересы определенных иностранных политических кругов. Основными из них были: прояпонская (Пак Ён Хё, Ким Га Чжин, Ю Гиль Чжун и др.), проамериканская (Со Цзэ Пхиль, Юн Чи Хо, Ли Сан Цзэ и др.). Борьба между ними, как в фокусе, отражала позиции соперничающих в Корее колониальных сил. После бегства короля и последовавшего переворота престиж

и приоритетные позиции японцев оказались значительно поколебленными. Но чтобы противодействовать усилившемуся российскому влиянию, американцы и англичане стали еще больше поддерживать японскую агрессию в Корее. Несколько позже (1902 г.) американский президент Т. Рузвельт таким образом оценил ситуацию: «Япония должна завладеть Кореей, чтобы составить противовес русскому распространению в Маньчжурии».

Между тем Российская империя, установившая свое преобладающее положение в Маньчжурии (концессии КВЖД и аренда Порт-Артура), пошла на некоторые уступки Японии в Корее, отозвав, в частности, своих финансовых советников и военных инструкторов. В апреле 1898 г. было заключено новое русско-японское соглашение, по которому признавалось преобладание экономических интересов Японии. Вплоть до начала русско-японской войны власть в стране продолжала оставаться в руках русофильской партии, но это объяснялось скорее общей ненавистью корейцев к японцам. Но в целом на грани XIX и XX столетий отсталая феодальная Корея уже ни при каких условиях была не в состоянии отстоять свою независимость, что и доказали события последующих лет.

Китай под властью династии Мин

К началу XVI в. Китай представлял собой централизованное государство с монархической формой правления, преобладанием докапиталистических отношений в экономике и довольно разветвленной социальной структурой, в общих чертах сформировавшейся еще в древности и в раннем средневековье.

В области внешней политики Китай ориентировался на захват земель соседних государств, прежде всего в Центральной Азии. Каких-либо постоянных контактов и связей с европейскими державами и с Россией пока не было установлено.

Государственное устройство Минской империи (китайская династия Мин пришла к власти в стране после свержения во второй половине XIV в. монгольской династии Юань) представляло из себя типичную восточную деспотию. Никаких институтов сословно-представительной монархии в стране не существовало, поэтому шла постоянная борьба различных группировок при императорском дворе прежде всего за влияние на правителя, за которым оставалось право решающего голоса при принятии любых сколько-нибудь значительных решений, хотя сам он непосредственно не вникал в государственные дела, полагаясь на компетентность своих чиновников.

Значительное место в тот период в Китае занимал институт евнухов, которыми могли быть только этнические китайцы. Он формировался за счет детей бедняков, родители которых были не в силах их прокормить и поэтому продавали императорскому двору. Услугами евнухов могли пользоваться лишь члены императорской семьи. У самого императора в отдельные годы насчитывалось до трех тысяч евнухов, у кня-

зей — до тридцати, а у детей императора — до двадцати человек. В период правления Минов при дворе находилось не менее 10 тысяч евнухов (а их общее число, по некоторым данным, достигало 100 тысяч), а один из них, при последнем минском императоре, фактически от его имени управлял государством. Некоторые евнухи занимали большие должности в провинциях, являясь там губернаторами, военачальниками, руководителями городских администраций и т.д. Но не все они имели такой статус. Большинство из евнухов вело более чем скромный образ жизни, постоянно подвергаясь унижениям и оскорблениям со стороны своих хозяев. Главными соперниками евнухов в борьбе за влияние на императора выступали **члены Дворцового секретариата**, отдельные представители которого иногда оттесняли их от реальных рычагов управления государством.

В роли своеобразной оппозиции в то время выступали **чиновники из специальной палаты инспекторов**, пользовавшихся поддержкой крупных китайских ученых, объединенных в организацию **Ханьминь** (некое подобие Академии наук). В своих докладах императору они зачастую обличали царивший в стране произвол должностных лиц различного уровня как в столице, так и на местах, выступали за модернизацию экономики, военную реформу и т.д. Очень часто за такого рода мысли они подвергались преследованиям, пользуясь при этом сочувствием и поддержкой части городского населения.

В экономике Китая преобладающим оставался аграрный сектор, достигший к началу XVI в. довольно значительного уровня развития. Крестьяне собирали высокие урожаи риса — основного продукта питания китайцев, хотя орудия труда оставались довольно примитивными. Некоторые крестьяне научились конструировать специальные водоподъемные машины, использовали для повышения урожайности удобрения, применяли новые технологии выращивания риса, например, гнездовой способ его посадки, яровизацию семян и т.д. Кроме рисоводства, китайские крестьяне достигли больших успехов в выращивании хлопка, позволявшего удовлетворять потребности населения в различных тканях.

В Китае в то время существовало два основных вида земельной собственности — **государственная и частная** (которую скорее можно было назвать условно-частной, так как формально она также находилась в верховной собственности

императора). Причем доля последней на протяжении всего XVI в. уменьшалась. Земли крестьян постепенно переходили в руки крупных землевладельцев, ростовщиков, а также чиновников. Значительная часть земель становилась непосредственной собственностью императорского двора.

В минском Китае сложилась своеобразная система налогов и повинностей, основанная как на натуральных, так и на денежных сборах, производившаяся дважды в год. На государственных землях налоги были выше, чем на условно-частных. Стремление государства увеличить налоги зачастую приводило к острым противоречиям между налогоплательщиками и чиновниками, ответственными за их сбор. Налоги исчислялись в рисе, взимание налогов в серебре укоренилось лишь в конце XVI в. Наряду с серебряными слитками, измерявшимися в лянках, с начала XVI в. в оборот были введены медные монеты вэни, имевшие отверстия в середине и различный номинал.

Что касается городов, то число их жителей было во много раз меньше, чем в сельской местности. Основными занятиями горожан являлись ремесло и торговля. При производстве тканей городскими ремесленниками использовались достаточно совершенные для того времени станки, в том числе и с водяным приводом. При строительстве зданий применялись приспособления, подобные подъемному крану. Сохранившиеся постройки того времени и сегодня приводят в восхищение своим совершенством и красотой. Технических успехов достигли и китайские корабельщики, умевшие строить крупные и прочные суда.

В сфере торговли существовало большое количество купеческих компаний, связывавших страну в единое экономическое пространство. В Китае в начале XVI в. действовало более 30 крупных ярмарок, работало несколько торговых портов, из которых самым известным был в Нанкине. Китайские мануфактурные изделия, а также золото и серебро, продавались в другие страны, а в Китай, в свою очередь, поставлялись пряности, слоновая кость, лекарства и ряд других товаров.

Китай в эпоху Великих географических открытий стал объектом колониальных устремлений европейских держав. «Первооткрывателями» стали португальцы, которые уже в 1516 г. прислали сюда свои корабли. Посланнику португальского короля удалось даже проникнуть во внутренние районы Китая, однако после ряда стычек португальских судов с китайскими, его и сопровождавших лиц выдворили за пределы страны.

В 1531 г. произошло морское сражение между китайскими и португальскими судами, завершившееся поражением последних. Китай после этого закрыл свои порты для иностранных кораблей. Тем не менее Португалии удалось основать на китайской территории свою колонию Макао (Аомэнь), а ее католическим миссионерам-иезуитам была предоставлена возможность проповедовать в Китае.

В середине XVI в. на китайскую территорию вторглись войска соседней Японии, которых удалось победить лишь в результате длительной кровопролитной борьбы к 1597 г.

Китай в первой половине XVII в.

В конце XVI — начале XVII вв. в одном из важных торговых и культурных центров южного Китая г. Уси, на базе академии Дунлинь сложилась организация, члены которой требовали дальнейших реформ всех сторон жизни минского Китая. Их программа во многом напоминала требования реформаторов XVI в. и была составлена чиновниками, высланными сюда из Пекина за оппозиционные правительству взгляды. Во главе организации стоял сановник Гу Сянчэн, опиравшийся в своей деятельности на поддержку богатых жителей Уси и некоторых шэньши. Значительное место в их требованиях занимали вопросы реформирования государственного аппарата, усиление роли императора в непосредственном управлении страной, а также экономические преобразования — передача в руки частных владельцев государственных мануфактур и мастерских для повышения их производительности и качества выпускаемых товаров, прекращение политики захвата крестьянских земель крупными собственниками, упорядочение системы налогообложения и т. д.

В период 1620—1624 гг. реформаторам удалось прийти к власти в Пекине и попытаться осуществить на практике свои программные требования. Однако прежняя дворцовая элита сумела консолидировать вокруг себя противников реформ и устранить от власти своих конкурентов, многие из которых затем были подвергнуты репрессиям. Продолжилась практика расхищения средств из государственной казны, захват крестьянских земель, увеличение налогов и личных повинностей. Положение усугублялось еще и систематически происходившими стихийными бедствиями и все более ухудшавшимся

международным положением Китая. Однако особенно опасными и для минских властей стали крестьянские восстания, постепенно переросшие в крупномасштабную войну против правящего режима.

В первой половине XVII в. продолжилась европейская экспансия в Китае. Так, Испания, после захвата Филиппин, уничтожила на о. Лусон более 20 тысяч китайских подданных, занимавшихся там торговлей. Подобная акция повторилась еще раз в 1639 г. В 20 гг. XVII в. у берегов Китая появились голландские корабли, напавшие на о-ва Пэнхуледао и захватившие часть о. Тайвань (Формоза). Однако укрепиться на материковом Китае им так и не удалось. Параллельно голландцам экспансионистские устремления проявляла в этом районе и Великобритания. Англичане проникли в район Гуанчжоу и добились от китайского правительства права вести здесь свою транзитную торговлю. Из Китая европейцы в первую очередь стали вывозить шелк и фарфор, а ввозить табак и огнестрельное оружие.

Иностранцам китайские власти по-прежнему запрещали въезд в страну. Исключение составляли лишь католические миссионеры португальского, немецкого и итальянского происхождения. Их роль в тот период трудно оценить однозначно. С одной стороны, они создавали идеологическую почву для дальнейшего колониального закабаления Китая, а с другой, знакомили население с достижениями западной цивилизации, помогали внедрять их в повседневную жизнь.

В начале XVII в. наблюдаются первые официальные межгосударственные контакты Китая и России. В 1618 г. первое русское посольство достигло Пекина, доставившее затем в Россию грамоту китайского императора, в которой выражалось желание установить двусторонние дипломатические и торговые отношения. Однако вплоть до маньчжурского завоевания Китая полноценные связи между нашими двумя странами так и не были установлены.

Крестьянская война 20–40-х гг. XVII в.

Повстанческие выступления крестьян против правящего в Китае режима начались в 1622 г. в провинции Шаньдун под руководством тайного общества «Белый лотос» и вскоре распространились на достаточно большую территорию.

Правительственным войскам, направленным сюда для подавления восстания, вначале удалось одержать над восставшими несколько побед, но вскоре они вновь активизировали свои действия теперь уже в провинции Шэньси и Ганьсу. Там возникли партизанские отряды, состоявшие из крестьян, беглых солдат минской армии и городской бедноты. Повстанцы с особой жестокостью расправлялись с помещиками и ростовщиками, в которых видели главную причину всех своих бед. Из среды восставших выдвинулись талантливые руководители Ли Цычэн и Чжан Сяньчжун. Правительственные войска были уже не в силах справиться с ними и власти пошли на некоторые уступки, в надежде выиграть время для перегруппировки сил. Повстанцы, понимая это, тоже проводили передислокацию своих отрядов и к лету 1631 г. сумели объединить под общим руководством 36 партизанских отрядов. Весной 1632 г. они форсировали р. Хуанхэ и начали готовиться к походу на столицу.

Местное население охотно помогало восставшим, и их ряды быстро пополнялись за счет новых сторонников. Остановить повстанцев удалось лишь на подступах к Пекину, где правительственные войска смогли нанести им поражение и отбросить к р. Хуанхэ, откуда они ушли на юг Китая. Затем крестьянские отряды стали действовать на территориях провинций Хэнань, Хубэй и Сычуань, где также встретили поддержку местного населения. Однако затем повстанцы вновь разделились на отдельные отряды и воевали самостоятельно. Только в 1635 г., по инициативе Ли Цычэна командиры нескольких отрядов вновь объединили свои усилия и приняли решение о плане общего наступления и захвате г. Гуйдэ. Однако, захватив этот город, восставшие вновь разделились — одни из них двинулись в провинцию Хунань, а другие — в провинцию Шэньси, где в свое время это движение и зародилось. Один из руководителей восстания — Чжан Сяньчжун — направил своих сторонников в провинцию Цзянси.

Для правительства сложилась очень неблагоприятная обстановка, так как восстание уже охватило большую часть Китая. Стремясь вновь перехватить инициативу, оно сняло часть войск с маньчжурского направления, где в это время продолжались вооруженные столкновения, и объявило в 1636 г. амнистию участникам восстания в случае их добровольного возвращения к местам постоянного проживания и

прекращения вооруженной борьбы. Вождям восставших было обещано полное прощение и зачисление в императорскую армию на офицерские должности. Специальным императорским эдиктом объявлялось о снижении налогов с населения.

Проведенные акции вскоре привели к первым положительным для правительства результатам. Многие крестьяне возвратились домой и приступили к мирному труду. Оставшиеся начали терпеть повсеместно поражения. Некоторые из лидеров восставших, в том числе и Чжан Сяньчжун, перешли на сторону Минов, другие, как, например, Ли Цзычэн, отряд которого в 1638 г. был разгромлен, ушли в труднодоступную горную местность на границе провинций Хэнань и Шэньси.

Казалось, что крестьянская война окончательно завершилась поражением восставших, однако это была лишь иллюзия. Уже в 1639 г. восстания крестьян вновь охватили многие районы Китая, и к ним даже стали присоединяться некоторые представители господствующих слоев, недовольные Минами. Вновь во главе движения встали Чжан Сяньчжун и Ли Цзычэн. Были предприняты походы в провинции Хэнань и Шэньси, в ходе которых повстанцы сумели создать достаточно боеспособную армию. Ли Цзычэн укрепился в столице Шэньси г. Сиань, а Чжан Сяньчжун — в г. Чэнду, являвшимся центром провинции Сычуань.

В начале 1644 г. Ли Цзычэн принял решение о походе на Пекин. Двумя колоннами его войска двинулись из Сиани, пользуясь поддержкой самых широких слоев населения. В апреле того же года, фактически не встретив никакого сопротивления, повстанцы вошли в столицу. Император Чунь Чжэнь, не в силах выдержать такого позора, покончил жизнь самоубийством, повесившись в беседке парка близ своей резиденции, предварительно собственноручно лишив жизни дочь и нескольких наложниц. Вместе с ним, в знак преданности, покончили жизнь самоубийством около 80 тысяч человек.

Взяв власть в свои руки, сторонники Ли Цзычэна обратились с воззванием к народу, призывали к спокойствию и продолжению нормальной жизни. Были казнены несколько военачальников, сражавшихся против повстанцев, а также и некоторые высшие чиновники, особенно ненавистные народу. На состоятельных людей были наложены большие денежные выплаты. Лишь опальные чиновники, подвергавшиеся

при Минах гонениям, были возвращены на государственную службу с предписанием «управлять справедливо и не притеснять народ».

Ли Цзычэн был провозглашен новым императором, а его ближайшее окружение получило высшие должности в государстве. Китаем стал управлять специально созданный совет повстанческих вождей, в котором, помимо нового императора, ведущую роль играли бывший кузнец Лю Цзуминь и поэт Ли Синь, выходец из состоятельной китайской семьи.

Новый государственный аппарат строился по традиционным для Китая образцам восточной деспотии и опирался в своей деятельности на реорганизованную армию, в которую проводилась мобилизация и где царил строгая дисциплина. Земля в районах, контролировавшихся восставшими, переходила в руки крестьян, с них снимались многие налоги и подати. Все это на первых порах вызывало большой энтузиазм среди крестьян и городских ремесленников.

Однако минское правительственное войско, которым командовал У Саньгуй, находившееся в период падения Пекина на маньчжурском фронте, не признало новую власть. Выбирая между повстанцами и прежней китайской элитой, требовавшей от него обратиться за помощью к маньчжурам как к «меньшему из зол», он принял решение признать себя маньчжурским вассалом и открыл ворота в Великой китайской стене для их доступа на территорию Китая. Маньчжуры не сразу поверили в серьезность намерений китайского военачальника. Восемь раз он обращался к ним за помощью, посылая в распоряжение противника своих послов, затем он поехал в ставку маньчжуров лично, признал себя их вассалом и в знак покорности обрил у себя полголовы. Лишь после этого объединенные войска маньчжур и У Саньгуя без труда преодолели сопротивление войск Ли Цзычэна и в июне 1644 г. Пекин перешел под их контроль.

Маньчжурия до 1644 г.

В начале XVI в. на территории, ныне составляющей Северо-Восточный Китай, проживали племена маньчжуров, являвшихся потомками чжурчженей, еще в начале XII в. создавших свою государственность в виде Империи Цзинь, павшей вскоре под ударами монгольских войск. Именно вхождение этой

территории, почти на столетие, в орбиту китайской цивилизации позволило маньчжурам частично усвоить элементы чуждой для них ранее культуры.

Их основным занятием являлось кочевое скотоводство и набеги на соседние, в цивилизационном плане более развитые территории минского Китая, от которых их отделяла Великая китайская стена. Однако в конечном итоге они, как и многие другие соседние народы, вынуждены были признать вассальную зависимость от китайского императора.

В конце XVI в. к югу от Амура и западнее Уссури возник племенной союз во главе с талантливым военачальником и политическим деятелем **Нурхацци (1559–1626)**, которому вначале не все маньчжурские племена захотели подчиниться. Главной задачей маньчжур стала подготовка к завоеванию земель, лежавших к югу от их владений, для чего им было необходимо создать сильное и хорошо подготовленное войско. Для увеличения его численности использовались мужчины из захваченных и разоренных районов Приморья.

Военная организация маньчжуров сложилась в 1601 г. и в своей основе имела традицию сезонной охоты, в которой принимали участие взрослые мужчины какого-либо из родов. Нурхацци разделил своих воинов на четыре отряда (знамени), во главе которых были поставлены командиры-эчжэни. В свою очередь, каждое знамя делилось на более мелкие подразделения — нюро, которых было тридцать. В каждом нюро состояло 300 воинов (позднее их численность уменьшилась до 200, а после завоевания Китая — до 100). Затем, когда военная организация стала расширяться, знамен стало восемь. Таким образом возникло знаменитое «восьмизнаменное» войско, которому суждено было сыграть заметную роль в последующих событиях.

С 1609 г. маньчжуры перестали платить дань минскому императору. Итогом этих процессов стало образование в 1616 г., на съезде 16 маньчжурских племен, **государства Хоу-Цзинь (Поздняя Империя Цзинь)**. Тем самым была подчеркнута преемственность с прежним государством Цзинь. Подданных нового государства стали называть маньчжурами.

Нурхацци вскоре начал вооруженную борьбу против династии Мин, сумев отвоевать у нее в 1618 г. контроль над Ляодунским полуостровом и некоторыми прилегающими к нему территориями. После этого на сторону маньчжур перешли

часть китайских и монгольских войск, которые также были разделены на восемь знамен. Каждое знамя делилось на внутреннюю и внешнюю части. Внешнюю составляли непосредственно воины, а внутреннюю — лично зависимые люди, следовавшие за знаменем во время походов и выполнявшие различные повинности. С целью пополнения восьмизнаменных войск, каждые три года в маньчжурских землях проводилась перепись мужского населения, уклонявшиеся от которой строго наказывались.

Параллельно, стремясь укрепить тылы, Нурхаци начал поход против Южной Монголии. Первое крупное сражение произошло в 1619 г. и закончилось поражением монголов. Однако, понимая, что всю Монголию ему сразу не завоевать, маньчжурский правитель решил провести ее подчинение путем раздробления и завоевания по частям, постепенно.

В 1626 г. Нурхаци умер и на престол взшел его сын Абахай, продолживший дело отца. Вначале было подчинено Хорчинское (Цицикарское) княжество, затем в 1635 г. Чахарское во главе со всемонгольским Лигден-ханом. Маньчжуры насильственным путем угоняли с завоеванных территорий работоспособное население и включали его в свое восьмизнаменное войско. Поражение Лигден-хана позволило Абахая в 1636 г. добиться провозглашения себя всемонгольским ханом. В том же году он переименовал свое государство в Цин (т.е. «Чистое»).

Южная Монголия стала «внешним» вассалом хана Абахая. На ее территории были запрещены свобода передвижения населения, торговля с Китаем, другими монгольскими землями, остававшимися самостоятельными, строго регламентировалась покупка оружия, запрещались браки между южными монголами, халхасцами и ойратами, устанавливался контроль за ламаистским духовенством.

Неоднократно, начиная с 1618 г., маньчжуры вторгались на территорию Кореи. В конце 1636 г. их армия, насчитывавшая до 140 тысяч человек, захватила и разграбила Сеул и вскоре правитель Кореи признал себя их вассалом, отправив в заложники к маньчжурам наследника престола. Однако добиться участия корейских войск в войне против Китая им так и не удалось. Пришлось ограничиться получением большой дани.

В 1643 г. Абахай скончался и богдыханом стал его малолетний сын Шуньчжи. Это событие стало прологом к новому

этапу в истории Маньчжурии — превращению сравнительно небольшого по территории и численности населения государства в самую привилегированную часть китайской империи, а его правителя — в первого императора-маньчжура на китайском престоле. Это произошло после того, как войска У Саньгуя в 1644 г. продолжили преследование сторонников Ли Цзычэна, а маньчжуры остались в Пекине. Наиболее влиятельный из маньчжурских князей, Дургань (Доргонь, Жуй ван), стал инициатором провозглашения Шуньчжи китайским императором, став при нем регентом. С этого момента и вплоть до 1911 г. в Китае установилась власть иноземной маньчжурской династии Цин.

Общественная мысль и культура Китая в XVI — середине XVII вв.

В Китае в период правления монгольской династии Юань (XIII в.) сложилась синкретическая религия, впитавшая в себя различные философско-этические и религиозные учения, прежде всего буддизм, конфуцианство и даосизм. Особое место продолжало занимать конфуцианство, которое и при Минах являлось для многих китайских мыслителей идейной основой для собственных философских поисков.

Одним из наиболее ярких мыслителей минской эпохи являлся Ван Янмин (1472–1529). Не отказываясь от конфуцианства как основы мировоззрения китайцев, он по-новому стал его трактовать, в соответствии с изменившимися историческими реалиями. Центральным в мировоззрении Ван Янмина являлось учение о лянчжи (врожденном знании), которым, по его мнению, обладает любой человек вне зависимости от социального происхождения, и он может достичь состояния мудрости. Таким образом, мудрость это не удел избранных, а общее достояние.

Продолжателем идей Ван Янмина стал философ Ли Чжи (1527–1602), также выступавший против конфуцианских догматиков, в том числе позволяя себе критику отдельных мест из сочинений самого Конфуция, а также работ, приписываемых Лао Цзы и Будде Гаутаме. Он был сторонником идеи относительности истины, ее развития, поэтому любые авторитеты для него не были высшей инстанцией в познании окружающего мира.

Такого рода идеи не могли не вызывать негативной реакции у догматиков-конфуцианцев, которые от идейной борьбы переходили к прямому моральному и физическому террору в отношении его родственников. В конце концов, не выдержав издевательств, Ли Чжи покончил жизнь самоубийством.

Еще одной яркой фигурой общественной мысли Китая минского периода являлся **Линь Чжаоэнь** (1517–1598), ставший последовательным пропагандистом идеи синкретизма. Он вложил новый смысл в понятия «*дао*» (путь), «*сюань*» (мистика) и «*кун*» (пустота), доказывая, что все они вместе составляют единое целое и должны лечь в основу единой идеологии китайского государства.

Если говорить о влиянии китайских мыслителей и политических теорий на минские власти, то следует отметить, что монархическая власть старалась находиться над идейными спорами буддистов, конфуцианцев и даосистов, сама решая, какому из названных учений на том или ином историческом этапе отдавать предпочтение. Для высшей элиты религия или какое-либо другое философское учение всегда были в первую очередь инструментами власти, одним из способов теоретического обоснования существующих порядков. Однако это не значило, что у конкретных императоров не было своих субъективных пристрастий. Так, например, в 1565 г. император Ши-Цзун приказал построить в пределах своей резиденции даосский храм, в котором совершались официальные жертвоприношения. Естественно, что в тот момент сторонники даосского учения пользовались при дворе большим влиянием, чем представители других учений.

В минский период китайская культура переживала пору своего расцвета. Впитав в себя лучшие достижения предшествовавших эпох, она смогла подняться на новый уровень развития.

Большого расцвета достигла литература. Писатель **У Чэньэнь** (1500–1582) на основе древних легенд сочинил роман «Путешествие на Запад», в котором описывается паломничество в Индию за священными буддистскими книгами монаха Сюань-цзана в сопровождении фантастических животных, главным из которых являлась золотая обезьяна Сунь Укун. Этот роман пользовался большим успехом у многих поколений читателей.

В начале XVII в. был составлен сборник повестей «Удивительные истории нашего времени и древности», сюжеты которого были навеяны народным эпосом и большим количеством афоризмов и поговорок, ставших затем крылатыми.

Культурная китайская традиция различала «высокие» и «низкие» виды искусства. К первому виду относилась ритуальная музыка и танцы как часть государственного церемониала. Музыка считалась средством воспитания человека в духе традиций. Из ритуальной музыки и танцев вырос и традиционный китайский театр. Однако затем, когда он стал самостоятельным видом искусства, театр обрел уже собственное звучание.

Формирование светского театрального искусства привело к его ориентации, как на высшие, так и на низшие слои общества того времени. Источником театральных сюжетов являлись литературная проза и поэзия. Таким образом, театр занял промежуточное место между «высшими» и «низшими» видами искусства.

В XVI–XVII вв. наиболее известным жанром театрального искусства становится кунцзюй, постепенно превратившись в общенациональный театр. Именно из него в конце XVIII в. выросла знаменитая на весь мир пекинская опера.

В начале нового времени в Китае активно развивались «простонародные» жанры литературы, прежде всего драматические пьесы. Наиболее известным драматургом того периода являлся Тан Сянцзу (1550–1616), разделявший взгляды Ван Янмина и сформировавший т.н. «тайчжоусскую школу». Ее яркими представителями являлись Хэ Синьинь, Ло Жифан, Хуан Цзунси и др. Театральные деятели, связанные с этим направлением, пошли в своем творчестве дальше традиционалистских методов в драматическом искусстве, театр для них в значительной степени оставался народным искусством. В творчестве Тан Цзянсу, в частности, отразились социальные идеалы эпохи, те процессы, которые способствовали появлению нового типа личности, отрицательно относившейся к существовавшим общественным порядкам. Некоторые театральные постановки того времени напрямую их высмеивали.

В Минский период окончательно складывается архитектура китайских городов, сохранившаяся до конца XIX в. После возвращения в 1421 г. столицы в Пекин, там производится реконструкция. Старая, северная его часть («Внутренний го-

род») была отделена стеной от южной, строительство которой было завершено к 1564 г., и названа «Внешний город». В центре «Внутреннего города» был построен «Императорский город», а внутри него — «Запретный город», главным зданием в котором стал «Тайхэдянь» («Павильон высшей гармонии»), использовавшийся для проведения главных государственных церемоний.

Во «Внешнем городе», в свою очередь, к 1530 г. завершилось строительство «Храма Неба» — комплекса, состоявшего из нескольких великолепных сооружений, посвященных Небу как главному божеству китайцев и молению об урожае.

В окрестностях Пекина в течение XV — начала XVII вв. был построен мемориал императорских погребений, включавший, помимо могил, храмы, башни, подземные сокровищницы и т. д.

Сохранились традиции старых мастеров живописи. При Минах возродилась Академия живописи, объединявшая в своих рядах сторонников прежних художественных школ. Жанровая живопись очень часто выполнялась в форме иллюстраций к тем или иным литературным произведениям. Расцвет переживало искусство пейзажа. Наиболее известными пейзажистами того времени были Дай Цзинь, Ван Чжао и Линь Лян.

Больших успехов китайские мастера достигли в изготовлении изделий из фарфора, тканей, лаковых миниатюр, пользовавшихся большим спросом не только в Китае, но и у ценителей в странах Западной Европы.

Маньчжурское завоевание Китая

После захвата Пекина 6 июня 1644 г. и объявления города новой столицей государства Цин вместо Мукдена, Дургань отправил одну часть своих войск на помощь У Саньгую, а другую — на захват провинции Шаньдун. 30 октября Шуньчжи повторно был провозглашен императором государства Цин.

Около года крестьянские отряды сопротивлялись маньчжурам в районах Сиани и Тунгуаня, но все же вынуждены были уйти на юг, переправившись через р. Янцзы. В провинции Хубэй был убит Ли Цзычэн и многие его соратники. Крестьянская война закончилась поражением восставших.

Во время захвата Пекина некоторые из уцелевших членов минской императорской семьи приветствовали маньчжур,

а другие, надеясь еще вернуть утерянное влияние, отправились в долину Янцзы, где в старой столице, Нанкине, при поддержке местной элиты, один из ее представителей, Фу ван (Чжу Юсуи), был провозглашен новым китайским императором. Таким образом, эта часть Минов пыталась оказать сопротивление маньчжурам, объединив вокруг фигуры нового императора патриотически настроенные силы. Однако этот шаг не был поддержан всеми представителями минской династии, оказавшимися в Нанкине, и они выдвинули альтернативную кандидатуру на императорский престол. В результате антиманьчжурские силы погрязли во внутренних дрязгах и единый фронт отпора чужеземцам создать так и не удалось.

Маньчжуры вначале захватили Янчжоу, уничтожив при его штурме до 800 тысяч человек, а затем двинулись к Нанкину. Провозглашенный там император вместе со свитой бежал (позднее он был захвачен в плен, отправлен в Пекин и там умерщвлен), а часть местной элиты решила перейти в подчинение Цинам.

Второй очаг сопротивления маньчжурам сложился в районах южного Китая, которые не были охвачены крестьянскими волнениями и в экономическом отношении относительно развитые и благополучные. Здесь под руководством военачальника Ши Кэфа, племянника Ли Цзычэна Ли Го, а также Ли Динго, сформировались вооруженные отряды крестьян и горожан, воевавших против установления маньчжурского господства. К ним в отдельных местах, как, например, в юго-восточных приморских провинциях, присоединялись некоторые китайские помещики и богатые купцы. В 1645 г., захватив крепость Гуйдэ (провинция Хэнань), маньчжуры сумели соединить две своих армии воедино и бросить их к р. Хуай. К этому времени под их контролем уже находилось около половины территории империи Мин.

На завоеванных территориях маньчжуры занимались переделом земельной собственности, разделяя их на императорские, княжеские, «восьмизнаменные» и просто государственные поместья. Они обрабатывались лично зависимыми крестьянами и рабами, которые принадлежали не только знати, но и простым маньчжурским солдатам. Мужское китайское население в знак покорности заставляли обривать половину головы и из оставшихся волос заплетать длинную косичку. В Северном Китае, стремясь завоевать симпатии

населения, маньчжуры отменили дополнительные налоги, введенные Минами в последний период своего правления.

В течение 1648–1652 гг. на уже покоренных маньчжурами территориях вспыхнуло несколько восстаний, самые крупные из которых проходили в Наньчане, Чжэцзяни, Фучзяни, Хунани, Сычуэни и ряде других мест. На Севере Китая волнения охватили провинции Ганьсу, Шэньси и Шаньси и были поддержаны некоторыми монгольскими ханами.

Порой восставшим удавалось отвоевывать у маньчжур достаточно крупные города. Так, ими был взят г. Цзянлин, расположенный южнее Янцзы, в ходе восьмидневной обороны которого маньчжуры уничтожили до 75 тысяч человек и около 100 тысяч, не желая сдаваться, покончили там жизнь самоубийством. Был сожжен дотла город Ганьчжоу и там погибло до 100 тысяч человек. В 1646 г. упорно сопротивлялись жители Сычуани и лишь в начале 1647 г. маньчжурам удалось их усмирить.

Понимая, что без поддержки китайской элиты ситуацию под контролем не удержать, маньчжуры пошли им на некоторые уступки, привлекли на свою сторону монгольские конные отряды, перевооружили с помощью европейцев свои войска и продолжили покорение Китая. Захватив долину р. Янцзы, маньчжуры двинулись на захват Южного Китая.

В конце 1673 г., недовольный Цинами У Саньгуй, ставший при них князем, поднял восстание на подконтрольных землях, отказавшись подчиняться центральным властям в Пекине и заявив о восстановлении там минских традиций. Он призвал китайцев подняться на борьбу с маньчжурами под его руководством. Однако репутация предателя, прочно закрепившаяся за ним в общественном сознании, не позволила У Саньгую стать консолидирующей фигурой в освободительном антиманьчжурском движении. Тогда он принимает решение создать собственное государство на территории Юго-Западного Китая. В этом начинании его поддержали еще два княжества, поэтому начавшаяся война в историографии еще называется «войной трех князей-данников». На первых порах им сопутствовал успех и под контролем нового образования оказалось 6 из 15 китайских провинций. В марте 1678 г. У Саньгуй был провозглашен императором под именем Чжоу Ди, но вскоре скончался. Ему наследовал внук — У Шифань, оказавшийся менее удачливым в противостоянии с маньчжурами, чем его

дед. В 1681 г. Цины сумели ликвидировать империю Чжоу. Таким образом, единственной китайской территорией, находившейся вне их контроля, оставалось государство Чжэнюв на Тайване, которое было захвачено лишь в 1683 г.

Государственный строй Китая в середине XVII в.

Придя к власти, маньчжуры в общих чертах сохранили прежние принципы государственного устройства Китая, сложившиеся ранее. Изменения коснулись, в основном, социальной структуры общества. Сословная система теперь состояла из пяти основных групп — трех господствующих и двух угнетаемых, подчиненных.

Император, формально обладая неограниченными полномочиями, сам непосредственно страной не управлял. Высшим органом, решавшим наиболее важные дела, был Верховный императорский совет, куда входили родственники императора и высшие сановники. За ним следовали исполнительные структуры — Императорский секретариат, ведомства иностранных дел, налогов, церемоний, военных дел, уголовное, общественных работ, цензоров и т.д. Евнухи, пользовавшиеся огромной властью при прежней династии, до конца XIX в. практически отошли на вторые роли и не могли уже влиять на процесс принятия государственных решений.

Маньчжуры стали на территории Китая господствующей народностью, из состава которой формировалась высшая элита как гражданская, так и военная. Маньчжуры считали для себя унизительным заниматься производительным трудом и торговлей. Поэтому главной сферой их деятельности стала государственная и военная служба. По достижении совершеннолетия сыновья военнослужащих-маньчжур, получали государственное жалование. За одно и то же преступление маньчжурам и китайцам устанавливались различные виды наказания. Поскольку к 1644 г. маньчжур было всего 300 тысяч, а китайцев — 300 миллионов, то, опасаясь быстрой ассимиляции и поглощения, маньчжурам и китайцам было запрещено вступать в смешанные браки.

Китай был разделен на наместничества, внутри которых создавалась собственная финансовая система и вооруженные формирования. Это делалось, прежде всего, для раздробления и разделения населения.

Для укрепления своей власти в глазах исповедовавших конфуцианство, маньчжуры, до этого в своем большинстве исповедовавшие шаманизм, сохранили в качестве официальной государственной идеологии это учение, а маньчжурский богдыхан стал выполнять те же ритуальные функции, что и его китайские предшественники. Одним из первых шагов в этом направлении стало присвоение Конфуцию титула «Кун Цзы, древний Учитель, великий и славный, совершеннейший мудрец». При вступлении нового императора на престол, он повелевал своим подданным делать жертвоприношения на фамильных усыпальницах и на могиле Конфуция, давал обязательство почитать своего предшественника и поклоняться его духу.

Более того, стремясь показать преемственность института монархической власти, маньчжурская династия поклонялась духу последнего минского императора Чунь Чжэня. Даже ствол дерева, на котором он повесился, был сохранен как священная реликвия. Маньчжуры приняли китайский язык, хотя формально маньчжурский весь период их правления оставался языком императоров. Девиз правления каждого из них обозначался специальными иероглифами. Именно чаще всего по девизу правления, а не по личному имени, входил тот или иной китайский император в историю.

В Цинский период правили императоры: Шуньчжи (Благоприятное правление), личное имя Фу-минь; Канси (Прцветающее и Лучезарное), личное имя Сюань-е; Юнчжэн (Гармоничное и Справедливое), личное имя Юань-чжэн; Цяньлун (Непоколебимое и Славное), личное имя Хун-ли; Цзяцин (Прекрасное и Радостное), личное имя Юн-янь; Даогуан (Целенаправленное и Блестящее), личное имя Мян-нин; Сяньфэн (Всеобщее изобилие), личное имя И Чжу; Тунчжи (Совместное правление), личное имя Цзай Чунь; Гуансюй (Блестящее наследие), личное имя Цзай Тянь и Сюаньтун (Всеобщее единение), личное имя Пу И.

Счет лет в китайском календаре велся от года восшествия на престол очередного императора и вплоть до окончания его правления. Престолонаследие шло только по мужской линии, наследник трона заранее не объявлялся, и он не обязательно должен был быть старшим сыном императора. Женщина имела лишь право быть регентшей при императоре, не достигшем совершеннолетия.

Император имел, кроме главной (старшей) жены, двух младших (второстепенных), а также большое количество наложниц (в отдельные годы их число доходило до двухсот восьмидесяти). Они составляли императорский гарем, за которым как и в минский период, продолжали следить евнухи. При маньчжурах, вплоть до второй половины XIX в. их влияние сильно ослабло и главной их функцией стало наблюдение за гаремом.

При представлении императору его подданных, те должны были совершать специальный церемониал «сай гуй цзю коу» — три раза стать перед ним на колени, каждый раз при этом трижды бить челом об пол. Все иностранные послы, прибывавшие в Пекин, считались там данниками. Для них также была разработана специальная, унижающая их достоинство процедура — по команде распорядителя церемониала при аудиенции с «сыном Неба», считавшимся повелителем не только Китая, но и всего остального мира, они должны были стать на колени и три раза исполнить земной поклон, и так в период аудиенции должно было проежходить трижды. Лишь во второй половине XIX в. эта церемония была заменена на более упрощенный — три низких поклона без коленопреклонения.

Князья императорского дома делились на прямых потомков основателя династии, носивших в качестве знака отличия желтый пояс и потомков боковых ветвей, имевших пояс красного цвета. К концу XIX в. их общее число доходило до шести тысяч. Другие родственники императора, в зависимости от степеней родства, делились на 12 категорий, а чиновники, не являвшиеся родственниками императора — на 9 и также имели особые внешние знаки отличия.

Вторым по важности социальным слоем в Цинском Китае являлись китайские аристократы, однако даже самые влиятельные из них не могли сравняться по юридическому статусу с маньчжурской знатью. Монопольное право занятия должностей чиновников имели ученые шэньши (*шэнь цзинь*). Они не подчинялись юрисдикции местных начальников, имели право откупа от телесных наказаний за совершенные правонарушения, частично освобождались от уплаты налогов. Их статус не являлся наследственным. Шэньши мог стать любой, кроме представителя сословия «низких». Привилегии шэньши распространялись на всех их родственников не только по прямой, но и по боковым линиям.

Помимо получения должности в государственном аппарате путем сдачи специальных экзаменов, ее можно было просто купить. Маньчжуры посчитали возможным сохранить эту систему, получившую название *кунцзюй*, как положительно зарекомендовавшую себя на протяжении длительного периода китайской истории, хотя на самом деле ее практическая значимость в выявлении талантливых администраторов была ничтожна.

Сословие «простолюдинов» (*лян минь*) объединяло основную массу жителей Китая. Оно состояло из земледельцев, ремесленников и торговцев. К земледельцам относились все не принадлежавшие к знати землевладельцы.

Внизу социальной лестницы находились «низшие», занимавшиеся «непрестижными» профессиями — актеры, странствующие музыканты, монахи, слуги и рабы. В имущественном отношении сюда входили люди с самым разным уровнем доходов — от богачей до неимущих бедняков.

Представители других этнических групп, проживавших на территории Китая в то время, фактически не имели никаких прав и были обязаны выполнять те повинности, которые на них налагали представители господствующих слоев.

Наиболее угнетаемыми являлись рабы, среди которых было много женщин. Они, в свою очередь, делились на государственных и частных. Рабство являлось вечным, лишь иногда, по Указу императора, они могли освобождаться. Дети рабов и рабынь также наследовали их статус.

Каждая низшая социальная группа также имела свои внешние отличия, как в одежде, так и в манере поведения.

Экономическое положение Китая во второй половине XVII в.

Приход к власти маньчжур не мог не привести к определенным изменениям в экономической сфере жизни китайского общества. Не имея реальной возможности взять все земельные угодья Китая в собственность, маньчжурская элита оставила большую их часть за китайскими владельцами. Себе маньчжуры отвели земли в столичной провинции Чжили, а также и в ряде других районов с компактным проживанием китайского населения. Территория собственно Маньчжурии (в границах до 1644 г.) стала своеобразной заповедной зоной,

доменом, где земли находились в собственности богдыхана, а этническим китайцам было запрещено там находиться.

В государственной собственности находились также лесные и необрабатываемые земли, а также территории, на которых находились учебные заведения и места отправления религиозных культов.

Основная часть земельного фонда находилась в условном частном владении, за пользование которым владельцы выплачивали налоги. Для удобства их сбора в стране вводился жесткий контроль над населением. В сельской местности крестьянские дома объединялись в десятки и сотни, выплачивая государству поземельный, подушный и другие виды налогов. Кроме того, за ними сохранялись и личные повинности. Исчислялись налоги в серебре, но выплачивались, в основном, в натуральной форме.

Государство осуществляло монополию на добычу соли, вводило дополнительные налоги на чай, крепкие спиртные напитки, на имущественные сделки и т.д. Большую часть собранного урожая крестьянин был вынужден отдавать собственнику земли и выполнять для него различные личные поручения.

Тем не менее для укрепления своей власти маньчжуры пошли на снижение и частичную отмену существовавших при Минах налогов, передали в пользование крестьянам часть государственных целинных земель. Все это привело к концу XVII в. к некоторой стабилизации экономики и социальных отношений в обществе, следствием которой стало увеличение численности населения, расширение пахотных земель, улучшение положения в ремесленном производстве.

Некоторые историки считают, что в результате некоторой стабилизации в Китае начинает зарождаться капиталистический уклад, хотя все эти положительные изменения носили достаточно поверхностный и противоречивый характер. Другие же исследователи отмечают, что китайское общество до начала XIX в. оставалось еще вполне традиционным и никаких подвижек в сторону капиталистического развития там еще не наблюдалось. Укрепив же свое положение в Китае, маньчжуры постепенно вернулись к прежней системе налогов и повинностей.

В этих условиях значительную роль стал играть ростовщический капитал, так как без его помощи многим крестьянам

почти невозможно было справиться с выплатой налогов и ведением личного хозяйства. Многие крестьяне, разорившись, уходили в города, где вели нищенское существование.

В Китае со времен Сунской династии существовала система круговой поруки *баоцзя*, которой связывались не только родственники, но и все жители той или иной местности. Каждая семья, входившая в пятидворку или десятидворку, должна была вести слежку за другими. Если члены баоцзя не сообщили вовремя властям о готовившемся преступлении, то они подвергались потом такому же наказанию, что и преступник. Видя для себя практическую пользу от таких порядков, маньчжуры в период своего правления их сохранили.

В городах, в свою очередь, также существовали серьезные проблемы для развития, связанные с введением на их территориях жесткого контроля над населением, ограничением предпринимательской инициативы купцов и ремесленников. Купцам запрещали строить большие корабли, вывозить свои товары за сухопутные границы Китая. Торговлю с другими странами имели право вести лишь специально созданные торговые компании, также находившиеся под жестким контролем цинского двора.

Внешняя политика Цинов в середине XVII — конце XVIII вв.

Внешнеполитическая деятельность Цинского двора отличалась двумя противоречивыми тенденциями. С одной стороны, ярко выраженным было желание «самоизолироваться», по примеру Японии, от остального мира, а с другой, — обожалось стремление к захвату территорий соседних государств.

Вначале в вассальную зависимость от цинского Китая попадает Корея, затем Западная и Северная Монголия и Вьетнам. Что касается связей с европейскими державами, то сначала Цины к ним относились достаточно позитивно, видя в иностранцах союзников в борьбе за установление своего полного контроля над Китаем. Это выразилось прежде всего в предоставлении католическим миссионерам права проводить свою пропаганду среди китайского населения, а европейским торговым судам заходить в порты для продажи там своих товаров и покупки продукции китайских производителей.

В 70-е гг. XVIII в. предпринимались попытки установить взаимовыгодные отношения с Китаем и со стороны России. Однако противоречия из-за влияния на Дальнем Востоке и в Центральной Азии в тот период не позволили это сделать. Затем между двумя странами начались военные столкновения, в результате которых цинские войска осадили г. Албазин на р. Амур и в 1689 г. был подписан русско-китайский договор, поучивший название **Нерчинский**. По этому договору между Россией и Китаем устанавливались торговые связи, но Россия вынуждена была уступить Китаю левобережную часть по р. Амур, а г. Албазин подлежал разрушению.

В 1727–1728 гг. было подписано еще два соглашения — **Буринский трактат** и **Кяхтинский договор**, вновь приведшие к территориальным уступкам со стороны России, дальнейшему расширению русско-китайских торговых связей и разрешению русской духовной миссии постоянно находиться в Пекине. Ее члены изучали там китайский язык, культурные традиции, одновременно выполняя и некоторые дипломатические функции.

Попытки западноевропейских государств открыть свои миссии в Китае в тот период так и не увенчались успехом. Более того, в середине XVIII в. китайские власти запретили иностранцам торговлю на своей территории, за исключением порта Кантон (Гуанчжоу).

Большим внешнеполитическим успехом цинского Китая стала военная победа над Джунгарией и Кашгарией, а также включение в состав Китая Тибета. В конце 60-х гг. XVIII в. свою вассальную зависимость от Китая признала и Бирма.

В конце XVIII в. наибольшую активность в Китае проявляла Великобритания, прежде всего, в лице своей Ост-Индской компании. В 1793 г. Китай посетило посольство, возглавлявшееся лордом Макартнеем. Его целями было установление между двумя странами дипломатических связей, стремление расширить английскую торговлю, ликвидация монополии на внешнеэкономические связи компании «Гунхан», а также разрешение свободы действий английских подданных на территории Китая. Однако император Цзянлун, находившийся в тот период на китайском престоле, отверг эти притязания, передав через английского посланника английскому монарху Георгу III свой ответ, заканчивающегося словами — «Трепещи, повинуйтесь и не высказывайте небрежения».

Кроме англичан, попытки проникнуть на территорию Китая предпринимали и американцы, корабли которых, начиная с 1784 г., неоднократно подплывали к его берегам.

Иностранцы тогда еще не вполне осознавали тот факт, что любые их попытки установить с Китаем отношения рассматривались его правителями как желание «варваров» быть «преобразованными» китайской цивилизацией, а также признание ими себя «фань» (вассалом) Срединной империи. Это уже, в принципе, исключало возможность установления равноправных отношений Китая с другими государствами. Тоже самое касалось и подношения подарков. Обычные в дипломатическом церемониале других стран подарки в том случае, если они подносились китайскому императору, рассматривались им не столько как знак вежливости, а как подношение дани вассалами. В свою очередь, император, в качестве ответного шага, также щедро одаривал своих подлинных или мнимых вассалов.

Китай в первой трети XIX в.

К началу XIX в. все отчетливее стали проявляться черты кризиса цинского Китая. Это проявлялось как во внутренней политике, так и в экономике. Падал авторитет центральной власти. Большая часть чиновничества погрязла в коррупции. Организация войск в масштабах отдельных провинций явно уступала в боевой выучке и вооружении армиям европейских стран.

Недовольство проводимой Цинами политики вылилось в начале XIX в. в ряд народных волнений, организованных тайными обществами, такими как «Белый лотос». Главным лозунгом недовольных стало восстановление у власти в стране китайской династии. Самым крупным стало восстание 1796–1804 гг., охватившее ряд районов провинций Ганьсу, Хубэй, Хунань, Сычуань и Шэньси. Во главе повстанцев стоял Лю Чжисе, призывавший конфисковывать имущество богачей и делить его между бедными людьми. В 1801 г. его удалось схватить, но еще в течение трех лет правительственные войска не могли сломить очаги сопротивления.

В 1813 г. восстание в провинции Хубэй подняла секта «Тяньминьцзяо» («Небесный разум»), глава которой Ли Цин сумел даже создать собственные органы управления. Ее члены

предприняли неудачную попытку овладеть зданием императорского дворца в Пекине. Затем волнения охватили провинции Хэнань, Шаньдун и Чжили. Тем не менее, хотя и с большим трудом, Цинам удалось ликвидировать и этот очаг недовольства своей политикой.

Глубокий кризис охватил и экономику. В стране продолжался процесс обезземеливания крестьян, собственность многих из них постепенно переходила в руки ростовщиков, купцов и помещиков. Значительная часть земельного фонда находилась в руках арендаторов, которым не хватало средств на жизнь из-за выплаты больших процентов собственникам земли и различных налогов. И крестьяне вновь были вынуждены обращаться за ссудами к ростовщикам, попадая в еще большую зависимость от них. Ситуация усугублялась частыми неурожаями, наводнениями и другими стихийными бедствиями.

В городах также в тяжелом материальном положении находились многие категории населения. Даже владельцы частных мануфактур не могли себя спокойно чувствовать, так как в большей степени зависели от крупных монопольных торговых компаний.

В начале XIX в. Цины продолжают проводить политику самоизоляции от остального мира. Однако такое положение уже не могло устраивать многие европейские державы, к этому времени находившиеся в стадии бурного экономического роста и нуждавшиеся в новых рынках сбыта своих товаров, в дешевых источниках сырья и рабочей силы.

Особую активность проявляли представители английской Ост-Индской компании, видевшие в Китае вторую Индию. Даже неудачный исход миссии лорда Макартнея их не мог остановить. До 1834 г. эта компания пользовалась правом монопольной торговли с Китаем. В 1802, а затем в 1808 и 1814 гг., Англия пыталась отобрать у португальцев Макао, но все эти шаги вызывали негативную реакцию китайских властей, которые в знак протеста на некоторое время даже прекращали торговые отношения с англичанами.

В 1816 и 1834 гг. в Китай были направлены еще две английских миссии все с той же задачей — «открыть» Китай. Главным успехом англичан стало увеличение ввоза в Китай из соседней Индии опиума. С 1800 по 1838 гг. его количество на китайском рынке увеличилось с 2 тысяч до 40 тысяч ящиков, что приносило его продавцам баснословные прибыли.

Китайское правительство неоднократно пыталось воспрепятствовать опиумной торговле. Так, в 1800 г. было принято решение о запрещении его ввоза в пределы Китая. В 1836 г. китайские власти вновь приняли такое же решение. Однако иностранцы попросту игнорировали запреты в угоду собственным коммерческим интересам. Опиум составлял более половины стоимости всех ввозимых в Китай английских товаров. США ввозили в Китай опиум из Турции, но объем этих операций более чем в 10 раз был меньше английских, поэтому конкурировать с англичанами им было очень сложно.

В самом Китае в правящих кругах обсуждался вопрос о легализации опиумной торговли. Некоторые сановники предлагали запретить его курение лишь этническим маньчжурам, военным и гражданским чиновникам. Однако богдыхан их не поддержал и прислушался к мнению противников опиумной торговли.

Первая «опиумная» война (1839–1842 гг.)

Стремясь воспрепятствовать ввозу опиума в Китай, в 1839 г. Цины назначили губернатором Кантона патриотически настроенного чиновника Линь Цзэсюя, сыгравшего выдающуюся роль не только в качестве администратора, но и как представитель прогрессивно мыслящей части китайской элиты.

Линь Цзэсюй (1785–1850) родился в провинции Фуцзянь, происходил из обедневшего старинного аристократического рода, из которого вышло несколько китайских высших сановников. Получив хорошее домашнее воспитание, он учился в академии Ханьминь, где получил конфуцианское образование. Преподавал в частной школе, потом работал в пограничной охране. С 1820 г. являлся императорским особоуполномоченным в провинции Гуандун, потом главным судьей в провинции Цзянсу, главным директором по укреплению и содержанию восточной части р. Хуанхэ и Императорского канала. Еще в 1833 г. подал на имя императора доклад с предложением запрета торговли опиумом. В нем он подробно обосновал необходимость этого шага, составил подробный план мероприятий, направленных на искоренение этого зла, предложил строго карать изготовителей и продавцов опиума, а также содержателей притонов для его курения. Причем, в целях устрашения, он предлагал карать не

только самих виновных, но и их родственников. Программа Линь Цзэсюя больше других аналогичных проектов понравилась императору Даогуану, который в 1838 г. назначил Линь Цзэсюя на пост Высочайше уполномоченного эмиссара по борьбе с опиумной контрабандой в провинции Гуандун для расследования и принятия мер по «опиумному» вопросу.

Свою деятельность в Гуандуне Линь Цзэсюй проводил в двух основных направлениях — боролся с изготовителями, поставщиками и продавцами опиума внутри страны и добивался прекращения его поставок из-за рубежа. 23 марта 1839 г. он приказал всему китайскому персоналу покинуть порт, прекратить поставки воды и продуктов питания находившимся там иностранным подданным до тех пор, пока они не сдадут властям весь уже завезенный опиум. Спустя пять дней английский представитель, видя серьезность намерений Линь Цзэсюя, заявил о готовности сдать 20 283 ящика опиума, после чего блокада порта была снята. 3 июня началось уничтожение этой партии наркотика, которая была смешана с известью и затоплена в море.

Значительно сложнее было получить гарантии от англичан не ввозить больше опиум в страну. Летом 1839 г. в Пекине были выработаны новые запретительные правила, предусматривавшие суровые наказания как для китайских, так и для иностранных опиумоторговцев. Для того, чтобы добиться от англичан письменных гарантий выполнения его приказов, Линь Цзэсюй повелел им вместе с семьями уехать на территорию Аомэня (Махао).

Это событие стало предлогом к началу войны с Великобританией, получившей в историографии название «опиумная». 4 сентября 1839 г. англичане обстреляли со своих кораблей у полуострова Цзянлун китайские военные суда. В ноябре того же года они начали боевые действия у берегов Китая, ожидая подкрепления. Линь Цзэсюй, в свою очередь, запретил прибытие английских судов в Гуанчжоу. 5 января 1840 г. указом императора он был назначен наместником Лянгуана с широкими полномочиями, и на него персонально была возложена ответственность за дальнейший ход событий.

В феврале 1840 г. Англия отправила, без официального объявления войны, экспедиционный корпус в составе 4 тыс. человек в Китай. В июне 1840 г., в нарушение установленного Линь Цзэсюем запрета, англичане прибыли к берегам

южного Китая, блокировали Кантон, Амой, Нинбо, а также устья рек Миньцзян, Янцзы и Байхэ. В июле того же года они захватили и подвергли разграблению г. Динхай на Чжоушаньских островах. После этого Китаю были предъявлены требования, среди которых фигурировали передача о. Гонконг (Сянган) под власть британской короны, денежная компенсация за уничтоженную в Кантоне партию опиума и возобновление двусторонней торговли. 11 августа корабли англичан прибыли к фортам Дагу близ Пекина.

Такое развитие событий привело к полной растерянности в лагере Цинов. Китайские власти отстранили от должности Линь Цзэсюя, заменив его на Ци Шаня, который начал переговоры с англичанами, приняв, предварительно, все их условия. Такой капитулянтский шаг вызвал волну недовольства в среде китайской элиты, в тот период еще питавшей иллюзии относительно истинного места их страны в окружающем мире. В результате богдыхан не утвердил это соглашение, а Ци Шаня арестовали как изменника.

После этих событий английское правительство направило в Китай дополнительные подкрепления и в августе 1841 г. туда прибыло еще 36 военных судов, с помощью которых были захвачены окрестности Кантона, порты Амой и Нинбо. Весной 1842 г. пала крепость Усун близ Шанхая, а в середине июня был захвачен и сам город. Затем английские военные корабли двинулись по р. Янцзы для захвата Нанкина. По пути произошло сражение у г. Чжэцзян, который был захвачен 21 июля. Таким образом, англичане получили возможность контроля над одним из наиболее стратегически важных районов Китая.

Военные действия показали военную и экономическую слабость Китая, его неспособность противостоять натиску европейских держав.

29 августа 1842 г. был подписан первый неравноправный договор между Великобританией и Китаем, получившим название по месту его подписания — **Нанкинский**. Китайские власти обязывались открыть для английских торговцев порты Кантон, Амой, Фучжоу, Нинбо и Шанхай. Китай должен был выплатить 21 млн. лян серебра в качестве контрибуции, ликвидировать монопольную торговую компанию Кожконг (Гуханг). Английские товары облагались лишь пятипроцентной пошлиной (от их стоимости), о. Гонконг переходил под контроль Великобритании.

Таким образом, этот договор означал вступление Китая в новую полосу своего развития, характеризовавшуюся полукOLONиальной зависимостью от западных держав.

Общественная мысль и культура Китая конца второй половины XVII — первой трети XIX вв.

В общественной мысли Китая после завоевания страны маньчжурами по-прежнему преобладал традиционализм, чему в немалой степени способствовала проводимая ими внутренняя и внешняя политика.

Можно выделить две основных тенденции в общественной мысли этого времени. Одни мыслители пытались обосновать закономерность и необходимость установления в Китае Цинской династии, а другие, наоборот, доказывали ее губительную и реакционную роль для Китая.

Касаясь первой тенденции, следует отметить, что Цины взяли на вооружение конфуцианство сунского периода в интерпретации Чжу Си. Император Канси (1662–1723) опубликовал «Шэн Юй» («Священный эдикт»), который представлял из себя свод доктрин, определявший официальную государственную идеологию на конфуцианской основе.

Из наиболее известных противников официальной идеологии в XVII в. можно назвать Хуан Цзуси, который выступил против главного тезиса сунской идеологии — обоснования абсолютной власти правителя. Он заявлял, что отношения народа и императора условны и определяются интересами первого.

Основополагающим тезисом для многих мыслителей того времени стала идея о том, что всякая философская система должна вытекать из жизненной практики. Наиболее убедительно об этом писал Гу Яньбу, находившийся под сильным влиянием идей Ван Янмина и его учения о «прирожденном знании».

Сферой идейной борьбы стала филология, где наибольшим авторитетом пользовались Хуэй Дун и Дай Чжэнь. Первый из них отвергал подлинность древних письменных памятников до времен Ханьской империи, считая, что не сунские, а ханьские мыслители являются носителями истинных китайских традиций. Второй же заявлял, что содержание всех древних памятников является определенным учением, доведенным до

людей с помощью слов, состоящих из письменных знаков. Поэтому, считал он, необходимо изучать в первую очередь саму письменность. Отсюда в цинский период в Китае получают развитие палеография, историческая география и хронология, без которых, как считали его сторонники, невозможно понять истинное содержание древних памятников.

При маньчжурах в XVII в. была создана специальная группа для написания истории династии Мин, в которой доказывалась неизбежность ее падения и замены на Цинскую. Несогласные с такой трактовкой ученые создавали свои, альтернативные официальной, «истории Минов». Многие из несогласных были казнены, другие заключены в тюрьмы и отправлены в ссылки. Неудобные властям книги изымались. Только в правление одного императора Цяньлуна с 1774 по 1782 гг. такого рода изъятия были проведены 34 раза, а попавшие под него книги вносились в специальный запретный список.

В 1772 г. Цяньлун приказал собрать все когда-либо издававшиеся в Китае книги, и за последующие два десятилетия их собрали более 10 тысяч названий, составивших 170 тысяч томов. Все они были разделены на 4 категории и получившаяся новая библиотека была названа «Сы ку цюаньшу» («Полное собрание книг четырех хранилищ»). Многие из переизданных затем книг были исправлены в соответствии с интересами Цинов.

Усиление попыток иностранных держав проникновения на китайские рынки и провал попыток остановить приток в Китай опиума и ограничить вывоз серебра, заставил наиболее трезвомыслящих представителей китайской элиты усомниться в представлениях о Китае как о центре мироздания. Из их уст все чаще начинала звучать критика конфуцианской идеологии. Наиболее четко она была выражена на рубеже XVIII–XIX вв. в работах представителей т.н. «Школы современных текстов», выступавших за обновление некоторых положений конфуцианства применительно к тогдашним нуждам Китая. Они настаивали на переводах западных книг, внедрении лучших достижений Запада, заявляли, что правитель должен прислушиваться к советам ученых, выбирая лучший из вариантов своих действий. Благодаря их усилиям, в начале XIX в. большую популярность в Китае получила доктрина «усвоения варварских (заморских) дел», основоположником

которой считается **Вэнь Юань** (1794–1856). В его главной работе «Хайго тучжи» («Описание заморских дел с картами»), сформулирована основная задача для Китая того времени — с помощью «варваров» наносить поражения «варварам», чтобы, используя знания о них, жить с ними в согласии, а, изучив их достижения, подчинить их своей власти. Считается, что большую помощь при написании этой работы ему оказал **Линь Цзэсюй**, который и сам оставил заметный след в истории общественной мысли Китая. Среди его произведений следует, в первую очередь, отметить «Цзифу шуйли» («Соображения по поводу водного хозяйства земель, прилегающих к столице»), в которой он сумел обосновать идею увеличения производства риса за счет его разведения в Восточном Китае, а не только в Южном, до этого являвшегося основной рисовой житницей. Кроме этой работы, Линь Цзэсюй издал такие сочинения, как «Иностранцы о Китае», «Важнейшие сведения о Российском государстве», «Описание четырех материков» и др.

Культура Китая в рассматриваемый период оставалась в русле прежних традиций. Литература в наименьшей степени подвергалась контролю со стороны властей. Ее условно можно разделить на два вида — литературу для элиты и для народа, прежде всего горожан. В литературе для высших слоев общества выделяется «высокая» поэзия и бессюжетная проза в форме эссе, сложившиеся еще в сунский период. Ее консервацию поддерживала система традиционных китайских экзаменов, предписывавших написание сочинения с использованием цитат из танских и сунских классиков, в которых ход мысли автора сочинения определялся особой схемой багу («восьмичленная композиция»).

Литература для горожан состояла из театральных пьес, повестей и романов. Наибольшую известность получил роман **Цао Сюэциня** «Сон в красном тереме», в котором рассказывается о жизни богатой маньчжурской семьи. Другим выдающимся литературным произведением является сатирическое произведение **У Цзинци** «Неофициальная история конфуцианства», направленное против бюрократов и системы отбора чиновников на основе конфуцианской системы экзаменов.

В архитектуре также наблюдается приверженность к традициям. Это, прежде всего, грандиозность размеров и обилие декоративных элементов вновь возводимых зданий в стиле китайского барокко.

Потребность во внутреннем убранстве такого рода сооружений способствовала и усилению интереса к изделиям прикладного искусства, особенно к художественному литью бронзовых львов, черепах, драконов, фениксов и т. д. Это были, как правило, копии аналогичных древнекитайских изделий, но многие иностранцы зачастую принимали их за подлинники и отправляли их в музеи в своих странах. Китайские мастера прославились и резьбой по камню, прежде всего по нефриту, белой яшме и слоновой кости, а также своими лаковыми миниатюрами и вышивкой. Особого искусства достигли мастера китайского фарфора. Появились заводы по его производству, принадлежавшие как государству, так и частным лицам. Фарфор пользовался огромным спросом в Европе и соседних государствах Азии, где им украшались, в том числе, и королевские дворцы.

Мастера китайской живописи в своих произведениях также сохраняли преемственность искусства прежних эпох. Основными живописными жанрами являлись декоративный («цветов и птиц»), пейзаж («гор и воды») и портретный. Китайские живописцы были объединены в Академию живописи («Сад живописи»). Некоторое влияние на китайское изобразительное искусство оказали европейские художники, находившиеся среди миссионеров. В результате появилась оригинальная манера, в которой сочетались европейские и китайские живописные техники.

Начало превращения Китая в полуколонию западных держав

Нанкинский договор не мог полностью удовлетворить англичан. Видя слабость цинского режима, они вскоре навязали ему новое неравноправное соглашение. В октябре 1843 г. между двумя странами был подписан Хумыньский договор из 17 пунктов, согласно которому для иностранцев в Китае устанавливался режим экстерриториальности, в «открытых» портах определялись специальные жилые кварталы — сетльменты, в которых управление и поддержание общественного порядка осуществлялось самими иностранцами по своим законам. Англичане получали в Китае режим наибольшего благоприятствования.

Следующей западной державой, попытавшейся получить в Китае особые права, стали США. Еще в ходе первой опиумной

войны американские военные корабли находились в китайских территориальных водах, а после ее окончания Цины вынуждены были им выплатить 100 тыс. лян в качестве «возмещения убытков». В начале июля 1844 г. между Китаем и США был подписан договор, по которому американцы получали возможность беспоплибно осуществлять каботажные перевозки. В том же 1844 г. неравноправный договор Китаю навязала Франция. Помимо привилегий, уже имевшихся у Великобритании и США, французы получили право ведения в Китае миссионерской деятельности католической церкви.

Указанные договоры в значительной степени ущемляли суверенитет и экономическое положение Китая. Теперь, помимо ввоза в страну опиума, сюда стали поступать в больших количествах английские и американские хлопчатобумажные ткани, что приводило к разорению местных товаропроизводителей, не выдерживавших с ними конкуренции ни по цене, ни по качеству. Из Китая еще в больших объемах пошел отток серебра, также осложнявшего экономическую ситуацию. Если в 1830 г. 1 лян китайского серебра составлял 1 тыс. медных монет, то в 1848 г. он равнялся 2 тыс. монет, а в 1951 г. — уже 4700 медных монет. Цины вводили новые налоги, приходило в упадок сельское хозяйство.

Тайпинское движение.

Предпосылки зарождения движения тайпинов

Поражение Китая в первой опиумной войне вызвало волну недовольства среди широких слоев китайского населения. Оно выражалось как в прямых действиях и выступлениях против иностранцев, так и против маньчжурских властей. Тяжелое положение крестьянства постепенно приводило к складыванию предпосылок новой войны против правящего режима. В 40-е гг. XIX в. по всему Китаю вспыхнуло более 100 крестьянских восстаний. Широкую известность получило начавшееся в то время на Юге страны патриотическое антизападное движение, объединившее представителей самых разных сословий китайского общества, протестовавших против открытия для англичан порта Гуанчжоу.

В 1844 г. в провинции Гуандун сельским учителем, принявшим христианство, Хун Сюцюанем было создано «Общество небесного отца» («Бай Шанди хуэй»), в основе идеологии

которого лежала идея всеобщего братства и равенства людей, выраженная в форме создания на территории Китая Небесного государства великого благоденствия (Тайпин Тяньго).

К Хун Сюцюаню примкнули другие крестьянские лидеры — Ян Сюцин, действовавший со своими сторонниками в провинции Гуанси, Сяо Чаогуй и др. Затем о своем желании вступить в организацию заявили и некоторые недовольные политикой Цинов представители более состоятельных слоев общества — Вэй Чанхуэй, Ши Дакай и др.

К июню 1850 г. тайпины (так стали называть участников движения) уже представляли достаточно организованную силу, готовившуюся к выступлению против господства Цинов и установлению в Китае «общества справедливости».

Начальный этап тайпинского движения (1850–1856)

С конца 1850 г. начинаются первые выступления тайпинов против властей в провинции Гуанси, а уже в январе следующего года в деревне Цзинтянь было провозглашено создание государства Тайпин Тяньго, лидеры которого объявили о походе на Север с целью захвата столицы цинского Китая — Пекина.

После захвата г. Юнъань (на севере провинции Гуанси) Хун Сюцюаня провозглашают Тянь ваном (небесным князем). Его ближайшие сподвижники были удостоены титулов ванов. Хун Сюцюань, в духе китайских традиций, номинально стал считаться повелителем не только Китая, но и всех других государств и народов, а его ваны — руководителями отдельных частей света — Севера, Юга, Востока и Запада. Европейцев тайпины считали братьями по христианской вере, охотно шли с ними на дружественные контакты. И на первых порах иностранцы относились к тайпинам достаточно позитивно, надеясь разыграть эту карту в своих отношениях с Цинами.

Вскоре цинские войска осадили Юнъань и вплоть до апреля 1852 г. продолжалась его оборона. Но затем тайпины вынуждены были оставить этот город и начать партизанские действия. В ходе неудачных попыток тайпинов захватить главный город провинции Хунань Чанша, погибли Сяо Чаогуй и Фэн Юньшань, однако повстанцам удалось выйти в конце 1852 г. к р. Янцзы и в январе 1853 г. захватить г. Учан, затем г. Айцин и к началу весны того же года овладеть крупнейшим центром на р. Янцзы — г. Нанкин. Этот город был

провозглашен тайпинской Небесной столицей. Армия повстанцев в этот период численно росла и пользовалась большой поддержкой местного населения.

Затем тайпины продолжили свой поход на север. В начале 1854 г. они сумели вплотную подойти к Тяньцзиню (порт на севере), что вызвало настоящую панику в Пекине. Однако захватить его им так и не удалось.

К этому времени стала проявляться одна из значительных военных ошибок тайпинов. Они практически не закрепляли за собой завоеванные ранее территории, что позволяло цинским войскам их вскоре вновь брать под свой контроль, а тайпинам, в свою очередь, вновь отвоевывать.

Осенью 1853 г. у тайпинов появился серьезный военный противник в лице армии под руководством китайского сановника Цзэн Гофая, состоявшей из крестьян и помещиков, недовольных политикой тайпинов. Уже в следующем году им удалось овладеть трехградьем Ухань, но в 1855 г. тайпинам удалось все же нанести армии Цзэн Гофая поражение и вернуть его под свой контроль.

Помимо тайпинов, в это время в различных районах Китая действовали и другие антимагьчжурские организации. Одна из них — общество «Малых мечей», сумела в сентябре 1853 г. поднять восстание в Шанхае, захватить город и продержаться в нем до февраля 1855 г., пока повстанцев на выбили оттуда цинские войска при поддержке французов, находившихся в городе. Попытки членов общества «Малых мечей» координировать свои действия с тайпинами, установив с ними непосредственный контакт, успеха не имели.

К 1856 г. наблюдался кризис движения тайпинов, выразившийся, прежде всего, в разногласиях между его лидерами. Самым серьезным был конфликт Ян Сюцина с Вэй Чанхуэем, в результате которого первый был убит. Следующей жертвой Вэй Чанхуэя должен был стать Ши Дакай, но ему удалось бежать из Нанкина в Аньцин, где он стал готовиться к походу на Нанкин. Напуганный таким развитием событий, Хун Сюцюань приказал казнить Вэнь Чанхуэя, но при этом не наделил дополнительными полномочиями Ши Дакая. Тань ван окружил в это время себя лояльными родственниками и уже мало интересовался истинным положением дел. Тогда Ши Дакай принимает решение порвать отношения с Хун Сюцюанем и вести самостоятельные действия на западе Китая.

Мероприятия тайпинов на первом этапе движения

Главным документом, на основе которого тайпинские вожди пытались проводить преобразования на контролируемых территориях, стало «Земельное уложение Небесной династии». В нем предусматривалось, в духе утопических идей китайского «крестьянского коммунизма», уравнительное перераспределение земельных владений. Тайпины хотели отменить товарно-денежные отношения и уравнивать потребности людей. Однако понимая, что без торговли, хотя бы с иностранцами, пока не обойтись, в своем государстве они учредили специальную должность государственного уполномоченного по торговым делам — «Небесного компаньона». Трудовая повинность объявлялась обязательной для всех жителей. Они нетерпимо относились к традиционным китайским религиям, подвергали уничтожению буддистские и даосские книги. Для претворения этих идей в жизнь физически истреблялись представители прежних господствующих слоев, была распущена старая армия, отменена система сословий и рабский уклад. Еще будучи на территории Гуанси, тайпины срезали свои косы, отпустили волосы и поклялись, вплоть до полной своей победы, не иметь отношений с женщинами. Поэтому в их государстве женщины служили в армии и работали отдельно от мужчин, которым было запрещено с ними общаться.

Были определены принципы нового государственного устройства. Основной административной и одновременно военной единицей на местном уровне становилась община-взвод, в которой состояло 25 семей. Высшей организационной структурой являлась армия, в которую входило 13156 семей. Каждая семья была обязана выделить одного человека в армию. Солдаты три четверти времени года должны были проводить на полевых работах, а четверть — заниматься военным делом. Командир военной единицы одновременно исполнял функции гражданской власти в том районе, где располагалось его формирование.

Несмотря на ярко выраженный военизированный характер этой системы, в ней имелись демократические начала, например, все командиры взводов и выше избирались на основе народного волеизъявления. Женщины были уравнены в правах с мужчинами, в том числе и на военной службе. Запрещался древний обычай бинтования ног у девочек и строго

каралась продажа девочек в наложницы. Была запрещена система детских браков. Детям, достигшим шестнадцатилетнего возраста, выделялся надел, составлявший половину земельного надела взрослого. Тайпины запретили на контролируемых территориях курение опиума, табака, употребление спиртных напитков и азартные игры. Были отменены пытки в процессе дознания и введен гласный суд. Однако в отношении преступников предусматривались суровые меры наказания.

В городах все ремесленные мастерские, торговые предприятия, а также запасы риса были объявлены собственностью государства. В школах воспитание носило религиозный характер на основе тайпинской идеологии.

Многие из провозглашенных тайпинами в своих программных документах преобразований так и остались декларативными в силу саботажа на местах или из-за весьма непродолжительного контроля над теми или иными отвоеванными у Цинов территориями. Так, например, на их территориях во многих местах сохранялась помещичья собственность, помещики и шэньши находились даже в местных органах власти, осуществляя там лишь те меры, которые были им на тот момент выгодны.

Вторая «опиумная война» (1856–1860)

В первый период движения тайпинов западные державы неоднократно делали заявления относительно своего нейтралитета, но после шанхайских событий 1853 г. стало ясно, что они все больше склоняются в сторону поддержки Цинов. Тем не менее в своем стремлении проводить политику «разделяй и властвуй», англичане не исключали возможности раздела Китая на два государства и даже направили к Хун Сюцюаню в Нанкин официальную полномочную делегацию с целью получения права на судоходство по р. Янцзы и торговых привилегий на землях, контролировавшихся тайпинами. Руководители тайпинов дали на это свое согласие, но в качестве ответного шага со стороны англичан потребовали запрета торговли опиумом и уважения законов Тайпин Тяньго.

В 1856 г. ситуация коренным образом изменяется. Начинается кризис в тайпинском лагере, приведший к его ослаблению. Цины также находились в весьма сложном положении. Великобритания и Франция решили воспользоваться

предоставившимся благоприятным моментом и начать военные действия на территории Китая с целью усиления его зависимости от них.

Поводом к началу войны послужили события, связанные с торговым судном «Эрроу», находившимся в Гуанчжоу. В конце октября 1856 г. английская эскадра начала обстрел города. Китайское население организовало отпор значительно более сильный, чем в период 1839–1842 гг. Тогда к англичанам присоединилась Франция, воспользовавшись, в качестве повода, казнь одного из своих миссионеров, призывавшего местное население к сопротивлению властям.

В декабре 1857 г. Великобритания предъявила Китаю требования пересмотра прежних договоров, которые были тут же отвергнуты. Тогда объединенные англо-французские войска заняли Гуанчжоу, взяв в плен местного губернатора. В начале 1858 г. военные действия развернулись в устье р. Бэйхэ на севере Китая. В мае того же года были захвачены форты Дагу и подступы к Тяньцзиню. Под угрозой оказался Пекин.

Понимая, что одновременно вести борьбу на два фронта — с тайпинами и иностранными войсками — не удастся, Цины капитулировали перед последними, подписав в июне 1858 г. договоры с Англией и Францией, по которым эти две державы получали право открытия своих дипломатических миссий в Пекине, свободу передвижения по территории Китая для своих подданных, всех христианских миссионеров, а также свободу судоходства по р. Янцзы. Было открыто еще пять китайских портов для торговли с иностранцами, в том числе и опиумом.

Сложившейся ситуацией воспользовались также США и Россия, заключившие в тот период неравноправные договоры с Китаем. США добились расширения своих прав в стране, в частности, они получили уступки в таможенных вопросах, американские корабли теперь могли плавать по внутренним рекам Китая, а их граждане получили свободу передвижения.

Россия в 1858 г. заключила с Китаем два договора — Айгунский, по которому к ней отходили левобережье Амура от р. Аргуни до устья, Уссурийский край оставался в общей собственности до момента определения между двумя странами государственных границ. Второй договор получил название Тяньцзиньский, был подписан в середине июня 1858 г. и по нему Россия имела право ведения торговли в открытых портах, право консульской юрисдикции и т. д.

Продолжение военных действий в 1860 г.

Англия и Франция не желали довольствоваться достигнутым в ходе боевых действий 1856–1858 гг. и ждали только повода к возобновлению наступления на Китай. Такой повод появился после обстрела кораблей, на которых английские и французские представители направлялись в Пекин для ратификации Тяньцзинских договоров

В июне 1860 г. объединенные англо-французские войска начали боевые действия на территории Ляодунского полуострова и Северного Китая. 25 августа ими был захвачен Тяньцзинь. В конце сентября пал Пекин, император и его окружение были вынуждены бежать в провинцию Жэхэ. Оставшийся в столице князь Гун подписал новый договор с Англией и Францией, по которому Китай обязывался выплатить восьмимиллионную контрибуцию, открывал для иностранной торговли Тяньцзинь, к англичанам отходила южная часть Коулунского полуострова близ Гонконга и др.

Через некоторое время, в ноябре 1860 г., с Китаем новый договор, получивший название Пекинский, подписала Россия. По нему закреплялись права России на Уссурийский край.

Второй этап тайпинского движения

В период второй «опиумной войны» и после ее окончания продолжался кризис в лагере тайпинов. С июня 1857 г. полностью порвал отношения с Хун Сюцюанем Ши Дакай, ставший самостоятельной фигурой в тайпинском движении, оказавшимся теперь расколотым. Все более увеличивался разрыв в интересах верхушки движения, превратившейся в новый господствующий класс на подвластных территориях, и его рядовыми участниками.

В 1859 г. один из родственников Тянь вана, Хун Жэнган, представил программу развития Тайпин Тяньго «Новое сочинение об управлении страной», согласно которой в жизнь тайпинов должны были войти западные ценности, преобразования проходить постепенно, без революционных потрясений. Однако в ней фактически не нашел отражение самый главный вопрос для большинства крестьян — аграрный.

В конце 50-х гг. XIX в. из среды тайпинов выдвинулся еще один выдающийся руководитель — Ли Сючэн, войска

которого нанесли ряд поражений Цинам. Другим видным лидером стал тайпинский полководец Чэнь Юйчэн, под руководством которого тайпинам удалось нанести ряд поражений правительственным войскам. Однако, начиная с 1860 г., эти два руководителя не координировали своих действий, что не могло отрицательно не сказаться на всем движении.

Весной 1860 г. Ли Сючэн со своими войсками вплотную подошел к Шанхаю, но на помощь Цинам пришли американцы и этот крупнейший китайский город им удалось отстоять. В сентябре 1861 г. правительственным войскам удалось отвоевать г. Айцзин и вплотную подступить к Нанкину. В следующем году против тайпинов уже открыто выступили английские и французские войска, в результате чего Нанкин оказался в блокаде.

Несмотря на упорное сопротивление войск Ли Сючэна, в начале 1864 г. был захвачен г. Ханьчжоу. Ли Сючэн предложил Хун Сюцюаню оставить Нанкин и отправиться на запад Китая для продолжения борьбы, однако тот отверг это предложение. К этому моменту уже не было в живых Ши Дакая, в последние месяцы перед гибелью находившегося со своими сторонниками в провинции Сычуань.

Весной 1864 г. началась осада Нанкина, и 30 июня, оказавшись в безвыходном положении, Хун Сюцюань покончил жизнь самоубийством. Его преемником стал сын, шестнадцатилетний Хун Фу, а Ли Сючэн возглавил оборону тайпинской столицы. 19 июля войскам Цинов удалось ворваться в город. Ли Сючэну и Хун Фу удалось оттуда вырваться, но вскоре они были схвачены и убиты.

Однако падение Нанкина еще не привело к полному прекращению борьбы в других районах Китая. Лишь в 1866 г. правительственным войскам удалось подавить последние крупные очаги сопротивления тайпинов.

Народные восстания в Китае во второй половине XIX в.

В период тайпинского восстания возникали и другие оппозиционные Цинам движения, из которых наиболее значительными было движение няньцзюней (армии факельщиков), начавшееся в 1853 г. в провинции Аньхуэй под руководством Чжан Лосина. У восставших, большинство из которых были

крестьянами, не было четкой программы действий, их выступления носили стихийный характер. Тем не менее правительственным войскам с ними было трудно справиться из-за большой поддержки их со стороны местного населения. После поражения тайпинов, часть участников этого движения присоединилась к няньцзюням, значительно увеличив их численность. Восстание охватило восемь провинций Китая. В 1866 г. няньцзюни разделились на два отряда, попытавшись пробиться к столичной провинции Чжили, но к 1868 г. они были полностью разбиты.

В это же время восстали и некоторые малые народности Китая. В 1860 г. под руководством мусульманина из народности дунган Ду Вэньсюаня территории провинции Юньнань было создано отдельное государственное образование с центром в г. Даме. Ду Вэньсюань был провозглашен его правителем под именем султана Сулеймана. Лишь в начале 70 гг. XIX в. цинские войска смогли его ликвидировать.

Дунгане также поднимали восстания под религиозными лозунгами в 1862–1877 гг. в провинциях Шэньси, Ганьсу и Синьцзяне.

Политика «самоусиления» (1861–1895 гг.)

После поражения во второй «опиумной войне», в правящих кругах Китая возникла потребность еще раз попытаться найти выход из создавшейся неблагоприятной ситуации, грозившей превратить это крупнейшее государство Востока в жалкий придаток западных держав. В результате была выработана новая линия развития, получившая в историографии название «политика самоусиления» («цзы цян»).

Выделяются три основных этапа в ее проведении. 1861–1870 гг., когда главное внимание правящих кругов было сосредоточено на подавлении сопротивления китайских крестьян и национальных меньшинств. 1870–1885 гг. характеризуются образованием в правящем лагере двух основных группировок, боровшихся за свое влияние на проведение внутренних преобразований. 1885–1895 гг. — победа группировки Ли Хунчжана и последующее отстранение ее лидера от власти после поражения Китая в войне с Японией.

Идея заимствовать у иностранцев и внедрить у себя лучшие достижения в области науки и техники, стала основной

в период проведения некоторых половинчатых реформ в 60 гг. XIX в. Своими идейными корнями она уходила в теорию «усвоения заморских дел».

В январе 1861 г. в Пекине была создана «Канцелярия по общественному управлению делами различных стран» (Цзунлианьминь), в задачи которой входило исполнение роли своеобразного высшего консультативного совета китайской империи.

В августе 1861 г. скончался император И Чжу и на престол взошел его малолетний сын Цзай Шунь. Мать нового правителя, Ехэнара (Налаши), более известная как Цыси, сумела договориться со сводными братьями покойного императора князьями Гуном и Чунем и его вдовой Сяо Чжэн о совместном регентстве.

Одновременно был ликвидирован прежний регентский совет во главе с Су Чжэнем, обвиненным в нежелании в годы второй «опиумной войны» идти на компромисс с иностранцами и тем самым способствовавшим разрушению Пекина.

В течение последующих десяти лет, вплоть до смерти Цзай Шуня, страной фактически правила группировка Цыси. Главные ее усилия были направлены на реформирование армии с целью добиться решающего перелома в действиях против «внутреннего мятежа». После подавления восстания тайпинов упор стал делаться на строительство современных машин и судов, предприятий военного назначения. Особенное внимание в этом отношении проявляли Ли Хунчжан и Цзо Цзунтан, организовавшие первые в Китае военные арсеналы и судостроительные верфи. В Пекине была открыта Школа иностранных языков, в которой готовились кадры дипломатических работников. Вскоре такие школы были открыты в Шанхае и Гуанчжоу.

В начале 1875 г. скончался император Цзай Шунь, и на престол взошел трехлетний племянник Цыси Цзай Тянь, девизом правления которого стал Гуанской. Это обстоятельство еще больше укрепило позиции Цыси в качестве главной фигуры в реальном управлении Китаем.

Официально были провозглашены шесть главных составляющих в проведении политики «самоусиления»: подготовка солдат, строительство судов, производство машин, изыскание средств на содержание вооруженных сил, привлечение к управлению способных людей и решимость к долгосрочному

проведению указанных выше мероприятий. Эта линия проводилась фактически в неизменном виде вплоть до 1895 г.

В первой половине 70-х гг. XIX в. 120 китайских юношей были направлены на учебу в США. Тем не менее уже в начале 80-х гг., из-за опасения, что они слишком сильно проникнутся «западной идеологией», их отозвали на родину.

В конце 70 — начале 80 гг., по инициативе Ли Хунчжана в Тяньцзине были открыты минно-торпедная и телеграфная школы, а также два военных училища. В 1880 г. в Гуанчжоу была открыта Школа западных наук. В этих учебных заведениях, наряду с традиционной для Китая конфуцианской теорией, преподавались и западные науки. Именно из выпускников такого рода учебных заведений к концу XIX в. в Китае образовалась научно-техническая интеллигенция, идейно тяготевавшая к западной системе ценностей.

В этот период усиливаются позиции Ли Хунчжана, ставшего наместником столичной провинции Чжили и разместившего там верные ему войска. Чтобы не допустить слишком сильной концентрации его влияния, цинский двор стал поощрять его политического соперника Цзо Цзунтана, назначенного в 1882 г. наместником провинции Лянцзин.

После поражения Китая в войне с Францией начинается заключительный этап в проведении политики «самоусиления», на котором вновь определяющую роль сыграли Ли Хунчжан и его сторонники.

В середине октября 1885 г. был издан указ о создании Канцелярии по военно-морским делам во главе с князем Чунем, заместителями которого стали князь Цин и сам Ли Хунчжан. Однако спустя всего три года ассигнованные ранее средства на закупку современных военных судов пошли на строительство очередной загородной резиденции для Цыси, а в 1893 г. эта Канцелярия и вовсе была упразднена. Флот Китая так и остался в ослабленном состоянии, не имея даже общего командования.

Внешняя политика Китая в последней трети XIX в.

В 60-е гг. XIX в. Китай подписал неравноправные договоры с Пруссией (1861), Данией и Нидерландами (1863), Испанией (1864), Бельгией (1865), Италией (1866) и Австро-Венгрией (1869).

В 70-е гг. XIX в. западные державы сумели добиться от Китая новых уступок. Так, в 1876 г. власти Китая подписали конвенцию в Чифу, содержащую значительное число уступок Великобритании — открытие четырех новых портов на р. Янцзы, учреждение английского консульства в Дали, а также предоставление благоприятного режима в провинции Юньнань и отправку английской экспедиции в Тибет.

В начале 80-х гг. осложнились франко-китайские отношения в связи с проведением режимом Третьей республики колониальной политики в странах Индокитая, так как территория Аннама находилась в тот момент в вассальной зависимости от Китая.

Ли Хунчжан в мае 1884 г. согласился на ликвидацию вассальной зависимости Аннама, но в Пекине этот шаг не получил поддержки. Тогда французский флот напал на китайскую флотилию у берегов провинции Фучжоу. Столкновения также происходили на море и на суше, и в самом Индокитае, близ Тонкина.

Французским войскам удалось овладеть укреплениями в Фучжоу и занять острова Пэкту. Однако в сухопутных сражениях китайцы оказались более удачливыми, сумев одержать в 1885 г. победу в горах Ляншань (Северный Аннам). Свой успех они развить не смогли, так как цинские власти пошли на подписание в июне того же года мирного договора, согласно которому Аннам отходил под протекторат Франции. Кроме того, французы получили право свободной торговли в провинции Юньнань.

Помимо западных держав, в начале 70 гг. XIX в. борьбу за влияние на Китай начинает Япония. В 1872–1879 гг. она включается в противоборство за единоличный контроль над островами Рюкю, до того времени находившимися под двойным японо-китайским контролем.

В 1874 г. Япония, совместно с США, попыталась захватить о. Тайвань, но после вмешательства Великобритании, имевшей здесь свои интересы, на время от этого плана им пришлось отказаться.

Следующей территорией, ставшей объектом противостояния Японии и Китая, стала Корея. В 1894 г., после начала там крестьянского восстания, корейское правительство обратилось к Китаю за помощью в его подавлении. Воспользовавшись предоставленным моментом, Япония по собственной

инициативе также посылает свои войска на территорию Кореи. Возник конфликт, приведший в конце июля 1894 г. к потоплению японцами китайского военного судна. 1 августа того же года Япония объявила войну Китаю.

В правящих кругах Китая не сложилось единого мнения относительно дальнейшего плана действий. Гуансюй и ряд его советников надеялись, что в ходе предстоящей войны китайские войска сумеют одержать победу над японскими. Цыси и Ли Хунчжан, наоборот, выступали против войны, небезосновательно опасаясь поражения. Тем не менее именно Ли Хунчжану было поручено командовать китайскими войсками на территории Кореи.

16 сентября 1894 г. в сражении близ Пхеньяна китайские войска потерпели поражение и отступили к р. Ялу. Вскоре туда подошли японцы, одновременно высадившиеся и на территории Ляодунского полуострова, захватив там порт Дальний и Порт-Артур. Японцы одержали также и победу над китайским флотом, остатки которого вынуждены были отойти в бухту Вэйхайвэй.

В январе 1895 г. в Японию была направлена китайская делегация для ведения переговоров и мире, но они завершились безрезультатно. В феврале японские войска блокировали Вэйхайвэй, а затем его захватили. Лишь после этого в японском городе Симоносеки Ли Хунчжан смог начать мирные переговоры, по итогам которых 17 апреля был подписан **Симонесекский договор**, предусматривавший отказ Китая от сюзеренитета над Кореей, уступку японцам о. Тайвань, Ляодунского полуострова и островов Пэнху, выплату двухсот миллионов лян контрибуции, согласие на открытие для торговли четырех новых портов. Кроме того, Япония получила право на строительство в Китае своих промышленных предприятий.

Россия и Франция, опасавшиеся усиления влияния Японии на Дальнем Востоке, выступили против ряда статей этого договора, прежде всего в отношении аннексии Ляодунского полуострова. Это вынудило Японию от него отказаться и вернуть под юрисдикцию Китая.

Вскоре после подписания Симонесекского договора, западные державы потребовали от китайского правительства компенсации за оказанную ими поддержку по вопросу о статусе Ляодунского полуострова, а также выразили желание предоставить Китаю займы для уплаты контрибуции Японии.

В 1896 г. в России находилась китайская делегация во главе с Ли Хунчжаном, которая принимала участие в торжествах по случаю коронации императора Николая II. В ходе этого визита между двумя странами был подписан секретный договор о военном союзе в случае нападения на Россию, Китай или Корею со стороны Японии. Кроме того, Китай давал согласие на строительство железной дороги близ Владивостока через территорию Маньчжурии с правом перевозки по ней, в случае необходимости, российских войск, а также использования ими китайских портов.

Активность в Китае в тот период стала проявлять и Германия, захватившая в середине ноября 1897 г. бухту Цзяочжоу и затем добившаяся ее аренды сроком на 99 лет и создания военно-морской базы в порте Циндао. Кроме того, по договору от 6 марта 1898 г. Германия получила право на строительство железных дорог в провинции Шаньдун, а немецкие предприниматели — преимущество в создании там своих концессий. Великобритания, в свою очередь, добилась от китайского правительства подтверждения своих преимущественных прав в долине р. Янцзы.

Под контролем западных держав оказались и китайские морские таможни, что лишало страну права распоряжаться в полной мере полученными от их деятельности доходами. В конце мая 1898 г. под контроль Великобритании отошел порт Вэйхайвэй, а в начале июня того же года было подписано соглашение о расширении территории Гонконга за счет Юлуунского полуострова на условиях его 99-летней аренды у Китая. Свои интересы в Китае продолжала иметь Франция. В апреле 1898 г. она получила право постройки железной дороги от Тонкина до Юньнаньфу, а также в аренду на 99 лет залива Гуанчжоувань. Япония, в свою очередь, добилась от Цинов гарантий того, что без ее ведома никакая из частей провинции Фуцзянь не будет отчуждена.

Таким образом, к концу XIX в. Китай почти полностью превратился в полуколонию иностранных держав, разделивших его территорию на сферы собственного влияния.

«Сто дней» реформ

После поражения в войне с Японией в китайском обществе все сильнее стали проявляться идеи более радикального

реформирования, чем в годы «самоусиления». Главной их целью по-прежнему оставалось превращение Китая в мощную самостоятельную страну, не зависящую ни во внутренней, ни во внешней политике от иностранных держав. В этом объективно была заинтересована китайская национальная буржуазия, видевшая в засилии иностранного капитала главный тормоз своего дальнейшего развития.

Наибольшую известность в конце XIX в. приобрели идеи и практическая деятельность реформатора Кан Ювэя, который еще в 1885 г. направлял на имя императора свой первый доклад, в котором призывал произвести изменения в существовавшем законодательстве и провести буржуазные реформы. Однако спустя лишь 13 лет, после того, как Кан Ювэй направил свой уже пятый по счету доклад, он сумел добиться аудиенции у императора Гуансюя. В этом меморандуме, датированном декабрем 1897 г., Кан Ювэй отмечал, что, несмотря на формально независимый, с юридической точки зрения, статус Китая как государства, в экономическом отношении он находится в полной зависимости от «вражеских» стран, которые могут его превратить во второй Вьетнам или Бирму, если император вовремя не проведет реформы.

В апреле 1898 г. в Пекине появилась новая политическая организация реформаторов — «Союз охраны государства» («Баого хуэй»), и с начала лета того же года начинается практическое воплощение идей реформаторов, проходившее в течение 102 дней (с 11 июня по 21 сентября 1898 г.). Ближайшие сподвижники Кан Ювэя Тань Сытун, Лян Цичао и др. стали крупными чиновниками. Сам он не занял какого-либо ответственного поста, осуществляя лишь общее идейное руководство реформами. За это время молодой император Гуансюй издал около 60 своих Указов, конкретизировавших различные идеи реформаторов.

11 июня 1898 г. был опубликован первый указ, положивший начало периоду т.н. «ста дней» реформ. В нем объявлялось об учреждении в Пекине университета и учебных заведений в столицах провинций. Кроме того, создавалась система начальных школ по всей стране. В тот же день был издан Указ о чистке в армии и новом порядке проведения военных экзаменов. Все это не могло не беспокоить консерваторов, увидевших в Цыси своего защитника. Та, в свою очередь, решила занять позицию выжидания, обезопасив себя назначением на

пост наместника столичной провинции, своего сторонника Жун Лу.

23 июня была отменена казавшаяся незыблемой экзаменационная система в стиле «багу», замененная на список конкретных вопросов по современным проблемам, на которые необходимо было ответить в письменной форме.

В Китае было увеличено число периодических изданий, на которые возлагалась надежда на просвещение людей. Провинциальным руководителям вменялось в обязанности строительство новых железных дорог, промышленных предприятий, внедрение машин в сельскохозяйственное производство и т. д.

Однако вскоре стало ясно, что проводить в жизнь большинство из названных мероприятий не представляется возможным из-за сопротивления со стороны консервативно настроенных чиновников в столице и на местах.

Реформаторы, не имея никакого опыта в дворцовых интригах, решили сломить это сопротивление радикальным путем, взяв к себе в союзники генерал-инспектора бэйянской армии Юань Шикая, которому они поручили физически устранить Жун Лу и некоторых других консервативных сановников. Однако тот не выполнил этого распоряжения, что сыграло на руку Цыси. 21 сентября, по ее приказу, император оказался под домашним арестом. Тань Сытун был схвачен и казнен, а Кан Ювэй и Лян Цичао удалось с помощью англичан и японцев бежать из страны.

Начало политической деятельности Сунь Ятсена

Параллельно с буржуазно-реформаторским, в Китае в конце XIX в. возникает и более радикальное революционное направление, ярким представителем которого стал Сунь Ятсен (1864–1925). Выходец из крестьянской семьи южнокитайской провинции Гуандун, он в 1881 г. окончил миссионерскую школу на Гавайских островах, куда ранее эмигрировал в поисках работы его брат. Спустя два года Сунь Ятсен возвратился в Китай, учился в миссионерской школе и колледже в Гонконге, а затем в гуанчжоусской медицинской школе. В 1892 г. он закончил медицинский институт в Гонконге и уже тогда начал заниматься политической деятельностью. Идеалом для него в то время являлся его земляк, вождь тайпинов

Хун Сюцюань, но по своим взглядам он был близок к реформаторам.

В 1894 г. на Гавайских островах, куда он возвратился из Китая, Сунь Ятсеном был создан **Союз возрождения Китая (Синьчжинхуэй)**, куда, помимо него, вошли его брат, глава местного отделения «Триады» Дэн Иньнань и ряд других радикально настроенных китайцев. Через год в составе организации насчитывалось уже около 200 человек, строилась она на конспиративной основе и действовала нелегально.

В начале 1895 г., возвратившись в Китай, Сунь Ятсен учредил в Гонконге, под видом торговой фирмы, отделение Союза возрождения Китая. Он установил контакты с другими тайными антиманьчжурскими организациями на юге Китая и стал готовить своих сторонников к восстанию. Оно должно было начаться в г. Гуанчжоу (Кантон), где также имелось отделение Союза. Социальный состав участников движения определялся наличием в нем представителей национальной буржуазии, интеллигенции, помещиков и шэньши, заинтересованных в расчищении пути для дальнейшего развития капитализма в Китае. Главным требованием для его членов была борьба за изгнание маньчжуров, восстановление престижа Китая в мире и учреждение в стране демократического правительства. Восстание было намечено на конец октября 1895 г., но сорвалось из-за обнаружения властями запасов оружия, приготовленного для повстанцев. Сунь Ятсен со своими сторонниками вынужден был уехать в Гонконг, однако вскоре они были оттуда выдворены и в ноябре того же года выехали в Японию. Там Сунь Ятсен остриг свою косу и переделался в европейское платье. Вскоре Сунь Ятсен вновь уезжает на Гавай, ряд его сторонников остается в Японии, а другие тайно возвращаются в Китай.

В сентябре 1896 г. Сунь Ятсен приехал в Лондон, о чем стало известно в Пекине. Китайские власти потребовали от англичан выдать «государственного преступника», но получили отказ. После этого, 11 октября, он был похищен китайскими агентами, хотевшими вывезти Сунь Ятсена в Китай. Однако общественное мнение Англии выступило на стороне Сунь Ятсена и тогдашний премьер-министр Солсбери потребовал его освобождения. 23 октября Сунь Ятсен вышел на свободу и вскоре описал свои злоключения в книге «Похищен в Лондоне», опубликованной в 1897 г. В статье «Настоящее и будущее

Китая», опубликованной в том же году, Сунь Ятсен критиковал англичан, находившихся на территории Китая, во враждебном отношении к его народу и симпатиям к прогнившему режиму Цинов, в том числе и к недавнему своему кумиру Ли Хунчжану.

Сунь Ятсен обрел широкую европейскую известность, много путешествовал по Европе, где впервые познакомился с произведениями К. Маркса и американского экономиста Г. Джорджа. Он пришел к выводу, что западная демократия не есть на практике идеальная система и также нуждается в серьезных изменениях. Эта мысль положила начало его ключевой идее об одновременном решении в Китае национального, политического и экономического вопросов.

По возвращении из Европы в Японию, он сумел там установить контакты с рядом тамошних политических деятелей, обещавших оказать ему поддержку. Сунь Ятсен начал восстанавливать структуры Союза возрождения Китая, с осени 1899 г. издавать в Гонконге его печатный орган «Чжунго жибао» («Китайская газета») и готовить новое восстание против Цинов.

Первый этап движения Ихэтуаней (1898–1899)

Антииностранные настроения к китайском обществе нарастали не только в среде элиты, но и в широких слоях населения, прежде всего крестьянства. Уже весной 1898 г. начались выступления против христианских миссионеров в провинциях Хубэй и Юньань, летом антизападные демонстрации охватили Шанхай. Особенную активность проявляло население Северного Китая. Еще в 1896 г. в провинции Шаньдун произошло восстание «Больших мечей», направленное против местных христиан. Его принято считать прологом к движению ихэтуаней. В 1898 г. на базе тайной организации «Белый лотос» в провинции Шаньдун действовало общество «Ихэцюань», которое возглавил Чжу Хундэн. Главным лозунгом его участников стал «Против Цин, восстановим Мин». Как и любое другое тайное китайское общество, «Ихэцюань» использовало для поднятия боевого духа своих приверженцев различные мистические ритуалы и обряды, а также приемы восточных единоборств.

Важным толчком к некоторому изменению тактики стали события весны 1899 г., когда Германия захватила г. Ичжоу

в провинции Шаньдун. Теперь основным лозунгом стал «Против Цинов, уничтожим иностранцев». Этим решили воспользоваться китайские власти, рассчитывая, что отряды повстанцев помогут им в давлении на иностранцев. В результате они сумели добиться своего, и главным лозунгом становится «Поддержим Цинов, уничтожим иностранцев».

В период 1898–1899 гг. ихэтуани физическим истреблением иностранцев на китайской территории не занимались, ограничиваясь лишь пропагандистскими заявлениями в их адрес и нападениями на христианские миссии. Истинно китайскими, достойными почитания они считали лишь три традиционных учения — конфуцианство, буддизм и даосизм.

Однако, в отличие, например, от движения тайпинов, ихэтуани не смогли выдвинуть из своих рядов харизматического лидера, который смог бы объединить вокруг своей личности широкие слои населения и разобщенные повстанческие отряды. Состав участников движения был достаточно широк. Это были крестьяне, в том числе и состоятельные, часть городских жителей, демобилизованные солдаты, рабочие, монахи. Среди них было много люмпенов.

Общественная мысль и культура Китая во второй половине XIX в.

После поражения Китая в первой и второй «опиумных» войнах в обществе возникло несколько точек зрения по поводу будущего развития страны. Главной дилеммой для многих мыслителей стал вопрос: что для Китая предпочтительнее — потерпев военное поражение, превратиться в полуколонию иностранных держав либо, потерять самобытность великой цивилизации, восприняв идеи «варваров».

Можно выделить следующие основные группировки, по разному отвечавшие на этот вопрос — «консерваторы» («твердолобые») и «новаторы» («западники»), и «группа моральной чистоты» (в основном, объединявшая членов академии Хайлинь). Первая группировка требовала изоляции Китая от остальных государств, недопущения в страну иностранных подданных, оставления в неизменном виде экономических и социальных отношений в обществе. По их мнению, Китаю, для достижения прежнего величия, необходимо было вернуться к заветам правителей древности, изучая их по трудам

философов того времени и применяя затем на практике. По их инициативе в обществе нагнетались антихристианские и антииностранные настроения. Издавалось большое количество памфлетов, о содержании которых красноречиво говорят даже их названия — «Смерть дьявольской вере», «Песнь об уничтожении дьяволов» и т.д. Наибольшую известность в этой группе мыслителей получили взгляды хунацского шэньши Чжоу Ханя, поддержанного членами академии Ханьлинь. Одно время, после ликвидации «движения за реформы», Цыси даже рассматривала вопрос о привлечении его на один из важных постов в государстве.

Вторая группа считала, что при общем сохранении китайских традиций, необходимы заимствования и у иностранцев, но не их идей, а технических достижений, прежде всего в военной области.

Последняя из названных выше групп считала необходимым очистить органы государственной власти от людей, нарушающих нормы «добродетели» прежних времен, возродить «золотой век» древности в деятельности правительства. Они, как и представители первой группы, критиковали сторонников заимствования достижений Запада.

Можно назвать еще одно, организационно не оформленное течение, представители которого — Фэн Гуйфэнь (1809–1874), Ван Тао (1828–1897), Сюэ Фучэн (1838–1894) и др. Они считали себя идейными продолжателями Вэй Юаня и Линь Цзэсюя.

В 1861 г. появилась работа Фэн Гуйфэна «Протест Цзяо Биньлу», в которой в качестве неотложных выдвигались задачи создания национальной китайской промышленности, реформа государственного управления, учреждение школ по западному образцу и т.д. И все это они связывали с дальнейшим укреплением в Китае авторитета конфуцианского учения.

Сюэ Фучэн и Чжэн Гуаньин выступили против консерватизма в китайском обществе, выражавшегося, по их мнению, в стремлении к сохранению в стране устаревших обычаев и законов. Такого рода взгляды вызывали сильное недовольство в среде консерваторов, очень часто подвергавших своих оппонентов моральному террору и преследованиям их родственников.

Из представителей реформаторов можно выделить Кан Ювэя с его теорией «великого единения» (Да Тун), Тань Сытуна и Лян Цичао.

Теория «великого единения» была подробно изложена Кан Ювэем в его «Книге о Великом Единении», опубликованной в 1887 г.

Кан Ювэй в ней высказывал мысль, что человечество может избавиться от страданий путем организации идеального государственного строя и чтобы его достичь, необходимо избавиться от некоторых препятствий. Таких преград на пути в «светлое будущее» он насчитал девять — деление государства на племена, на богатых и бедных, подлых и благородных, по расовому признаку, неравенство между мужчинами и женщинами, семейные отношения, деление по профессиям, противоречия, возникающие в результате существования неравенства между людьми и несогласия некоторых из них с общими законами, преграды между людьми и животными, а также препятствия, возникающие по причине невозможности исчерпать все беды, обрушивающиеся на людей.

Он полагал, что есть возможность ликвидировать все названные выше препятствия и установить на Земле справедливость в течение 200–300 лет. На первом этапе предлагалось созвать всемирную конференцию по демобилизации вооруженных сил, создать Союз Наций, всемирные парламент и правительство.

Сам Кан Ювэй считал, что созданная им теория является дальнейшим развитием конфуцианского учения, однако многое из им высказанного входило в явное с ней противоречие. Некоторые элементы были заимствованы из учения тайпинов, а также из теорий западноевропейских утопистов, с учением которых он мог познакомиться, читая издававшиеся иностранцами на китайском языке журналы.

Идеи Кан Ювэя популяризировались в Китае его ближайшим единомышленником Лян Цичао. Однако после поражения «ста дней» реформ, он стал его критиковать, сблизившись с революционным крылом.

Другим ярким представителем реформистской общественной мысли конца XIX в. являлся Тань Сытун (1863–1898). Являясь сыном губернатора провинции Хубэй, он в 1885 г. основал кружок по изучению западных наук, занимал различные чиновничьи должности в разных городах Китая. Уже после его казни по приказу маньчжурских властей, был опубликован трактат «Учение о гуманности», в котором он обвинял во всех бедах Китая иноземную Цинскую династию. Он

выдвинул идею союза Китая с Кореей, Афганистаном, Ираном и Османской империей, которые также испытывали на себе негативное воздействие иностранных держав, нуждались в ликвидации монархических режимов и учреждении демократии. Тань Сытун вплотную приблизился к идее установления в Китае республиканского строя, считал положительным примером опыт Великой французской революции, «уничтожившей всех монархов». Он идеализировал порядки в странах Запада, но тем не менее не считал их полностью приемлемыми для Китая. В 1898 г., вопреки своим взглядам, он пошел на компромисс, став одним из руководителей движения за реформу.

Сунь Ятсен в конце XIX в. еще не проявил себя в полной мере в качестве выдающегося мыслителя, но тем не менее некоторые его работы того периода заслуживают внимания. Начиная Сунь Ятсен как сторонник реформаторов, близкий по взглядам к Ван Тао и Чжан Гуаньину. В конце 1893 г., с их помощью, он написал Ли Хунчжану, в котором тогда видел самого перспективного сторонника реформ, специальный меморандум с изложением собственного плана переустройства страны. Он предлагал заимствовать лучшие достижения западных держав для усиления экономической и военной мощи Китая, для чего, по его мнению, необходимо было дать людям проявить свои задатки, дать им возможность беспрепятственно заниматься торговлей и земледелием. Правительство, писал Сунь Ятсен высшему китайскому сановнику, должно оказать помощь в развитии сельского хозяйства, добычи полезных ископаемых, защищать интересы собственных товаропроизводителей, расширить транспортную сеть Китая, уменьшить внутренние таможенные тарифы и т.д. Он считал, что при выполнении этих мероприятий, в течение двух десятков лет Китай сможет выйти на уровень развития Японии и даже обогнать в своем развитии европейские страны. Однако Ли Хунчжан не принял Сунь Ятсена, попытавшегося лично вручить ему свой меморандум. После этого, и особенно после поражения Китая в войне с Японией, он становится более радикальным в своих взглядах, подойдя к идее необходимости свержения цинской династии. В этом было его главное различие в тот период с реформаторами, так как Кан Ювэй придерживался мнения, что с Цинами можно еще найти компромисс.

В области культуры в конце XIX в. наблюдаются самые противоречивые тенденции. С одной стороны, господствует идея подражания в литературе классическим образцам, и особенно в поэзии, придерживающейся стиля, сложившегося еще в древности и мало понятного простому народу. С другой стороны, выдающимся явлением конца XIX в. стало дальнейшее распространение литературного языка *байхуа*, понятного широким слоям населения, который постепенно вытеснял старый литературный язык *вэньянь*, понятный лишь самой образованной части общества. Появляются проекты создания фонетического письма вместо иероглифического.

В поэзии заметным явлением стало творчество сторонника реформаторов Хуан Цзунсяня (1848–1905), в стихах которого содержались призывы к борьбе с иностранным господством. Положительный отклик в общественном мнении получил роман Ли Баоцзя «Наше чиновничество», в сатирической форме показывавший нравы этого слоя китайского общества.

В изобразительном искусстве продолжалось совершенствование национальных традиций. В стиле «гохуа» появились выдающиеся произведения Жэнь Боняня (1840–1896). На конец XIX в. приходится начальный этап творчества великого художника Ци Байши (1861–1957).

Архитектурные традиции воплотились в здании императорского летнего дворца «Ихэюань» («Парк безмятежного отдыха») и в выдающихся произведениях парковой архитектуры.

В середине — последней трети XIX в. в Китае появляются несколько десятков газет на китайском языке, учрежденных самими китайцами, в том числе и из числа сторонников реформаторского движения. Так, например, Линь Цзэсюй издавал журнал «Гуанчжоусские записки», Ван Тао организовал издание китайской газеты в Гонконге и т.д.

Тайвань в XVI–XIX вв.

Остров Тайвань (Формоза) — крупнейший, относящийся к территории Китая. Его отделяет 150 км от материковой части страны. Площадь Тайваня — 36 тыс. кв.км., большую часть которой составляет гористая местность. Начало китайской колонизации острова относится к XII–XIII вв., когда пришельцы с материка стали постепенно оттеснять с равнин в горы местных жителей малайско-полинезийского происхождения, находившихся в тот момент на стадии догосударственного развития. Завоеватели дали им обобщенные названия — «*гаошань*» (горцы) и «*хуафань*» («прирученные» варвары). Если первые длительное время сохраняли свою самобытность, то вторые быстро стали ассимилироваться с китайцами.

В XIX в. на острове проживало порядка 3 миллионов китайцев и 70 тыс. коренных жителей.

Переселенцы на Тайвань приезжали, в основном, из Южного Китая. Это было связано с усилением там эксплуатации крестьянства, грабительских условий аренды земли. На острове же они получали возможность включиться в торгово-предпринимательскую деятельность, получив при этом поддержку своего клана, находившегося по-прежнему на исторической родине.

В XVI в. роль Тайваня в китайской торговле усиливается в связи с появлением на территориях других островных государств Юго-Восточной Азии европейских колонизаторов. Кроме того, остров стал одним из центров нелегальной торговли, осуществлявшейся между Китаем и другими тогдашними государствами Азиатско-Тихоокеанского региона, прежде всего Японией.

Постепенно китайский капитал на Тайване стал выступать не только как конкурент европейских колонизаторов, но и в

качестве посредника между ними и другими государствами региона Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока, получая от этого свою коммерческую выгоду.

С приходом к власти в Японии династии сегунов Токугава, Тайвань стал для них предметом особого интереса в качестве возможного плацдарма на пересечении важных торговых путей. На острове японцев встретили очень враждебно и несколько их попыток здесь закрепиться закончились неудачей. В 30-е гг. XVII в. Япония «самоизолировалась» от остального мира, и Тайвань стал предметом интереса прежде всего для европейцев. Здесь сумели укрепиться голландцы, которые объявили его собственностью своей Ост-Индской компании, а его жителей — ее арендаторами, на которых были возложены подушные налоги и различного рода повинности. После этого началась борьба местного населения с колонизаторами, вылившаяся в середине XVII в. в крупное восстание, жестоко подавленное голландцами. Для Голландии, после «самоизоляции» Японии, оставшейся единственной державой, с которой ее купцы имели право торговать, Тайвань стал важным перевалочным пунктом, в том числе и в посреднической японо-китайской торговле.

В ходе борьбы с маньчжурскими завоевателями Китая голландцы вынуждены были покинуть Тайвань, и в течение двадцати лет остров был оплотом китайского сопротивления маньчжурской экспансии на юге Китая.

Во главе антиманьчжурского движения на Тайване стоял **Чжэн Чэньгун**. Он ввел здесь особую форму правления, по типу торговой корпорации, став руководителем совета, решавшего важнейшие вопросы жизни острова.

После его смерти в 1662 г., власть на острове перешла к его сыну **Чэн Цзину**, руководившего им до 1681 г. В это время сюда с материка приехало много сторонников свергнутой династии Мин, включая и членов императорской фамилии. К моменту перехода острова под контроль Цинов в 1683 г., здесь проживало до 300 тыс. человек.

Политика Цинов и западных держав на Тайване в конце XVII—конце XIX вв.

Цины не сразу включили Тайвань в состав своей империи, но, опасаясь его превращения в оплот оппозиции, в 1684 г. Тайвань получил статус области в составе провинции Фуцзянь.

Основу экономики острова составляло сельское хозяйство. Здесь выращивался рис и сахарный тростник. Сахар вывозился прежде всего в Голландию, Японию и Персию. Маньчжуры не могли простить тайваньцам ожесточенного сопротивления установлению их власти, поэтому они ужесточили к ним свое отношение, усилив налоговое бремя и личные повинности. С другой стороны, Цины были заинтересованы в сохранении острова в качестве важного торгового центра, сулившего им немалые прибыли.

На рубеже XVII–XVIII вв. на Тайване вспыхнули крестьянские восстания, которые усилил начавшийся на острове голод. В 1721 г. они возникли вновь, но были жестоко подавлены. На острове был усилен военный гарнизон, воздвигнуты укрепления, и кроме того, поощрялось переселение с материка китайского населения, лояльного Цинам. В 1733 г. на Тайване была введена система круговой поруки.

В связи с увеличением числа жителей, на Тайване стала ощущаться потребность в расширении пахотных земель, для чего началась распашка целины.

Попытки включить Тайвань в сферу европейского влияния после подчинения острова Цинам вначале предпринимались католическими миссионерами-иезуитами. После роспуска их ордена в 1773 г. инициатива перешла на какое-то время к французам, но произошедшая вскоре Великая французская революция их также вывела из борьбы за Тайвань.

В первой трети XIX в. Тайвань заинтересовал англичан, желавших превратить его в свою опорную базу в Южном Китае. Однако вскоре эти планы изменились в пользу Гонконга, который с 1841 г. стал британским владением.

Определенные интересы, прежде всего в качестве военной базы, в отношении Тайваня имели и США, с середины XIX в. открыто соперничавшие в этом вопросе с Великобританией. В результате остров остался в составе Китая, но его порты были открыты для западных коммерсантов.

В 60-е гг. XIX в. о своих интересах на Тайване заявила Пруссия, которая вслед за Англией, Францией, США и Россией стала участвовать в договорах, предусматривавших открытие тайваньских портов. Затем еще 7 европейских держав в течение 1862–1869 гг. присоединились к ним. Китайский император пытался ограничивать иностранное влияние на острове, но существенных результатов это не дало.

В 70-е гг. XIX в. свое место в борьбе за Тайвань стала искать Япония. В 1871 г. был подписан японо-китайский договор о дружбе, по которому порты Тайваня были для нее открыты. В 1874 г., под предлогом мести за убийство японских рыбаков у берегов Тайваня, в Японии был разработан план экспедиции возмездия. Однако в тот момент осуществить ее не удалось.

Следующей попыткой подчинения Тайваня стали события франко-китайской войны 1883–1885 гг., когда Франция попыталась установить свой контроль на острове, но она также закончилась неудачей.

Тайвань накануне японского завоевания

Несмотря на все усилия, к концу XIX в. Цинам так и не удалось установить своего полного контроля над островом. Наибольшее влияние они имели на юге. На северо-западе, ближе к местам расселения коренного населения, она была фактически номинальной.

В сельском хозяйстве, наряду с выращиванием риса и сахарного тростника, важное место стало занимать производство чая, пользовавшегося большим спросом в Европе и США.

Накануне франко-китайской войны на остров был направлен китайский чиновник Лю Миньчжуан, один из сподвижников Ли Хунчжана, который провел там ряд прогрессивных реформ в духе политики «самоусиления».

В 1887 г. Тайвань был выделен в отдельную провинцию Китая, а Лю Миньчжуан стал ее первым губернатором, пробыв на этом посту 4 года. Но сменивший Лю Миньчжуана Шао Юлянь начал сворачивать проведение реформ.

Тайвань в годы японо-китайской войны оказался не готов к обороне и в апреле 1895 г. перешел под юрисдикцию Японии. Генерал-губернатором острова был назначен Кобаяма Сукэнори. Это вызвало волнения местного населения, вылившиеся в движение сопротивления захватчикам.

23 мая 1895 г. в Тайбэе была принята «Декларация о независимости государства народного правления Тайваня», провозглашавшая образование «Миньчжоу-го» — демократического государства — Республики Тайвань. Президентом был избран Тан Цзинсун.

В конце мая на острове высадились японские войска, и 7 июня они подошли к Тайбэю. Бои шли до конца августа 1895 г. 26 октября на остров прибыл японский губернатор, но народные волнения на этом не прекратились, продолжившись в форме партизанской войны до конца XIX в.

Монголия в начале XVI в.

В Новое время Монголия потеряла былое могущество и к началу XVI в. представляла собой раздробленные, постоянно враждовавшие друг с другом территории, протянувшиеся от юга Сибири до Великой китайской стены, а также от Хинганского хребта до предгорий Тянь-шаня. Основным занятием населения являлось экстенсивное кочевое скотоводство. Земледелие, в силу климатических условий и бедных почв, было развито слабо.

Во главе государства формально находился великий всемонгольский хан. Символом его власти являлась печать юаньской династии, правившей Китаем с 1288 по 1380 гг. Выглядит не случайным и тот факт, что всемонгольский Даян-хан провозгласил себя в конце XV в. «Да Юань Да Кэхань» («Великим ханом Великой Юаньской империи»), т.е. фактическим преемником этой династии.

Территории, на которых жили монголы, делились на *отоки* (роды) и *аймаки* (племена). Это деление, характерное еще для джунгарской эпохи, вновь закрепилось в годы правления Бату-Мункэ-хана (Даян-хана) в первой половине XVI в. Аймаки превратились в период децентрализации Монголии в самостоятельные уделы с абсолютной властью наследственных правителей.

Еще одной административной единицей являлся *хошун*, представлявший из себя военное формирование, создававшееся отдельным отоком. Командиры хошунов составляли военное сословие, на которое опирался всемонгольский хан. При Даян-хане эти военачальники использовались для борьбы с сепаратистскими устремлениями местных правителей, но они не имели права владеть уделами, а могли лишь кочевать по своему усмотрению и не платить налоги.

Монгольское общество начала XVI в. можно условно разделить на две части — господствующую элиту, представленную прямыми потомками «золотого рода» Чингисхана и рода Борджагин, являвшегося боковой ветвью чингисидов, а также подчиненную им служилую знать, происходившую от потомков бывших темников и тысячников войска Чингисхана. Прямые потомки Чингисхана в Южной и Северной Монголии выступали как владетельные князья, распорядившиеся пастбищными и другими землями. Потомки других родственников Чингисхана кочевали на их территориях.

При Даян-хане Восточная Монголия была разделена на правое и левое крыло. Всемонгольский хан лично управлял левым крылом, а правое было передано под контроль князя-соправителя, являвшегося наследником престола. В течение второй половины XVI в., когда усилилась раздробленность страны, титул хана имели уже девять высших сановников.

Самым многочисленным слоем монгольской элиты были тайджи, происходившие от различных ветвей рода Чингисхана и имевшие право владеть зависимыми людьми — *аратами*, которых тогда называли *албату* (обязанные выполнять повинности). Аратам выделялась пастбищная земля и они имели возможность организовать индивидуальное хозяйство, выполняя две основных повинности — отработочную и продуктовую (как в пользу государства, так и на отдельных представителей элиты).

Аратство, в свою очередь, делилось на несколько категорий. Самой привилегированной считались дарханы, имевшие право свободной кочевки, а также чиновники — выходцы из аратства. Следующую категорию составляли зажиточные араты, не имевшие особых привилегий и званий. И внизу этой социальной категории находились беднейшие араты (простолюдины).

Одним из эффективных средств воздействия аратов на своих эксплуататоров в новое время являлась самовольная откочевка из тех районов, где им предписывалось отбывать повинности. Случаи открытого вооруженного неповиновения были достаточно редким явлением.

Монголия после смерти Даян-хана

Смерть в 1543 г. Даян-хана стала своеобразным рубежом в политической истории Монголии, после которой процесс раздробленности страны стал усиливаться.

От Монголии постепенно стала отделяться ее южная часть, где власть унаследовали старшие сыновья Даян-хана. Эти территории имели, в отличие от северных, более тесные связи с минским Китаем.

На севере Монголии установилась власть младшего сына Даян-хана — Герсэндзэ, при котором эта территория также обособилась и стала называться Халха. Районы к югу от пустыни Гоби оказались под контролем Алтан-хана, правившего там вплоть до 1582 г. Он отказывался признавать власть других наследников Даян-хана и стал расширять свои владения за счет западномонгольских земель, где проживали монголы-ойраты. Их главное отличие от других монгольских племен состояло в том, что ойратские правители являлись выходцами из родов, насильственно подчиненных Чингисханом и ставших его вассалами. Поэтому в глазах правителей Южной и Северной Монголии, прямых потомков Чингисхана, ойраты выглядели как менее значимая, «младшая» ветвь, с чем последние никак не могли смириться и в конце XIV в. на какое-то время даже смогли доминировать, объединив монгольские земли. Их правитель Эсень являлся в середине XV в. всемонгольским ханом, но после его смерти номинальная верховная власть вновь перешла к потомкам Чингисхана, которых китайцы называли «татарами».

При Алтан-хане велась взаимовыгодная торговля с Китаем, и его владения отличались достаточно стабильным развитием. Кроме скотоводства, там стали возникать оседлые поселения и ремесленные производства. В середине XVI в. Алтан-хан построил г. Хух-Хото, ставший впоследствии его ставкой и главным городом юга Монголии, в котором он вынашивал планы подчинить своей власти все другие монгольские земли. Однако осуществить эти планы полностью он так и не смог.

Еще до установления господства над Китаем в середине XVII в., маньчжуры предпринимали попытки завоевания юго-восточной части Монголии, где во главе Чахарского ханства находился правнук Даян-хана Лигдан-хан, вступивший в антиманьчжурский союз с Минами.

В 1634 г. сторонники Лигдан-хана потерпели поражение в войне с маньчжурами, а спустя два года маньчжурский император Абахай был объявлен ханом Южной Монголии. Халха по прежнему оставалась независимой, что не устраивало маньчжур.

В 1640 г. халхасцы перед лицом маньчжурской опасности пошли на вынужденный союз с ойратами, разработав на совместном съезде общих для двух территорий свод законов. Кроме того, халхасские князья отправили к Абахаяу своих представителей с дарами и предложением союза. Тем самым они попытались уклониться от прямого военного столкновения с маньчжурами, к которому тогда они были явно не готовы.

Таким образом, к началу XVII в. условно можно выделить три основных территории расселения монгольских племен — Южная (Чахар), Северная (Халха) и Западная (Ойратия), в свою очередь, распадавшиеся на более мелкие.

Начальный этап распространения буддизма в Монголии

Буддизм проник в монгольские земли еще в период правления там Чингисхана в XIII в. Именно в те времена появилось т.н. «учение о двух принципах», согласно которому в основе государственной идеологии Монголии одновременно должны лежать светское и религиозное начала (при преимущественном влиянии первого из них).

Из различных школ и направлений буддизма в Монголии к середине XVI в. утвердился ламаизм, пришедший туда из Тибета.

Ламаизм сумел удачно вписаться в монгольскую политическую традицию, особенно после возникновения теории «двух законов», согласно которой без закона религиозного все живые существа попадают после смерти в ад, а без закона светского (ханского) народы и племена, населяющие Землю, и вовсе погибнут. Однако уже с самого начала религиозная власть была подчинена светской, выступавшей для монголов в роли идеологического обоснования власти ханов. Выглядит не случайным тот факт, что первой буддистской сутрой, переведенной с тибетского языка на монгольский, была «Алтан-гэрэлту», содержащая идею верховенства монархической светской власти.

Вначале ламаизм принял правитель Ордоса Хутухай-Сэцэн-хунтайджи, затем сумевший убедить в правильности своего решения Алтан-хана. В 1578 г. состоялись переговоры между правителями юга Монголии и верховным ламой Тибета Содном-дхамца, в ходе которых были определены основы

отношений между светскими властями и руководством ламаистской церкви. Был создан своеобразный тибето-монгольский союз, противостоявший минскому Китаю. В знак этого Алтан-хан удостоил религиозного лидера Тибета звания Далай-лама (Океан премудрости), а тот, в свою очередь, провозгласил его великим ханом. После этого ламаизм, при поддержке светских властей Монголии, стал все активнее распространяться по всей ее территории, причем высшее духовенство наделялось привилегиями светской элиты, в частности, ламы освобождались от уплаты налогов и личных повинностей.

В 1586 г. верховным ламой Тибета стал правнук Алтан-хана. Это был первый и последний случай, когда монгол возглавил ламаистскую церковь в Тибете.

Вскоре о своей приверженности ламаизму объявил правитель Халхи Абатай, во владениях которого появился первый в Монголии *дацан* (монастырь). В 1642 г. сын одного из светских правителей — Тушету-хана, Ундур, был провозглашен первым главой ламаистской церкви на территории Монголии. Спустя семь лет тибетский Далай-лама посвятил его в высший сан — *гэлукпа*, объявив хубилганом выдающегося буддистского мыслителя Джебцзун-даранты. Таким образом, его полное имя стало Джебцзун-дамба-хутухта I с титулом богдо-гэгэн (*гэгэн* — блестящий), являвшимся третьим по значимости в ламаизме после Далай-ламы и Панчен-ламы, находившихся в Тибете. Вскоре вся страна была покрыта множеством ламаистских монастырей, которым светская власть выделяла земельные владения и лично зависимых аратов.

С развитием ламаизма стала развиваться монгольская культура и письменность. При монастырях открывались школы, ставшие своеобразными очагами подготовки образованных людей и зачатков интеллигенции.

С другой стороны, ламаистская церковь ежегодно забирала в свои ряды большое количество молодых мужчин, что не могло не сказаться и на уровне экономического развития Монголии.

Образование Джунгарского ханства

На рубеже XVI–XVII вв. в Западной Монголии образовалось отдельное ханство, получившее название Джунгарское (Ойратское). Оказавшись на пересечении интересов России и

Цинского Китая, эта страна сыграла важную роль в международных отношениях в Центральной Азии того периода.

Находясь в неблагоприятном для себя окружении, Джунгария испытывала в то время большие экономические затруднения, отражавшиеся и на происходивших там внутриполитических процессах. Постепенно гегемонию захватил род Чорос, выдвинувший из своих рядов хана Харахула. Ответом недовольных таким положением дел князей стала их откочевка из Джунгарии вместе со своими зависимыми аратами в первой трети XVII в. Наиболее известными из этой группы стали калмыки, поселившиеся на территории России и принявших российское подданство.

Оставшиеся в Джунгарии монголы, которых после смерти в 1635 г. Хара-Хулы возглавил его сын Батур-хунтайджи, были настроены антиманьчжурски и попытались объединить всех монголов на борьбу с ними. Эту дату считают временем образования Джунгарского ханства. Часть ойратов, недовольных созданием Джунгарии, откочевала на Волгу и в Кукунор, где возникли самостоятельные ойратские ханства. Тем не менее, несмотря на антикитайские и антиманьчжурские настроения, главным направлением внешнеполитической активности ойратов стал Восточный Туркестан.

В 40-е гг. XVII в. Джунгария начинает завоевание восточных районов Могулистана, начав с территорий Чалыша и Турфана. Затем они вторглись в Кирию, Аксу и Кашгар. В 1652 г. Батур-хунтайджи вел войны с тяньшанскими киргизами и с казаками, сумев их оттеснить в другие районы. Но после его смерти они вновь начинают воевать с ойратами и только к 1655 г. от них освободили восточную часть Семиречья. Можно говорить о том, что к этому времени возникла уже единая тюрко-монгольская общность, способная противостоять проникновению сюда Цинского Китая и видевшая в захвате этого региона перспективу для контроля за проходившем тут важным тяньшанским участком Великого шелкового пути.

Часть местного ойратского населения начинает вести оседлый образ жизни, строить города. Был написан свод законов «Цааджин бичик», предприняты попытки создания особой ойратской письменности, что свидетельствует о еще большем отделении ойратов от других монгольских народностей, попавших к этому времени под контроль Цинов и их сближении с народами Восточного Туркестана.

Монголия в середине XVII–XVIII вв.

Смерть в 1643 г. маньчжурского хана Абахая и вступление на престол его малолетнего сына, стали поводом для ряда монгольских князей освободиться от вассальной зависимости. В 1647 г. Сэцэн-хан и Тушету-хан выступили в поддержку поднявшегося восстание против маньчжурского господства южно-монгольского князя Тэнгиса, но потерпели поражение. В Пекине потребовали от монгольских князей посылки своих заложников, но те посчитали для себя такую процедуру унижительной и ответили отказом. Лишь в 1655 г. князья Халхи вынуждены были вновь признать свою вассальную зависимость от маньчжурского богдыхана Шуньчжи.

Маньчжуры, занятые установлением своего господства в Китае, не могли одновременно вести активную экспансию в отношении Халхи, поэтому использовали метод разжигания внутримонгольских противоречий, в частности, между ойратами и лидерами Халхи, выступая в роли посредников в их урегулировании. В 1664 г. они в одностороннем порядке закрыли границу между Южной Монголией и Халхой по пустыне Гоби, запретив монголам ее самовольный переход.

В 1688 г. вспыхнула война между Халхой и ойратами, закончившаяся поражением первой. Спасаясь от преследования ойратов, вожди Халхи в 1691 г. на съезде князей Южной и Северной Монголии, проходившего с участием маньчжурского богдыхана Канси, стоя перед ним на коленях, приняли решение о вхождении Халхи в состав цинского Китая, ее разделе на 34 хошуна, о реорганизации монгольских войск по маньчжурскому образцу и о замене монгольских титулов маньчжурскими.

Таким образом, к концу XVII в. независимыми от маньчжур оставались лишь жители Ойратского ханства.

После подчинения Халхи, маньчжурский богдыхан был провозглашен верховным правителем Монголии, распространив на ее территорию законы цинской империи. Монгольские ханы получили статус вассалов маньчжурского богдыхана, который получал право присваивать им титулы и звания, наделять или лишать земельными уделами.

Для организации непосредственного управления монгольскими землями, маньчжуры создали специальную «Палату внешних сношений», руководство которой подбирало

кандидатуры для назначения на должности *цзяньцзюней* (наместников), а также *руководителей аймаков* (ханов) и *хошунов* (дзасаков).

Власть монгольских ханов ликвидировалась на уровне аймаков. Старое административное деление упразднилось и вводилась новая система разделения на хошуны, границы которых лично утверждались богдыханом. Хошунский дзасак ведал военными, административными и судебными делами на подведомственной территории, в свою очередь, имевшую деление на более мелкие единицы. Власть дзасака была наследственной, и его положение во многом зависело от воли богдыхана. Вместо старых титулов и званий вводились новые, соответствовавшие китайским. Бывшие ханы аймаков формально сохранили свои прежние титулы, но на практике они были не выше титула хошунного дзасака. В конце XVII в. к монгольским князьям указом богдыхана были прикреплены араты — *хамджилга*. Самые знатные представители монгольской элиты получили право ношения одежд и знаков отличия, подобных сановникам маньчжурского богдыхана.

Маньчжуры старались разобщить монгольскую элиту, опасаясь ее консолидации вокруг идеи восстановления независимости. Маньчжуры часто выступали в роли посредников при разрешении внутримонгольских противоречий, что поднимало и укрепляло их авторитет.

К 1725 г. на территории Халхи существовало четыре аймака, состоявших уже из 74 хошунов. Таким образом, Монголия была раздроблена на большое число уделов. Все ее мужское население, способное носить оружие, включалось в хошунные войска во главе с князем, который назначался маньчжурами из числа лиц, имевших наиболее высокие титулы. Хошун делился на сомоны, а несколько хошунов составляли аймак. Таким образом, административные и военные единицы совпадали. Вооружены войска были копьями и луками. Огнестрельного оружия у них не было. Главной функцией такого войска являлось несение пограничной службы на северных границах Халхи.

В 1727 г. в каждом аймаке были созданы собрания хошунных дзасаков, избравших из своей среды главу, который, после утверждения его кандидатуры в Пекине, становился там главой гражданской власти. Таким образом, прямые потомки Чингисхана были лишены реальной власти, так как

теперь все ханы и дзасаки стали находиться в прямом подчинении китайского богдыхана.

При императоре Юнчжэне, в 1735 г., маньчжурский язык на территории Монголии стал официальным, а при Цяньлуэ (1736–1796), установилась практика регулярного, раз в три года, приезда монгольских князей на личную аудиенцию в Пекин для передачи дани и подарков.

К 70-м гг. XVIII в. был выработан свод законов «Халха Джирум», определявший внутреннюю политику этой части монгольских земель. Ежегодно князья Северной Монголии направляли в Пекин большую дань, высказывая тем самым покорность цинскому двору.

С середины XVIII в. на территории Халхи начинают вспыхивать восстания против маньчжурского господства, которые зачастую возглавлялись недовольными Цинами местными князьями.

Значительную роль в успокоении волнений монголов и подчинении их маньчурами сыграло в тот период ламаистское духовенство, особое место в котором занимали *хубилганы* (перерожденцы), почитавшиеся в качестве святых. Именно по настоянию одного из них, Гомбо-Доджи, в 1691 г. князья Халхи перешли в подданство Цинского Китая. Ламы были освобождены маньчурами от несения многих повинностей. В свою очередь, ламство можно разделить на две категории — высшую, по своему реальному статусу сравнимому с князьями, и низшую, не имевшему больших привилегий и сравнимую по своему социальному статусу с аратам.

Маньчуры усилили закабаление самого многочисленного слоя монгольского населения — аратов. Все стороны их жизни подвергались жесткой регламентации и контролировались властями. Судебная система характеризовалась дифференцированным подходом к вынесению наказаний различным категориям населения. Так, например, за убийство простого арата представителем высшего сословия полагался лишь штраф, а в обратном случае — смертная казнь. Наиболее сурово каралось бегство за границы Монголии. Чаще всего за это преступление полагалась смертная казнь через удушение или отсечение головы, а родственники казненного должны были еще и выплатить большой штраф.

Хозяйство аратов носило, в целом, натуральный характер. Они не имели своей земельной собственности и находились

в личной зависимости от князей или высших лам. Переход арата от одного господина к другому запрещался. Арат не мог без разрешения хозяина жениться сам и женить своих детей, делить между ними свое личное имущество, самовольно выезжать за пределы владений своего господина. Внешним признаком арата являлось ношение синего халата. Аратство делилось на три основных категории — албату, хамджилга и шабинар.

Албату закреплялись за хошунными дзасаками. Они выплачивали своему господину и маньчжурскому государству натуральные налоги и выполняли различные виды отработочной ренты. Мужчины этой категории являлись членами хошунного войска и обязаны были ежегодно проходить военные сборы. Многие из них несли пограничные караулы.

Хамджилга закреплялись как за хошунными дзасаками, так и за тайджи. В их обязанности входило повсюду следовать за своими господами, обслуживать их личные хозяйства, оплачивать долги и т.д.

Шабинары закреплялись за ламаистскими монастырями и отдельными хубилганами. Они платили натуральную ренту, занимались выпасом скота, закрепленного за монастырями, строили новые религиозные сооружения и т.д. За счет личных средств шабинаров организовывались поездки ламаистского духовенства в Тибет, тибетских лам в Монголию, паломничество к святым местам и т.д.

Особой категорией являлись *рабы*. Она была самой малочисленной и формировалась, в основном, за счет аратов, приговоренных к рабству по решению судебных органов. Однако особого рабского уклада в экономике Монголии в период маньчжурского господства уже не было. Продажа аратов была ограничена, однако в пределах аймака она практиковалась достаточно часто.

Джунгарское ханство в конце XVII — середине XVIII в.

После смерти Батур-хунтайджи в Джунгарии началась борьба за престол, победителем в которой стал его сын Галдан, правивший с 1671 по 1697 гг., при нем началось завоевание джунгарами Восточного Туркестана, завершившееся к 1680 г. К этому времени государство значительно укрепилось и установило хорошие отношения с Россией.

В 1690 г. начались военные столкновения джунгар с цинским Китаем, завершившееся через семь лет их поражением и гибелью Галдан-хана. Джунгария вынуждена была вывести свои войска с территорий Южной и Северной Монголии.

После этого во главе Джунгарии до середины XVIII в. попеременно находились Цэван Рабдан и Галдан-Цэрэн, на правление которых пришелся период расцвета ханства. Они неоднократно вступали в вооруженные столкновения с цинскими войсками, пытавшихся вторгнуться на ойратские земли. Так, в 1715, 1727 и 1732–1735 гг. Цины терпели поражения в сражениях с ойратами. В 1735 г. им вновь удалось захватить часть халхасских земель. В ответ Цины построили в Северной Монголии крепости Кобдо и Улясутай, готовясь тем самым к репяющим сражениям.

В 1739 г. Джунгария и Китай заключили мирный договор, по которому ойратам была возвращена часть их прежних земель к востоку от Алтая.

После смерти в 1745 г. Галдан-Цэрэна в Джунгарии началась борьба за власть, в результате которой на престол вошел его племянник Даваца. Это привело к тому, что князь Амурсана, пользовавшийся в Джунгарии большим авторитетом, перешел в 1754 г. на сторону Цинов, которые в 1755 г. ввели туда свои войска, разделив Джунгарию на четыре самостоятельных княжества, подчинив их своей власти. Посчитавший себя обманутым Амурсана, вскоре после этого поднимает восстание, при подавлении которого почти все тогдашнее население Джунгарии было физически истреблено цинскими войсками либо переселено в другие районы. Сам Амурсана бежал на территорию России и вскоре там умер.

В 1758 г. Джунгарское ханство перестало существовать, а его земли вошли в состав Китайской империи. Проведенная вскоре административная реформа привела к созданию в северной части Джунгарии Кобдосского округа, который впоследствии, вместе с Халхой и Урянхайским краем стали называть Внешней Монголией.

Уже после уничтожения Джунгарии сюда попыталась вернуться часть калмыков из России, надеясь, что Цины дадут им возможность здесь кочевать. Однако маньчжуры, опасаясь в дальнейшем новых волнений, не позволили им этого сделать.

Монголия в XIX в.

В начале XIX в. усилилось подчинение монгольских земель власти Цинского двора. В 1818 г. вступил в силу специальный закон — «Уложение» для Монголии, сохранившее традиционную для монголов систему управления, при которой чиновничий аппарат выполнял лишь вспомогательные функции. На территории Халхи по-прежнему оставалось четыре аймака — *Цецен-хана*, *Тушету-хана*, *Сайн-нойона* и *Цзасаку-хана*. Первыми двумя управляли *амбани* (один монгол и один маньчжур), а аймаками Сайн-нойона и Цзасаку-хана — непосредственно *цзяньцзюнь*, одновременно осуществлявший также и общее командование маньчжурскими и монгольскими войсками на территории Халхи. В военное время ему подчинялись амбани, которые в период мира были от него независимы в гражданских делах. Резиденция цзяньцзюня находилась в Улясутае. Ставки амбаней располагались в Урге и Кобдо.

Аймаки Юго-Восточной Монголии, которых было также четыре, не входили в состав Халхи. Хошунами там управляли тоже наследственные монгольские князья, над которыми находились амбани из числа маньчжур и монголов.

Низшей ступенью государственной власти, распространявшейся на 10 хозяйств аратов, руководили *дарга*, 15 десятков составляли *сомон*, а 5–6 сомонов — *цзасан*. В гражданских делах сомон напрямую подчинялся хошунному дзасаку.

Каждый князь, в соответствии с занимаемым им положением, имел одежду определенного цвета, знаки отличия, должен был строго соблюдать установленный церемониал. Важным инструментом манипуляции мнением монгольской элиты со стороны Цинов стали съезды монгольских князей, формально имевшие право выносить решения по важнейшим вопросам внутренней жизни Монголии.

Чтобы еще больше раздробить Монголию, постоянно увеличивалось число хошунов, к первой трети XIX в. которых уже насчитывалось более ста (в 1655 г. их было всего восемь).

Всего же на территории Монголии в период своего господства маньчжуры создали около двухсот хошунов и поставили под свой контроль монгольскую армию, насчитывавшую до 300 тысяч бойцов. Их использовали не только для охраны внешних границ империи, но и для подавления восстаний,

например, тайпинского. Содержание войск также фактически полностью ложилось на плечи аратов.

Проникновение иностранных держав в Китай накануне и после первой «опиумной войны» не могло не сказаться и на Монголии, где сразу увеличилось число китайских торговых и ростовщических компаний. К концу XIX в. их насчитывалось уже порядка пятисот. В Монголию ими ввозились товары из США, Японии, Великобритании, а вывозились прежде всего скот, пушнина, шерсть и др.

Во второй половине XIX в. многие китайские ростовщики стали в Монголии владельцами большого числа земельных участков, получая их либо в бессрочную аренду, либо в счет погашения долгов местных жителей.

Положение основной части населения — аратства, еще более ухудшалось. Число личных повинностей, ими исполняемых в тот период доходило до двадцати. Особенно обременительной из них являлась *уртонная* (почтовая). Суть ее заключалась в том, что передвижение по Монголии осуществлялось на лошадях аратов той местности, где располагалась та или иная почтовая станция. За провоз между ними пассажиров они не получали никакого материального вознаграждения и к тому же должны были обеспечивать проезжающих (в основном, представителей местной и китайской элиты), ночлегом и питанием.

С конца XVIII в. на территории Халхи происходили разрозненные выступления протеста под антиманьчжурскими лозунгами, а также против политики местных властей. Наиболее заметным стало т.н. дугуйланское движение, вспыхнувшее в середине XIX в. на территории Внутренней Монголии. В конце XIX в. вспыхнули волнения в Кобдо, где один из местных жителей — Дамби-Джацан — объявил себя хубилганом Амурсаны, «второго пришествия» которого ждали многие монголы. Этот человек призывал к свержению власти маньчжуров и изгнанию из Монголии китайских купцов и ростовщиков.

В 1899 г. несколько монгольских князей и высших лам отправили китайскому императору петицию, в которой предлагали отстранить от занимаемой должности одного из китайских наместников и заняться улучшением положения монгольского населения. В этом послании звучала угроза, в случае невыполнения их требований, взяться за оружие. Маньчжурские власти ответили на этот демарш усилением репрессий.

Русско-монгольские связи в XVII в.

В отличие от Китая или Маньчжурии, стремившихся в XVI–XVII вв. подчинить себе монгольские земли, связи с Россией, имевшей в этом регионе другие, мирные цели, складывались для монголов достаточно благоприятно.

Первые свидетельства о двусторонних контактах относятся к началу XVII в. В 1608 г. в Монголию было направлено первое русское посольство и тогда же в Москве появились монгольские посланцы, представлявшие халхасское княжество Алтан-хана и некоторые ойратские земли. Россия высказывала заинтересованность в укреплении единого централизованного монгольского государства, с которым ей было бы легче вести переговоры и осуществлять торговые контакты.

В 1647 г. царь Алексей Михайлович направил в адрес Батур-хунтайджи специальное послание, в котором его подданным разрешалось беспошлинно торговать на территории Сибири. Несколько позднее торговые связи установились и с Ойратским ханством.

В Россию монголы продавали скот, пушнину, получая взамен ткани, ремесленные изделия и другие товары.

Начиная с 40-х гг. XVII в., после появления российских переселенцев за озером Байкал, у них установились тесные торговые отношения с монголами.

В 1665–1675 гг., в связи с попытками цинского Китая подчинить своей власти халхасские земли, некоторые монгольские князья ставили перед тогдашними российскими властями вопрос о переходе в их подданство. Другие, наоборот, ориентировались на Китай и пытались проводить антироссийскую политику. Так, в 80-е гг. XVII в. Тушету²хан несколько раз нападал на русский город Селенгинск. Однако в целом, до подчинения Халхи, отношения между Монголией и Россией складывались достаточно благоприятно.

Внешние связи Монголии после маньчжурского завоевания (XVIII–XIX вв.)

В течение длительного времени после установления над монгольскими землями маньчжурского господства, между завоевателями и покоренными существовали весьма ограниченные связи, распространявшиеся, в основном, на сферу торговли.

Для этого на территории Монголии были открыты всего три населенных пункта и ограничено число китайских торговцев, которые имели право одновременно находиться на монгольской территории. Это делалось прежде всего для ограничения контактов монголов и китайцев, которым запрещалось даже вступать в смешанные браки.

Китайские купцы не имели права въезда на территорию Монголии без специальных свидетельств, в которых точно обозначалось местность, где они имели право торговли, срок пребывания (не более одного года) и виды товаров, которые они могли продавать. Категорически запрещалась реализация монгольскому населению изделий из металла, т.к. маньчжурские власти опасались их переделки в оружие. К нарушителям этих и других подобного рода запретов применялись различные меры наказания. Лишь в начале XIX в. эти ограничения были несколько смягчены, а к середине века и вовсе отменены.

К концу XIX в. общий годовой оборот китайской торговли в Монголии исчислялся десятками миллионов лян серебра. В финансовую зависимость от китайских купцов попадали не только араты, которым они часто продавали товары в долг, но и крупные князья и чиновники, которых они также кредитовали. Кроме того, последние и сами вкладывали свои капиталы в деятельность китайских торговых фирм, получая от них свой процент прибыли. В течение XIX в. практиковалась также передача монгольскими князьями китайским торговцам и ростовщикам права на сбор податей с аратов, которые взимались с них вместе с долгами.

До середины XIX в. отношения между Россией и Монголией строились на основе русско-китайских межгосударственных договоров, подписанных в период 1689–1727 гг. и затрагивали, в основном, лишь торговую сферу.

В 1860 г. русское государство учредило свое консульство в Урге. Спустя два года между Россией и Китаем были подписаны «Правила сухопутной торговли», согласно которым на границе России с монгольскими землями создавалась особая пограничная зона (по 50 верст с каждой стороны), на территории которой можно было вести беспощинную торговлю. Кроме того, русским торговым организациям разрешалось делать тоже самое, правда, в небольших объемах, и в других населенных пунктах Халхи.

Зачастую жители Монголии, которые не вынесли тягот своего существования, переходили границу и оседали в России, принимая русское подданство. Были и другие случаи, особенно среди крестьян-староверов, которые, спасаясь от преследований властей и официальной православной церкви, уходили на монгольскую сторону, селились в долинах рек Селенга, Онона, Орхона и Тэс. Селились здесь и некоторые русские ремесленники и торговцы.

К 70-м гг. XIX в. на территории Монголии насчитывалось уже несколько десятков русских торговых объединений, в результате деятельности которых за последние четыре десятилетия XIX в. объем двусторонней торговли увеличился в 80 раз.

Большое значение для укрепления русско-монгольских связей имели российские научные экспедиции, возглавлявшиеся М.Н. Пржевальским и другими исследователями.

Ламаизм в Монголии в период маньчжурского господства

Маньчжуры, поставив вначале под свой контроль Южную Монголию, в отношении ламаизма проводили достаточно гибкую политику, так как видели в нем прежде всего важный инструмент удержания на этих землях собственного господства. Именно исходя из этого, в 20-е гг. XVII в. ими был построен ламаистский храм в своей тогдашней столице Мукдене.

С одной стороны, маньчжуры постоянно подчеркивали свою равноудаленность от всех направлений ламаизма, но с другой — отдавали явное предпочтение общине Гэлукпа, под контроль которой ими был передан Тибет. При этом они таким способом желали решить задачу подчинения Халхи. Однако, когда богдыхан Канси увидел, что тибетский Далай-лама этому содействовать не будет, то он принял решение усилить свой непосредственный контроль за монгольским ламаизмом.

В 1701 г. начинается строительство монастыря в Долоноре, настоятель которого поочередно жил на его территории, либо в Пекине, и ему предписывалось проводить там службы в честь китайского богдыхана.

Монастыри в Монголии имели различный статус. Самые большие и богатые сооружались по велению китайского богдыхана

на государственные средства и имели особые привилегии. Ко второму типу относились монастыри в честь хубилганов, и их деятельность финансировалась за счет средств монгольских князей. И к последнему типу можно отнести монастыри, которые строились на деньги жителей хошуна или сомона. Рядом с крупными монастырями, как правило, находились резиденции монгольских ханов, а также крупные хозяйственные и торговые поселения. На территории монастырей строились культовые объекты. К 1870 г., например, только в одной Урге насчитывалось около 70 таких сооружений.

Кроме того, высшим ламам жаловалось большое количество новых шабинаров, усиливались их позиции в отношениях со светской элитой. Монастырские хозяйства — *джаса* — занимались торговой деятельностью и ростовщичеством, что приносило им дополнительно немалые доходы.

Однако уже в начале XVIII в. Цины увидели в ламаистской церкви конкурента собственному господству в Монголии. Поэтому ими были предприняты меры для установления контроля над деятельностью богдо-гэгэна. Для этого, после смерти второго богдо-гэгэна в 1758 г., новым главой ламаистской церкви в Монголии был избран младенец уже не монгольского, а тибетского происхождения, процедура отбора которого происходила отныне в Пекине. Всего, начиная с этого момента и вплоть до 1870 г., китайскими властями было отобрано шесть богдо-гэгэнов, деятельность которых постоянно ими контролировалась.

Стремясь еще более усилить свое влияние на ламаистское духовенство, в 1793 г. Цины издали Указ, регулировавший правила нахождения перерожденцев. Среди них в первую очередь следует, помимо уже упоминавшегося правила избрания богдо-гэгэна в Пекине из числа кандидатов-тибетцев, отметить следующие: выбирать хубилганов из среды простолюдинов, а не родственников высших духовных и светских лиц, перерожденцами считать только высших лам, вести их тщательный учет и т.д.

В период правления в Монголии Цинов в Халхе реально осуществлялось тройное управление делами ламаистской церкви: администрацией монастырей, территориальными чиновниками и администрацией Пекина, специально отвечавшей за положение в Монголии. Доступ к высшим постам в ламаистской церкви был открыт главным образом

для выходцев из монгольской элиты, так как для их занятия нужно было пройти сложную систему экзаменов, успешно сдать которые можно было лишь после длительной подготовки, требовавшей больших материальных затрат.

Культура Монголии в Новое время

Определяющее влияние на развитие монгольской культуры XVI–XIX вв. оказал буддизм.

В XVI в. на монгольский язык были переведены с тибетского произведения классической буддийской литературы — «Ганджур» и «Данжур». В тот же период был создан новый ойратский алфавит тоу бичиг (ясное письмо).

В XVII в. появляется ряд произведений, которые можно уже отнести к собственно монгольской литературе. Это, прежде всего, летопись «Алтан товч» («Золотые застезки»), историческое повествование «Шар туудж» («Желтая история») и «Эрджин эрхэ» («Драгоценные четки»), из которых можно узнать о многих сюжетах монгольской истории.

Широкое распространение получил эпос. Прежде всего, следует назвать «Гэсэриаду», в которой повествуется о жизни героя Гэсэре, посвятившем себя борьбе с врагами, мешавшими счастью людей. В таком же стиле были написаны произведения о хане Харангуй и богатыре Джангаре.

После подчинения маньчжурам монгольских земель появился новый жанр литературы — аллегорические сказки с элементами сатиры на власть имущих, которые устно распространяли народные сказители.

В XVI–XVII вв. были достигнуты определенные успехи в области архитектуры — строительстве ханских дворцов и религиозных сооружений. До настоящего времени на территории Монголии сохранились развалины резиденции князя Цокто-гайджи, построенной в начале XVII в. на берегу р. Толы. Кроме нее, в архитектурный комплекс входили несколько храмов, спроектированных монгольскими зодчими.

Образцом городской монгольской архитектуры являлся г. Хух-хото (Синий город), основанный Алтан-ханом в XVI в. На его территории было построено множество религиозных сооружений, поставлено несколько статуй Будды.

Однако основным видами жилых помещений являлись юрты, шатры и палатки, т.к. именно они в большей степени

отвечали условиям кочевой жизни основной массы населения. В юртах, в центре, находился очаг, который в XIX в. постепенно был заменен на железную печь с трубой, выведенной наружу. В северной части помещения устраивался домашний алтарь, там же отводилось место и для почетных гостей. Восточная часть юрты предназначалась для главы семьи, остальные члены которой располагались в западной части жилища.

Вначале юрты использовались и в качестве молитвенных помещений, в самых больших из них могли одновременно находиться свыше тысячи человек. Но уже в середине XVII в. начинают строиться стационарные храмы, такие как **Цокчина в дацане (монастыре) Их-Хурэ в Урге**, вмещавшем до 2,5 тысяч человек. На архитектуру подобного рода строений оказывала сильное влияние тибетская и китайская традиции.

Появлялись и специальные трактаты, в которых четко расписывался весь процесс сооружения культовых построек. Наиболее известными из них принадлежат **Сумба-Кхамбо Шибалджиру** (XVIII в.) и **Агван Цэрэну** (первая половина XIX в.).

Под влиянием тибетской традиции развивалась и живопись. Монгольские художники, создавая свои произведения, должны были строго соблюдать правила изображения того или иного божества. Это же относилось и к скульпторам. Любое нарушение установленных правил строго каралось. Для каждого божества определялась поза, положение его рук и ног, корпуса и т.д.

Для написания картин использовались обработанные специальным раствором хлопчатобумажные, льняные и шелковые ткани. Краски изготовлялись из природных минералов. Главным цветом считался белый. Каждому цвету придавался особый символический смысл.

Скульптуры ваялись из металла, камня, глины, а также из папье-маше. Наиболее выдающимся монгольским скульптором Нового времени считается **Дзанабацзару**, творивший во второй половине XVII в.

С конца XIX в. в Монголии получает некоторое распространение и книгопечатание, главным центром которого являлась Урга, в типографии которой печаталась в основном религиозная литература.

Помимо храмов и монастырей, к числу религиозных сооружений, имеющих немалую культурную ценность, относятся *субурганы* — специальные постройки, служившие для хра-

нения останков святых и ставшие своеобразными памятными знаками в честь выдающихся событий в истории буддизма. Они сооружались из камня, глины, дерева и состояли из пьедестала, дарохранилища и шпиля. Наиболее известным является **субурган в Ихэ-Тамир** в дацане Эрдени-Дзу.

Некоторые успехи были достигнуты и в распространении грамотности среди населения. Так, имеются сведения, что уже в начале XVII в. в домах отдельных грамотных людей создавались частные школы. К тому времени происходят изменения и в монгольском языке, из которого устраняются устаревшие выражения, появляются тибетские заимствования и создаются новые буквы, заложившие основы монгольского письменного языка (ранее монголы использовали уйгурский алфавит).

Помимо монгольского, широко использовался и тибетский язык, ставший неотъемлемой частью буддийского образования, особенно в монастырской системе обучения.

Самую южную часть Центральной Азии занимал в Новое время Тибет. К началу XVI в. на территории Тибета существовало государство, власть в котором делили между собой светские и религиозные деятели, представлявшие ламаистскую ветвь буддизма.

Название «ламаизм» является производным от слова «лама» (монах, жрец). Это направление возникло в результате синтеза в период VII–XIV вв. течений в буддизме и добуддистских верований (шаманистского толка) населения гималайского региона.

Ламаизм сохранил основные положения классического буддизма относительно иллюзорности материального мира, являющегося, как представлялось его апологетам, источником страданий человека. Их можно преодолеть лишь встав на путь спасения, на котором необходимо соблюдать определенные нормы поведения, постепенно избавляясь от жажды жизни и приближаясь к состоянию нирваны. Приблизившиеся к этому состоянию «святые души» вселяются в телесную оболочку, становясь *хубилганами* (перерожденцами).

В отличие от раннего (классического) буддизма, возникшего на территории Индии, в ламаизме большее значение придается внешней обрядности и ритуалам, очень похожим на магические. Ламаисты также считают, что достичь высшего состояния — *нирваны*, возможно путем озарения под руководством наставника в течение одной жизни человека, даже в одно мгновение, а не только в результате длительной цепи переходов души из одной оболочки в другую, как считали представители раннего буддизма.

Центрами духовной жизни ламаистов стали монастыри, в которых проживало иерархически организованное ламство.

В среде ламского духовенства не было единства и существовало два основных лагеря — так называемые «красношапочники» (община Кармапа), утвердившиеся в Тибете еще в XIII в. и «желтошапочники» (община Гэлукпа), оформившиеся в качестве самостоятельной силы позднее, в XV в. Соседний минский Китай поддерживал лишь эпизодические торговые связи с отдельными тибетскими территориями и религиозными центрами. Гораздо более тесные связи у тибетцев сложились в тот период с монголами.

В начале XVI в. во главе Тибета находилась светская династия Ринпун (Ринпунга, до 1565 г.), а затем ее сменила династия Цзанба («цари Цанга»), находившаяся у власти вплоть до 1642 г. Обе они опирались на поддержку «красношапочной» общины. Однако после того как глава «желтошапочных», настоятель монастыря Дрэпунг Содном-Чжамцо обратил в ламаистскую веру в 1578 г. монгольского Алтан-хана, в свою очередь наделившего его титулом Далай-лама (великий лама), перевес во внутритибетской политической борьбе перешел именно к ним. В семье Алтан-хана затем был «найден» преемник Содном-Чжамцо — Йонтэн-Чжамцо (1589–1616). Это был первый и последний случай, когда на тибетском престоле оказался выходец из Монголии.

Центр Гэлукпы находился в г. Лхаса, и ее представители, опираясь на помощь «новообращенных» монголов, сумели добиться перехода под их контроль не только духовной, но и светской власти, которую Далай-лама осуществлял через особого сановника — *дэба*. Далай-лама разделил власть со вторым по важности чином в иерархии «желтошапочных» — Панчен-ламой, столицей которого стал г. Шигадзе.

Значительная помощь со стороны монголов была оказана Далай-ламе Аванг Лобсанг-Чжамцо (1617–1682). По его просьбе войска Гуши-хана, правителя Амдо, в 1642 г. вошли в Тибет и разгромили армию «царей Цанга», главных его политических противников. Военная власть в Тибете с того времени перешла в руки Гуши-хана и его преемников, которым был присвоен титул «цари Тибета». Таким образом, в середине XVII в. было воссоздано единое тибетское государство, просуществовавшее совсем недолго. С того времени Тибет оказался в эпицентре борьбы маньчжуров и ойратов за контроль над Монголией. В свою очередь, соперничавшие между собой

группировки тибетской элиты стремились в своем противоборстве заручиться поддержкой Цинов.

Пятый Далай-лама, находившийся в это время у власти, пошел на контакты с ними. Первый его приезд в Мукден, тогда столицу Маньчжурии, состоялся еще в 1642 г. В ответ те признали его полноправным правителем, таким же легитимным, как и они сами. В 1652 г., вскоре после установления маньчжурского владычества над Китаем, Далай-лама посетил Пекин, где ему были оказаны подобающие почести. Цины признали за ним права на особые отношения с Халхой и Джунгарией. Против контактов Далай-ламы с Цинами выступали «цари Тибета».

Власть над Тибетом в конце XVII — начале XVIII вв. находилась у регента Санджай-дзамцо, который сочувственно относился к антицинским выступлениям на юге Китая, не поддержал Цинов в их борьбе с Джунгарией в 1689 г., что, в конечном итоге, привело к его убийству в результате заговора (1705 г.). Власть в Тибете захватил Лхасанг-хан, который объявил Шестого Далай-ламу «ненастоящим», а «истинным» назвал монаха Йешэ-Чжамцо (1707–1717). Это вызвало недовольство у части монастырей, которые обратились за помощью к джунгарскому хану Цэван-Рабдану, войска которого в 1717 г. вошли в Лхасу, отстранили от власти лояльного Цинам седьмого («нового Шестого») Далай-ламу и правившую Тибетом династию монгольских ханов.

В ответ Цины предприняли военные походы в Тибет, проходившие вплоть до 1720 г. После ряда неудач им все же удалось отвоевать у ойратов Лхасу. Во главе местной администрации был поставлен маньчжурский военачальник Яньсинь. На трон был возведен Калсанг-Чжамцо, ставший «новым Седьмым» (или «Восьмым») Далай-ламой, кандидатура которого была утверждена в Пекине. После этого Цины вывели основные военные силы из Тибета, оставив там лишь небольшой гарнизон в Лхасе и на дороге из Сычуани в Тибет.

В 1724 г. маньчжуры отторгли от восточной части Тибета территории, впоследствии ставшие китайской провинцией Цинхай. Спустя три года была проведена административная граница между двумя государствами и в результате еще одна часть Тибета вошла в состав империи Цинов, став частью провинций Сычуань и Юньнань. Контроль над территорией Тибета теперь осуществлял китайский наместник провинции

Сычуань. После этого Тибет вновь стали раздирать противоречия между сторонниками и противниками ориентации на Китай, на первых порах завершившиеся победой желавших быть связанными с Китаем. Этому способствовали карательные экспедиции Цинов в 1727–1728 гг. В стране появился новый институт китайского контроля — должность *амбана* (резидента), при котором тем не менее гражданские власти Тибета сохранили свои полномочия.

В 1750 г. на территории Тибета вновь вспыхнуло восстание, участники которого рассчитывали на поддержку Джунгарии. Но те сами в тот момент испытывали внутренние противоречия и были вскоре разбиты Цинами. Эта победа еще больше укрепила влияние Китая на Тибет. Были упразднены все титулы светских руководителей, а Далай-лама обладал теперь лишь духовной властью. Реальные же властные полномочия осуществлял китайский амбань.

В 1788 г. на Тибет напали войска соседнего Непала, заставившие тибетцев платить им дань. Спустя лишь три года на помощь Тибету пришли китайские войска, сумевшие вытеснить непальцев.

С 1793 г. амбани, которых было два и они менялись каждые три года, делили светскую власть с Далай-ламой и Панчен-ламой. Внутренняя политика осуществлялась целиком тибетцами, не платившими в Пекин налогов, имевших собственные вооруженные силы и денежную систему. Китайских переселенцев в тот период там фактически не было. В середине XIX в. контроль Цинов над Тибетом еще более ослаб. В 60-е гг. XIX в. Тибету удалось восстановить свою юрисдикцию над несколькими княжествами Восточного Тибета, до того момента подчинявшихся наместнику в Сычуани.

Попытки Цинов восстановить прежний контроль над Тибетом военным путем начались в самом конце XIX в., но к этому времени он уже вызывал интерес у англичан, начавших здесь борьбу с Китаем за влияние. Такая ситуация была характерна вплоть до Синьхайской революции 1911–1913 гг. в Китае.

Территории Джунгарии и Восточного Туркестана ныне составляют Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР. В период же Нового времени здесь существовало несколько независимых государственных образований, оставивший заметный след в истории Центрально-азиатского региона.

В XV в. на Восточный Туркестан распространялась власть династии Великих Моголов, соперничавшей здесь с узбекскими и казахскими племенами. Под натиском последних, часть Моголов в начале XVI в. вынуждена была покинуть этот район, уйдя в соседние Индию и Афганистан. Другие же остались, образовав Могольское ханство (**Могулистан, Кашгария**), на территории которого завершился к тому моменту процесс исламизации.

После смерти в начале XVI в. могольского хана **Ахмада**, Восточный Туркестан был разделен его сыновьями на два самостоятельных владения. Саиду отошла западная часть со столицей в г. **Яркенд**, а восточную возглавил **Мансур**. В результате образовались две ветви Моголов — **яркендская и туфанская**, находившиеся между собой в постоянном соперничестве.

Мансур вел успешные войны с ойратами и сумел подчинить своей власти **Комул**, являвшийся в течение всего XV в. объектом борьбы между различными монгольскими ханствами.

Несмотря на активную внешнюю политику, включая и военные походы против соседей, ни Мансуру, ни Саиду не удалось вернуть утраченную ранее часть Моголистана, которую, помимо ойратов, контролировали казахи и киргизы.

Преемнику умершего в 1533 г. Саида **Абд-ар-Рашиду** удалось осуществить ряд успешных походов на земли казахов и киргизов в Моголистане, но включить их в состав Кашгарии

он также не сумел. После смерти в 1560 г. Абд-ар-Рашида его сын Абд-аль-Керим отказался от планов возвращения этих земель. В тот период Кашгарию сотрясали внутренние усобицы, в результате которых к началу XVII в. там развиваются кризисные явления и усиливается влияние вождей исламского ордена суфиев — хариджан, пришедших сюда из Средней Азии. Разделившись на две враждующих группировки, они начали борьбу за влияние в Кашгарии, превратившись, по существу, в представителей местной элиты.

В 1591 г., после смерти Абд-аль-Керима, на престоле оказался его сын Мухаммед, что вновь привело к внутренним усобицам, продолжавшимся несколько десятилетий. В этих условиях усиливается влияние вождей ордена суфиев.

К началу 40 гг. XVII в. власть на всей территории Кашгарии перешла в руки турфанской ветви Моголов, а яркендская была изгнана из страны. Следующие три десятилетия у власти в Кашгарии находился Абдаллах-хан, лавировавший между враждебными друг другу представителями местной элиты.

После образования в 1635 г. Джунгарии, Абдаллах ведет войны с ойратами, но в результате дворцовых интриг он был свергнут и отправлен в 1667 г. в Индию. С этого момента начинается упадок Кашгарии, и в 1683 г. Могольское ханство распалось на три части, оказавшись в подчинении у Джунгарии. Часть казахских племен, опасаясь набегов ойратов, перешла в российское подданство, а некоторые киргизские и тувинские племена стали платить дань как русским, так и монголам. Параллельно в этом районе идет укрепление позиций цинского Китая, что приводит в 1697 г. к переходу под его сюзеренитет Комула.

Таким образом, Восточный Туркестан еще больше ослаб и был вынужден подчиниться своим более сильным соседям.

Восточный Туркестан в составе империи Цин

В период 1755–1759 гг. Китай сумел преодолеть сопротивление уйгуров, борьбу которых поддержали Кашгар, Яркенд и другие города региона и полностью подчинить своей власти Восточный Туркестан. Затем Цины попытались продолжить свое наступление на Среднюю Азию, но встретив там ожесточенное сопротивление узбеков, киргизов, таджиков и казахов, вынуждены были отступить на ранее завоеванные позиции.

В 1760 г. Цины объединили пустовавшие земли Джунгарии и Восточного Туркестана в единое Синьцзянское наместничество, ставшее затем их важным стратегическим плацдармом в Центральной Азии. Оно подчинялось императорскому наместнику Северо-Западного Китая и имело свое административное деление. Территория Джунгарии была разделена на пять округов, а Восточный Туркестан — на шесть и в каждом из них Цины стали создавать свои укрепленные пункты и караулы. Только в одной Джунгарии ими был размещен сорокатысячный военный гарнизон.

Во главе завоеванных областей были поставлены маньчжурские чиновники, одновременно исполнявшие как военные, так и гражданские функции. В отличие от Монголии и Тибета, здесь Цины установили более жесткую систему управления. Армия содержалась за счет средств местного населения. На опустошенных землях Джунгарии стали создаваться китайские, монгольские и маньчжурские поселения. Туда же переселялись оказывавшие сопротивление Цинам уйгуры, где их прикрепляли к земле на положении государственных крепостных крестьян. Уйгуры облагались налогами в несколько раз превышавшими налоги с других переселенцев и несли более тяжелые личные повинности.

В Восточном Туркестане была введена двойная система управления и основные властные полномочия сосредотачивались там в руках начальников округов. В городах сохранилась гражданская администрация, возглавлявшаяся местной уйгурской элитой (беками). Беки получали от Цинов земли вместе с крестьянами, которые ранее были в собственности ходжей.

В начале XIX в. в регионе сложилась тревожная для Цинов обстановка, вызванная, прежде всего, усилением эксплуатации местного населения как в сельской местности, так и в городах. Большими поборами облагались торговцы, уйгурская светская и духовная элита, несмотря на предоставленные Цинами льготы, полностью зависела от маньчжур, заставлявших с ними разговаривать не иначе, как стоя на коленях. Повсеместно попирались обычаи и религиозные чувства уйгуров и других национальностей, проживавших на территории Синьцзяна.

В результате в 1814 и 1816 гг. вспыхивали восстания уйгурского населения, во главе которых стояли потомки местных ходжей. Наиболее сильным оказалось восстание 1826–1827 гг. под

руководством Джангир-ходжи в Восточном Туркестане. Повстанцы сумели захватить Кашгар, затем распространить свое влияние на Яркенд и ряд других населенных пунктов.

В феврале 1827 г. Цины начали подготовку к военной операции по захвату Кашгара и в марте того же года смогли овладеть этим городом. Джангир вынужден был отступить, и к лету восстание было полностью подавлено. Сам вождь восставших вскоре попал в плен и затем был казнен в Пекине.

На территории Синьцзяна в период тайпинского восстания и после его окончания на борьбу с Цинами поднялись уйгуры, выступавшие за создание собственного независимого государства. Они были поддержаны дунганями, также в тот период поднявшимися против Цинов. Власть Цинов здесь оказалась свергнутой и вначале образовалось пять ханств — Урумчинское (Дунганское) и Кульджийское на территории Джунгарии и Кашгарское, Хотанское и Кучарское в Восточном Туркестане. Спустя три года в Восточном Туркестане они объединились в одно мусульманское теократическое ханство — Йэйттишар (Семиградье) под руководством Бузукхана, а затем одного из его военачальников — Якуб-бека.

В 1872 г. Якуб-беку удалось подчинить своей власти Дунганское ханство. Но отчетливо понимая свою слабость, он попытался обратиться за помощью к иностранным державам, в частности, к Великобритании.

Великобритания, в свою очередь, пыталась создать здесь буферное государство, которое противостояло бы расширению русского влияния в Средней Азии. В свою очередь, Россия, также имевшая здесь интересы, оккупировала в 1871 г. Кульджийский край.

В 1875 г. из Пекина сюда была направлена большая военная группировка, сумевшая к 1878 г., после гибели Якуб-бека, вновь восстановить свой контроль над Синьцзяном.

Кульджийскую область Россия вернула под юрисдикцию Китая лишь в 1881 г. (кроме небольших территорий на западе этой области, заселенных киргизами и казахами).

Таким образом, к концу XIX в. цинское правительство сумело восстановить свой контроль над Восточным Туркестаном и Джунгарией, однако разрешить противоречия, приведшие к волнениям национальных меньшинств, так и не смогло. И в XX столетии еще неоднократно будут возникать очаги напряженности в этом районе Азии.

В настоящей главе речь пойдет о государствах Юго-Восточной Азии. История отдельных государств этого региона в Новое время (за исключением Таиланда) достаточно четко подразделяется на два периода — доколониальный и колониальный, — имеющих различные хронологические рамки применительно к той или иной стране, но во многом сходных по характеру происходивших там процессов как в социально-экономической, так и в политической областях.

Вопрос о факторе колониализма в исторических судьбах народов Юго-Восточной Азии (ЮВА) является достаточно дискуссионным. Так, например, одни исследователи делают упор на «цивилизаторскую миссию» Запада, позволившую проживавшим там народам приобщиться к достижениям европейской науки и культуры, другие, наоборот, видят в господстве там иностранцев больше отрицательных факторов, чем положительных и прежде всего видят их в консервации отсталых форм ведения экономики и социальных структур местных обществ. Отсюда порой делаются совершенно противоположные выводы, основанные на использовании сходного фактического материала.

Еще одним важнейшим вопросом, тесно связанным с рассматриваемыми проблемами, является религиозный фактор. В Новое время в регионах ЮВА укрепились в качестве господствующих следующие религии: буддизм (на территориях государств Индокитая, Бирмы и в Таиланде), ислам (в Индонезии, Малайзии, Брунее и на юге Филиппин), а также христианство католического толка (на Филиппинах и в южной части Вьетнама). Кроме того, отдельной проблемой, достаточно дискуссионной в историографии, является оценка миссионерской деятельности католической церкви во всей ее противоречивости и неоднозначности в исторических судьбах рассматриваемых государств.

Большую роль в изучении истории государств Юго-Восточной Азии нового времени внесли отечественные авторы: А.А. Губер, Ю.О. Левтонова, Н.В. Ребрикова, В.А. Тюрин, И.В. Можейко, Э.О. Берзин, Д.В. Деопик, Ю.П. Дементьев, В.А. Кожевников, Г.Ф. Мурашова, О.В. Новакова, А.Л. Рябинин, Л.Д. Спекторов и др., публикации которых были учтены при работе над настоящим разделом учебника.

Вьетнам к началу Нового времени

В XV в. наблюдался наивысший подъем в развитии государства Дайвьет, возникшего на территории нынешней северной части Вьетнама в 1069 г. С 1428 г. на престоле там находилась династия вуа (верховных правителей) Ле. В период правления Ле Тхань Тонга (1460–1497, девиз правления «Хонг Дык» — «Великая Добродетель») была сформирована система абсолютной монархии, при которой вуа напрямую управлял деятельностью правительства, являлся верховным главнокомандующим вьетнамскими вооруженными силами, утверждал и освобождал от должности руководителей провинций и более низких административных единиц. Под контролем верховной власти находилась и вьетнамская сельская *община-са*. Благодаря развитому сельскому хозяйству, в XV в. на территории Дайвьета собирались большие урожаи и практически никогда не было голода. Ле издали указ о передаче части земель в распоряжение элиты и сельским общинам. Переделы общинных территорий происходили один раз в шесть лет. Крестьяне выплачивали налоги непосредственно государству и они уступали по размерам арендной плате помещиков со с земель, полученных от вуа. Это в определенной степени стимулировало труд крестьян. Одновременно усиливаются позиции частных владельцев, которые получают возможность присоединять к своим землям и общинные владения. В дальнейшем это обстоятельство сыграло значительную роль в социально-экономическом развитии Дайвьета. Получает развитие ремесленное производство, идет разработка и добыча полезных ископаемых. Внешняя торговля была незначительна и находилась под контролем центральной власти. Объясняется это в первую

очередь отсутствием на вьетнамской территории так ценившихся в тот период в качестве экспортного товара пряностей и удобных для иностранцев портов.

В это время сложился свод вьетнамского законодательства, закрепивший авторитет монархической власти и имущественные отношения, прежде всего в сельском хозяйстве. Он утверждал неограниченную власть виа над подданными и его верховную собственность на земельные угодья. Главным преступлением считался «бунт» против верховного правителя, трактовавшийся достаточно широко, как любая форма неповиновения властям. Действовала стройная система занятия должностей в государственном аппарате и в вооруженных силах, основанная на конфуцианских принципах. Все чиновники, вне зависимости от их социального происхождения, должны были сдавать конкурсные экзамены. Большое внимание уделялось формированию армии, состоявшей из подразделений непосредственно подчинявшихся виа, провинциальных войск и вооруженных отрядов в сельской местности. В идеологической сфере в качестве главной составляющей также являлось конфуцианское учение, оттеснившее на второй план буддизм, сохранивший влияние по большей части в низших слоях общества. Особое внимание уделяется развитию наук, искусств, открываются различного рода учебные заведения.

В 1471 г. к территории Дайвьета было присоединено государство Чампа (Тямпа), располагавшееся в Центральной и Южной частях нынешнего Вьетнама. На Юге страны быстро растут городские поселения, строятся новые дамбы и оросительные каналы, увеличивается оборот на внутреннем рынке, укрепляются внешнеторговые связи.

Дайвьет в XVI — середине XVII вв.

С начала XVI в. наблюдаются противоречия между государственным и частным секторами в сельском хозяйстве, которые вылились во внутривластную борьбу между представителями вьетнамской элиты и в выступления против правящего режима со стороны народных низов.

В XVI — середине XVII вв. между собой непрерывно воевали три самых могущественных клана вьетнамской элиты — **Маки, Чини и Нгуены**. Ожесточенная борьба за влияние на трон между ними началась в 1510 г. В 1516 г. на территории

Дайвьета началось крупное крестьянское восстание, во главе которого встал буддистский священник Чан Као. В течение пяти лет он и его сторонники, в число которых входили буддистские монахи и население покоренной Тямпы, добивались смены правящей династии. Им удалось захватить в 1517 г. столицу и провозгласить новым правителем своего предводителя. Вскоре Чан Као отказался от власти в пользу родного сына Чан Тханга, который, в свою очередь, был побежден северовьетнамским военачальником Мак Данг Зунгом, сумевшим к концу первой трети XVI в. победить и своих основных противников в лице Чиней.

После это Мак Данг Зунг основал новую династию. На следующий год после своего восшествия на престол Мак Данг Зунг решил заручиться поддержкой Минов и отправил в Китай посольство с богатыми дарами. Для того, чтобы китайский император формально признал его легитимность, под его юрисдикцию были переданы две вьетнамские территории — Куйхоа и Тхуанан. В качестве ответного шага представители династии Ле также направили в Китай свое посольство, обвинив Маков в незаконной узурпации трона. Мины оказались в затруднительном положении. В итоге закулисных интриг в 1541 г. китайский император издал указ о признании права династии Мак на управление Вьетнамом, но при этом статус страны низводился до уровня китайского наместничества, административно подчинявшегося руководству китайской провинции Гуанси. Этот статус сохранялся весь период нахождения у власти Маков (до 1592 г.) и еще пятьдесят лет после их ухода.

В 1542 г. Нгуен Ким стал во главе всех недовольных Маками и образовал на территории провинций Тханьхоа и Нгеан собственное независимое государство. Это означало на практике раскол единой страны на северную часть (Бакбо) с центром Тханлаунге и южную (Намбо).

Главными соперниками Чиней стали Нгуены, получившие от Ле право на управление районом Тхуанхуа в 1558 г. и Куангнам в 1570 г.

В конечном итоге династия Маков не была признана большинством общества, и в 1592 г. престол возвратился к прежней династии Ле. Маки, в свою очередь, продолжили борьбу со своими политическими противниками. К концу XVI в. Чиням удалось одолеть Маков и захватить столицу Тханг Лонг и восстановить там формальное правление династии Ле.

Таким образом, после семи десятилетий раскола Вьетнама страна вновь была объединена. Маки сохранили свое влияние в Каобанге, где их продолжали поддерживать китайцы. Они воевали против Чиней вплоть до последней трети XVII в.

Династия Ле продолжала номинально оставаться на престоле, но реально страной управляли представители клана Чиней, ставленник которых занимал пост *тюд*. Южная часть Вьетнама контролировалась Нгуенами, которые там в начале XVII в. создали свое государственное образование с центром в г. Хюе (тогда называвшимся Фу Суан). Они также признавали номинальную власть династии Ле, и их ставленник имел статус *тюа*. Нгуены не хотели провозглашать себя самостоятельной династией, заявляя, что Ле находятся в руках «узурпаторов» Чиней, при этом Ле продолжают являться для них законными правителями.

Нгуены ввели собственную денежную единицу, осуществляли торговлю с соседними государствами региона, а также с Голландией и Португалией. Владения Нгуенов на юге Дайвьета стали называть Дангчаунг. Владения же Чиней на севере страны именовались Дангнгоай.

В XVI–XVII вв. происходят изменения во вьетнамской деревне, расслаивается традиционная община-са. Дайвьет являлся аграрным государством, большинство жителей которого составляли крестьяне — вьеты, занимавшиеся поливным рисоводством. Национальных меньшинств было мало. Города также в своем большинстве были заселены вьетами. В Дайвьете, в отличие от других государств Индокитая, постоянно ощущался недостаток сельскохозяйственных земель. Помимо рисоводства, крестьяне занимались речным рыболовством, разведением быков и буйволов, а также выращиванием свиней, кур и уток. Крестьяне являлись лично свободными. Основными их эксплуататорами до начала XVII в. были чиновники-куаны, имевшие право сбора ренты-налога. Высшие слои общества состояли из родственников монарха, титулованной знати и чиновников-куанов, имевших наследственные земли.

Вьетнам и внешний мир в раннее Новое время

Внешние связи Дайвьета в раннее Новое время были достаточно ограниченными. С 1535 г. португальцы стали контролировать торговые связи Вьетнама с внешним миром. Они,

в частности, дали название южной части страны — Кохинхина, в которой правили Нгуены.

В 30-е гг. XVII в. к освоению Вьетнама приступили голландцы, которые основали там несколько факторий. Голландцы в междоусобных войнах поддерживали Чиней, а португальцы Нгуенов, которым продавали оружие. В 1643 г. голландские корабли были подвергнуты успешному нападению со стороны Нгуенов, и голландцы после этого вынуждены были свернуть свою активную деятельность в стране.

В XVII в. развиваются и торговые отношения Вьетнама с Японией и Китаем. Иностранцы вывозили из Вьетнама ценные породы дерева, пряности, ювелирные изделия, слоновую кость и т. д.

В начале XVII в. неудачную попытку проникновения во Вьетнам предприняли англичане. Лишь в 1672 г. им удалось основать там свою первую факторию. Спустя восемь лет тоже самое удалось сделать и французам.

После завершения войн Чиней с Нгуенами торговля с западными державами сократилась до минимальных размеров. В этот же период во Вьетнам начинают активно проникать католические миссионеры.

Долгий период времени отношения Вьетнама и Китая характеризовались связкой «вассал-сюзерен». Однако на практике, кроме выплаты дани с ответной выдачей щедрых подарков и получением вьетнамским императором от китайского императора инвеституры, никакого другого реального содержания они не имели. Лишь в период маньчжурского завоевания Китая династия Чинь безуспешно пыталась возвратить Вьетнаму захваченные ранее китайцами вьетнамские земли и включенные ими в провинцию Гуандун.

Дайвьет во второй половине XVII в.

Война между Нгуенами и Чинями, начавшаяся в 1627 г., продолжалась вплоть до 1672 г. и завершилась установлением почти на столетие мирных отношений. При этом верховная власть номинально продолжала оставаться у династии Ле, символизирующей хотя бы формальное единство Дайвьета. Используя представившуюся передышку в войне с Нгуенами, Чини сумели победить Маков и завладеть их территориями.

В 1647 г. Мины, которых Цины уже к тому времени вытеснили из Пекина, присвоили тьюа Чиню титул вице-короля (выонга). Это означало, в какой-то степени, признание его легитимного статуса со стороны формального сюзерена.

60 гг. XVII — 20 гг. XVIII вв. были периодом относительной стабилизации Дайвьета. В это время постепенно нарастал экономический кризис на севере страны в первую очередь из-за роста частного землевладения и постепенного сокращения общинного. С середины XVIII в. кризисная ситуация в Дангнгоае еще более обостряется, и верховная власть постепенно начинает опираться на юг страны, где больше свободных земель и социальная напряженность в обществе ощущалась слабее.

В 1774 г. тьюа Нгуен, без согласия Китая, провозгласил себя выонгом на подконтрольной ему территории юга. Нгуены попытались расширить свои владения за счет камбоджийских земель, на которых вьетнамские переселенцы силой насаждали свои традиции и культуры в среде коренного населения.

В конце XVII в. Нгуены перенесли свою резиденцию в г. Хюэ.

Дайвьет в XVIII в.

В XVIII в. в основном было завершено формирование вьетнамского государства в его современных границах. По уровню развития Вьетнам находился в тот период в числе наиболее развитых и богатых государств Юго-Восточной Азии. Нгуены вели роскошный образ жизни, а Хюэ по великолепию не уступал Тханлонгу.

В социально-экономической области происходили важные изменения, связанные с сокращением фонда государственных земель и превращения общины-са в зависимую от частных землевладельцев.

Развиваются ремесла и торговля. Дельта р. Красной становится главным районом ремесленных промыслов, которые уже отделились от земледелия.

На юге происходила передача земли в руки частных владельцев, но и там оставался резерв целинных земель в дельте р. Меконг. Поэтому аграрные отношения здесь развивались более успешно, чем на севере.

В середине XVIII в. увеличилось налогообложение, началось разорение крестьянства, рост инфляции, цен, спекуляция. Также происходил и упадок внешней торговли.

На землях Чиней в XVIII в. также происходил процесс передачи крестьянских земель в помещичье владение. В результате там стала наблюдаться нехватка земель. Увеличивалось число налогов и различного рода повинностей. Ренту-налог государство взимало даже с непригодных для обработки сельскохозяйственных земель. Опасаясь обнищания основной массы населения, Чини в 1711 г. издали закон, ограничивающий разорение этой категории населения: Общины выплачивали налоги даже за уже умерших, либо за людей, покинувших родные края в поисках лучшей доли.

На землях Чиней начался голод, тысячи людей погибали, еще больше нищенствовали. Власти предпринимали попытки вернуть крестьян к местам прежнего проживания, но большого успеха в этом деле им достичь не удалось.

При дворе Чиней, как в Минском Китае, большим влиянием пользовались евнухи. С 1730 г. началась практика продажи административных должностей и ученых званий. Попытки борьбы с коррупцией, которые Чини время от времени проводили, большого успеха не имели.

На этом фоне росло число крестьянских выступлений. В 1737 г. началось восстание около столицы под руководством буддистского бонзы Нгуен Зыонг Хынга, через год вспыхнуло еще одно в провинции Тханьхоа под руководством Ле Зуи Мата, который стремился вернуть реальную власть в стране представителям династии Ле. В 1739 г. в провинциях Намха и Тхайбинь началось еще одно крестьянское восстание под руководством Хоанг Конг Тята. В 1740 г. поднялось восстание в провинции Шонтай, в 1741 г. — еще одно в районе Хайзыонг-Киенъан. Затем восстали жители провинций Лангшон, Тиекуанг, Тхайнгуен и Каобанг. Восставшие убивали местных чиновников, крупных землевладельцев, раздавали их имущество нуждающимся. Борьба правительственных войск с восставшими продолжалась вплоть до 1770 г. Последним было подавлено выступление сторонников Ле Зуи Мата. После этого Чини пошли на снижение налогов и повинностей, отмену прежних долгов крестьян, желая этими мерами в первую очередь снизить уровень социальной напряженности.

С конца XVIII в. все более значительную роль в делах Чиней стала играть армия, а сами правители лишь больше увязали в коррупции. В этот период режим оказался на грани краха.

Восстание тэйшонов

В 1771 г. на территории Вьетнама вспыхнуло одно из крупнейших в его истории восстаний — тэйшонов (Тай-шэн — «Западные горы» — название одного из населенных пунктов в Центральном Вьетнаме). Продолжалось оно 30 лет и охватило практически все районы страны. Его итогом стало прекращение состояния вражды между традиционными политическими кланами Вьетнама и начавшийся процесс централизации страны.

Главной движущей силой восставших являлось крестьянство, а также жители городов, выступавших против раздробленности страны. Тэйшоны провозгласили себя защитниками крестьян, а также заявляли, что хотят свергнуть власть тогдашнего правителя и восстановить на троне «настоящих» Нгуенов. Руководили восставшими три брата — Нгуен Ньяк, Нгуен Хюэ и Нгуен Ли.

Тэйшоны стремились к равенству в социальных отношениях. Они проводили мероприятия по введению уравнительного землепользования, конфисковывали имущество состоятельных людей, не желавших с ними сотрудничать и «добровольно» делиться нажитым и распределяли его среди нуждающихся. Однако прежнюю систему землевладения им ликвидировать не удалось. Крестьяне продолжали обрабатывать пустующие земли, выплачивали высокие налоги и исполняли другие государственные повинности.

Чини узнав, что Нгуены оказались в сложной ситуации, решили в 1774 г. захватить часть их земель. После победы над Нгуенами тэйшоны начали наступление на Чиней, захвативших в 1774 г. Фу Суан.

В 1783 г., после победы над Нгуенами, тэйшоны предприняли походы против Чиней на Север. Их лозунгами стали восстановление «законной» династии Ле. Поэтому их поддерживали не только крестьяне, но и значительная часть чиновничества, торговцев и землевладельцев. В 1784 г. на помощь Нгуенам пришла сиамская армия. На следующий год она была разбита войсками Нгуен Хюэ, которого с того момента во Вьетнаме стали считать национальным героем.

В 1786 г. Фу Суан был захвачен тэйшонами. Был захвачен город Тханлонг, и Нгуен Хюэ объявил себя сторонником короля Ле Хиен Тонга, который, в свою очередь, выдал за него

замуж свою дочь. Формально была восстановлена династия Ле, но реальная власть находилась в руках тэйшонов.

Одержав верх над Чинями, они выполнили свое обещание и передали формальную власть Ле, от имени которых и стали править.

После смерти Ле Хиен Тонга на престоле оказался Ле Тиеу Тхонг, который попытался избавиться от опеки тэйшонов, но, потерпев неудачу, вынужден был бежать из столицы и обратиться за помощью к цинскому Китаю. В октябре 1788 г. цинские войска начали поход против тэйшонов за восстановление династии Ле. В декабре того же года Цины вступили в столицу вместе с Ле Тиеу Тхонгом. 21 декабря 1788 г. Нгуен Хюэ, находясь в Фу Суане, в качестве ответной меры, провозгласил себя вьетнамским императором Куанг Чунгом и направил верные войска в Тханлонг. В конце января 1789 г. он вступил в Тханлонг, разбив перед этим двухсоттысячную цинскую армию. После этого Китай пошел на признание его власти.

Новый тэйшонский правитель начал реформирование подвластных владений. Был издан указ о поощрении занятий земледелием, предусматривавший перераспределение государственных угодий среди нуждающихся крестьян, началось восстановление ирригационных сооружений, расширено количество обрабатываемых сельскохозяйственных угодий. Были отменены многие налоги, сняты ограничения с внешней торговли и т.д.

В 1792 г. Куанг Чунг скончался, а его преемники уже не имели такого авторитета в стране, как он. Сподвижники руководителей восстания постепенно превратились в новый слой вьетнамской элиты. Постепенно возникает разочарование в своих лидерах и в среде рядовых участников движения.

Один из представителей свергнутого тэйшонами клана Нгуенов — Нгуен Фук Ань — собирает недовольных, заручившись поддержкой французов, взамен пообещав им, согласно подписанному в конце ноября 1787 г. договору, порт Туран, о. Пуло-Кондор и экономические льготы. В 1792–1802 гг. Нгуен Фук Ань удалось выдвинуть тэйшонов из Центрального Вьетнама, а затем подчинить и север страны. 1802 г. он провозгласил себя императором Зя Лонгом, основав в Тханлонге новую династию Нгуен, находившуюся на вьетнамском престоле вплоть до августа 1945 г.

Вьетнам в первой половине XIX в.

Нгуенам досталась страна, находившаяся в тяжелом экономическом положении. Были разрушены многие ирригационные сооружения, большое количество земли не обрабатывалось крестьянами, которые в поисках лучшей доли покидали родные дома. Зя Лонг изменил административное деление и название государства, которое с 1804 г. стало официально именоваться Вьетнам (Южный Вьет) со столицей в г. Хюэ. Оно состояло из трех частей — северной, центральной и южной, каждая из которых, в свою очередь, делилась на провинции. Были также проведены финансовые и военные реформы.

Во главе государства находился император — Хоанг-де (Сын Неба), имевший всю полноту власти. При нем создавался Придворный совет (Ной-как); Правительство состояло из 6 министерств (*бо*). Внешние связи на постоянной основе новое государство поддерживало лишь с Китаем, которому выплачивалась дань. В 1805 г. был восстановлен сюзеренитет Вьетнама над Камбоджей, утраченный им во время тэйшонского восстания. В 1827 г. сюзеренитет Вьетнама был установлен и над лаосскими землями, ранее контролировавшимися Сиамом.

В основе социальной структуры по-прежнему находилась крестьянская община-са, которой руководил совет. Общины объединялись в более крупные единицы — *тонги*, а те, в свою очередь — в *хюены*, хюены — в *фу*. Хюены и фу образовывали провинции. При Зя Лонге их было 24 и назывались они *чаны* (затем — *тини*). Тини были объединены в три зоны (*ки*) — Бак, Чунг и Нам (юг). В зоне Чунг находилась столица — Хюэ.

В 1812 г. был обнародован «Кодекс Зя Лонга», заменивший прежний свод законов, существовавший со второй половины XV в.

В начале XIX в. получает развитие ремесло, торговля и добыча руды. Наблюдается рост городов, особенно Тханлонга, с 1831 г. переименованного в Ханой. Тем не менее развитие торговли тормозилось. Нгуены проводили, начиная с 1820 г., политику самоизоляции от иностранцев из-за опасений западного влияния, но большого эффекта это не давало. Одновременно происходила консервация общественных отношений, в том числе форм землевладения и эксплуатации, наблюдалась ярко выраженная тенденция во всем подражать

динскому Китаю, к тому времени уже стоявшему на грани превращения в полуколонию западных держав из-за проводимой такого же рода внутренней и внешней политики.

Ослаблялась центральная власть, усилилась местная элита. Возникли две группы внутри правящего слоя: «консерваторы» и «реалисты», пытавшиеся оказать влияние на процесс выработки решений верховным правителем. К середине XIX в. укрепились позиции первых.

Стремясь изменить ситуацию в лучшую сторону, император в 1828 г. издал постановление о принудительном использовании безземельных крестьян на освоении земель, пожалованных им крупным владельцам. Нгуены увеличили налогообложение купцов и ремесленников, что приводило многих из них к разорению. В 1847 г. монарх запретил французским кораблям входить в территориальные воды Вьетнама, и изоляция страны от остального мира еще более усилилась.

Проводимые мероприятия вызывали ненависть у простого народа к правящей верхушке, зачастую приводя к новым народным волнениям. Так, крестьянские восстания охватили в 1807–1825 гг. ряд провинций Вьетнама. Восставшие отнимали земли у крупных помещиков, однако в конечном итоге все такие выступления жестоко подавлялись властями.

Вьетнамо-китайские отношения

После прихода к власти в Китае Цинской династии, характер отношений Вьетнама с Китаем в целом не изменился. Лишь в период маньчжурского завоевания Китая династия Чинь безуспешно попыталась вернуть в состав Вьетнама захваченные ранее Китаем вьетнамские земли. В 1667 г. вьетнамский император Ле Хюен Тонг получил от Цинов титул «Ван Аньняня». В это время на юг Вьетнама переселилось значительное количество китайцев, прежде всего сторонников свергнутой династии Мин. Некоторые из них поселились в пригороде Сайгона — Шолоне, постоянно проживая там все последующее время, вплоть до наших дней.

Возникали некоторые пограничные конфликты между двумя государствами в 80-е гг. XVII в. В 20-е гг. XVIII в. часть захваченных ранее китайцами вьетнамских земель была возвращена.

В конце XVII в. вьетнамские власти запретили китайцам приезжать на постоянное место жительства, соблюдать их обычаи, говорить по-китайски и носить свою национальную одежду.

В период восстания Тэйшонов в 1771 г. император Ле Тьеу Тхонг бежал из страны и обратился за помощью к китайским властям. В 1788 г. во Вьетнам вошла китайская армия, захватившая столицу Тхан Лонг и восстановившая на престоле прежнего императора. Однако затем тэйшоны смогли перестроить свои ряды, и китайцы потерпели военное поражение. Вместе с остатками цинских войск в Китай бежал и император Ле Тьеу Тхонг. Тэйшоны начали мирные переговоры с Цинами. Император Цяньлун решил признать вождя тэйшонов Куанг Чунга новым вьетнамским императором, и в Пекине ему была устроена пышная встреча.

В 1802 г., когда восстание тэйшонов было подавлено, новый правитель Зя Лонг вскоре получил от Цинов инвеституру на управление, став новым императором с 1804 г. С того момента вассалитет Китая над Вьетнамом становился все более формальным, а с 1845 г. вьетнамский император и вовсе перестал выплачивать дань Пекину.

Культура Вьетнама в XVI — первой половине XIX вв.

В этот период культура Вьетнама достигает нового уровня развития.

В области литературного творчества вьетнамскими писателями и поэтами создавались произведения на языке *тыы ном* и на языке *ханван*. На тыы ном появляются произведения, реалистически отражавшие тогдашнюю вьетнамскую действительность. Наиболее известным писателем данного направления стал в конце XVIII — начале XIX вв. Нгуен Зу со своим поэтическим произведением «Стенания истерзанной души». Власти пытались запретить некоторые из произведений на тыы ном, в которых в аллегорической форме высмеивались нравы, царившие в среде знати.

Широкое распространение в XVII–XVIII вв. получил жанр *чуен* (повествовательная поэма), по форме очень напоминающая народный фольклор. Создавались и исторические произведения, из которых выделяется поэма «Книга Небесного Юга», в которой рассматривается вьетнамская история от

момента возникновения государственности и вплоть до прихода к власти клана Маков. Часть литературных произведений той эпохи была написана под явным влиянием китайской традиции.

В XVIII в. появляется жанр *нгэм* (лирическая поэма), в котором зачастую описывались страдания и чувства женщин. Наибольшую известность среди них получили произведения Данг Чанг Конга, Доан Тхи Диема, Нгуен Зиа Тхиеу, а также поэтессы Хо Суан Хыонг.

Из писателей, творивших на ханване, выделяются Ле Куи Дон с его многотомным произведением «Общая история государства Дайвьет», «Записками о пограничных провинциях», в которых содержится значительный материал о различных сторонах жизни государства Нгуенов. Кроме него, следует назвать Фам Динь Хо и его произведение «Очерки, написанные во время дождей», Ле Хыу Чака автора книги «Описание путешествия в столицу» и др.

Получил свое развитие и вьетнамский театр, в котором наиболее заметными направлениями являлись жанры *туонг* и *тео*, возникшие еще в XVII в. Жанр туонг вобрал в себя элементы народных действий в сочетании с традициями китайского и сиамского традиционных театров. В таких пьесах сюжет строился на описании борьбы двух противоположных начал — положительного и отрицательного. Жанр тео пользовался наибольшей популярностью на севере Вьетнама. Он был более прост для восприятия в сравнении с туонгом, и пьесы там часто разыгрывали непрофессиональные актеры на простонародном языке, без использования декораций на площадках перед домами под аккомпанемент народной музыки.

XVII–XVIII вв. являются также и периодом расцвета вьетнамского искусства. Это прежде всего архитектура религиозных сооружений, украшенных замечательными деревянными скульптурами. Живопись была развита намного слабее и не оказала в тот период сколько-нибудь существенного воздействия на общие тенденции вьетнамского искусства.

Начальный этап завоевания Вьетнама Францией

Захват Францией Южного Вьетнама явился первым этапом в установлении французского колониального режима в Индокитае. При этом Вторая Империя руководствовалась

желанием расширить сферу влияния на Дальнем Востоке, соединив торговыми связями подконтрольные территории южного Китая с будущими владениями в Индокитае.

Подготовка к вторжению началась в ноябре 1857 г., однако из-за начала второй «опиумной войны», в которой французы принимали самое активное участие, эту операцию временно отложили.

Французы также заручились поддержкой Испании, направившей во Вьетнам свои военные формирования с Филиппин. Испанское правительство при этом рассчитывало, что колонизация Вьетнама и его поддержка в этом отвлекут внимание Франции от Филиппинского архипелага.

В качестве предлога был использован факт преследования на территории Вьетнама французских миссионеров. В конце августа 1858 г. объединенная франко-испанская военно-морская эскадра атаковала Дананг, положив тем самым начало процессу колонизации Вьетнама, продолжавшегося вплоть до 1884 г.

На первом этапе этого завоевания у большинства представителей вьетнамской элиты создавалось впечатление, что французы добиваются лишь усиления своих экономических позиций в стране, а отнюдь не колониального господства. Они также опасались и народных волнений, рассчитывая, что французы помогут с ними справиться.

Захватив Дананг, французам тем не менее не удалось овладеть столицей. Тогда они, в расчете на поддержку местного католического населения, пошли на Юг и в начале февраля 1859 г. вышли к Сайгону. В 1860 г., после окончания второй «опиумной войны», Франция усилила свое военное проникновение на территорию Вьетнама опасаясь, что Великобритания может ее опередить и захватить Сайгон. К тому времени Испания уже свернула свою поддержку Франции, не видя в ней практической для себя пользы.

К концу декабря 1861 г. французами во Вьетнаме были захвачены провинции Биенхоа, город Бария и о-в Пуло-Кондор, а в марте следующего года они контролировали провинцию Виньлонг и после этого в их руках оказалось уже четыре провинции Южного Вьетнама, включая Сайгон.

Переговоры Вьетнама с Францией начались в конце апреля 1861 г. Французские представители потребовали свободы деятельности католических миссионеров на вьетнамской

территории, передачи под их официальный контроль провинций Сайгон и Биенхоа, консульской защиты для иностранцев, а также права их свободного передвижения по Вьетнаму, важнейшие порты должны были открыться для торговли с Францией. Французы потребовали наличия своего дипломатического представительства в Хюэ, а вьетнамского — в Париже, а также уплаты контрибуции. После некоторых проволочек император дал распоряжение своему уполномоченному подписать этот договор, что и было сделано в Сайгоне в июне 1862 г.

Император Ты Дык отдал приказ о прекращении вооруженного сопротивления французам, однако не все его подданные подчинились этому распоряжению, и очаги сопротивления колонизаторам сохранялись еще длительное время.

С одной стороны, Ты Дык рассчитывал на помощь со стороны цинского Китая, а с другой — на переговоры с французами о мире. Чтобы окончательно уничтожить все пути к соглашению Китая с Вьетнамом, французы в конце 1867 г., под предлогом борьбы с оппозиционным партизанским движением, оккупировали всю территорию Южного Вьетнама. Во главе Кохинхины был поставлен французский губернатор.

После некоторых проволочек, связанных с падением режима второй Империи, в 1873 г. Франция вновь предприняла попытку расширить свое влияние, утвердившись в Тонкине. В ноябре 1873 г. французским войскам удалось овладеть Ханоем, но вскоре вьетнамцы перешли в контрнаступление.

В начале февраля 1874 г. была подписана конвенция, по которой реки Тонкина объявлялись открытыми для французской торговли. Франция получала право создания в Ханое и Хайфоне своих консульств.

Затем Франции удалось навязать Вьетнаму еще один договор, который был подписан в Сайгоне в середине марта 1874 г. Правительство Вьетнама по нему признавало потерю всего Южного Вьетнама и открывало Красную реку для торгового судоходства. Порты Хайфон, Ханой, Куиньон открывались для внешней торговли. Иностранцам предоставлялось право экстерриториальности. А католические миссионеры получали дополнительные привилегии для своей деятельности.

Франция получила право на наличие своих воинских гарнизонов в Ханое и Хайфоне для охраны находившихся там своих граждан. В свою очередь, французы обещали вьетнамскому императору оказывать помощь в подавлении народных волнений.

Во второй половине XIX в. характерной чертой французского капитализма стал вывоз капитала за пределы страны, прежде всего в колонии, где их привлекали значительные запасы сырья и дешевая рабочая сила. Так как Индокитай колонизовался постепенно и неравномерно, то и процесс воздействия на экономику данного региона также был различен.

В 60–80 гг. главной сферой интересов французского капитала стала Кохинхина, на территории которой его представителей привлекали прежде всего торговля и финансовые операции. Капиталистические формы производства там в тот момент были еще слабо развиты, поэтому французы в первую очередь устремились приобретать по очень низкой цене пустовавшие земли. Распродавая их затем за большие деньги, они получали существенные прибыли, одновременно разоряя местных крестьян.

В 1875 г. в Сайгоне был образован Индокитайский банк с уставным капиталом в 8 миллионов франков. Он получил право денежной эмиссии индокитайского пиастра, имевшим хождение во всех государствах Индокитая. Затем там было образовано еще три французских банка. Постепенно руководство Индокитайского банка стало играть все более заметную роль не только в экономической, но и в политической жизни региона. Растет бюджет Кохинхины. Так, если в 1862 г. он составлял 1 миллион 344 тысячи франков, то спустя 20 лет достиг отметки в 20 миллионов франков.

В 1880 г. губернатор Кохинхины Л.М. де Вилер, сторонник идеи «ассимиляции» Южного Вьетнама, образовал Колониальный Совет, в который входило 10 французов и 6 местных жителей.

Весной 1882 г. французские власти Кохинхины направили в Ханой дополнительные военные соединения и вскоре захватили этот город. После этого они овладели рядом других населенных пунктов. Император Ты Дык вынужден был обратиться за помощью в Пекин. Китайский император направил во Вьетнам войска на помощь своему формальному вассалу.

В мае 1883 г. вьетнамцам удалось нанести несколько поражений французам близ Ханоя. В разгар решающих событий, в июле того же года, скончался император Ты Дык. Началась борьба за престол между представителями различных группировок при императорском дворе.

В мае 1884 г. между Францией и Китаем был подписан договор о перемирии, согласно которому китайские войска уходили из Вьетнама. В конце июня 1884 г., во время процедуры вывода китайских вооруженных формирований, вновь начались столкновения с французами.

25 августа 1884 г. был подписан договор между Францией и Вьетнамом о протекторате. Однако очаги сопротивления колонизаторам продолжали сохраняться. В боевых действиях на стороне Вьетнама принимали участие китайские войска. В феврале 1885 г. объединенным вьетнамо-китайским войскам удалось нанести поражение французам в провинции Лангшон. В июне того же года между Францией и Китаем был подписан в Тяньцзине мирный договор, по которому Китай отказывался от своего сюзеренитета над Вьетнамом и окончательно признавал за Францией право протектората над ним.

После смерти Ты Дыка регент Тон Тхат Тхует осуществлял всю полноту власти в стране. Летом 1884 г. ему удалось возвести на престол 12-летнего Хам Нги и тем самым укрепить позиции сторонников сопротивления французам.

В июне 1885 г. французы высадили близ Хюэ свой экспедиционный корпус и предъявили вьетнамскому руководству ультиматум: сдать тяжелое оружие, демобилизовать императорские войска, создать новое правительство из числа сторонников ориентации на Францию и т. д. Регент отверг французские притязания и отдал приказ войскам атаковать французов. Эта попытка сопротивления закончилась для него неудачей. Французы захватили столицу, однако императору вместе с регентом удалось оттуда бежать и обратиться со специальным воззванием к народу с призывом подняться на борьбу с захватчиками. Другая часть вьетнамской элиты, оставшаяся в Хюэ, поддержала французов и объявила в середине сентября 1885 г. о возведении на престол нового императора Донг Кханя.

В течение 1885–1886 гг. происходили сражения между сторонниками Хам Нги и французами. Попытки регента обратиться за помощью к Китаю успехом не увенчались. В начале ноября 1888 г. французам удалось захватить в плен Хам Нги и затем отправить его в ссылку в Алжир. Однако активное вооруженное сопротивление французам продолжалось вплоть до конца XIX в. Наиболее известными его лидерами стали Фам Динь Фунг и Хоанг Хоа Тхам.

Колонизация Францией Северного и Центрального Вьетнама

Подписание Сайгонского договора 1874 г. открыло для Франции возможности дальнейшего проникновения теперь уже на территории Центрального и Северного Вьетнама. Вьетнамскому императору ничего не оставалось, кроме как лавировать между Китаем и Францией, пытаясь сохранить хотя бы какие-то элементы самостоятельности. По договору 1874 г. Франция обещала оказывать помощь вьетнамскому императору в случае возникновения для его страны внешней угрозы, под которой подразумевался, в первую очередь, Китай. Тем не менее спустя два года, из Вьетнама, без предварительного уведомления французской стороны, в Китай была направлена дань, выплата которой была прекращена еще в 1845 г. Этот шаг был воспринят Францией как вызов и в ее правящих кругах увидели в цинском Китае потенциального конкурента за влияние в Индокитае.

Китайский император, в свою очередь, не признал юридической обязательности франко-вьетнамского договора 1874 г., вполне правомерно считая, что в нем не были учтены интересы Китая, являвшегося формальным сюзереном Вьетнама.

Воспользовавшись тем, что после смерти императора Ты Дыка в июле 1883 г. в стране началась борьба за власть, французы направили свои войска на Хюэ. В августе того же года их военно-морские силы захватили форты близ столицы, оставив ее фактически безоружной.

25 августа 1883 г. был подписан новый франко-вьетнамский договор, по которому провозглашался французский протекторат над Вьетнамом. Франция получила право держать при дворе императора резидента и открыть дополнительно для французской торговли еще несколько вьетнамских портов.

После этого французское правительство начало разработку текста нового договора, еще более тяжелого для вьетнамской стороны. Он был подписан двумя странами 6 июня 1884 г.

По его условиям Вьетнам соглашался на то, чтобы Франция представляла Вьетнам на международной арене, а сюзеренитет Китая над Вьетнамом ликвидировался. Кроме того, Франция получала право держать свои вооруженные силы в фортах на подступах к Хюэ.

Франко-китайская конвенция, подписанная в 1884 г. в ходе войны между двумя государствами, оказалась недолговечной,

и военные действия продолжились. В начале июня 1885 г. в Тяньцзине был подписан мирный договор, по которому Китай отказался от своего сюзеренитета над Вьетнамом, признал заключенные ранее франко-вьетнамские соглашения, а также обязывался открыть на китайско-вьетнамской границе два пункта для иностранной торговли и установить льготные таможенные тарифы на границе Тонкина с китайскими провинциями Юньнань и Гуанси. Таким образом, для Вьетнама наступил новый этап истории — период нахождения в составе французской колониальной империи.

Северный и Центральный Вьетнам отличались более прочными докапиталистическими формами ведения хозяйства в сравнении с югом страны. В этих условиях метрополия не могла гарантировать своим гражданам, приехавшим в Индокитай, безопасность и получение стабильных доходов. Франция пыталась добиться притока в этот регион инвестиций, прежде всего в горнодобывающую промышленность, но больших результатов на первом этапе колонизации это не дало.

В 1887 г. Франция провозгласила создание **Индокитайского союза**, в котором Вьетнам был представлен тремя частями: одной колонией — Кохинхина — и двумя протекторатами — Аннамом и Тонкином. В каждой из этих частей существовала собственная, подчиненная французам администрация.

Культура Вьетнама во второй половине XIX в.

Накануне французского завоевания Вьетнама наиболее трезво мыслящие представители из среды интеллигенции и чиновничества предлагали представителям правящей элиты провести ряд широкомасштабных реформ. Во второй половине XIX в. во Вьетнаме зародилось просветительское движение, лидеры которого выступали за развитие государства по капиталистическому пути. Наиболее яркими его представителями являлись Нгуен Чыонг То, Ле Динь, Динь Ван Диен и др. Они выражали свои взгляды в памятных записках на имя императора, в которых были предложения реформ экономики и общественной жизни. Среди наиболее значимых из них — прекращение практики изоляции Вьетнама от остального мира, прежде всего от европейских государств, развитие торговых связей, использование передового европейского опыта и специалистов для модернизации вьетнамской экономики.

Наиболее яркой фигурой этого направления был Нгуен Чыонг То. Побывав в Европе и затем вернувшись назад во Вьетнам, он попытался убедить правящую элиту в необходимости коренных преобразований, прежде всего разделения исполнительной и законодательной ветвей власти в государстве, сокращения громоздкого чиновничьего аппарата и одновременного повышения жалования оставшимся администраторам, организации периодических изданий и т.д.

Большое значение им придавалось коренному реформированию традиционной системы образования, для чего в первую очередь он предлагал упразднить в стране китайскую конфуцианскую традицию в этой сфере, ввести в практику национальную вьетнамскую письменность, изучать в школах естественные науки и историю родной страны.

В области экономики для выхода из кризиса Нгуен Чыонг То предлагал развивать строительство ирригационных сооружений, железных дорог от севера до юга страны, отменить внутренние таможи, формировать внутренний рынок и т.д.

Он считал, что практически осуществить эти преобразования возможно лишь через авторитет императора, которому предлагал ориентироваться на опыт Японии. Тем не менее все эти и другие подобного рода предложения были отвергнуты вьетнамским монархом, остававшимся приверженцем консервативных взглядов.

Французы, пришедшие во Вьетнам, вели себя достаточно осторожно при проведении на его территории своей культурной политики, понимая, что имеют дело с государством, имеющим давние и глубоко проникшие в его цивилизационную основу традиции. Так, например, ими была сохранена конфуцианская система конкурсных экзаменов, но с 1896 г. при их проведении стала использоваться латинизированная письменность куок-нгы, а позднее, в начале XX в., был добавлен экзамен на знание французского языка.

Французы предпринимали попытки некоторого реформирования вьетнамской системы образования, создавая вместо традиционных сельских школ начальные и средние. Параллельно формировалась и система частных учебных заведений, где обучение велось на французском языке и по программам, разработанным в метрополии.

Была создана и система для получения европейского образования представителями вьетнамской элиты, для чего созда-

валась Школа ожидающих назначения в Ханое и Школа государственного обучения в Хюэ. В 1898 г. в Ханое были открыты Профессиональная школа, в которой изучались национальные и европейские приемы декоративно-прикладного искусства и Французская школа Дальнего Востока, сотрудники которой изучали историю и филологию народов Индокитая. Немного раньше французами были образованы Бактериологический институт в Нячане, а также Географическая, Метеорологическая и Геологическая службы. Проводимые французами преобразования, при всей их практической направленности на укрепление во Вьетнаме колониального режима, не могли не сказаться положительно на дальнейшем развитии страны.

В этот период продолжали развиваться традиционные для Вьетнама направления в литературе и искусстве. Одни ее представители видели причины отсталости своей страны в приверженности старым конфуцианским догмам и пытались в своих произведениях создать нового героя, у которого теоретические знания, основанные на современных достижениях, сочетаются с практическим опытом. Другие, наоборот, искали образы и героев в прежних эпохах.

Постепенно появляются деятели культуры, ставившие своей целью проводить французское влияние во Вьетнаме. Видной фигурой этого типа стал **Чыонг Винь Ки (1837—1898)**, ставший автором грамматики вьетнамского языка, книги по истории Вьетнама, а также большого количества произведений художественной прозы. С 1865 г. по его инициативе в Сайгоне стала выходить первая на вьетнамском языке газета — «Зядинь бао».

Наиболее известным поэтом являлся **Нгуен Динь Тиеу**, поэма патриотического содержания которого «Люк Ван Тиен» стала первым большим произведением вьетнамского автора, переведенным на французский язык и изданным в метрополии.

Во второй половине XIX в. перу вьетнамских авторов принадлежало большое количество произведений сатирической направленности, в которых высмеивались пороки вьетнамской элиты, а также и французские колониальные власти. Наиболее яркими представителями этой литературной тенденции стали **Нгуен Кхюен (1835—1909)** и **Ту Сьонг (1870—1909)**.

Также создавались и анонимные народные произведения о героях борьбы за независимость Вьетнама от французских колонизаторов — **Де Тхаме, Фан Динь Фунге** и др.

В этот период продолжал свое развитие и вьетнамский театр. Театральные постановки создавались, как правило, на сюжеты известных литературных произведений. Наиболее популярными были труппы, работавшие в театральном жанре *тыонг*, сложившегося еще в XVII в. Наиболее выдающимся драматургом второй половины XIX в. в жанре тыонг являлся Дао Тан (1846–1908).

Особенно тыонг был популярен в период нахождения на престоле императора Ты Дыка, лично занимавшегося его популяризацией среди своих подданных. Именно тогда большее внимание стало уделяться не содержанию той или иной пьесы, а форме ее подачи зрителю, утонченной технике актерского исполнения. Постепенно тыонг стал искусством для избранных, мало понятным простому народу. Поэтому параллельно с официальным, стал складываться т.н. «народный» тыонг, основанный на сатирическом начале. В таких пьесах бичевались пороки тогдашнего вьетнамского общества и прославлялись простые честные люди.

Другим театральным жанром был *тео*, также сформировавшийся еще в XVII в. и рассматриваемый период его представители в сатирической форме обличали власть предрержащих, выражая в определенной степени общественное мнение оппозиционно настроенных к французам народных низов.

После начала французской колонизации Вьетнама представителям вьетнамского изобразительного искусства, особенно скульпторам, приходилось испытывать на себе сильное воздействие культурных традиций метрополии. Однако первые художественные школы, пропагандирующие и учитывающие европейские традиции, открылись лишь в начале XX в.

Наиболее заметным явлением вьетнамской культуры второй половины XIX в. стали зодчество и архитектура. Самым значительным памятником той эпохи является ансамбль императорского дворца в Хюэ, включающий в себя постройки в комплексе с садами и водоемами, в которых, как в зеркале, они отражались, создавая великолепную неповторимую композицию, восхищавшую современников.

В связи с приходом в страну французов, значительные силы вьетнамских архитекторов были направлены на проектирование административных зданий для колонизаторов, а также их жилых домов. Здесь также постепенно переплелись традиции вьетнамской и европейской архитектурных школ и направлений.

Камбоджа к началу Нового времени

К началу XVI в. Камбоджа представляла собой монархическое государство с господством буддистской религии (в форме *хинаяны*). Верховным собственником земли являлся монарх (*сдат*). В Камбодже власть и личность монарха, а также его родственников обожествлялась. К монарху обращение включало титул «Преах» (Священный). Правящая верхушка состояла из чиновничества, родственников сдаты и руководства буддистской монашеской общины — *сангхи*. Камбоджа в административном отношении была разделена на провинции. Города не имели самоуправления, а управлялись специально назначенными королем чиновниками. В них жили ремесленники, чиновники, военнослужащие, купцы, а также слуги. Столицей и главным экономическим и культурным центром являлся Пномпень. Крестьянство, жившее в сельской местности и составлявшее основную часть населения, выращивало рис, занималось животноводством и рыбным промыслом. Важное место в хозяйственной жизни принадлежало ирригационному строительству. Крестьяне были лично свободны, земельные участки за ними закреплялись при условии их обязательной обработки.

В начале XVI в. Камбоджа была сравнительно развитой, по азиатским меркам, страной с сильными вооруженными как сухопутными, так и морскими силами. Страна экспортировала рис высокого качества, рыбу, слоновьи бивни, золото, а ввозила ткани, пряности, ртуть и др. товары.

К началу XVI в. развивается процесс ослабления камбоджийского государства, связанный прежде всего с междоусобной борьбой внутри кхмерской элиты. В результате этого в стране вспыхнуло народное восстание во главе с бывшим

крепостным **Най Каном**. Повстанцы сумели захватить Пномпень, король бежал. В 1502 г. им удалось захватить его в плен и казнить. Однако младший брат короля, **Анг Тян**, сумел организовать отпор повстанцам, получив поддержку из соседней Аютии. В результате Камбоджа на некоторое время оказалась разделена между сторонниками Анг Тяна и Най Тяна. Вскоре Анг Тян сумел победить своего главного противника, подавить восстание, а его зачинщика казнить. После этого, начиная с 1510 г., Анг Тян стал успешно воевать с Аютией, и в решающем сражении возле Ангкора тайские войска потерпели поражение от кхмеров, после чего эта местность получила название «Сиамреап» (разгром сиамцев).

В 1531 г. кхмеры вошли на территорию Аютии, захватив и разрушив одну из ее провинций — Прачин. После этого Анг Тян усилил свои позиции внутри Камбоджи. В 1549 г. кхмеры вновь вторглись в Аютию, пытаясь закрепить свой успех. В 1556 г. на престоле утвердился сын Анг Тяма **Баром Реатеа**. Он предпринял неудачную попытку переноса столицы. Ему все же удалось вернуть под камбоджийскую юрисдикцию захваченный ранее Сиамом Корат.

Помимо Аютии, кхмеры воевали с лаосскими правителями, сумев их ослабить. В 1556 г. Аютия вынуждена была возвратиться Камбодже Чантабун. Таким образом, Камбоджа была восстановлена в границах XIV в. Походы против Аютии были продолжены и при преемнике Барон Реатеа Сатхе I.

Первые христианские миссионеры появились в Камбодже в середине XVI в. Им было дано разрешение проповедовать, но реальных результатов это не дало — население в основной своей массе не восприняло католичества. Вскоре миссионеры покинули страну.

Во второй половине XVI в. продолжался экономический подъем в камбоджийских землях. Верховным собственником земли являлся монарх, власть которого не была ничем ограничена, сословных наследственных привилегий не существовало.

В сельской местности строились и реконструировались ирригационные сооружения за счет использования труда крестьян. Крестьяне выращивали большое количество риса, они имели право на землю только при условии ее обработки. Эта система просуществовала на территории Камбоджи вплоть до XIX в.

В городах, из которых наиболее значительными являлись Ловек, Пномпень и Ангкор, проживало большое число купцов и ремесленников, а также чиновники, военнослужащие, слуги и т.д. По р. Меконг и другим водным путям осуществлялась внутренняя торговля. Внешнеторговые связи Камбоджи осуществлялись с помощью этнических китайцев, живших в основной своей массе в столице. Они находились под контролем специально назначенных монархом чиновников.

В последней трети XVI в. вновь началась война с Аютией. Сиамцы в ходе нее сумели захватить Батамбанг и Поусат. Тем не менее камбоджийской армии удалось справиться с противником.

В этот период вновь наступил расцвет Камбоджи. Была построена новая столица — Ловек, множество буддистских храмов. В течение следующих семи десятилетий Камбодже удавалось одерживать победы над Ланг Сангом и вернуть часть ранее потерянных земель на западе. В последней трети XVI в. вновь продолжилась война с Аютией, в ходе которой пал Ловек, затем уничтоженный тайцами.

Неспособность правящей верхушки справиться с внешним врагом привело к новому народному восстанию, в ходе которого кхмерский король был убит. Однако правительству удалось все же подавить это выступление. Столица Камбоджи была перенесена в Удонг и были проведены административные реформы.

В 1594 г. тайцы захватили Ловек. Город был разграблен, уничтожено большое количество материальных ценностей, вывезено множество буддистских святынь и ценных книг в Аютию. В то время как тайцы находились в столице, кхмерский монарх продолжал осуществлять власть над остальной территорией страны, готовя новое наступление на оккупантов. Вскоре тайцев удалось выбить с камбоджийских земель.

С начала XVII в. между недавними врагами наметилось сотрудничество в борьбе с усилением Дайвьета, претендовавшего на свой сюзеренитет над Камбоджей. Однако затем планы кхмерского сдаты изменились.

Для укрепления связей с родом Нгуенов на юге Дайвьета в 1620 г. одна из дочерей Нгуенов стала женой кхмерского монарха Чей Четты II, которому в период своего правления удалось одержать ряд побед над тайцами. После его смерти в 1628 г. началась борьба за трон между различными группами кхмерской элиты.

Росло частное землевладение при сохранении формально-го права верховной собственности на нее в руках монарха. Частные земли могли продаваться, покупаться и передаваться по наследству.

Камбоджа в середине XVII — второй половине XIX вв.

В середине XVII в. в Камбодже возник конфликт на религиозной почве между сторонниками ислама, во главе которых стоял находившийся в тот момент на престоле и принявший мусульманское вероисповедание Чан (1642–1659) и буддистами, предводительствовал которыми Преах Батом Реатеа. Буддистов поддерживали и вьетнамцы. Чан потерпел в этом противостоянии поражение, а его соперник взшел на престол, восстановив прежние буддистские традиции. В 1672 г. Батом Реатеа погиб в результате заговора, и в стране вновь вспыхнула междоусобная борьба.

В 1675 г. на престол взшел Чей Четта IV, при котором вновь наступило относительное спокойствие. Главной административной единицей в Камбодже в тот период являлась провинция, разделенная на *округа* и *кхумы* (объединение нескольких соседних деревень). Крестьяне не являлись лично зависимыми, имели право свободного передвижения в пределах государства, но при этом они должны были выплачивать налоги государству и иметь своего покровителя из числа крупных сановников, живших в столице, и в пользу которых они выполняли определенные повинности.

В конце XVII в. изменились в худшую сторону отношения Камбоджи с Вьетнамом. На территориях Камбоджи, граничивших с Южным Вьетнамом, появились поселения вьетов, занимавшихся обработкой земель и плативших за это налоги камбоджийскому монарху. Вскоре они стали серьезной силой, позволившей Нгуенам оказывать воздействие на кхмерскую элиту. Они вмешивались в борьбу за кхмерский престол, поддерживая своими вооруженными формированиями выгодных им претендентов.

Опасность со стороны Вьетнама осознавал утвердившийся на престоле в 1679 г. Чей Четта IV, попытавшийся объединить государство и боровшийся внутри страны со сторонниками ориентации на Дайвьет.

Со второй половины XVIII в., и вплоть до французской колонизации, Камбоджа находилась под двойным вьетнамо-сиамским сюзеренитетом. В 1845 г. между Сиамом и Вьетнамом был подписан соответствующий договор. Король Анг Дуонг пытался лавировать между двумя внешними силами и одновременно укрепить свои позиции в стране.

В области внутренней политики Анг Дуонг главный упор попытался сделать на реформирование экономики, проведя соответствующие преобразования. При нем началось восстановление сельского хозяйства, дорожное строительство, ослабла социальная напряженность в обществе в результате изменения системы налогообложения и ограничения позиций ростовщического капитала.

Была усилена власть сдаты, единолично решавшего все важнейшие вопросы государственной жизни и опиравшегося на моральный авторитет буддистской религии, являвшейся основой официальной идеологии Камбоджи. Анг Дуонг готовил армию к новому походу за освобождение находившихся под сиамским контролем западных и северных камбоджийских земель.

В середине XIX в. окончательно оформилась система земельной собственности и основные сословия Камбоджи. Земля юридически считалась частью имущества верховного правителя. Он ею наделял своих подданных и мог ее забрать, если не было наследника. Реально же часть земельных угодий находилась в фактическом частном владении.

Землевладельцы из числа кхмерской элиты, юридически являлись такими же пользователями полученных из рук монарха земель, как и другие лично свободные кхмеры (*нэак тыа*). Только сам процесс ее обработки осуществлялся не ими лично, а зависимыми категориями населения. При этом они не платили налогов и взимали с них ренту в свою пользу. Часть таких земель передавалась в аренду путем заключения арендатором специального договора с фактическим владельцем земельного участка.

Высшее сословие кхмеров (*прэах вонгса*) состояло из членов семьи монарха вплоть до пятого колена, из более дальних родственников (*прэах вонг*) и высшего духовенства (*преамы*).

Чиновники (*намэны*) имели ряд привилегий и наделы за службу.

Далее следовало лично свободное население (*нзак тья*), которое не прикреплялось к земле и могло в любой момент с нее уйти, переселившись в новые районы. У них государство могло изымать в качестве налога до четверти собранного урожая. Кроме того, они должны были выполнять ежегодную государственную трудовую повинность. Такая система в тот период была весьма жизнеспособной и эффективной, что явно не устраивало претендентов на господство в Камбодже Сиам и Францию, считавших, что нестабильность в стране позволит им создать более благоприятные условия для ее подчинения.

Установление французского протектората над Камбоджей

После смерти в 1860 г. Анг Дуонга на престоле оказался один из его сыновей — Нородом, правивший вплоть до своей смерти в 1904 г. На годы его правления пришлось превращение Камбоджи в протекторат Франции и окончательная потеря Сиамом своих позиций в этой стране. В период 1861—1891 гг. один из сыновей Анг Дуонга, Си Ватха, организовал крупные волнения крестьян с целью добиться собственного восхождения на престол вместо Нородома, но эти попытки закончились неудачей.

Вмешательство Франции в дела Камбоджи началось после заключения в 1862 г. договора с Вьетнамом. В начале августа 1863 г. французскому представителю Ла Грандьеру удалось убедить Нородома согласиться на протекторат, и вскоре был подписан франко-камбоджийский договор о протекторате, хотя в тот момент он не был официально опубликован.

Согласно этому договору французский император Наполеон III принимал Камбоджу под свой протекторат. Франция получала право назначать туда своего представителя. Ни один представитель иностранного государства не имел права находиться на территории Камбоджи без согласия губернатора Южного Вьетнама и правительства Камбоджи. Порты страны открывались для торговли с французами, которые получали право свободно передвигаться и торговать на всей территории Камбоджи. Судопроизводство в отношении камбоджийцев оставалось в компетенции кхмерских судебных органов. В случае конфликта между французским и камбоджийским подданными, дело должно было передавать-

ся на рассмотрение французского судьи при наблюдении камбоджийского чиновника. Устанавливалась свобода деятельности для католических миссионеров на всей территории Камбоджи. Франция также принимала на себя обязательства поддерживать в Камбодже законность, осуществлять ее внешнюю защиту и решение ряда других вопросов. Несмотря на настойчивые просьбы французского представителя, в договор не было включено положение о предоставлении французским подданным право купли-продажи земли в Камбодже.

Франко-камбоджийский договор 1863 г. вызвал волну недовольства в кхмерском обществе, выразившегося в том числе в народных выступлениях под руководством Суа в 1864—1866 гг. и По Камбау в 1865—1867 гг. на юге страны.

По мере того как Франция завоевывала Южный Вьетнам, Камбоджа стала занимать все более значительное место в замыслах французских колонизаторов. Контроль над Камбоджей увеличивал экономическое значение южновьетнамских провинций, а также создавал благоприятные условия для дальнейшей колонизации региона. Кроме того, Франция таким образом действий могла ограничить намерение Сиам, в значительной степени подконтрольного Великобритании, в его дальнейших попытках захвата камбоджийских земель.

Французские представители провели встречу с Народом, который заверил их в своем дружеском расположении. Народом видел важность французского фактора, так как Франция теперь контролировала его недавнего сюзерена и без ее поддержки могла вновь обостриться сиамская угроза Камбодже. Таким образом, из двух возможных зол — подчиниться Сиаму или Франции — он выбрал, по его мнению, меньшее.

В течение 1864—1867 гг. шли переговоры между Францией и Сиамом, которые завершились соглашением о разделе Камбоджи. В ходе этих переговоров выявились серьезные разногласия в руководящих кругах Франции по вопросу о дальнейших действиях в Индокитае. В конечном итоге победила точка зрения, представители которой считали необходимым добиться отказа Сиам от претензий на Камбоджу даже ценой каких-либо уступок этой стране. Сиам в ходе переговоров с Францией добивался присоединения к себе камбоджийских провинций Батамбанг и Ангкор (Сиамреап), что и было достигнуто.

По условиям франко-сиамского договора 1867 г. камбоджийско-сиамский договор 1863 г. аннулировался. Права Франции на протекторат над Камбоджей были официально признаны Сиамом. Фактически это был раздел территории Камбоджи между Францией и Сиамом.

Важным этапом на пути дальнейшего укрепления французских позиций в Камбодже стали двусторонние договоры 1882 и 1884 гг. Если первый из них всего лишь ограничивал ввоз оружия в Камбоджу через Сайгон, то второй фактически лишал Камбоджу суверенитета.

Камбоджийский монарх заранее одобрял все практические действия, которые французская администрация захочет провести на территории Камбоджи. Камбоджийские административные органы попадали под полный контроль французских колониальных властей, которые также получали права на установление и порядок взимания налогов, таможенных пошлин, организации общественных работ и др. Французские резиденты назначались в камбоджийские провинции, подчиняясь генеральному резиденту, ответственного лишь перед губернатором Кокхинины. Резидент имел право свободного доступа к камбоджийскому монарху, для которого французами устанавливался бюджет содержания.

В 1884—1896 гг. страну охватило движение в защиту королевской власти от французов. По призыву Нородома началась партизанская борьба против французов. В результате королю Камбоджи французы возвратили в 1886 г. ряд привилегий и функций, которых он был лишен по договору 1884 г. и стали проводить в отношении камбоджийской монархии более осторожную и взвешенную политику.

Культура Камбоджи в Новое время

С XIV в., после начала широкого распространения в Камбодже буддизма хинаяны, определились основные тенденции в развитии камбоджийской литературы. Главными культурными центрами становились буддистские монастыри. Эта тенденция сохранилась и в XVI—XIX вв. В качестве литературного языка в Новое время стал широко использоваться кхмерский язык. Тексты записывались либо на пальмовых листьях, либо на рисовой бумаге.

Наиболее заметными произведениями кхмерской литературы того периода являлся «Рамке», представлявшего собой национальный вариант изложения древнеиндийской «Рамаяны». По всей видимости он создавался в течение длительного времени, с XV по XVIII вв. Некоторые специалисты считают его памятником кхмерской национальной культуры, так как он сильно отличается от оригинала.

В основе многих литературных произведений лежали сюжеты *джатак* и появился новый литературный жанр *састра лбаенг*, сочетававший элементы светского и религиозного начал, по форме очень похожий на волшебные сказки. Он имел большую популярность в среде кхмерского населения вплоть до конца XIX в.

В Новое время появились и стихотворные произведения, в частности, религиозная поэзия, в которой в художественной форме излагались буддистские нравственные принципы. В религиозной литературе появляется жанр поучений для различных социальных групп, в которых давались советы по правилам поведения в обществе, эффективному ведению домашнего хозяйства, соблюдению норм морали и т.д.

В XIX в. широкое распространение получает поэзия. Наиболее известным поэтическим произведением стала поэма «Какей», принадлежавшая перу короля Анг Дуонга, в которой, в качестве основополагающей, проводилась мысль о неотвратимости наказания человека за совершенные неблагоприятные поступки.

К началу Нового времени, после переноса столицы из Ангкора в Пном Пен, начинается упадок в строительстве сооружений из камня. Весь этот период Ангкор постепенно разрушался, зарастая джунглями и был вновь открыт для мира французами лишь в конце XIX в., подняв кхмеров в собственных глазах как нацию, создавшую одно из самых значительных религиозных сооружений в истории человечества.

Архитектура, скульптура и живопись, как и в других государствах буддистского мира, развивались под сильным воздействием буддистской религии. Строилось множество буддистских монастырей и деревянных дворцов для кхмерской элиты.

С конца XIX в., под воздействием французов, в камбоджийскую архитектуру проникают европейские традиции, что приводит к созданию сооружений, сочетающих элементы

традиционного и западного стилей. Характерный пример такого рода зодчества — здание Королевского дворца в Пномпене.

Театральное искусство кхмеров гармонично сочетало в себе элементы музыки, танца и словесных комментариев происходившего на сцене. Возникнув в глубокой древности, оно продолжило свое развитие и в Новое время.

В XVIII возрождается кхмерский классический балет, который брал свое начало от народного танца и был прерван в развитии в XV—XVIII вв. из-за тайского нашествия, приведшего к насильственной депортации в Аютию камбоджийских танцоров. Его главные сюжеты брались из поэмы «Рамке». Танцовщики выступали в сопровождении музыкантов и женского хора. Каждую новую сцену предварительно комментировал вслух специальный декламатор. Каждый жест танца имел свой смысл. Большое значение придавалось внешней атрибутике: костюмам, маскам, гриму и т.д. Главные мужские роли исполнялись женщинами.

В народных низах широкое распространение получили танцевальные представления-пантомимы в мужском исполнении также на сюжеты из «Рамке». Особо популярен этот жанр был во времена правления Анг Дуонга и Нородома.

В Новое время в Камбодже широкое распространение получил театр теней.

До середины XIX в. образование в Камбодже носило религиозный характер. Существовали школы при буддистских монастырях для мальчиков, где они познавали азы грамоты, счета и ремесла. После прихода в Камбоджу французов в 1873 г. в Пномпене появилась первая светская школа для детей кхмерской элиты, затем светские школы стали открываться и в некоторых провинциальных центрах.

В целом камбоджийская культура Нового времени оказала большое влияние на формирование общественного сознания как в доколониальный, так и в колониальный периоды.

Лаос в раннее Новое время

К началу Нового времени на территории современного Лаоса существовало государство Ланг Санг, возникшее в 1353 г. и представлявшее из себя децентрализованное образование, в котором взаимоотношения центральной власти и отдельных регионов строились по принципу «сюзерен-вассал». Верховным правителем *тяусивитом* (в буквальном переводе — властелин жизни) контролировались местные правители *тяумнанги*. Последние при вступлении в должность давали специальную клятву верности тяусивиту. Тяумнанги обеспечивали потребности своего сюзерена в транспортных перевозках по территориям своих владений, осуществляли там общественные работы, а в период войны передавали в его распоряжение свои вооруженные формирования.

В конце XV в. после нападения вьетнамских войск на княжество Мыанг Пуен и захвата столицы Ланг Санга, лаосские земли оказались ослабленными. Лишь королю Ланг Санга Потисарату (1530–1559) удалось укрепить государство, ведя войны против Сиам и установив мирные отношения с Вьетнамом. После смерти Потисарата власть перешла в руки Тхао Сая Сетхатирату, правившему до 1571 г., который начал воевать с Бирмой, сумев привлечь на свою сторону в 1560 г. Аютию.

С 1563 г. столицей Ланг Санга становится Вьентьян, с того времени превратившийся в главный административный и культурный центр лаосской государственности.

В 1565 г. бирманским войскам удалось захватить Вьентьян, и Сетхатирату пришлось отступить в труднодоступные для противника районы джунглей, где они вели партизанскую войну против армии противника. В результате изматывающих боев бирманцам пришлось уйти из Ланг Санга. Следующая

экспедиция бирманцев в Лаос началась в 1569 г., и вновь лаосский король ушел со своими сторонниками в джунгли, а бирманцам вновь пришлось уйти из Ланг Санга. Спустя два года после этих событий, во время военного похода против горных кхмеров, без вести пропал Сеттхатират, и вскоре бирманцы в очередной раз захватили Вьентьян, превратив Ланг Санг в своего вассала. Эта зависимость прекратилась лишь в период правления **Суминья Кумана** (1591–1596). После его смерти страну стали раздирать междоусобные противоречия, поставившие Ланг Санг на грань распада.

К середине XVI в. удалось укрепить экономическое и политическое положение Ланг Санга, расширить его территориальные владения, в состав которых вошло, в частности, тайское княжество Чиенгмай. Предпринимались также попытки ослабления китайского влияния и организованного противостояния натиску правителей бирманского государства Ава.

В 1560 г. между Ланг Сангом и Аютией (Таиландом) был подписан договор о союзе. В 1563 г. столицей государства вместо **Луанг Прабанга** (буквально — Город Золотого Будды) становится **Вьентьян**, и в том же году вновь возобновились вооруженные столкновения с Авой. Спустя два года, лаосский король вынужден был уйти из Вьентьяна и возглавить партизанскую войну своего народа против бирманских захватчиков. С конца XVI в. Ланг Санг все же стал данником Авы.

В первой половине XVII в. вновь вспыхнула борьба за власть между лаосскими правителями. Лишь к 1637 г., с восшествием на престол **Суминя Вонгса**, Ланг Санг вновь становится сильным государством. При нем был проведен ряд реформ, сделавших это государство централизованным, способным на равных конкурировать с соседями за влияние в регионе. Он, в частности, в ходе своего правления сумел установить дружеские отношения с Сиамом и Дайвьетом.

В этот период в Лаосе появляются первые европейцы — миссионеры и торговцы — голландцы и представители католического ордена иезуитов, безуспешно пытавшиеся создать здесь свою миссию.

Лаос в середине XVII — середине XIX вв.

Власть монарха в этот период была ничем не ограничена, он также являлся и верховным собственником земли. Управлять

государством ему помогал специальный чиновник, имевший титул *упахат*. Последний также, в период, когда на престоле находился несовершеннолетний монарх, выполнял при нем регентские функции. Губернатор Вьентьяна по должности являлся одновременно и главнокомандующим вооруженными силами. Ланг Санг был разделен на 7 провинций, руководители которых постоянно находились при дворе правителя, а от их имени на местах управляли заместители, также носившие титул *упахат*. Более низкие административные должности занимали избиравшимися местным населением чиновники.

Некоторое усиление центральной власти в этот период происходило благодаря принятию в Ланг Санге в качестве официальной идеологии буддизма хинаяны. Одновременно были изданы указы о запрете исповедания подданными индуизма и поклонения местным божествам, на месте алтарей стали возводить буддистские религиозные сооружения.

Власть опиралась на армию, в которую входили гвардия короля и провинциальные войска. Существовал также и королевский суд, состоявший из членов королевской семьи.

Социальные отношения строились на иерархических взаимоотношениях знатных людей, простолюдинов и рабов. Знать: принцы королевской крови, высшие чиновники. Звания последних не были наследственными. Их судьба целиком зависела от воли монарха. К простолюдинам прежде всего относилось крестьянство, занимавшееся обработкой находившейся в верховной собственности короля земли. Последнему они выплачивали в виде налога половину собранного урожая один раз в три года и налог на содержание провинциального войска. Прикрепления крестьян к земле не существовало. Рабы находились в собственности как знати так и простолюдинов. Эту категорию составляли военнопленные, а также должники и преступники, которым была назначена такая форма наказания. Рабство в Лаосе было запрещено лишь в конце XIX в.

В это время велась торговля с югом Бирмы, Сиамом, Вьетнамом и Камбоджей. В Сиам поступало золото, ткани, медь, смола, во Вьетнам и Камбоджу — шелковые ткани, рога носорога и ряд других редких товаров.

После смерти в 1694 г. Суминя Вонгса, у которого на тот момент не осталось наследника, вновь разгорелась борьба за власть между представителями высшей элиты, поставившая

Лаос Санг на грань катастрофы. Государство распалось в начале XVIII в. на отдельные образования — Луанг Прабанг на севере, Вьентьян в центральной части и Тямпатсак на юге. Кроме того, в состав лаосских земель входил Мыанг Пуен, имевший статус вассального от Дайвьета государства. Несколько позднее о своем вассалитете по отношению к Дайвьету объявил и Вьентьян. Все они вели между собой постоянные войны, а с другой стороны, вынуждены были очень часто совместными усилиями противостоять внешней угрозе.

В 1750 г. правитель Луанг Прабанга отказался от выплаты дани вьетнамскому монарху и сумел отбить наступление недовольных этим обстоятельством вьетнамских войск.

К середине XVIII в. о своих особых интересах в отношении лаосских земель заявила Бирма. В 1753 г. бирманцы совершили военный поход на Луанг Прабанг, заручившись поддержкой Вьентьяна. Лишь после вмешательства Аютии в 1768 г. Луанг Прабанг был освобожден от бирманского господства. В 1774 г. был заключен военный союз между Луанг Прабангом и Аютией против Бирмы. Это обстоятельство вскоре привело к установлению вассалитета Аютии над Луанг Прабангом. В свою очередь, Вьентьян в конце 70-х — начале 80 гг. подвергся нападению со стороны Сиам и вынужден был стать, наряду с Чампассаком, его вассалом.

Наиболее выдающимся из правителей Вьентьяна являлся Чао Ану, вступивший на престол в 1805 г. и попытавшийся освободиться от сиамской зависимости. С этой целью он заручился поддержкой вьетнамского правителя Зя Лонга. В 1826 г. он начал войну с Сиамом, но уже в следующем году его войска были разбиты. Чау Ану обратился за помощью к Вьетнаму, однако это уже не могло его спасти. В 1831 г. он оказался в плену у сиамцев. Вьентьян был разрушен и превращен в одну из провинций Сиам во главе с губернатором. Та же участь постигла государство Мыанг Пуен, ставшее вьетнамским владением под названием Чаннинь.

Чампассак также оказался под сиамским контролем, но там формально находился у власти собственный правитель. Луанг Прабанг в это время раздирали внутренние противоречия, связанные с борьбой за власть между различными группировками местной элиты.

В 30-е гг. XIX в. тогдашний правитель Луанг Прабанга Манта Турат предложил вьетнамскому императору принять

его в свои вассалы и помочь освободиться от сиамского влияния, однако осуществить на практике этот план ему тогда не удалось, главным образом из-за нежелания вьетнамского императора активно вмешиваться в сложный клубок противоречий, возникший в тот момент вокруг лаосских земель и в силу изоляционистского характера своей внешней политики.

Лаос во второй половине XIX в.

В 1872 г., через три года после смерти Манга Турата, на престол Луанг Прабанга взошел один из его сыновей Ун Кхам, который находился у власти до 1894 г. В это время началась борьба за контроль над его владениями между Сиамом, подержанным Великобританией, и Францией.

Франция еще в годы правления Наполеона III разработала план подчинения долины Меконга, чтобы создать благоприятные условия для своих владений в Южном Вьетнаме. Торговое значение Лаоса для Камбоджи в этом контексте представлялось весьма важным. Французы считали, что Лаос станет неплохим рынком сбыта произведенных ими товаров, которые будут туда доставлять через Камбоджу.

Еще одним побудительным мотивом являлось желание обеспечить удобный доступ к южным провинциям Китая через Луанг Прабанг, а также стремление возможно дальше отодвинуть границу от наиболее значимых их владений в Индокитае, к которым они относили Вьетнам и Камбоджу.

Захват Францией Южного Вьетнама, Камбоджи, а затем и ее дальнейшее продвижение к северу полуострова изменили соотношение сил в Индокитае в пользу Сиам, в котором на первых порах в Луанг Прабанге видели защитника от французской угрозы.

Сиамское руководство, за которым стояла Великобритания, полагало, что проникновение Франции в этот район угрожает его интересам и, чтобы опередить своих потенциальных конкурентов, осенью 1885 г. предприняло оккупацию районов на северных и восточных границах Луанг Прабанга. Одновременно ими были назначены два резидента к правителю Луанг Прабанга.

Во Франции этот шаг Сиам вызвал весьма негативную реакцию, так как считалось что Франция является правопреемницей Вьетнама и Камбоджи во внешних делах и должна защищать их права на спорных с Сиамом территориях.

Сиам, естественно, стремился укрепить свои позиции в районе Луанг Прабанга и по просьбе Ун Кхама поелал туда свои войска для его защиты. В 1886 г. Франция и Сиам заключили двусторонний договор о создании на территории Луанг Прабанга французского консульского учреждения и образовании комиссии для уточнения границ Луанг Прабанга с Вьетнамом.

В 1887 г. на Луанг Прабанг напали китайские отряды «Черных флагов», поставив под угрозу жизни Ун Кхама и его ближайшего окружения. Воспользовавшись моментом, французы сумели эвакуировать их из охваченной пламенем столицы и предложить свою военную помощь для ликвидации возникшей угрозы. Это вызвало недовольство в Сиаме. Тем не менее французы все же помогли справиться с китайскими отрядами, которые в октябре 1888 г. вынуждены были капитулировать.

В конце 1889 г. была организована специальная экспедиция с целью более детального изучения на месте перспектив для развития французского бизнеса на лаосских землях.

С декабря 1892 г. по май 1893 г. происходили дипломатические переговоры между Великобританией и Францией по поводу разграничения сфер влияния в данном регионе и месте Сиам в происходивших неоднозначных процессах.

В апреле-мае 1893 г. по приказу французского генерал-губернатора Индокитайского союза на лаосские территории были введены войска, имевшие предписание в случае необходимости применять силу. Сиаму был предъявлен ультиматум. 3 октября того же года Франция и Сиам подписали соглашение, по которому последний отказывался от своих притязаний на все лаосские территории, отныне переходившие под протекторат Франции. Провинции Батамбанг и Ангкор становились территориями с особым правовым режимом, при котором у Сиам не было возможности иметь там войска, а его военным кораблям нельзя было плавать по Меконгу и озеру Тонлесап. Франции учреждала свои консульства в Корате и Нане.

Таким образом, Франция значительно расширила свои колониальные владения в Индокитае, а Сиам понес серьезные территориальные потери.

В результате впервые в истории Нового времени, на карте появилось государственное образование Лаос. Территории,

его составившие, были разделены на три части и такое административное деление официально вступило в силу со 2 декабря 1893 г. Луанг Прабанг подчинялся резиденту Тонкина, район верхнего Меконга — властям Аннама, район среднего Меконга — губернатору Кохинхины.

В Луанг Прабанге был оставлен правитель, чаще всего называемый на европейский лад королем, при котором имелся ухахат и королевский совет, состоявший из трех членов, назначаемых королем с согласия французского верховного резидента. Для охраны короля и поддержания порядка имелась личная гвардия. Король Луанг Прабанга царствовал, но не управлял, поскольку все его распоряжения получали юридическую силу только после их утверждения французским верховным резидентом.

Остальная часть Лаоса официально подчинялась французскому верховному резиденту. Там было сохранено среднее и низшее звено местной администрации, которая контролировалась французскими чиновниками.

По замыслу французских колониальных властей, такая система управления лаосскими землями должна была улучшить эффективность их управления этими территориями. Однако это административное деление в целом и границы Лаоса, в частности, служили источником постоянных трений между членами Индокитайского союза.

Поэтому французские власти вскоре стали подготавливать новое административное деление Лаоса. В 1895 г. территория Лаоса была разделена на два автономных района — **Верхний** и **Нижний Лаос** (со столицами в Луанг Прабанге и Кхонге). Во главе каждого из них стоял верховный резидент. Такое деление просуществовало до 1899 г.

Культура Лаоса в Новое время

В XVI в. началось зарождение лаосской литературы, носившей, как правило, анонимный характер. Ее развитию во многом способствовало появление в XIV в. лаосского алфавита — *тхала*. Тексты записывались на пальмовых листьях. Авторы большинства литературных произведений брали за основу религиозные сюжеты, но встречались и светские мотивы. По форме это были как прозаические, так и поэтические сочинения. Классическая литература развивалась в тесном взаимодействии

с народным фольклором и под сильным воздействием индийской традиции.

Главными сюжетами религиозной литературы являлись повествования о земных жизнях Будды в различных перевоплощениях, о других божествах буддистского пантеона, монахах и т.д. Не могли избежать религиозного влияния и произведения светской литературы. В ней зачастую присутствовали и любовные сюжеты, особенно на сказочные мотивы.

Особенно благоприятным для развития лаосской культуры в целом, и литературы, в частности, стал XVII век, в котором, за исключением небольшого периода в 20–30 гг., практически не происходило междоусобных столкновений и войн с другими государствами. Стал более понятным язык литературных произведений, появились новые жанры. Одним из самых ярких образцов явилась прозаически-стихотворная повесть «Сиеусават», по форме представлявшая собой серию рассказов, объединенных общей канвой, которые должны были проиллюстрировать ту или иную норму морали.

В середине XVII в. была написана поэма «Синсай», состоявшая из нескольких тысяч стихов, написанных достаточно сложным для восприятия языком. В ней путем сочетания реальных и фантастических сюжетов показана борьба главного героя Синсая за спасение своей невесты от врагов, который в конце удостоивается высшей чести — похвалы от короля.

Из произведений «народной» литературы следует назвать появившиеся в XVII в. рассказы о Сиенг Миенге, в которых в комической форме, без буддистских нравоучений, повествовалось о жизни простого народа.

После распада к началу XVIII в. Ланг Санга на три самостоятельных государства, лаосская литература оказалась в упадке. Большое количество камбоджийских книг было вывезено в Аютию, а развитие литературного творчества фактически прекратилось. Единственным значимым произведением, написанным на рубеже XVIII–XIX вв. стала лирическая поэма «Незабвенное послание», в которой были описаны страдания молодого человека по любимой, угнанной в сиамскую неволю.

Приход в страну в конце XIX в. французов не вывел лаосскую литературу из состояния упадка.

С XIV в. в архитектуре Лаоса господствующими являлись религиозные буддистские мотивы. Сооружалось множество

ступ (*стуна* — тип храма или молельни), храмов, в том числе и религиозных комплексов — *ватов*, объединявших различные типы религиозных сооружений. Большое значение придавалось строительству дворцов для высших слоев общества. Они украшались изваяниями Будды, а также домашними алтарями.

Скульптуры Будды в значительной степени имели сходство с типичными чертами лаосского этноса, что их отличает от аналогичных произведений, созданных в других странах. Живопись развивалась в жанре храмовой росписи на сюжеты джатак и «Рамаяны».

В области декоративно-прикладного искусства преобладали чеканка, резьба по кости, изготовление различного рода сосудов, оружия и серебряных ларцов, украшенных орнаментом и религиозными миниатюрами. Центрами лаосского искусства в Новое время стали города Луанг Прабанг и Вьентьян. На их развитие с конца XIX в. оказывали влияние французские зодчие. Появились дома в 2–4 этажа с магазинами и ремесленными мастерскими на нижних этажах, административные здания европейского типа.

До начала XX в. в Лаосе практически не существовало светской системы образования, а имелись, как и в Камбодже, религиозные школы при буддистских монастырях, дававшие ученикам лишь элементарные, нерелигиозные знания.

Образование и первый период существования Индокитайского союза (1887–1899 гг.)

Создание Индокитайского союза завершило собой длительный процесс юридического оформления колониального господства Франции над территориями Индокитая. Формы и доктрины французской колониальной политики в Индокитае определялись, в первую очередь, особенностями социально-экономического развития метрополии, а также учитывались и цивилизационные факторы, присущие Вьетнаму, Лаосу и Камбодже.

При осуществлении на практике колониальной политики французское правительство стремилось выдвинуть на первый план такие цели, как гуманность, защита свободы исповедания религии и т.д. Учитывались при этом соображения национального престижа, такие как традиции французской монархии, величие нации и т.д.

В октябре 1887 г. в состав Индокитайского союза вошли Кокхингина, Аннам, Тонкин и Камбоджа. Позднее туда были включены Лаос (1899) и китайская территория Гуанчжоувань (1900). Общее управление этим своеобразным объединением осуществлялось министерством колоний, а непосредственно в самом Индокитае высшим должностным лицом метрополии являлся французский генерал-губернатор. Генерал-губернатор становился единственным официальным представителем президента Французской Республики на территории Индокитая, обладал правом издавать декреты, имевшие обязательную юридическую силу. Генерал-губернатору подчинялась гражданская администрация, и он являлся официальным полномочным представителем Французской Республики в странах Дальнего Востока и верховным главнокомандующим вооруженными силами Индокитайского союза. В ведении генерал-губернатора находился и бюджет Союза. Только он имел право официальной переписки с правительством метрополии.

Генеральный секретарь являлся по должности заместителем генерал-губернатора и лицом, непосредственно возглавлявшим административный аппарат Союза, в его прямом подчинении находились правоохранительные органы.

В 1894 г. было создано управление финансового контроля, отвечавшее перед метрополией за положение дел в области финансов и контролировавшее деятельность Индокитайского банка.

Колониальная администрация вначале ввела судопроизводство по французским законам для европейцев, французов и ассимилированных лиц из числа местного населения, но затем были введены уголовное и гражданское законодательство для коренного населения с учетом традиций местного судопроизводства.

Важную роль в деятельности центрального аппарата играло управление таможен и государственных монополий. Это управление являлось главным источником ресурсов, питавших генеральный бюджет, и было наиболее разветвленной службой Индокитайского союза.

В 1898 г. были образованы Управление общественных работ и Управление сельского хозяйства, в задачи которых входила организация железнодорожного строительства, управление работами в шахтах, мелиорацией, оказание помощи французским переселенцам в освоении земель в Индокитае, изучение особенностей индокитайской экономики и т.д.

Кроме того, в подчинении генерал-губернатора находилось управление почт и телеграфа. Все перечисленные управления имели отделения на местах.

С 1898 г. французская администрация стала привлекать местное население для несения административной службы, в частности, в управлении таможен и монополий, при сборе налогов и т.д., где особенно необходимо было знание местных условий.

Армия выполняла частично правоохранительные функции, а также функции таможенной и пограничной службы. Главные силы сухопутных войск сосредотачивались на севере Вьетнама. И в них входили не только французские войска, но и местные вооруженные формирования численностью до 20 тыс. человек.

Названные выше органы имели непосредственное подчинение генерал-губернатору. Кроме того, при нем имелся и ряд

совещательных органов. Главным из них был **Высший совет Индокитая**, созданный в 1887 г. Спустя десять лет в него были введены и представители от местного населения. Он собирался один раз в год, и в его состав входили главнокомандующие родами войск, высшие государственные чиновники Индокитайского союза, лица, представлявшие экономические интересы Франции, а также французских колонистов — делегатов торговых палат Сайгона, Ханоя и Хайфона, сельскохозяйственных палат Кохинхины и Тонкина, смешанных палат по делам торговли и сельского хозяйства Аннама и Камбоджи, а также из пяти представителей элиты — по одному от каждой страны Союза — Камбоджи, Кохинхины, Аннама, Тонкина и Лаоса. Они назначались генерал-губернатором по представлению глав местной французской администрации.

Во главе местной администрации в Кохинхине находился губернатор, в Аннаме, Тонкине, Камбодже — верховный резидент, формально руководивший всеми делами совместно с местными правителями этих протекторатов.

Губернатору Кохинхины (**Южный Вьетнам**) подчинялись все чиновники, находившиеся на ее территории, он также имел право решать вопросы, связанные с предоставлением земельных участков, строительством инфраструктуры и т.д.

В качестве совещательного органа при губернаторе существовал Совет, в котором под его председательством заседали высшие чиновники колонии и Колониальный совет, формально представлявший интересы местного населения.

Французское население после достижения 21 года избирало своих представителей в Колониальный Совет на основе всеобщих и прямых выборов. Коренное же население могло принимать участие в выборах лишь с 25 лет на основе ограниченного избирательного права в зависимости от размеров вносимых налогов и рода деятельности.

В Кохинхине существовала торговая палата и палата сельского хозяйства, куда избирались представителями французских и вьетнамских предпринимателей с правом высказываться по вопросам промышленности, торговли и сельского хозяйства.

Во главе каждой из 21 провинции Кохинхины стоял французский чиновник, одновременно являвшийся председателем совета провинции, избиравшегося местной элитой.

Упразднив центральную вьетнамскую администрацию на территории Кохинхины, французские власти ввели там право наследования земельных угодий и для невьетнамского населения, что было выгодно, прежде всего, для китайских переселенцев, до этого не имевших такой возможности. Местная вьетнамская администрация сохранилась лишь на уровне уездов и волостей.

Введение в колонии прогрессивного для того времени французского законодательства с учетом местных традиций ставило население Кохинхины в более благоприятное положение в сравнении с населением в других частях Индокитая.

Для укрепления своей власти французы создали систему *эндижената*, своеобразных правил поведения местных жителей, согласно которым вьетнамцам запрещалось без официального разрешения перемещаться из одной части страны в другую.

Главные органы Индокитайского союза были сосредоточены в Сайгоне, одновременно являвшимся административным центром Кохинхины.

Тонкин (Северный Вьетнам) рассматривался французами в качестве важного района на пути дальнейшего продвижения в Китай. Завоевывая Центральный и Северный Вьетнам, Франция хотела искусственно отделить Тонкин от Аннама. До образования Индокитайского союза Аннам и Тонкин находились под управлением генерального резидента, которому были подчинены верховные резиденты Аннама и Тонкина.

Во главе администрации в Тонкине стоял чиновник, именуемый верховным резидентом, функции которого были аналогичны функциям губернатора Кохинхины. Он являлся главой всего административного аппарата Тонкина. В качестве совещательного органа при нем в 1898 г. был образован Совет протектората. В 1894 г. был учрежден аналогичный совместный совет для Аннама и Тонкина. В него входили высшие чиновники, командующие войсками, размещенными на его территории, генеральный прокурор и др.

При верховном резиденте имелись две торговые палаты — в Ханое и Хайфоне и сельскохозяйственная — в Ханое. Торговые и сельскохозяйственные палаты Тонкина имели те же функции при верховном резиденте, что и палаты Кохинхины.

Тонкин вначале был разделен на 13, а затем на 23 провинции. Во главе каждой из них находился французский

резидент-администратор, который контролировал всю деятельность местных вьетнамских чиновников. Вьетнамская администрация Тонкина, в отличие от Кохинхины, сохранялась. Вьетнамские чиновники осуществляли там непосредственное управление в соответствии с вьетнамским традиционным правом. В то же время таможенная служба, финансы, общественные работы находились под контролем французских чиновников.

Протекторатами, где хотя бы формально, но сохранялись собственные государственные органы, являлись Аннам, Камбоджа и Лаос.

Глава государства-протектората рассматривался во Франции в качестве главы иностранного государства, деятельность которого ограничивалась метрополией через резидента. Французское законодательство отношения протектората и метрополии определяло как неравноправный союз двух суверенных государств.

Протекторат имел юридически двойственный характер. Он не являлся французской территорией, подобно колонии, но и не был территорией иностранного государства.

Жители страны-протектората не имели французского гражданства, оставаясь подданными своего монарха. Тем не менее они имели статус лиц, находящихся под покровительством Французской Республики, и за ними признавались некоторые права, имевшиеся у ее граждан (быть допущенным на административную работу во французские учреждения, служить во французской армии и др.).

Во французском законодательстве определялась и такая форма колониального владения как концессия. Таковыми на территории Индокитая являлись города Ханой, Хайфон и Туан (Дананг), которые вначале входили в состав протекторатов, но затем, в 1888 г., были переданы Франции на правах собственности.

Во главе Аннама (Центральный Вьетнам) стоял император, который получал ежегодное содержание от французского правительства, а бюджет его двора утверждался верховным резидентом. При нем имелся совет Короны, а также тайный совет. В сентябре 1897 г. совет Короны был заменен советом министров под председательством французского верховного резидента. Тайный совет при императоре состоял из шести министров и нескольких высших чиновников. Кроме

того, при императоре имелся секретариат из четырех человек и специальная служба по составлению хроник.

Для поддержания порядка при дворе состояло около 300 солдат личной гвардии императора. Местное управление находилось в руках вьетнамских чиновников.

Аннам был разделен вначале на 12 провинций, а позднее — на 16. Фактическим главой Аннама был находившийся в Хюэ верховный резидент, подчинявшийся непосредственно генерал-губернатору Индокитайского союза. Он осуществлял внешние связи с зарубежными представительствами, находившимися на территории Аннама, имел право на личную аудиенцию у императора, контролировал деятельность местных администраций, определял бюджет протектората.

Управление провинциями также было поставлено под контроль французского резидента. Кроме того, финансы, общественные работы, таможенная служба находились под его прямым контролем.

Камбоджа была организована в протекторат в 1884 г., что подтвердили указы 1889–1898 гг. Во главе страны находился король. Он имел право издавать законы, которые вступали в законную силу после утверждения французским резидентом.

Финансы, налоги, таможи, государственные монополии находились полностью в руках Франции, которая за счет средств камбоджийского населения оплачивала административные расходы и расходы на содержание короля и его двора. Король стал фактическим чиновником, получавшим свое жалованье от французских властей.

При короле создавался совет министров, председателем которого являлся верховный резидент. При нем функционировал с 1899 г. в качестве совещательного органа совет, состоявший из высших чиновников протектората.

Государственный аппарат находился в непосредственном подчинении верховного резидента, который, в свою очередь, подчинялся генерал-губернатору Индокитая. В его обязанности входило исполнение постановлений, принятых генерал-губернатором, он также отвечал за кадровые изменения во французском и местном административном аппарате.

Камбоджа была разделена вначале на шесть, а впоследствии — на четырнадцать провинций. Во главе каждой стоял резидент и глава местной администрации. Первый из них следил за соблюдением законов на территории подведомственной

провинции, контролировал действия местных властей, занимался вопросами налогообложения, разбирал судебные дела французских граждан и т. д.

В провинциях и других более мелких административных образованиях управление было сосредоточено в руках местной администрации, действия которой контролировались французскими чиновниками. Кроме того, в руках французов находилось непосредственное управление финансами, таможнями и общественными работами.

Последней территорией Индокитая, вошедшей в состав Индокитайского союза, стал Лаос, образованный в результате объединения под французским протекторатом нескольких разрозненных территорий, когда обе части — Верхний и Нижний Лаос — были объединены в 1899 г. под руководством французского генерального резидента, которому были предоставлены равные права с резидентом Аннама, Камбоджи и Тонкина. Местом пребывания генерального резидента стал Саваннакет, а позднее Вьентьян. Французские чиновники в Луанг Прабанге были подчинены генеральному резиденту. После этого, в 1900 г., Лаос был включен в состав Индокитайского союза и разделен на десять провинций (в том числе одну военную территорию).

В конце мая 1898 г. французский министр иностранных дел направил в китайский МИД документ относительно Гунчжоуяна, в котором Франция предлагала Китаю уступить ей эту территорию в аренду сроком на 99 лет. Несмотря на все попытки Франции быстро решить этот вопрос, он затягивался из-за сопротивления Китая. Лишь в феврале 1900 г. соответствующий документ был утвержден, и данная территория перешла под непосредственное управление французского генерал-губернатора Индокитая.

В парламенте и правительстве метрополии французские владения в Индокитае были представлены от Кохинхины одним депутатом парламента; от Камбоджи Аннама и Тонкина — по одному делегату в высший совет колоний.

После создания Индокитайского союза эта территория постепенно расширяла свою самостоятельность в решении местных проблем. Одновременно усиливалась роль центральных органов данного союза в сравнении с местными на уровне входивших в него территорий.

В 90-е гг. XIX в. парламент Франции своими декретами предоставил большую самостоятельность Индокитайскому

союзу. В 1897 г. генерал-губернатором Индокитая был назначен П. Думер, находившийся на этом посту вплоть до 1902 г. Под его руководством был проведен ряд реформ колониального управления Индокитаем с целью превращения последнего в экономическом отношении в более эффективное колониальное объединение и совершенствования там работы административного аппарата.

С 1897 г. французами в Индокитае была введена государственная монополия на производство и продажу алкоголя, соли, опиума, а также на спички, табак и порох. Тогда же была проведена налоговая реформа, которая привела к их повышению и дифференциации, что, в конечном итоге, существенно увеличило поступление финансовых средств в бюджет Индокитайского союза.

Основная масса полученных средств направлялась на развитие инфраструктуры Индокитайского союза, строительство железных и шоссейных дорог. Средства также вкладывались в развитие транспорта, ирригационное строительство, реконструкцию морских и речных портов, строительство судоходных каналов и т.д.

К концу XIX в. в Тонкине и Лаосе появились французские акционерные общества по разработке полезных ископаемых, и к этому периоду в Индокитае уже добывали 260 тыс. тонн каменного угля. Франция постепенно выкупила у вьетнамцев и китайцев все угольные шахты.

К началу XX в. во Вьетнаме образовалось несколько крупных текстильных компаний по производству шелка и хлопчатобумажных тканей. В конкуренции с ними были разорены вьетнамские ремесленники, занимавшиеся текстильным производством.

В области сельского хозяйства французский капитал занимался освоением рисоводства (прежде всего в Кохинхине) с целью его экспорта, а также разведением гевеи. К концу XIX в. здесь возникли первые французские каучуковые плантации, а также плантации чая и кофе.

Таким образом, к началу XX в. были созданы все условия для интеграции государств Индокитая в мировой рынок на зависимой основе, а также окончательно оформились границы и система колониального управления Францией подчиненных ей территорий в Индокитае, просуществовавшие, с небольшими изменениями, вплоть до Второй мировой войны.

Бирма в раннее Новое время

К началу XVI в. территория, на которой располагается современная Мьянма (Бирма), не представляла собой единого государственного образования и, раздираемая противоречиями, разделялась между государством Ава, возникшим во второй половине XIV в Центральной Бирме, населенном собственно бирманцами, и государствами шанов, монов и каренов, представлявших народы небирманского происхождения. В 1507 г. правитель Авы вынужден был пойти на уступки шанам, отдав им часть своей территории. Тем не менее они этим не довольствовались, и спустя два десятилетия шаны разграбили Аву, уничтожив ее монарха. Значительное число жителей было уведено в рабство, либо спаслось бегством в горные районы и княжество Таунга (еще одно государство, располагавшееся на территории современной Бирмы).

Северную и центральную части Бирмы стали контролировать шаны, юг — моны, запад — Аракан. Такое положение не могло устроить бирманцев, и князь Таунгу Минджино повел борьбу за контроль над Северной Бирмой, сумев отвоевать у шанов важный сельскохозяйственный район Чаусхе. Наследники Минджино продолжили борьбу за объединение Бирмы. Вначале они повели ее с монами, сумев, после четырехлетней осады, захватить их столицу Пегу. В 1541 г. бирманцам удалось установить свою власть над всеми монскими городами. Затем, взяв их уже себе в союзники, бирманцы повели борьбу с шанами, установив свой контроль над долиной р. Иравади до Пагана. В 1546 г. столицей бирманцев стал г. Пегу. Однако шаны еще долго продолжали господствовать над северной частью Бирмы. Осенью 1548 г. бирманские

войска выступили против Аютии, однако этот поход закончился для них неудачей, что, в конечном итоге, привело к восстанию монов.

Судьба монов в Новое время была драматична. Их борьба с бирманцами за контроль над страной проходила с переменным успехом. Однако начавшиеся в XVI в. бирмано-сиамские войны (проходившие вплоть до XVIII в.) подорвали их экономику, многие моны попали в плен либо бежали в соседний Сиам. К концу периода Нового времени почти все монские города потеряли свое былое экономическое значение.

Карены проживали как в горной местности, так и на равнинах, по преимуществу занимаясь выращиванием риса. Они совершали, совместно с шанами, набеги на бирманцев, а после воссоздания в XVIII в. единого бирманского государства рассматривались ими в качестве вассалов.

Шаны — второе по численности после каренов национальное меньшинство в Бирме — жили в северной ее части. После падения в XIII в. Паганского государства, они захватили значительную часть страны и стали претендовать на главенствующую роль. Большинство из них жило в горной местности. Княжества шанов возглавляли *собвы* (князья). Основным их занятием также являлось выращивание риса.

Кроме монов, шанов и каренов на территории Бирмы проживали также племена чинов и качинов, в свою очередь борвшиеся с бирманцами за независимость.

В 1555 г. после подавления восстания монов, бирманцами была взята Ава, а затем и вся Верхняя Бирма, включавшая княжества шанов и лаосское княжество Чиенгмай. Таким образом, Бирма была объединена под властью правителя Байиннауна, который стал готовиться к битве за Аютию. В 1563 г. Аютия пала под натиском бирманских войск, но удержать ее под своим контролем они смогли лишь до 1565 г., а затем, спустя три года, вновь захватили эту страну. Затем бирманцы начали покорение лаосских земель, однако там постоянно вспыхивали восстания против завоевателей, не позволявшие им там закрепиться.

В последней трети XVI в. Бирма представляла собой самое значительное государство в регионе Юго-Восточной Азии. После смерти в 1580 г. Байиннауна, престол перешел к его сыну Нандабайину, правившему до конца столетия. При нем начался распад единого бирманского государства и войны

с вассалами. В 1586 г. сиамские войска нанесли поражение бирманцам. Последовавшие затем военные действия привели к восстанию монов и шанов. В 1595 г. войска сиамцев, при поддержке монов, начали осаду бирманской столицы Пегу, однако к последним подоспела помощь, и осада была снята. Тем не менее Нандабайин не сумел удержать власть и был отравлен своими недавними союзниками. Бирма распалась на несколько частей — Юго-Восток перешел под контроль Сиама, а дельта р. Иравади — к Аракану. Вскоре дельта Иравади отошла к португальцам, сумевшим отсюда вытеснить араканцев. Португалец де Бриту был провозглашен королем Нижней Бирмы.

С начала XVII в. усиливается княжество Ава, правитель которого Анапхелун присоединил к своим владениям княжества Пром, Таунгу и начал покорение Центральной Бирмы. В 1613 г. он его завершил, а затем захватил и Нижнюю Бирму, казнив там де Бриту. В 1615 г. был покорен Чиенгмай. Пегу вновь стала бирманской столицей. Однако после убийства, в результате заговора, Анапхелуна, столица вновь была перенесена в Аву, в район Амарапура-Мандалай, где и находилась вплоть до конца XIX в. К власти пришла группа элиты во главе с новым правителем Талуном, ориентированная на изоляционистскую политику, включая и торговые связи с остальным миром. Им были ограничены в накоплении материальных ценностей буддистские монастыри, которым также запретили приобретение в собственность пленников. Последним начали выдавать земельные участки в центральной части страны, которые они обрабатывали, одновременно участвуя в строительстве ирригационных сооружений и выполнении воинской повинности. Были также проведены и такие важные мероприятия как перепись населения, составление кадастра земель и т.д.

Бирма в середине XVII – середине XIX вв.

В 1648–1671 гг. на бирманском престоле находился сын Талуна Пиндале, при котором вновь начались столкновения с сиамцами, закончившиеся для бирманцев военным поражением. Элита обвинила в неудачах монарха, который вскоре был свергнут. Власть перешла к другому сыну Талуна — Пье, взявшему курс на самоизоляцию страны от остального

мира. Однако в тот момент бирманские земли стали привлекать к себе внимание некоторых европейских держав, постепенно проникавших в регион Юго-Восточной Азии. Поначалу бирманские власти под различными предлогами отказывались предоставлять европейцам торговые льготы, что вызывало их недовольство. После неудачного нападения на Сиам в конце XVII в., англичане и французы попытались вновь осуществить проникновение на территорию Бирмы. Вначале ими были построены верфи и факторий, ставшие плацдармами для их дальнейших действий.

К началу второй трети XVIII в. в стране усилились центробежные тенденции, прежде всего в районах компактного проживания монов и в горной местности. На севере Бирмы началась борьба с бывшим вассалом государства Байинаун Манипуром, войска которого некогда входили в состав бирманской армии. В 1738 г. они подошли к Аве, а спустя два года началось восстание монов, в ходе которого последние захватили Мартабан и Сириам. Бирманцы оказывали упорное сопротивление, но тем не менее в 1752 г. Ава пала под натиском монов. После этого моны посчитали свою задачу выполненной и отошли на юг.

Однако, несмотря на постигшую их неудачу, бирманцам все же удалось устоять, выдвинув в качестве нового лидера одного из энергичных и талантливых чиновников Алаунная, который выступал за создание единого централизованного государства по типу Байиннауна. В борьбе с монами ему и его сторонникам удалось одержать ряд побед, хотя последним и оказывали помощь англичане и французы. В 1753 г. бирманцам удалось освободить от монов Аву и ряд других территорий. В 1755 г. боевые действия завершились в долине реки Иравади близ деревни Дагон, которую в честь этого события переименовали в Янгон (конец войне). Позднее англичане (трансформировав это название в Рангун) основали там новую столицу Бирмы.

Несмотря на достигнутые победы, вне контроля бирманцев по-прежнему оставалась южная Бирма, где монам продолжали оказывать поддержку французы и англичане. Лишь в 1756 г., после того, как бирманцам удалось захватить Сириам, французы надолго потеряли интерес к этому региону. На следующий год бирманцы захватили Пегу и под контролем монов осталась лишь самая крайняя оконечность юга

страны. Бирма была вновь централизована, укреплена ее армия. В среде элиты опять возобладали идеи выхода из самоизоляции и начались приготовления к военным походам против Чиенгмая и Сиама. Затем бирманцам удалось захватить Манипур и присоединить его к Бирме.

С 1760 г. начался поход на Сиам, в ходе которого бирманским войскам вначале удалось окружить тайскую столицу, но после того, как в одном из сражений погиб Алаунпая, им пришлось отступить. Началась борьба за власть между представителями основанной им династии Кондаун и полководцами погибшего монарха. В результате, прежде всего из-за заинтересованности бирманской элиты в единстве государства, династия Кондаун осталась у власти. Ее представители, сменявшие друг друга у власти, направили свои главные усилия на борьбу против крупных землевладельцев при опоре на чиновничество провинциального, городского и более низкого уровней. Именно они на местах распоряжались землей, ведали сбором налогов, выполняли судебные функции, организовывали общественные работы и т.д. Их поместья стали передаваться по наследству, но с условием сдачи в столице специального государственного экзамена на предмет компетентности в управлении.

Крупнейшие чиновники одновременно являлись и самыми богатыми землевладельцами. За службу им не полагалось жалования, а предусматривалось их кормление с подведомственных областей.

Бирма стала расширяться на север с помощью захвата шанских и лаосских территорий, что, в свою очередь, вызвало недовольство соседнего Китая, считавшего шанов своими вассалами. В 1768 г. китайские войска предприняли наступление в районе Авы, но бирманцам удалось нанести им поражение. Спустя два года военные действия возобновились, и вновь бирманцам удалось отстоять свою независимость. Был подготовлен двусторонний мирный договор, по которому Китай возобновлял с Бирмой торговые и дипломатические отношения, а китайские войска покидали ее территорию. Затем бирманские войска подавили восстание в Манипуре, взяв там несколько тысяч пленников.

В 1767 г. бирманские войска захватили Аютию, уничтожив это сиамское государство. Однако в это время в самой Бирме восстали монахи, многие из которых ушли на сиамские

земли и продолжили там борьбу с бирманскими войсками. Вскоре бирманцы ушли из Сиама, и после этого внутри их элиты вновь возобладали изоляционистские идеи, и началась борьба внутри правящей династии. Ее итогом стало восхождение на престол Бодопаи (1782–1819), продолжившего политический курс Алаунпая.

В 1785 г. бирманские войска вновь покорили Аракан, преследуя араканцев даже в соседней Бенгалии, к тому времени уже находившейся в колониальной зависимости от Великобритании. Затем ими были предприняты очередные неудачные военные походы против Сиама. В эти годы началось строительство новой столицы Амарапура близ Авы, сооружается большое количество религиозных комплексов, что имело своим следствием значительное увеличение налогообложения, а следовательно, вело к ухудшению жизненного уровня основной массы населения.

На рубеже XVIII–XIX вв. Бирма вновь привлекла к себе внимание Великобритании и Франции. В 1795 г. в страну из Британской Индии было направлено специальное посольство с целью расширения двусторонних контактов, однако желаемых для англичан результатов это не дало. В 1811–1815 гг. бирманские войска безуспешно боролись с араканскими повстанцами, совершавшими свои набеги с бенгальской территории. Бирманские власти неоднократно обвиняли английские колониальные власти в попустительстве своим врагам, и вскоре отношения между двумя странами резко ухудшились.

В 1816–1821 гг. бирманцы участвовали в войне против Ассама и в конечном итоге объявили о его присоединении к Бирме. Свергнутый правитель Ассама и даже его соперник в борьбе за престол с английской территории начали готовить военные операции против бирманской армии. Англичане отказались выдавать их бирманцам, и вскоре Великобритания объявила своим протекторатом Манипур, до того момента являвшийся сферой бирманского влияния. Таким образом, была подготовлена почва для первой англо-бирманской войны.

Военные столкновения англичан с бирманцами начались на территории Качара, куда бирманские войска вошли для преследования манипурских партизан. 5 марта 1824 г. Великобритания объявила Бирме войну. В мае того же года пал Рангун, но ожидаемой поддержки со стороны монон англичане так и не получили. Затем английские войска захвати-

ли Аракан, Тенассерим, а также ряд территорий в Ассаме и Манипуре. В 1825 г. начались мирные переговоры, которые завершились в феврале следующего года подписанием мирного договора, по которому Бирма уступала англичанам Аракан, Тенассерим, Ассам и Манипур. Бирманские власти также обязывались признать британского резидента в Амарапуре, отказаться от своих интересов в отношении княжеств, находившихся западнее Бирмы, а также должны были выплатить контрибуцию в размере 1 млн. фунтов стерлингов.

Пришедший к власти в Бирме в 1837 г. правитель Таравади заявил о непризнании договора 1826 г. К тому моменту в стране начались крестьянские волнения из-за увеличения налогов, восстания монов, шанов и каренов. Англичане решили воспользоваться сложившимся положением и захватить юг Бирмы, являвшийся ее рисовой житницей.

В течение XIX в. непрерывно уменьшался фонд государственных земель за счет передачи значительной их части в частное владение. Объединение бирманского государства в середине XVIII в. положило начало развитию товарно-денежных отношений в стране, созданию единого внутреннего рынка, росту городов, появлению новых ремесленных производств. После начала англо-бирманских войн эти процессы усилились. Система натуральных налогов стала трансформироваться в денежные выплаты, улучшился товарообмен между сельской местностью и городами. Огромную роль в жизни общества играл буддизм. Монахи освобождались от выплаты налогов. Регулярной армии не было, все мужчины, способные носить оружие, могли быть призваны в любой момент на военную службу. Воевали в основном холодным оружием, но использовали и огнестрельное из Европы старых образцов.

Бирма во второй половине XIX в.

Вторая война между Великобританией и Бирмой началась в 1852 г. и выявила огромное превосходство английской армии, достигшей поставленных перед собой целей и захватившей Пегу. После окончания военных действий вновь началась борьба за бирманский престол. Столица была перенесена в Мандалай. Новый монарх Миндон попытался провести ряд реформ с целью преодоления социально-экономической отсталости страны. Он попытался ограничить власть местных

чиновников, ввести единый 10-процентный налог, чеканить собственные деньги, построить телеграф и т.д. Для осуществления намеченного он пригласил специалистов из Франции, Италии и ряда других государств. Были также направлены дипломатические миссии в ряд европейских государств для выхода из состояния изоляции от внешнего мира.

В 1867 г. был подписан торговый договор с Великобританией, искавшей в тот момент сухопутный маршрут из Индии в Китай, который можно было проложить через бирманскую территорию. По этому договору были уменьшены таможенные пошлины на ввозимые в Бирму английские товары. В 1879 г. англичане прервали отношения с Бирмой несмотря на попытки последней урегулировать возникший конфликт.

В октябре 1885 г. англичанами наконец-то был найден повод к очередной, третьей по счету, войне с Бирмой после того, как власти этой страны оштрафовали представителей одной английской торговой компании за превышение вывоза из Бирмы тикового дерева. Английский вице-король Индии направил ультиматум с требованием передачи всей бирманской внешней торговли под английский контроль.

14 ноября 1885 г. начались военные действия, а 28 ноября уже была захвачена столица Бирмы. Монарх и члены его семьи были высланы англичанами за пределы страны. **1 января 1886 г.** был опубликован манифест английского вице-короля Индии о превращении Бирмы в колонию Великобритании на правах одной из провинций Британской Индии. Однако сопротивление бирманского населения насильственной колонизации продолжалось в виде партизанских действий вплоть до 1895 г.

Англичане ввели в стране новое административное деление, разделив Бирму на области и округа. В деревнях назначались старосты, ответственные перед колониальными властями. Высшие и средние должности в колониальном аппарате управления занимали чиновники метрополии. Горные районы сохранили прежнюю систему управления, лишь формально контролировавшуюся англичанам. Карены служили в армии, среди них было довольно много, до 20 процентов, христиан. Широкую автономию, возможность иметь собственные вооруженные силы, сбор налогов и т.д. имели также и шанские правители.

В социально-экономической области англичане проводили политику, направленную на стимулирование выращивания

риса, расширяя площади для его возделывания. Появились товарные рисоводческие хозяйства, в Бирму стали переселять индийских рабочих. Существовали также и нефтепромыслы, лесоразработки и рудники. Начала зарождаться и бирманская национальная буржуазия, но в тот период она была еще очень слабой и зависела от англичан.

В 1897 г. на территории Бирмы появилась первая оппозиционная англичанам политическая организация — Общество защиты буддизма, ставившая перед собой прежде всего культурно-просветительские задачи. Более радикальные цели и требования в то время еще не выдвигались.

Культура Бирмы в Новое время

Период Нового времени отмечен подъемом в развитии культуры народов Бирмы, основанной в первую очередь на буддистской религиозной традиции.

В XV в. сложилась бирманская поэзия как религиозная, так и светская. Сочиняли стихотворные произведения по преимуществу монахи, часто жившие при дворцах правителей. Тогда же появляются и прозаические религиозные произведения — пересказы буддистских джатак, а затем, в XVI в. — и нерелигиозные поэтические и прозаические тексты. Одним из наиболее выдающихся поэтов XVII в. был **У Мья Сан**, творчество которого до сих пор считается непревзойденным в Бирме.

Период расцвета бирманской литературы пришелся на XVIII–XIX вв. В середине XVIII в. появляется любовная лирика, которую сочиняли наряду с поэтами-мужчинами и женщины. Большую известность получило поэтическое произведение «**Мера любви**», автором которого была жена одного из бирманских монархов **Ма Мья Гале**, с именем которой литературоведы связывают и появление в Бирме так называемой «куртуазной лирики». В тот же период был написан и первый бирманский роман «**Ядана Чемодун**», опубликованный, правда, лишь в начале XX в.

В конце XVIII — начале XIX вв. зарождается жанр бирманской национальной драмы, как и в других буддистских государствах основанной на различных интерпретациях джатак и «**Рамаяны**». Стали создаваться и пьесы на светские темы. Наиболее известными драматургами того времени были

У Чин У и **У Поун Ня**, в пьесах которых сочетались элементы придворного и народного театров. После прихода в Бирму англичан этот жанр оказался в упадке, и началось влияние на него европейской литературной традиции.

В 1776 г. увидела свет первая бирманская книга, отпечатанная в Италии. Там же был изготовлен и первый бирманский типографский шрифт. В начале XIX в. из Англии миссионерами был привезен на территорию Бирмы типографский станок для печати христианской литературы. В середине XIX в. печатный станок появился и во дворце бирманского монарха, после чего в стране начало развиваться книгопечатание.

В области архитектуры проектировались и строились здания из дерева. В 1857 г. был построен Мандалая с его дворцовым комплексом. В 1871 г. там, после уточнения текста священных буддистских книг, появился городок-библиотека с маленькими храмами, в каждом из которых находилась одна из специально сделанных мраморных плит, на которых были высечены фрагменты канонических текстов. После английской колонизации в Рангуне началось строительство зданий для нужд колониальной администрации в европейском стиле.

В скульптуре также главными являлись религиозные мотивы, создавались, в основном, изваяния Будды. Наиболее значимым из них считается скульптура Будды высотой в 7,5 м в храмовом комплексе Мандалая из белого мрамора.

В XVI в. начался расцвет бирманской придворной поэзии. Значительное воздействие на развитие бирманского театра оказала сиамская традиция, так как из Сиам было в разное время вывезено много музыкантов и танцоров. Особое развитие в Новое время получил и бирманский театр марионеток.

Индонезия в раннее Новое время

Население островов Индонезийского архипелага насчитывало в XVI в. около трех миллионов человек. Народы, населявшие архипелаг, находились на различных стадиях развития. Народы, проживавшие на о. Борнео, в ряде районов о. Суматра, о. Целебесе, находились еще на догосударственной стадии развития, некоторые даже с элементами матриархата. В других же районах уже существовали государственные образования, особенно на островах Ява и Суматра.

В XIV в. началась исламизация Индонезии за счет вытеснения буддизма и индуизма, и уже к XVI в. на Яве появились княжества, управляемые мусульманами, которые соседствовали с районами, исповедовавшими индуизм, буддизм, а также местные языческие верования. С этого же времени начинается европейская колонизация островов Индонезийского архипелага, которая оказала существенное воздействие на характер его развития на протяжении всего периода Нового времени.

Из островов индонезийского архипелага к началу XVI в. выделялась Ява, территория которой, после распада государства Маджапахит, оказалась поделенной на несколько государственных образований, возглавлявшихся мусульманскими правителями. В этот период активную роль на острове играла Португалия, войска которой в 1511 г. сумели овладеть Малаккой, игравшей ключевую роль в торговых связях в регионе. Там было установлено прямое португальское колониальное правление, и Португалия превратилась, таким образом, в сильного конкурента для индонезийских княжеств, а также англичан и испанцев, имевших в этом районе собственные интересы. Португальцы вывозили оттуда пряности,

скушая их за бесценнок у местного населения, а также занимались нападениями на торговые суда других государств.

Постепенно в зоне Зондского пролива возникли новые государственные образования, объединившиеся в 1568 г. в независимый султанат Батнам. В него вошли прилегающие к проливу земли как со стороны Явы, так и Суматры. Одноименная столица этого государства к концу XVI в. превратилась в один из крупных торговых центров не только по меркам Юго-Восточной Азии, но и всего азиатского-африканского мира. На получаемые доходы в виде налогов правители Батнама сумели организовать сильную, хорошо оснащенную армию и военный флот, которые могли успешно противостоять португальцам.

Вторым крупным государственным образованием на территории Индонезии в XVI в. стал султанат Аче, располагавшийся в северных районах Суматры. На юге этого острова находился султанат Джохор, правители которого соперничали с Аче за влияние на острове. Вся вторая половина XVI в. прошла во взаимных распрях между этими государствами, что, несомненно, было в интересах Португалии, так как ее потенциальные соперники ослабляли друг друга, приводя в упадок собственные земли.

В 1602 г. возникла голландская Ост-Индская компания, получившая право монопольной торговли и мореходства от мыса Доброй Надежды и вплоть до Магелланова пролива. Компания имела также право содержать на этих территориях свои войска; объявлять войну и заключать мирные договоры, строить крепости, а также чеканить собственную монету. Она сочетала в своей практической деятельности методы насилия и активной торговли, имея в лице Испании и Португалии своих главных конкурентов в регионе Юго-Восточной Азии.

В 1596 г. на Яву высадилась первая голландская экспедиция, а спустя четыре года голландцы заключили первый договор с правителем острова Амбон о постройке там фактории и закупке пряностей.

В 1609 г. голландцам удалось вытеснить своих португальских и испанских конкурентов с Молукк. В 1619 г. они захватили на Яве Джакарту (Батавию), позднее превратив ее в главный административный центр своих колониальных владений в Индонезии.

Английская Ост-Индская компания ограничилась созданием факторий на Молукках, Сулавеси, Яве, Суматре и Сиаме.

В 1619 г. голландский флот одержал ряд побед над английским флотом в Сиамском и Зондском проливах, а в 20-е гг. вытеснил их и с Молукк. После этого англичане сосредоточили свое главное внимание на Индии.

В начале XVII в. голландцы предложили местным правителям продавать им пряности по более высоким ценам, чем португальцам или испанцам. Затем они, наоборот, стремились сделать эти цены максимально низкими. Связи между островами могли поддерживаться лишь голландскими судами или судами, имевшими специальное разрешение от них. На Молукки могли приезжать лишь голландцы.

Индонезия в середине XVII — середине XIX вв.

В середине XVII в. наиболее крупным и влиятельным на Яве являлся султанат Матарам, занимавший ее центральную и восточную части. Во главе этого государства находился *сусухунан* («тот, которому все подчиняются»), стремившийся распространить собственное влияние и на западную часть острова, где в то время располагался султанат Бантам. Его расцвет был в первую очередь связан с проходившими через него важными торговыми путями. В конце XVI в. сюда стали проникать голландцы, захватившие подчиненное Бантаму княжество Джакарта. Однако попытки полного подчинения Матарама и Бантама власти голландской Ост-Индской компании в тот период успеха не имели.

В середине XVII в. на севере острова Суматра располагалось княжество Аче, на востоке — Тидор и Тернате, попавшие в зависимость от европейских колонизаторов. На Целебесе было расположено княжество Гова. Противоречия между этими государственными образованиями тонко использовались голландцами в собственных интересах. В 1667 г. голландцам удалось подчинить своей власти Гову, султан которой Хасан уд-Дин выплатил им большую контрибуцию.

В 1652 г. голландская Ост-Индская компания подписала договор с княжеством Матарам, по которому его правитель признавал право голландцев на земельные владения на Яве. Сам Матарам в тот момент представлял для Голландии интерес прежде всего в качестве поставщика продовольствия для других ее владений на Яве.

В 1674 г. на территории Матарам вспыхнуло народное восстание недовольных политикой местного правителя, которое поддерживали присутствовавшие там пираты.

Голландцы рассчитывали, что правитель Матарам обратится к ним за помощью, и они ее окажут в обмен на новые уступки. После захвата повстанцами столицы Сусухунан бежал к голландцам, а в 1677 г. им было подписано соглашение с голландской Ост-Индской компанией, согласно которому последней предоставлялось право неограниченной торговли в Матараме; был сделан ряд территориальных уступок, предоставлена возможность строительства судовой верфи, военная помощь в обмен на использование портов Матарам (вплоть до уплаты военных расходов голландцам) и т.д.

После подписания этого договора голландские войска вошли в Матарам, нанесли ряд военных поражений повстанцам и в течение трех лет сумели полностью подавить сопротивление, восстановив на престоле прежнюю династию.

Следующим объектом голландской колонизации Индонезии стало государство Бантам, которое оставалось в тот момент единственным на Яве, где свое влияние сохраняли англичане. В самом Бантаме шла борьба между сторонниками ориентации на Голландию и Великобританию. В 1683 г. победу одержали сторонники проголландской ориентации, и через год правитель Бантама подписал с голландской Ост-Индской компанией договор, по которому ей предоставлялись большие привилегии в этом государстве. Англичане вынуждены были покинуть Бантам и обосноваться на западе Суматры. В том же 1683 г. голландцы подчинили своей власти Тернате, подавив там народное восстание.

Восстания против голландского господства вспыхнули по всей Яве в конце XVII — начале XVIII вв., особенно сильными из них были выступления под руководством Сурапати в Матараме, подавленные при поддержке голландцев лишь к 1720 г.

В начале XVIII в. в общих чертах сложилась система голландского колониального управления Индонезией, просуществовавшая вплоть до окончания деятельности ее Ост-Индской компании.

Установив свою монополию на приобретение местных товаров и их последующую перепродажу на рынках других государств, голландские купцы получали возможность извлечения значительных прибылей. Они строго следили за вывозом

пряностей и их культивированием лишь на определенных Компаниях островах. На некоторых из них работали голландские колонисты, под началом которых трудились и местные рабы. На остальных посадки вырубались для того, чтобы не допустить перепроизводства и сохранить высокие цены на данный товар в Европе. Участки для культивирования пряностей передавались сотрудникам Ост-Индской компании, которые должны были сдавать собранное сырье по фиксированным ценам. Эти земли обрабатывались местными крестьянами, а также рабами. Голландцы также ввели свою монополию на добычу соли.

Колонизаторы в тот период еще не вмешивались во взаимоотношения местного населения, в частности, элиты и социальных низов, ограничивая свое влияние лишь сферой экономики. Часть местной верхушки принималась на службу в колониальную администрацию. С их помощью на островах стали выращивать новые культуры, в частности, кофе, который потом по низким ценам скупался у его непосредственных производителей.

Главным потенциальным конкурентом голландскому экономическому господству на островах выступали этнические китайцы, особенно на Яве. В 20-е гг. XVIII в. началось их насильственное выселение на Цейлон и в Южную Африку, а оставшиеся должны были получать специальные разрешения на проживание от колониальных властей. В 40-е гг. началось физическое уничтожение китайцев на Яве. Тогда они начинают создавать свои партизанские отряды совместно с местным населением. В некоторых местах повстанцам даже удавалось захватывать в свои руки власть, в частности, в Матараме. В 1743 г. между голландцами и правителем Матарамы был подписан договор, по которому в обмен на помощь в восстановлении власти последнего голландцы получали в свои непосредственные владения значительную часть территории этого государства.

В то же время шла борьба между Англией и Голландией за господство, в которой последняя постепенно слабела. Это не могло не сказаться и на Индонезии. Началось падение доходов от продажи пряностей. Стремясь хотя бы частично их компенсировать, голландцы усилили эксплуатацию местного населения и предпринимали попытки установить свое непосредственное управление над Матарамом и Бантамом, используя проходившую внутри них междоусобную борьбу. Генерал-губернатор ван Имхоф переселяет на Яву большое число голланд-

дских колонистов, а в 1749 г. он убеждает матарамского правителя «уступить» свои владения голландской компании. Это вызвало недовольство у части местной элиты, и вскоре началась вооруженная борьба, в результате которой два основных претендента на престол разделили между собой Матарам на два самостоятельных княжества — Суракарта и Джокьякарта, — признававших верховную власть голландской Ост-Индской компании.

В ходе четвертой англо-голландской войны (1780–1784 гг.) англичане начали захват принадлежавших голландцам индонезийских островов. Вначале ими было захвачено государство Паданг на западе Суматры. После подписания мирного договора 1784 г. англичанам достался во владение Нечапатам, а их суда получили право свободного прохода через Индонезийский архипелаг. Началось сокращение доходов компании, которое, в конечном итоге, привело к прекращению ее деятельности в конце 1799 г. и передаче имущества непосредственно в распоряжение голландского государства.

С 1802 г. Голландия оказалась под французским протекторатом, а с 1810 г. и вовсе была присоединена к Франции. Наполеон Бонапарт назначил в 1807 г. французского губернатора Индонезии, которым стал маршал Дандельс. Именно ему была поручена организация обороны Индонезии от возможного нападения английских войск. В поисках финансовых средств французская администрация увеличила практику принуждения местного населения к выращиванию кофе и ряда других, суливших прибыли культур. В практику вошла продажа земельных участков вместе с находившимися на них крестьянами. Однако в 1811 г. к берегам Индонезии подплыла английская военная эскадра во главе с генерал-губернатором Индии Минто. Фактически без боя им удалось захватить Батавию. Голландцы вынуждены были отступить и вскоре подписали капитуляцию. Индонезия таким образом перешла под контроль Великобритании.

Индонезия в административном отношении была разделена англичанами на четыре части — Малакка, Западная Суматра, Молукки и Ява с прилегающими к ней островами, во главе которых был поставлен свой губернатор.

Наиболее важной территорией по-прежнему оставалась Ява. На этом острове английская администрация во главе с губернатором Рафльсом попыталась провести ряд экономических реформ в интересах английского капитала, взяв на

вооружение свой индийский опыт. Так, в частности, ими была в сельском хозяйстве введена система, очень напоминавшая райятвари в Индии. Вся земля на Яве была объявлена государственной собственностью Великобритании, а находившиеся на ней крестьяне становились арендаторами, имевшими право передавать по наследству обрабатываемые ими угодья. Существовал налог-рента, выплачиваемый в денежной форме, размер которой был индивидуальным для каждого арендатора. Была ликвидирована монополия на торговлю, внутренние пошлины, поощрялось создание плантационных хозяйств, в том числе и на территории княжеств, где местные правители передавали землю в аренду европейским плантаторам вместе с обрабатывавшими их крестьянами.

Индонезия была открыта для иностранной торговли, в том числе и для американской. Рафльс ограничивал на землях, которые непосредственно управлялись англичанами, права местной элиты, в частности, в исполнении ими судебных функций, сбора налогов и т. д.

Вскоре англичане присоединили к своим владениям Джокьякарту, где у власти поставили лояльного себе правителя, в 1811 г. — часть территории Палембанга, а в 1813 г. — и Бантам.

Голландия вновь стала независимым государством после распада Первой империи во Франции. Великобритания решила вернуть ей некоторые из прежних владений на территории Индонезии. Голландский король хотел большего — возврата всех ранее утерянных территорий архипелага, но это тогда не входило в планы Великобритании.

В августе 1814 г. был подписан англо-голландский договор, согласно которому Голландии возвращались все принадлежавшие им ранее индонезийские владения. Но на практике этот процесс длился в течение пяти лет. Особенно англичане не хотели возврата Палембанга, который имел для них важное стратегическое значение в регионе. Лишь построив крепость Сингапур, британцы несколько успокоились. В 1824 г. между двумя странами был подписан новый договор о разграничении сфер влияния в Индонезии. Голландцы признали независимость Аче и особые интересы там Великобритании, а в ответ англичане отказались от своих планов в отношении контроля Суматры и ряда других территорий. Голландцы обязывались дать налоговые льготы для английских товаров, что в зна-

чительной мере обеспечивало экономические интересы Великобритании. Чтобы эффективно противостоять конкуренции со стороны Великобритании и США, в 1824 г. голландцами было образовано Нидерландское торговое общество, представлявшее из себя акционерную компанию, крупнейшим пайщиком которой являлся лично голландский монарх. Голландцы приступили к ликвидации установленной англичанами системы управления и хотели возврата прежних порядков, основанных на своем монопольном праве распоряжения всеми делами колонии. Ими была запрещена аренда европейцами земель в княжествах, восстановлена прежняя система сбора налогов и т.д. Все это вызывало недовольство как со стороны представителей местной элиты, лишавшейся значительной части своих доходов, так и крестьянства, эксплуатация которого, особенно на Яве, усилилась. Все это, в конечном итоге, привело к одному из самых сильных в колониальный период выступлений местного населения.

Во главе недовольных встал Дипонегоро. Сам он был выходцем из султанского рода, который был отстранен от власти в Джокьякарте. Идеологической основой восстания стали идеи ислама. Воспользовавшись тем обстоятельством, что в 1825 г. основные вооруженные формирования голландцев находились вне пределов Явы, стремясь подчинить себе Палембанг, сторонники Дипонегоро подняли восстание. В числе недовольных голландскими колонизаторами оказались как крестьяне, так и часть местной элиты. Повстанцы захватили столицу княжества Джокьякарта, при этом жестоко расправившись с иностранцами, в числе которых было много европейцев. Сам Дипонегоро был объявлен новым султаном, и на его сторону перешла часть регулярной армии из числа местных жителей. Не сумев в первые дни подавить восстание, голландцы попытались расколоть повстанцев, привлекая на свою сторону часть элиты, поддержавшей восстание. В обмен на сохранение привилегий и титулов многие из них перешли на сторону колонизаторов. Кроме того, используя все те же религиозные лозунги, голландцам удалось поднять на борьбу с мусульманами христианское население ряда островов.

К 1830 г. голландцам удалось обманым путем, в ходе мирных переговоров, захватить Дипонегоро и затем выслать его на отдаленные острова, где он прожил четверть века, вплоть до своей кончины. После этого голландцы подавили последние очаги сопротивления.

В 20-е гг. XIX в. голландские колонизаторы стали внедрять на территории Индонезии так называемую систему «принудительных культур», когда насильственно выращивали на островах выгодные европейцам сельскохозяйственные культуры. Эту систему разработал Ван дер Босх, один из видных голландских колониальных администраторов того времени, выступавший за активное применение рабского труда в сельском хозяйстве Индонезии. Всем крестьянам Явы было предложено вместо уплаты земельного налога засеивать часть обрабатываемых площадей указанными властями сельскохозяйственными культурами, в основном завезенными из других районов. В период сбора урожая вся полученная продукция сдавалась в государственные хранилища. К этим культурам были отнесены табак, индиго, а также сахарный тростник. Там же, на месте, образовывались предприятия по переработке этих культур, на которых вынуждены были бесплатно трудиться все те же крестьяне. Реализацией произведенной продукции занималось Нидерландское торговое общество.

Колониальные власти стремились заручиться поддержкой местной элиты, которой доставались часть получаемой прибыли и другие привилегии. Ее представители постепенно стали превращаться в новый слой землевладельцев. Крестьяне же вынуждены были довольствоваться очень скромным вознаграждением за свой труд. Для более эффективного использования их труда во многих местах искусственно поддерживалась сельская община, процесс разложения которой из-за указанных выше обстоятельств замедлился.

Плантации кофе и индиго находились вдали от домов работавших на них крестьян, поэтому они вынуждены были месяцами находиться вне своих семей, а в это время их собственные земли, на которых был посажен рис, погибали без необходимого ухода. По отношению к рабочим плантаций применялись телесные наказания. Многие работники голодали и, спасаясь от непосильного труда и издевательств, бежали с плантаций.

Система «принудительных культур» давала большие прибыли Нидерландскому торговому обществу, а также создавала накопления финансовых средств для более эффективного развития капиталистических отношений в самой метрополии. Эта система вызывала возмущение многих прогрессивно мыслящих людей того времени, критиковавших голландские власти за проводимую в Индонезии политику.

Территория Индонезии, за исключением Явы и ряда административно с ней связанных районов, получила в Голландии название «Внешние владения» и была разграничена между голландцами и англичанами в 1824 г. Укрепилась самостоятельность султанатов Бали и Борнео, правители которых не только контролировали своих подданных, но и вели борьбу за расширение собственного влияния на соседние районы Индонезии.

Западное Борнео фактически находилось в сфере влияния китайских поселенцев. Голландцы не стремились подчинить их своей непосредственной власти, так как не видели в этом больших перспектив. Сложившейся ситуацией решили воспользоваться англичане, которые использовали опыт Дж. Брука на территории Малайи. В 40-е гг. XIX в. в данный район стали проникать и США. Все это не могло не обеспокоить голландцев, которые повели активную борьбу за оставшиеся вне их контроля территории Индонезийского архипелага. С 1846 по 1860 гг. они последовательно завоевали Бали и Западное Борнео. Лишь Аче на Суматре к началу 60-х гг. еще сохраняло свою независимость.

Индонезия во второй половине XIX в.

С середины 50-х гг. XIX в. наблюдались кризисные явления в организации системы эксплуатации Индонезии со стороны Голландии. Началась отмена системы «принудительных культур». С 1870 г. создаются частные плантации сахарного тростника. Земли, на частное владение которыми не имелось соответствующих документов, объявляются государственной собственностью. Таким образом, значительная часть крестьянства становится частными собственниками. Некоторые из свободных земель и земель крестьян передаются в аренду европейским плантаторам. Начинается захват крестьянских земель со стороны купцов, ростовщиков и представителей колониальной администрации. Значительное число крестьян разоряется. С конца XIX в. для нужд плантационного хозяйства стали строиться ирригационные сооружения.

В 80-е гг. владельцами некоторых плантаций и промышленных предприятий стали банки, одним из которых было Нидерландское торговое общество, трансформировавшееся в финансовое учреждение.

Параллельно с голландцами, активную экономическую политику в отношении Индонезии проводят США и Великобритания. Стремясь компенсировать потери, голландцы приняли решение подчинить своей власти султанат Аче на Суматре. Началась борьба этого султаната за независимость. Суматранский трактат 1871 г. определил, что Великобритания согласится на захват Голландией территории Северной Суматры при условии, что голландцы и англичане будут там иметь равные права. Аче в начале 70-х гг. XIX в. представляло из себя слабо централизованное государство. В качестве повода к войне послужили переговоры представителей Аче с дипломатами США и Италии в Сингапуре, в ходе которых ачехцы просили оказать им помощь в противостоянии с голландцами. Голландия отправила туда свой экспедиционный корпус, и в конце марта 1873 г. начались военные действия, получившие в историографии название **Ачехская война**. Она продолжалась вплоть до 1913 г. и прошла ряд этапов.

Вначале голландские войска высадились близ столицы Аче, но встретив там упорное сопротивление, вынуждены были на время отступить. Затем они вновь начали наступление, сломали сопротивление, и в начале 1874 г. Аче был включен в состав голландских колониальных владений. Однако еще в течение длительного периода местное население оказывало сопротивление захватчикам под исламскими лозунгами борьбы с неверными. Один из местных вождей Теуку Умар возглавил народное сопротивление. Тогда голландцы вновь применили свой испытанный метод — раскол местной элиты путем ее подкупа. В 1899 г. Теуку Умар погиб и после этого сопротивление пошло на убыль.

К концу XIX в. на территории Индонезии существовало около 300 княжеств, имевших формально собственную структуру управления, но признававших над собой главенство администрации Нидерландской Индии, определявших их бюджет и внешнюю политику. В целом Индонезийский архипелаг был разделен на сферы влияния следующим образом: под контролем Великобритании находились Саравак и Британское Северное Борнео, о. Тимор контролировала Португалия, а Новая Гвинея была разделена между Великобританией и Германией. В 1885 г. территория Северного Борнео (Сабах) была уступлена Испании в пользу Великобритании. В том же году Великобритания и Германия поделили между собой Новую Гвинею.

Таиланд в раннее Новое время

В начале Нового времени одним из самых значительных государств на территории современного Таиланда было государство Аютия, просуществовавшее с 1350 по 1767 гг. Оно было создано путем объединения социальных структур *монкхмёров* и *таи*. К этому времени уже сложилось традиционное тайское общество.

Во главе политической системы Аютии стоял монарх, являвшийся верховным собственником земли и остального имущества своих подданных. Доходы распределялись в зависимости от положения в обществе тех или иных социальных групп. С XIV в. в Таиланде господствовал буддизм *тхеравады*, выделявший на первое место в деятельности государства политическую и религиозную составляющие, а уже затем экономику. Личность правителя одновременно рассматривалась как божественное и земное существо. Монарх был в одном лице главой духовной, светской и военной власти. Помимо правителя назначался «*уппарат*» — «второй король» из числа его ближайших родственников. Он также имел в своем распоряжении чиновничий аппарат и мог влиять на принятие государственных решений. Между двумя правителями зачастую возникало недоверие. Буддистская община — *сангха* — занимала промежуточное положение между народом и правящей элитой.

С XVI в. Аютия постепенно втягивалась в международные торговые отношения, что не могло не сказаться на изменениях в жизни тайского общества в сторону усиления в нем роли экономических факторов.

В стране существовало несколько видов поселений: сельские жители объединялись в масштабах *банов* (*деревень*), *чиенги* (*вьенги*) — укрепленные центры, *накхон* (*нагара*) —

столицы. Бан подчинялся чиенгам и вьенгам, в которых жили представители местной элиты, а также торговцы и ремесленники. Однако городами, в европейском понимании, они не являлись. Городским укрепленным центрам (насчитывавшим порядка 7–10 тысяч жителей) подчинялись территории *мыангов*, имевшие с ними общую администрацию. Самостоятельного городского управления не было. Население мыангов занималось земледелием. Над центрами мыангов находилась *нагара*, в которой строились буддистские монастыри (*ватты*), являвшиеся не только религиозными, но и культурными центрами. С XVII в. в Таиланде стали возникать города, выступавшие в роли центров торговли с другими государствами.

Взаимоотношения между крестьянством и чиновниками строились, в первую очередь, на принципах морального долга. Крестьяне не находились в крепостной зависимости, а их отношения с крупными землевладельцами строились на основе покровительства, осознания, что необходимо выплачивать налоги в пользу государства. Крестьян было больше, чем несвободного населения.

Представители элиты, находившиеся на государственной службе, жили в городах и были слабо связаны с землевладением. Государство являлось большой общиной, в которой все свободное население *таи* было формально равным перед правителем.

Тайская элита обозначалась словом «*най*». В нее включали семью правителя, столичную знать, входившую в группу служилой знати — *куннанг*. Их ранги, в отличие от семьи правителя, не являлись наследственными. Чтобы иметь возможность войти в слой знати, необходимо было получить образование и прожить некоторое время в буддистском монастыре, а затем пройти специальное посвящение.

Особой группой являлось буддистское монашество, не занимавшееся физическим трудом и не состоявшее на государственной службе. В материальном плане оно полностью зависело от светской власти.

Таиланд в середине XVII — середине XIX вв.

С середины XVII в. значительную роль в жизни Сиамы стала играть голландская Ост-Индская компания, имевшая своей целью монополизировать его внешнюю торговлю. Чтобы

в какой-то степени этому противостоять, сиамское правительство само стало скупать у них товары, а затем перепродавать на внутреннем рынке. В 30—40 гг. XVII в. отношения между Сиамом и голландцами ухудшились из-за введенных последними дополнительных дискриминационных мер в отношении сиамских судов, пытавшихся самостоятельно, без разрешения голландской Компании, вывозить товары за пределы государства. В случае обнаружения их в море голландцы конфисковывали их вместе с судами. Тем не менее Сиам продолжал создавать собственный торговый флот, однако силы были неравны — в августе 1664 г. сиамское правительство вынуждено было подписать первый в своей истории неравноправный договор с Голландией, согласно которому последние получали право экстерриториальности и значительные торговые привилегии.

К этому моменту интерес к Сиаму возник и у Великобритании в лице ее Ост-Индской компании. В начале 60-х гг. они восстановили здесь свою торговую факторию, поступили на службу к сиамскому монарху и даже занимали при дворе достаточно видные должности. В 1685 г. английское правительство потребовало от Сиамы выделить для строительства своей военной крепости у его берегов какой-либо из прилегающих островов. После отказа, англичане приняли решение о применении военной силы. Тогда тайцы вступили в союз с французами, войска которых в 1687 г. были размещены в Бангкоке и Мергуи. Вначале они получили желаемую поддержку и нанесли англичанам поражение, но затем пришлось воевать и с недавними французскими союзниками. В 1688 г. началось народное восстание, в ходе которого тайский монарх был арестован и вскоре скончался. Французский гарнизон оказался в осаде и вскоре французы вынуждены были покинуть страну, в течение следующих 150 лет более не проявляя к Сиаму сколько-нибудь значительного интереса.

Эта победа далась Сиаму слишком дорогой ценой. Отстояв свой суверенитет, страна тем не менее потеряла свою роль в посреднической торговле между государствами Юго-Восточной Азии и Индией, что привело к неминуемому ухудшению ее экономического положения и началу полосы крестьянских восстаний и выступлений сепаратистских сил в Корате и Лигоре. Ситуация еще более усугубилась в результате наступившей засухи.

Чтобы хоть в какой-то мере выправить ситуацию, король в первой трети XVIII в. издал серию указов, которые были призваны, с одной стороны, стимулировать улучшение положения крестьянства, а с другой — давали бы возможность крупным землевладельцам закрепить за собой зависимых крестьян.

В 1733—1758 гг. во главе Сиама находился король **Боромкот**, при котором внутривластическая ситуация несколько стабилизировалась. Но уже в середине XVIII в. на Сиам напала соседняя Бирма. Боевые действия проходили с перерывами с 1759 по 1765 гг., и в итоге бирманцы вначале захватили западную и северную часть Сиама, а затем и Бангкок. В 1767 г. вся страна была покорена и разрушена бирманцами, а значительная часть ее населения была угнана в Бирму. Но вскоре вновь началась борьба сиамцев за независимость, в которой их поддерживали местные китайские землячества. В провинции Чантхабун, на юго-востоке страны, был образован очаг сопротивления, который возглавил один из сиамских военачальников Пья Таксин. Воспользовавшись сложным положением Бирмы, на территории которой в тот момент находились китайские войска, повстанцы освободили Центральный Сиам, где в 1768 г. было создано тайское государство со столицей в Тхонбури. Оно сумело установить контроль над камбоджийскими провинциями Батамбанг и Сиам Реап.

В 1782 г. недовольные проводимой Пья Таксином политикой представители тайской элиты во главе с Прайя Чакри сумели захватить Тхонбури и установить правление собственной династии **Чакри**. Прайя короновался под именем **Рама I** и правил страной с 1782 по 1809 гг.

В 1795 г. на Сиам вновь напали бирманцы. Военные действия продолжались до начала XIX в. и проходили в северной, западной и южной частях Сиама; сиамцам в результате отчаянного сопротивления удалось отстоять свою независимость в борьбе с грозным соседом. К 1828 г. к Сиаму была присоединена территория Вьентьяна и усилилась вассальная зависимость Луанг Прабанга от него.

С 1824 г. после начала первой англо-бирманской войны, англичане нашли себе в лице Сиама союзника в регионе. В 1826 г. между Великобританией и Сиамом был заключен договор, определивший отношения двух государств между собой, а также с малайскими княжествами. В результате Сиам вынужден был отказаться от своих прав на Селангор.

Воспользовавшись движением тэйшонов во Вьетнаме, в последней трети XVIII в. Сиа́м сумел укрепить на камбоджийском престоле своего ставленника, но после образования Вьетнамской империи борьба за влияние на Камбоджу между этими двумя государствами еще более обострилась.

К середине XIX в. Сиа́м представлял собой государство, владеющее значительной территорией. Расширялись внешние связи, развивались ремесленные производства, особенно в городах, где традиционно проживало большое число этнических китайцев.

В начале XIX в. свой интерес к Сиа́му вновь проявила Великобритания, стремившаяся усилить там свои экономические позиции. В 1833 г. в Сиа́ме появились и американцы, заключившие с ним торговый договор.

Таиланд во второй половине XIX в.

В середине XIX в. в Таиланде появились первые промышленные предприятия и наемные рабочие. Население Бангкока увеличилось до 500 тысяч человек. На северо-востоке страны возникают новые современные города — Убон, Стунг Тренг и др. В XIX в. Таиланд не имел территориальных границ, численность его населения составляла порядка 6 миллионов человек, из которых около 1 миллиона являлись этническими малайцами, столько же — лаосцами, 500 тысяч — кхмерами. Собственно тайцев насчитывалось не более трети от общего числа жителей страны.

С 1851 по 1868 гг. на тайском престоле находился Рама IV (Монгкут), проявивший себя как способный реформатор. Он попытался перед лицом внешней угрозы со стороны западных держав укрепить свое государство, сделав его способным эффективно противостоять противникам как в военной, так и в экономической сферах. Он отменил государственные монополии, попытался сформулировать новую государственную идеологию, для чего создал буддистскую секту *тхаммаютика*.

В 1855 г. англичане под угрозой применения силы вынудили Сиа́м подписать с ними неравноправный договор, по которому они получали право экстерриториальности на сиа́мской территории, сиа́мский рынок открывался для неограниченного ввоза английских товаров. В 1856–1862 гг.

аналогичные неравноправные договоры Сиам был вынужден был подписать с США, Францией, Данией, Португалией, Голландией и Пруссией. В 1867 г. Сиам фактически заставили отказаться от своих прав на Камбоджу тем не менее он сохранил за собой Батамбанг и Сием Реап.

Сиам поставлял на мировой рынок мясо, рис, пряности, лес, при преимущественном экспорте риса.

В тот же период в Сиаме начинается развитие элементов капитализма. Местная буржуазия формировалась, в основном, из числа этнических китайцев. В Бангкоке открылись отделения английских колониальных банков. В 90-е гг. англичане начали разработку в северных районах Сиам заготовок тика. В результате обанкротились многие традиционные ремесленные и мануфактурные производства. Значительное число крестьян в поисках работы уходило в города. К ним добавлялись эмигранты из Китая.

В последней четверти XIX в. в стране проводится целый ряд реформ, завершившихся к началу XX в. Их главной целью являлось создание благоприятных условий для модернизации экономики и социальных отношений. Реформы шли в период правления королей Монгкута (1851–1868) и Чулангкорна (1868–1910). Их указами были ликвидированы некоторые королевские монополии, проведена налоговая реформа, созданы государственные мануфактуры, возникло печатное дело, началась чеканка монет, реорганизованы на европейский лад вооруженные силы и т.д. Административная реформа положила конец системе кормлений, усилила зависимость местных властей от центра, были образованы министерства вместо прежних кромов и т.д. С 1874 г. началась отмена рабства, принудительной барщины и принудительного призыва на военную службу. Была реорганизована финансовая система, судебные органы, созданы учебные заведения европейского типа.

На места направлялись государственные комиссары правительства, которые там преобразовали княжества в 18 мотонов. Провинциальное управление координировалось специально созданным в 1893 г. министерством внутренних дел. Была проведена и финансовая реформа, отделившая королевский бюджет от государственного, упорядочена система налогообложения. Укрепилась денежная единица — *тикаль*.

С 1899 г. в стране началось железнодорожное строительство, ирригация заболоченных территорий. Увеличились доходы государства от экспорта риса, начали возникать первые акционерные общества. Сиа́мцы в обмен на расширение экономических привилегий европейцам старались на своей территории всячески ограничивать их политические привилегии.

В конце XIX в. началась борьба за контроль над Си́амом между Великобританией и Францией. Союзник Франции Россия, не имея там своих непосредственных интересов, все же попыталась осуществлять в отношении Си́ама собственную политику, в том числе и в области торговли. В 1891 г. в Бангкоке побывал совершавший визиты в ряд стран Азии будущий российский император, а тогда наследник престола Николай Александрович. Вскоре с ответным визитом в Петербурге побывал си́амский принц Дамронг, пытавшийся заручиться поддержкой России в назревавшем конфликте с Великобританией и Францией. В 1897 г. в России побывал и сам Рама IV, и между двумя странами были установлены дипломатические отношения. В середине июня 1898 г. в Бангкоке было открыто российское консульство. В Россию был направлен для обучения военному делу один из си́амских принцев. Россия также содействовала подписанию в 1899 г. договора Си́ама с Францией. В знак благодарности, си́амский монарх ввел в своей армии парадную форму аналогичную форме в русской армии. Гимн Си́ама написал русский композитор П. А. Шуровский.

Великобритания стремилась превратить Си́ам в буферное государство между своими владениями в Бирме и французскими в Индокитае. В середине июля 1893 г. Франция предъявила ультиматум Си́аму, чтобы последний согласился на оккупацию ею Луанг Прабанга. 3 октября 1893 г. Франция все же навязала Си́аму соответствующий договор, и к концу года Англия и Франция создали на территории Си́ама 80-километровую буферную зону. В январе 1896 г. был подписан еще один англо-французский договор, по которому Си́ам был разделен на сферы влияния.

Культура Таиланда в Новое время

Последняя треть XIX в. ознаменовалась развитием в Си́аме системы образования. Появились светские школы для

детей элиты, торговое, медицинское, почтово-телеграфное, педагогическое училища, находившиеся в ведении Министерства образования. Часть учащихся направлялась на обучение за границу.

В Бангкоке начал складываться слой интеллигенции, пополнявшийся не только из среды элиты, но и крестьянства, городских слоев и торговцев. В Сиаме работали английские советники и преподаватели, которые ввели британские традиции в образовательную систему. С другой стороны, здесь активно использовался и японский опыт с учетом собственной буддистской специфики. Светская система образования официально появилась лишь в 1898 г.

Большое влияние на развитие тайской литературы и искусства в Новое время оказала камбоджийская традиция с ее обожествлением монархической власти. Основным жанром стали поэтические произведения на религиозные темы, при написании которых поэтами использовалась особо сложная система стихосложения.

В Таиланде существовали три основных вида театральных драматических произведений — *кон*, *нанг* и *лакон*. *Кон* — театр пантомимы, где роли, в сопровождении музыкантов и певцов, исполняли мужчины в масках, определявшие назначение того или иного персонажа. Каждый их жест имел собственный смысл. Здесь разыгрывались сцены из «Рамакиан» — священного текста, составлявшего основу культа божественной власти сиамского монарха.

Нанг — театр теней, в котором также разыгрывались сцены из «Рамакиан». *Лакон* — театр классической драмы. Существовали две его разновидности: одна использовалась во дворце правителя, а другая — вне его. Если в первом варианте разыгрывались сцены из «Рамакиан», то во втором — народные произведения о героях, наиболее популярным из которых был «Кунг Чанг и Кун Пэн» — о приключениях одного из королевских солдат.

Очень важной считалась книга «Махачат» («Великая жизнь») о Будде в последнем перед нирваной перерождении. Ее чтение в Новое время являлось одним из главных религиозных обрядов. На эпизоды из этой книги создавались самостоятельные поэтические произведения. Наиболее известными литераторами Нового времени являлись *Си Праг*, *Сунтон Пу*, *Дамронг Рачанупат* и др.

В области архитектуры и изобразительного искусства преобладающими также являлись религиозные сооружения и архитектурные украшения на мотивы из священных буддистских книг. Живопись была более распространена, чем искусство скульптуры.

С XVII в. стала формироваться тайская традиционная живопись, в которой отражалась повседневная жизнь общества. Появляются иллюстрации к религиозным книгам в виде орнаментов и рисунков. Высокого уровня достигло декоративно-прикладное искусство.

В середине XVI в. развивается строительство, возводятся дворцы правителей из дерева. Постройки из кирпича стали появляться лишь с конца XVII в., в основном, их делали для иностранцев.

В конце XIX в. наблюдается возрастание влияния западной культурной традиции, стала перениматься техника европейских мастеров. Западные архитекторы спроектировали дворец Чакри в Бангкоке, представляющий собой сочетание тайских и западных архитектурных традиций, комплекс Банг Па-ине, являющийся почти точной копией Версаля и др.

Филиппины в раннее Новое время

В конце XV—начале XVI вв. идет острая борьба между Португалией и Испанией за контроль над морскими путями в Юго-Восточной Азии. В 1493 г. римский папа в своей булле условно разделил сферы влияния в «нехристианском мире», по которой регион ЮВА отошел к Испании. Через год это было закреплено в двустороннем португало-испанском договоре в Тордесильясе. Однако даже такого рода соглашения не ослабили соперничества этих стран в регионе.

В 1521 г. Филиппинские острова были открыты экспедицией Магеллана, начавшей их христианизацию и подчинивший их испанской короне. Первоначально эти острова были названы островами св. Лазаря. Вначале экспедиция укрепилась на о. Себу, где заключила «кровный договор» с местным правителем и принудила соседние с Себу острова платить дань своему союзнику. Правитель о. Мактан Лапулапу не пожелал подчиниться испанцам. Это событие стало первым в истории Филиппин случаем проявления открытого неповиновения иностранным колонизаторам. 27 апреля 1521 г. воины Лапулапу смертельно ранили Магеллана, а затем и на самом Себу началось недовольство испанцами. Вскоре они были вынуждены покинуть Филиппины, а их попытки вновь здесь высадиться во второй половине 20-х гг. XVI в. пресекались португальцами. В результате подписания Сарагосского договора 1629 г. острова перешли под контроль Португалии.

Лишь в середине 60-х гг. XVI в., после завоевания американского континента, испанцы вновь приступили к захвату Филиппин. Это название островам было дано в честь испанского короля Филиппа II. Новое завоевание Филиппин оправдывалось католической церковью как миссия во имя спасения душ

филиппинских «язычников». В начале 1565 г. испанская эскадра во главе с Мигелем Лопесом де Легаспи высадилась на острове Себу и вскоре завоевала его, используя противоречия между местными правителями. Через несколько лет им удалось завоевать Висайские острова и Северный Минданао.

В 1570 г. начался захват острова Лусон. Вначале испанцами был построен новый город — Манила, ставший впоследствии столицей Филиппин. Подавление сопротивления местного населения проходило при поддержке вооруженных отрядов из числа жителей Висайских островов и завершилось лишь в конце XIX в. Вне испанского контроля оставался лишь ряд горных районов Лусона. Юг Филиппинского архипелага, населенный мусульманами, продолжал оказывать сопротивление испанцам во время всего периода их колониального господства.

С 1570 г. началось строительство нового города Манила, вскоре объявленного испанцами главным административным центром колонии. Затем они начали захват центральной части Лусона, который являлся наиболее развитой в экономическом отношении и самой густонаселенной территорией Филиппин. К 1580 г. испанцы сумели захватить северо-восток этого острова. Северная часть Лусона продолжала оказывать сопротивление колонизаторам вплоть до 1590 г. Таким образом, к концу XVI в. в новую испанскую колонию входили Лусон, Висайские острова, северная часть острова Минданао и острова Палаван. Что касается южной части архипелага, то там испанцы на долгое время столкнулись с сопротивлением местных мусульманских народов, которым помогали единоверцы из соседних малайских государств. Эти войны получили название «войны Моро» и проходили под религиозными знаменами. Термином «*моро*» (аналог испанского «мавр») колонизаторы называли всех мусульман-филиппинцев, не желавших подчиниться их власти.

Во главе колонии стоял испанский губернатор, в непосредственном подчинении которого находились чиновники метрополии. Кроме того, на архипелаге активную деятельность развернули католические миссионеры, которые в первой трети XVII в. смогли обратить в христианскую веру почти все завоеванное население. Религиозные монашеские ордена получили от испанского короля для освоения часть земель на Филиппинах. С 1570 г. для эксплуатации местного населения испанцами стала применяться зарекомендовавшая себя

в Южной Америке т.н. «экомендарная» система. Суть ее заключалась в том, что конкретный представитель метрополии (*экомендеро*) получал от властей право сбора налогов с местных жителей, которые находились под его контролем. На практике деятельность экомендеро выражалась прежде всего в использовании жестоких методов взимания податей, массовыми злоупотреблениями, что неоднократно приводило к выступлениям против них.

Ситуацией решила воспользоваться, для поднятия собственного авторитета среди филиппинцев, католическая церковь, под давлением представителей которой к началу XVII в. эта система была заменена на *трибута* (единый подушный налог).

Вся земля на Филиппинах оказалась в формальной верховной собственности испанского монарха, который, в соответствии с законом, наделял конкретных лиц правом ею распоряжаться. Тем не менее, фактически они и являлись ее реальными собственниками. Главный тип земельного владения назывался *асьеда* (*поместье*), в котором основной формой эксплуатации была издольщина. На правах коллективных собственников земельных угодий выступали также и католические ордена. С начала XVII в. в разряд землевладельцев стали попадать и представители местной элиты, которых называли *касики*. На их поддержку рассчитывала колониальная администрация, освобождавшая эту категорию от личных повинностей и привлекавшая их на низшие должности в колониальном административном аппарате.

Крестьянство составляло на островах Филиппинского архипелага основную массу населения. Они также имели права владения землей, так как в стране имелось достаточное ее количество. Некоторые категории крестьян являлись арендаторами у крупных землевладельцев и католических орденов. Недовольство крестьян своим положением часто выливалось в выступления под религиозными лозунгами — либо возврата к дохристианским формам культа, или же в форме христианского сектантства.

Филиппины в середине XVII—XIX вв.

С середины XVII в. начинает формироваться слой местных помещиков из числа *касики* (*принсипалес*). Помещичье землевладение расширялось, в основном, за счет крестьянских

земель. Главной формой эксплуатации крестьян в асьендах являлась издольщина. Формально свободный крестьянин фактически закреплялся за помещиком посредством долговой кабалы. Крестьяне, жившие на свободных землях, облагались подушным налогом в пользу испанской короны и католической церкви.

В середине XVII в. Филиппины охватил рост народного недовольства проводимой испанцами колониальной политикой. В 1649 г. вспыхнуло крупное восстание на острове Самар, в 1660 г. волнения охватили провинцию Пампанга. Особенности некоторых выступлений заключались в том, что во главе их становились представители местной верхушки, недовольные испанцами. Так, более 80 лет, с середины XVIII по первую треть XIX вв., не утихали выступления под руководством касика Дагохой на острове Бохоль.

Колониальная политика Испании в эпоху ранних буржуазных революций отличалась крайним консерватизмом и не способствовала развитию на территории архипелага прогрессивных капиталистических отношений, которые не развивались в должной мере в тот период и в самой метрополии. В это время другие западные державы не проявляли особого интереса к Филиппинам.

По условиям Вестфальского договора 1648 г. за испанцами сохранялись Филиппины. В 1762 г. Манила подверглась захвату англичанами, но спустя два года была ими возвращена испанцам в обмен на некоторые территории в Латинской Америке. Испанцы продолжали вести безуспешные войны с мусульманами на юге Филиппин. В 60–80 гг. XVIII в. испанцы предприняли ряд попыток проведения колониальных реформ, направленных на усиление торговых связей Филиппин с другими государствами.

Завоевание Испанией Филиппин тем не менее способствовало дальнейшему развитию этого островного государства, правда, в докапиталистических формах. До начала XIX в. между Испанией и Филиппинами не было прямых торговых связей. Из колоний европейских государств в Азии Филиппины являлись самыми отсталыми.

В начале XIX в. интерес к Филиппинскому архипелагу стали проявлять США, а также и некоторые европейские государства. В 1834 г. статус свободного порта получила Манила, а позднее и другие филиппинские порты. В Европу и США

начинается экспорт сахара, индиго, кофе и ряда других товаров и импорт оттуда ряда промышленных изделий. В стране стал постепенно складываться единый внутренний рынок, использовался труд наемных работников, появились первые мануфактуры. В социальной сфере продолжали укрепляться позиции местной элиты, получавшей неплохие доходы от экспортных операций, появились зачатки национальной промышленности.

Первым объектом притязаний Великобритании и Франции на филиппинские территории стал архипелаг Сулу в южной части страны. В 1851 г. испанцам удалось вынудить его правителя подписать договор о протекторате, а в 1878 г. окончательно присоединить его к своим владениям. В 80–90 гг. XIX в. испанцы безуспешно пытались поставить под свой контроль и центральную часть о. Минданао.

Характерной особенностью развития Филиппин во второй половине XIX в. стало образование оппозиционного движения местной элиты за новые буржуазные реформы. Особенно эта тенденция ярко проявилась после буржуазной революции 1868 г. на территории метрополии. В столице колонии Маниле были созданы две подпольные организации, состоявшие из представителей либеральных кругов местных землевладельцев и национальной буржуазии, а также представителей интеллигенции, духовенства и учащейся молодежи. Они выдвинули требования трансформации Филиппин в одну из испанских провинций и действия на ее территории законодательства метрополии. Кроме того, участники движения выступили с требованиями ограничения роли католической церкви в жизни колонии, передачу приходов в руки священников местного происхождения. Однако уже в 70-е гг. испанцы ужесточили колониальный режим и начали преследование представителей местной оппозиции. Часть филиппинских оппозиционеров переехала в Испанию и вела там пропаганду среди испанцев, многие из которых стали действительно им симпатизировать, образовав т.н. «движение пропаганды». Одним из наиболее ярких представителей этого движения стал Хосе Рисаль (1861–1896), в работах которого пропагандировались чувства национального достоинства филиппинцев и содержались призывы к борьбе за освобождение от испанского колониального господства.

В 1889 г. у оппозиционеров появился свой печатный орган — газета «Ла Солидаридад». Затем «движение пропаганды»

переместилось с территории Испании на филиппинский архипелаг. В 1892 г. на родину возвратился Х. Рисаль и основал в столице первую политическую организацию — **Филиппинскую лигу**, главной целью которой объявлялась борьба мирными средствами за реформы. Вскоре Х. Рисаль был арестован колониальными властями и выслан на о. Минданао.

В 1893 г. Лига объявила о своем самороспуске, но к тому моменту на политической арене появилась новая оппозиционная организация — **Катупунан** (Верховный досточтимый союз сынов народа) во главе с **А. Бонифасио**. Эта организация быстро увеличила число своих сторонников, особенно на Лусоне. Члены организации призывали к вооруженным формам борьбы против колониальных властей и одновременно выступали с позиций просветительства народных масс.

После начала народного восстания, летом 1896 г., по инициативе Катупунана Х. Рисаль был расстрелян испанцами, хотя и не принимал в нем участие по идейным соображениям — он был против любых насильственных действий в любой форме.

Главным центром оппозиционных выступлений стал Лусон. К восставшим присоединились представители помещичьих и буржуазных кругов. **22 марта 1897 г. оппозицией была провозглашена Филиппинская республика** во главе с лидером национально-буржуазных кругов **Э. Агинальдо**. Члены Катупунана его не признали легитимным и за это подверглись со стороны самопровозглашенных властей преследованиям. В частности, в мае 1897 г. был расстрелян А. Бонифасио. 1 ноября того же года была принята Временная конституция Филиппинской республики.

В середине ноября 1897 г. было подписано соглашение о прекращении военных действий между испанскими колониальными властями и представителями Филиппинской республики. Правительство Агинальдо эмигрировало в Гонконг, но часть участников национально-освободительной борьбы продолжала оказывать сопротивление испанцам. С весны 1898 г. военные действия возобновились. В апреле того же года в ход событий вмешались американцы. Представители США обещали Агинальдо свою поддержку, и он возвратился на Филиппины, возглавив вновь там антииспанскую борьбу. 12 июня повторно была провозглашена Филиппинская республика, а 23 мая образовано ее правительство. Главную тяжесть

борьбы с испанцами взяла на себя Филиппинская революционная армия, освободившая от колонизаторов территорию Лусона и вплотную подошедшая к Маниле. В этот момент в события вмешались американцы и 13 августа ввели туда свои вооруженные силы. На местах филиппинцы создавали собственные органы самоуправления. В середине сентября 1898 г. состоялся революционный Конгресс Филиппин, участники которого начали разработку нового текста конституции, вступившей в силу с 1 января 1899 г. По ней Филиппины объявлялись независимой республикой, в которой население обладало буржуазно-демократическими свободами, церковь отделялась от государства, конфисковывалось имущество католических орденов, переходившее в собственность государства. Агинальдо занял пост президента Филиппинской республики.

В декабре был подписан американо-испанский договор о мире, по которому Филиппины передавались США за 20 млн. долларов. 21 декабря США объявили Филиппины своей территорией, а 4 февраля 1899 г. вооруженные силы США начали боевые действия близ Манилы. Сражения были упорными, но американцам удалось расколоть лидеров Филиппинской республики и к октябрю 1899 г. 70-тысячный американский корпус сумел нанести поражение филиппинским войскам. После этого правительство Филиппин перешло к партизанским действиям в отношении новых колонизаторов в лице США. Дальнейшие действия этой борьбы продолжались уже в XX веке, завершившись превращением Филиппин в американское владение.

Малайзия в раннее Новое время

До начала XVI в. в истории Малайи был период успешного развития, связанного с подъемом в области торговли и больших культурных достижений. Господствовавшей религией являлся ислам.

С начала XVI в. Малайя подверглась колониальной экспансии со стороны европейских держав. В 1511 г. португальцами была захвачена Малакка, являвшаяся крупным портом на пересечении важнейших торговых путей из Индии к островам Индонезийского архипелага. Малаккский султанат возник в начале X в. Его жители занимались в основном сельским хозяйством и добычей олова. Это была небольшая территория с населением около 2 тысяч человек. Ситуация коренным образом изменилась после того, как данная территория попала в сферу интересов Китая в начале XV в. Ислам проник туда еще в XIII в., однако вплоть до середины XV в. он конкурировал с индуизмом. С 1445 г. верховный правитель, в соответствии с исламской традицией, стал называться *султан* вместо прежнего *раджа*. Переход населения к исламу окончательно завершился лишь к концу XVII в. К началу XVI в. Малакка стала одним из влиятельных государств в регионе ЮВА, распространявшим свою власть на Восток Суматры. Основу бюджета страны составляли доходы от торговли с Индией и Китаем, Сиамом, Бирмой и рядом других государств. К началу XVI в. здесь проживало порядка 40 тысяч человек, и оно представляло из себя город-государство. Султан выступал в качестве верховного собственника земли, передавая во владение элите участки и собирая с крестьян земельный налог. Существовал и рабовладельческий уклад, в основном в сфере домашнего хозяйства. Элита была разде-

лена на несколько групп. Самым влиятельным человеком после султана был бендахара, выступавший в роли главного министра, судьи и командующего войсками. Наместники султана контролировали ряд поселений к югу и северу от Малакки, а часть других прилегающих территорий находилась в вассальной зависимости от малаккского правителя.

После захвата португальцами Малакки эта территория стала их опорной базой в регионе Юго-Восточной Азии. Город был превращен в военную крепость. Во главе Малакки был поставлен *комендант*, с 1571 г. получивший титул *губернатора*, утверждавшегося королем Португалии. Повседневную жизнь города определял *совет*, часть членов которого назначалась, другие избирались населением, а третьи входили туда по должности. Военными силами руководил *генерал-капитан*, которого назначал *вице-король* Гоа. Некоторые должности сохранились с доколониальных времен, например, *бенданхара*, отвечавший за поведение местного населения.

Во главе каждой из трех этнических общин Малакки — китайской, тамильской и яванской — находился руководитель, через которого осуществляли свои функции колониальные власти. Португальцы контролировали морские пути, проходившие через Малакку, получая с торговцев значительные суммы в виде пошлин. Они проводили репрессивную политику в отношении мусульманского населения, насильственно насаждая христианство.

Окружавшие Малакку княжества сохраняли свою самостоятельность, а их правители были настроены враждебно к португальцам, некоторые даже пытались с ними безуспешно воевать.

После свержения правителя Малакки тот бежал на юг полуострова и образовал там новый султанат — *Джохор*. Свою зависимость от него вскоре признали многие другие государства полуострова. Джохор постоянно воевал с португальцами с целью возврата Малакки, а вместе с ней и потерянных доходов от транзитной торговли. В 1526 г. португальцы нанесли поражение войскам Джохора. В 1551 г. джохорцы попытались взять реванш, осадив Малакку, но успеха им добиться снова не удалось.

После падения Малакки усилился султанат *Аче*, находившийся на севере полуострова. Он стал конкурировать с португальцами и Джохором за контроль над Малаккским проливом.

В 30–80 гг. XVI в. происходили постоянные их стычки друг с другом. В итоге португальцам удалось одержать верх и установить торговую монополию в этом регионе.

В конце XVI в. в район Малакки устремились англичане и голландцы, составившие здесь конкуренцию португальцам и испанцам (с 1580 по 1640 гг. Испания подчиняла своей власти Португалию). В 1602 г. была образована Голландская Ост-Индская компания, начавшая торговые отношения с малайскими княжествами. В 1606 г. голландцы заключили союз с Джохором, взяли в осаду Малакку и нанесли поражение португальскому флоту. Ожидание быстрой победы привело к разрыву союзнических отношений между Джохором и голландцами.

В этот момент о своих правах на Малакку вновь заявил правитель Аче, который предпринял ряд военных экспедиций туда. Однако проводившаяся им на завоеванных территориях жестокая политика в отношении местного населения вызвала волну недовольства, вылившегося в движение сопротивления завоевателям. К 40-м гг. XVII в. за Аче сохранилась лишь территория Перака.

Малайзия в середине XVII — середине XIX вв.

В 1637 г. был заключен новый союз Голландии и Джохора, в результате которого была захвачена Малакка. Теперь она превратилась в хорошо укрепленную голландскую крепость с постоянно там находившимся военным гарнизоном. Был введен пост голландского губернатора Малакки, находившегося в административном подчинении Нидерландской Индии. При губернаторе был создан Совет из числа высших чиновников колонии и представителей торгово-купеческих кругов. В попытке установления своей власти в других малайских княжествах голландцы хотели им навязать соглашение о продаже по низким ценам олова и пряностей, для чего создавались специальные государственные морские патрули в проливе, наблюдавшие за прохождением здесь торговых малайских судов.

Малайские княжества, особенно Перак и Кедах, пытались оказывать сопротивление захватчикам. Так, в 1651 г. ими была разгромлена голландская торговая фактория в Перাকে, в 1690 г. — форт на о. Пангкор и т.д.

Джохор в середине XVII — начале XVIII вв. вновь усилился. Под его сюзеренитет вернулся Паханг и ряд других территорий. Были восстановлены союзнические отношения с Аче. Это государство стало крупным центром торговли, главным конкурентом Малакки. Однако в результате соперничества за влияние внутри местной элиты, возник конфликт Джохора с другим государством — Джамби. Итогом конфликта стал разгром в 1673 г. Джохора и отделение от него ряда территорий. В 1689 г. голландцы подписали с Джохором соглашение о торговой монополии, по которому они получали права беспошлинной торговли и ограничивались права индийских торговцев на коммерческую деятельность. В стране вновь начались междоусобные столкновения.

В XVIII в. важным фактором в жизни Малайи стали так называемые *буги*, являвшиеся торговцами и мореплавателями. Они основали свои поселения на западе Малаккского полуострова и начали борьбу за контроль над Джохором. В 1722 г. им удалось возвести там на престол своего ставленника и повести борьбу за контроль над соседними Кедахом, Селангром и Перакком, где они также добились успеха.

Голландцы видели в бугах опасность для укрепления собственного влияния и повели с ними борьбу, взяв в союзники свергнутого султана Джохора. В 1755 г. был подписан соответствующий договор, по которому Голландская Ост-Индская компания получала, после победы над бугами и восстановления власти султана, право монопольной торговли с Джохором. Однако бугам тогда все же удалось удержать контроль над Джохором.

В 1783 г. между Голландией и Джохором вновь вспыхнул военный конфликт, в ходе которого буги осадили Малакку, однако подоспевшая на помощь голландцам военно-морская эскадра из Нидерландской Индии помогла им одержать победу. Голландцы захватили Селангор и вынудили малайцев капитулировать. Джохорцы признали свою зависимость от Голландской Ост-Индской компании и обязывались изгнать бугов с полуострова. Тем не менее буги продолжали сопротивление голландцам. В 1801 г. было подписано соглашение между бугами и малайцами, по которому они разделяли власть на территории архипелага Риау-Линга.

На севере Малайского полуострова часть территорий принадлежала Сиаму, а другие находились под его формальной

В 30–80 гг. XVI в. происходили постоянные их стычки друг с другом. В итоге португальцам удалось одержать верх и установить торговую монополию в этом регионе.

В конце XVI в. в район Малакки устремились англичане и голландцы, составившие здесь конкуренцию португальцам и испанцам (с 1580 по 1640 гг. Испания подчиняла своей власти Португалию). В 1602 г. была образована Голландская Ост-Индская компания, начавшая торговые отношения с малайскими княжествами. В 1606 г. голландцы заключили союз с Джохором, взяли в осаду Малакку и нанесли поражение португальскому флоту. Ожидание быстрой победы привело к разрыву союзнических отношений между Джохором и голландцами.

В этот момент о своих правах на Малакку вновь заявил правитель Аче, который предпринял ряд военных экспедиций туда. Однако проводившаяся им на завоеванных территориях жестокая политика в отношении местного населения вызвала волну недовольства, вылившегося в движение сопротивления завоевателям. К 40-м гг. XVII в. за Аче сохранилась лишь территория Перака.

Малайзия в середине XVII — середине XIX вв.

В 1637 г. был заключен новый союз Голландии и Джохора, в результате которого была захвачена Малакка. Теперь она превратилась в хорошо укрепленную голландскую крепость с постоянно там находившимся военным гарнизоном. Был введен пост голландского губернатора Малакки, находившегося в административном подчинении Нидерландской Индии. При губернаторе был создан Совет из числа высших чиновников колонии и представителей торгово-купеческих кругов. В попытке установления своей власти в других малайских княжествах голландцы хотели им навязать соглашение о продаже по низким ценам олова и пряностей, для чего создавались специальные государственные морские патрули в проливе, наблюдавшие за прохождением здесь торговых малайских судов.

Малайские княжества, особенно Перак и Кедах, пытались оказывать сопротивление захватчикам. Так, в 1651 г. ими была разгромлена голландская торговая фактория в Пераке, в 1690 г. — форт на о. Пангкор и т.д.

Джохор в середине XVII — начале XVIII вв. вновь усилился. Под его сюзеренитет вернулся Паханг и ряд других территорий. Были восстановлены союзнические отношения с Аче. Это государство стало крупным центром торговли, главным конкурентом Малакки. Однако в результате соперничества за влияние внутри местной элиты, возник конфликт Джохора с другим государством — Джамби. Итогом конфликта стал разгром в 1673 г. Джохора и отделение от него ряда территорий. В 1689 г. голландцы подписали с Джохором соглашение о торговой монополии, по которому они получали права беспошлинной торговли и ограничивались права индийских торговцев на коммерческую деятельность. В стране вновь начались междоусобные столкновения.

В XVIII в. важным фактором в жизни Малайи стали так называемые *буги*, являвшиеся торговцами и мореплавателями. Они основали свои поселения на западе Малаккского полуострова и начали борьбу за контроль над Джохором. В 1722 г. им удалось возвести там на престол своего ставленника и повести борьбу за контроль над соседними Кедахом, Селангром и Перакком, где они также добились успеха.

Голландцы видели в бугах опасность для укрепления собственного влияния и повели с ними борьбу, взяв в союзники свергнутого султана Джохора. В 1755 г. был подписан соответствующий договор, по которому Голландская Ост-Индская компания получала, после победы над бугами и восстановления власти султана, право монопольной торговли с Джохором. Однако бугам тогда все же удалось удержать контроль над Джохором.

В 1783 г. между Голландией и Джохором вновь вспыхнул военный конфликт, в ходе которого буги осадили Малакку, однако подоспевшая на помощь голландцам военно-морская эскадра из Нидерландской Индии помогла им одержать победу. Голландцы захватили Селангор и вынудили малайцев капитулировать. Джохорцы признали свою зависимость от Голландской Ост-Индской компании и обязывались изгнать бугов с полуострова. Тем не менее буги продолжали сопротивление голландцам. В 1801 г. было подписано соглашение между бугами и малайцами, по которому они разделяли власть на территории архипелага Риау-Линга.

На севере Малайского полуострова часть территорий принадлежала Сиаму, а другие находились под его формальной

вассальной зависимостью. Южнее располагались княжества **Перак** и **Селангор**, враждовавшие друг с другом. Далее располагался **Негри-Сембилан**, представлявший из себя аморфное объединение семи мелких образований во главе с **верховным правителем (ям-туаном)**. Далее находился **Нанинг**, правитель которого признавал свою вассальную зависимость от Малакки, затем **Джохор**, в подчинении которого были прибрежные острова, включая **Сингапур**, и **Малакка**.

Во главе каждого из названных государственных образований находился правитель, полный титул которого звучал как *янг-ди-пертуан бесар* («тот, кто является господином», в литературе чаще всего их называют султанами). Особа правителя обожествлялась, он имел право на ношение определенного типа одежды и украшений. При вступлении на престол нового правителя представители местной элиты приносили ему клятву верности. К концу XVIII в. их реальная власть была минимальной, а главные рычаги руководства сосредотачивались в руках правителей отдельных областей того или иного султаната. Они взимали на своих территориях налоги, исполняли судебные функции, организовывали общественные работы и т.д.

Происходили постоянные междоусобные столкновения как на уровне султанатов, так и внутри каждого из них. Деление высшей элиты на категории в целом соответствовало аналогичному делению, существовавшему в Малаккском султанате.

Крестьяне (*раяты*) составляли большую часть общества, они имели передаваемые по наследству участки земли, которые можно было продать или купить, а также отдать под залог. Правом распоряжения необрабатываемыми земельными участками обладал султан. Основной формой ренты являлась натуральная, чаще всего составлявшая десятую часть собранного урожая. Наряду с натуральной, имелась и отработочная рента, в основном выражавшаяся в участии населения в общественных работах. Денежная форма ренты стала распространяться лишь к началу XIX в. Налоги собирал староста деревни, который затем их передавал местному правителю. Главными отраслями сельскохозяйственного производства являлись рисоводство и рыболовство. Использовалась тягловая сила волов и буйволов, а также примитивные орудия труда.

К началу XIX в. на территории Малайского полуострова проживало около 200 тысяч человек и недостатка свободных земель там никогда не испытывалось. Помимо крестьянства, в число эксплуатируемых слоев входили попавшие в долговую зависимость рабы. Эти категории проживали в домах элиты, работая на своего хозяина. После смерти должника остаток долга передавался по наследству. Рабами чаще всего являлись женщины, не занимавшиеся производительным трудом. По закону рабы считались вещью, которую можно было продать, купить, завещать и т.д.

Ремесленное производство было развито слабо и не отделилось еще окончательно от земледелия. Наибольшую известность получили изделия малайских ювелиров и оружейников.

Первой территорией, которая оказалась под контролем Великобритании в Малайе, стал о. Пинанг близ Кедаха, который в 1786 г. был в административном отношении подчинен английскому губернатору Бенгалии. Сюда стали переселяться этнические китайцы и индийцы, занимавшиеся торговой деятельностью.

Султан Кедаха посчитал себя обманутым и попытался вытеснить англичан с острова, но успехом это не увенчалось. Более того, в 1800 г. англичане купили у султана часть прибрежной полосы около Кедаха, а спустя пять лет Пинанг получил статус отдельного президентства в составе Британской Индии.

В 1795 г. к англичанам перешла Малакка, ранее контролировавшаяся голландцами. В 1818 г. она была ими возвращена. Одновременно англичанами заключались антиголландские союзные договоры с Пераком, Селангором и Риау. В 1824 г. был подписан договор с Голландией о разграничении сфер влияния в регионе. В свою очередь, англичане отказались в пользу Голландии от некоторых островов.

Таким образом, Малайя перешла под контроль Великобритании. После 1824 г. начался следующий период английской политики в отношении Малайи, характеризовавшийся дальнейшей колонизацией этой территории. В 1826 г. была образована Стрейтс Сетлменс (поселения на проливах), в которую вошли Пинанг, Малакка и Сингапур. В 1821 г. сиамская армия вошла в Кедах и разрушила его. Англичане не вмешивались в этот конфликт, а в ответ Сиам признал их права на Пинанг.

В 1831 г. население Кедаха сумело вытеснить сиамцев со своей территории, однако вскоре, при поддержке англичан, они вновь восстановили там свой контроль. Спустя 7 лет ситуация повторилась, и на этот раз Кедах был разрушен сиамцами, а его население сократилось в несколько раз. В 1832 г., в результате военных действий, англичане сумели присоединить к Малакке территорию Нанинга.

До середины XIX в. княжество Паханг, расположенное на восточном побережье Малайского полуострова, развивалось самостоятельно, не подвергаясь воздействию внешних сил. В 1861 г. был заключен договор, по которому внешние связи Паханга переходили под контроль Великобритании, представители которой получали там право на свободу торговли. В дела Паханга, при поддержке англичан, вмешивался Джохор, но этому государству все же удалось отстоять свою независимость.

С 1851 г. все английские колонии на территории Малайи перешли под непосредственное руководство английского генерал-губернатора Индии. В этот период возрастает значение Сингапура в торговле Великобритании, сюда приезжало много эмигрантов из Индии и Китая, что поощрялось колониальными властями. Там стал образовываться влиятельный слой буржуазии, организовавшей несколько крупных торговых фирм, а в 1837 г. — Сингапурскую торговую палату. С середины XIX в. в Стрейтс Сетлментс возникло движение за административное отделение от Британской Индии, что и было сделано в 1867 г.

Во второй половине XIX в. здесь развилась добыча олова, находившаяся в руках китайского капитала и приносившая значительную прибыль.

В 1871 г. началась борьба англичан за контроль над Селангором, продолжавшаяся вплоть до 1873 г. В результате Селангор был значительно ослаблен. В 1874 г. Перак перешел под власть английского резидента, однако на севере этого государства английскую администрацию не признали. Тогда англичане ввели туда свои войска и установили контроль над всем государством. Затем они начали завоевание Негри-Сембилана. После установления английского контроля над западно-малайскими княжествами, там увеличилось налогообложение, уменьшились привилегии местной элиты, началось игнорирование со стороны колонизаторов местных традиций

и обычаев. В 1875 г. англичане обнародовали проект превращения малайских княжеств в колонию, непосредственно управлявшуюся чиновниками метрополии. Это обстоятельство переполнило чашу терпения местного населения, начавшего борьбу за вытеснение англичан из Перака. Началось народное восстание, в котором принимала участие и верхушка общества. Одновременно восстания вспыхнули также в Селангоре и Негри-Сембилане. Напуганные таким размахом волнений, английские колониальные власти объявили об отмене своих прежних решений по вопросам колониального управления, связанных с отстранением от власти местной элиты. Это обстоятельство, в конечном итоге, способствовало расколу в стане восставших и отходу многих авторитетных местных лидеров от движения. После этого англичанам уже не составляло большого труда подавить восстание, но они также учли и приобретенный в ходе него опыт общения с местным населением. В 1886–1887 гг. был подчинен Негри-Сембилан, затем Паханг, где были назначены английские резиденты.

В 1891–1895 гг. на территории восточной Малайи в Паханге вспыхнуло крупное восстание, в котором участвовали крестьяне, а также недовольные представители местной верхушки. Англичанам удалось его подавить все теми же методами уступок последним.

После этого англичане в 1896 г. приняли решение о создании **федерации малайских княжеств**, в которую вошли Перак, Селангор, Негри-Сембилан и Паханг. Местопребыванием английского генерального резидента в этом объединении стал Куала-Лумпур.

Установление колониального господства над Малайей создало благоприятные условия для прихода туда английского капитала. Здесь с конца XIX в. появились кофейные и чайные плантации, а также посеы перца и табака. Была создана Ассоциация плантаторов Малайской Федерации. Началось железнодорожное строительство. Началось разведение гевеи и были созданы плантации этой культуры, спрос на которую постоянно увеличивался. В 80-е гг. XIX в. были приняты декреты об освобождении рабов и долговых зависимых. В 1887 г. англичанами был построен оловоплавильный завод недалеко от Сингапура.

Что касается Северной Малайи, то она была присоединена к Малайской Федерации уже в начале XX века.

Сингапур

На территории современного Сингапура в Средние века располагался малайский поселок Тумасик, который с 1299 г. стал именоваться Сингапур («Город Льва»). С XIII в. он находился в зависимости от Китая и Сиамы. В последней трети XIV в. Сингапур подвергся нападению со стороны Маджапахита и был разрушен. Вплоть до начала XIX в. на этом месте практически не было постоянных населенных пунктов, а местность до 1823 г. находилась в формальном подчинении у султана Джохора. Сколько-нибудь значимой эта территория не являлась до тех пор, пока в правящих кругах Великобритании не возникла идея создания в регионе Юго-Восточной Азии своей опорной военно-морской базы и порта для увеличения конкуренции с Голландией в торговой сфере.

После смены в Джохоре султана новый правитель, поддержанный англичанами, дал им разрешение на строительство. Это вызвало возражение у голландцев, считавших, что законным владельцем Сингапура являлся находившийся в то время под их контролем правитель Риау.

Сингапур стал свободным портом, находившимся в выгодном географическом положении. В марте 1824 г. был подписан двусторонний англо-голландский договор о разделе сфер влияния в ЮВА, по которому Голландия отказывалась от своих прав на Сингапур. Взамен англичане передавали голландцам часть владений на территории Малакки, а голландцы отказывались от заключения договоров с малайскими княжествами.

В августе 1824 г. было подписано соглашение, по которому султан Джохора и правитель Сингапура передавали данную территорию в полное подчинение Великобритании в лице ее Ост-Индской компании.

В 1826 г. произошло объединение Сингапура с Пенангом и Малаккой в единое британское владение Стрейтс Сетлменс с центром в Пенанге. В Сингапур был назначен специальный британский резидент, подчинявшийся губернатору Стрейтс Сетлменс.

В 1830 г. Сингапур перешел под административное управление Британской Индии. Спустя два года Стрейтс Сетлменс была вновь восстановлена, и во главе ее был вновь поставлен губернатор Сингапура. Таким образом, Сингапур превратился в главный административный центр этой колонии, получившей статус «свободного порта».

С 1867 г. Сингапур поднял свой статус до «колонии короны», находившейся в непосредственном подчинении у британского министерства по делам колоний.

В конце XIX в. Сингапур стал крупнейшим центром по выплавке олова, а затем и производства натурального каучука. Кроме того, это была база военно-морского флота Великобритании.

Бруней

Бруней являлся одним из первых княжеств, образованных переселившимися на север о. Калимантан этническими малайцами, перенесшими сюда цивилизационные особенности своей исторической родины. В XV в. там укрепился ислам и тогда же была образована династия султанов Брунея, находящаяся там бессменно у власти вплоть до наших дней. Брунейский монарх являлся вассалом Малаккского султана.

В первой трети XVI в. Бруней уже являлся процветающей территорией, на которой проживало до 100 тысяч человек и где была установлена власть султана, которого признавал весь Северный Калимантан, а также юг Филиппинского архипелага. Бруней имел торговые отношения с португальцами.

В 1571 г., во время завоевания испанцами Филиппин, они хотели видеть в числе своих союзников и Бруней, но успехом это начинание не увенчалось из-за их вмешательства в междоусобную борьбу в султанате. Европейская колонизация региона сократила доходы Брунея от торговли и значительно уменьшала его значение как крупного торгового центра ЮВА. В стремлении хотя бы в какой-то степени компенсировать свои потери, брунейские правители стали оказывать покровительство морским пиратам, активно промышлявшим вблизи побережья Калимантана.

В последующий период в Брунее началась раздробленность, и каждый местный правитель уже опирался на тот или иной пиратский флот.

В начале XIX в. между Великобританией и Брунеем был подписан торговый договор, но к превращению этой территории в колонию тогда это не привело. Страна находилась в кризисном состоянии, резко сократилось ее население.

В 1846 г. англичане предприняли попытку захвата западной части Брунея — Саравака. В 1863 г. Саравак был признан

Великобританией независимым государством во главе с правителем англичанином Д. Бруком. В течение пяти лет он правил Сараваком, а затем, после его смерти, на престол взошел его родственник, Ч.Ж. Брук, правивший этой территорией вплоть до 1917 г. Постепенно к Сараваку присоединялись все новые территории, которые англичане отторговывали от Брунея.

Вскоре и Северо-Восточная часть Брунея — **Сабах**, оказалась под британским контролем, и Бруней уменьшился до размеров крошечного государственного образования.

С 1888 г. на всей территории Северного Калимантана был установлен режим британского протектората.

Определенный интерес к Сабаху с середины XIX в. стали проявлять США, заключившие с Брунеем договор о наибольшем благоприятствовании. В 1865 г. американцами была организована торговая компания, которая вскоре разорилась.

В 1877 г. султан Брунея передал в аренду часть своих владений вновь образованной «Компании Британского Северного Борнео».

В 1885 г. был подписан англо-испанский договор, согласно которому Великобритания признавала испанские права на о. Сулу, а Испания, в свою очередь, отказалась от своих притязаний на Сабах. С 1891 г. были установлены официальные границы между Сабахом и голландской частью Калимантана.

На территории Сабаха активную деятельность развернул английский капитал. Из Сабаха вывозились: слоновая кость, гуттаперча, камфара и другие товары. С середины 80-х гг. XIX в. началась заготовка древесины, вскоре ставшей главным экспортным товаром, отправлявшимся в Китай и Австралию. С конца XIX в. началась добыча руды, создавались плантации табака и каучука. В страну пошел приток китайских иммигрантов, занимавшихся торговлей, ремеслом, а также работавших на плантациях и на рудниках. Коренное население пыталось сопротивляться, особенно даяки, поднявшие крупное восстание в первой половине 90-х гг. В ответ колониальные власти применяли жестокие меры для их подавления, одновременно пытаясь разжечь вражду между малайцами и даяками. Такого рода выступления проходили и на территории Сабаха.